ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
БЕРУНИ НОМИДАГИ ШАРҚШУНОСЛИК ИНСТИТУТИ

М. А. АБДУРАИМОВ

XVI АСР ВА XIX АСРНИНГ БИРИНЧИ ЯРМИДА БУХОРО ХОНЛИГИДА АГРАР МУНОСАБАТЛАР ОЧЕРКИ

I том

ЎЗБЕКИСТОН ССР „ФАН" НАШРИЁТИ
ТОШКЕНТ · 1966

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ИМ. БИРУНИ

М. А. АБДУРАИМОВ

ОЧЕРКИ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ В XVI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ТОМ I

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН" УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ · 1966

23 A 9478

Монография является частью сводного труда, посвященного состоянию сельского хозяйства и аграрным отношениям в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в.

Работа написана на основании нарративно-исторических, документальных и иных первоисточников. Книга служит пособием для широких кругов востоковедов-историков, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов университетов и педагогических институтов.

1—6—2

DEUTSCHE STAATS-BIBLIOTHEK *BERLIN*

ОТ АВТОРА

Монография является результатом многолетних исследований автора, что можно объяснить сложностью рассматриваемой проблемы и обилием источников, многие из которых впервые вводятся в научный обиход. Еще акад. В. В. Бартольд, говоря о важности выявления материалов по истории развития земледелия и землевладения у народов Средней Азии, писал: «Мы не располагаем никакими документами по аграрной истории Средней Азии и принуждены довольствоваться теми отрывочными и случайными известиями, которые дают нам историки, географы и путешественники»[1]. За годы нашей работы над темой в Советском Союзе и за рубежом появились ценные исследования, относящиеся к изучаемой теме, которые были учтены нами.

Монография представляет собой первый опыт воссоздания хозяйственной истории феодального общества Средней Азии позднейшего периода (XVI—XIX в.). В ней, естественно, могут быть некоторые неточности и ошибки, и мы с благодарностью учтем все полезные замечания и советы специалистов.

Поскольку затрагиваемые в работе хозяйственные вопросы нельзя было изучить вне социально-политических проблем того времени, мы по мере возможности пытались изложить и социальную историю Бухарского ханства XVI — начала XIX в. По отдельным разделам исследования нами опубликован ряд статей в академических журналах[2].

Автор с благодарностью отмечает, что почти двадцатилетней его работой над этой книгой руководил один из выдающихся историков-востоковедов нашей страны профессор И. П. Пет-

[1] В. В. Бартольд. Об одном историческом вопросе, «Среднеазиатский вестник», Ташкент, 1896, ноябрь, стр. 58—59.

[2] См. указатель литературы к данной работе.

рушевский. Мы также весьма признательны Ленинградскому отделению Института народов Азии АН СССР и Институту востоковедения АН УзССР, богатые рукописехранилища которых во многом способствовали завершению данной монографии. Автор благодарен всем, кто своей критикой, ценными советами и полезными консультациями помог нам при создании данного труда, а особенно заслуженному деятелю науки УзССР и ТуркмССР акад. М. Е. Массону, акад АН УзССР Я. Г. Гулямову, чл.-корреспондентам АН УзССР М. Ю. Юлдашеву и Р. Н. Набиеву, акад. АН ТаджССР З. Ш. Раджабову, проф. И. И. Умнякову, проф. А. М. Аминову, ленинградским и ташкентским востоковедам, историкам и филологам — А. К. Арендсу, Н. Д. Миклухо-Маклаю, Д. Г. Вороновскому, А. Л. Троицкой, М. А. Салахетдиновой, а также известному востоковеду ныне покойному профессору А. А. Семенову.

ВВЕДЕНИЕ

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Предлагаемая работа была задумана автором после ознакомления его с рядом источников и существующей немногочисленной литературой по данному вопросу. Она посвящена изучению аграрных отношений, феодального землевладения и феодальной ренты, состояния земледелия, а также положения и классовой борьбы крестьян в Бухарском ханстве конца XVI — начала XIX вв.

Сразу же после победы Шейбанидов над Тимуридами происходит повсеместная замена прежнего состава господствующего класса феодалов новым — кочевой аристократией шейбанидских узбеков, что повлекло за собой и перераспределение земельного фонда страны. Эти моменты были отмечены еще П. П. Ивановым[1].

Как справедливо указывал П. П. Иванов, формирование нового состава класса феодальных землевладельцев шло постепенно, причем вначале оно было обусловлено военными успехами Шейбанидов. В первую очередь, конечно, захватывалось имущество наиболее видных тимуридских сановников, оказавших активное сопротивление завоевателям. Наряду с земельными владениями и прочим имуществом светских феодалов и государственных сановников захватывались также земли высшей духовной знати[2]. Что же касается массы средних землевладельцев, не игравших особенно заметной роли

[1] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 17.

[2] Бобирнома, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 140, на узб. яз.; Бабур-наме, перевод М. А. Салье, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 97; П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 16—17; А. А. Семенов. Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, ТИИАЭТ, т. XII, Сталинабад, 1954, стр. 52.

при Тимуридах, то перераспределение их земель продолжалось, очевидно, на протяжении всего XVI в.

В связи со сменой состава господствующего класса и перераспределением земельного фонда изменилось соотношение между разными категориями феодального землевладения и в известной степени сами формы феодальной собственности. Если при Тимуридах наиболее распространенным условным пожалованием был сойюргал, то теперь он был заменен танха, для которого характерно развитие удельного строя. При этом уделы раздавались членам правящей династии, а отдельные округа передавались тем или иным узбекским племенам.

Период с конца XVI в. до второй половины XVIII в., когда у власти стояли потомки эмигрировавших из Астрахани Чингизидов, известных под названием Аштарханидов[3] (по месту их прежней столицы) или Джанидов[4] (по имени их родоначальника), характеризуется усилением феодальных усобиц и упадком ханской власти. Этот период еще не исследован в нашей литературе, если не считать отдельных работ А. А. Семенова[5] и О. Д. Чехович[6].

Во времена Аштарханидов происходит рост феодального землевладения. Отдельные представители знати (особенно кочевой) нисколько не считались с центральной властью и чувствовали себя суверенными правителями своих улусов и юртов.

Во второй половине XVIII — начале XIX в. наблюдается значительное усиление центральной власти. Основателям последней правящей узбекской династии Бухары — Мангытам — в известной степени удалось ликвидировать феодальную раздробленность и подчинить центральной власти мелкие феодальные владения.

Территория Бухарского ханства к этому времени заметно сократилась. Такие значительные территории, как Ташкент,

---

[3] Supplement a l'histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols etc... par M. Senkowski, Спб., 1824, p. 5, 31.

[4] В. В. Вельяминов-Зернов. Монеты бухарские и хивинские, Труды восточного отделения Русского археологического общества, ч. IV, СПб., 1859, стр. 402.

[5] А. А. Семенов. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. СВ, т. V, М.—Л., 1948, стр. 137—158; [Он же]. Мукимханская история, перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели проф. А. А. Семенова, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956.

[6] О. Д. Чехович. К истории Узбекистана в XVIII в., Труды ИВ АН УзССР, вып. III, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954, стр. 43—82; Она же. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. I. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв., подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович под ред. А. К. Арендса, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954; см. введение, стр. V—XXI.

Фергана, Балх, уже в первой половине XVIII в. вышли из-под власти Бухары. Да и в самом Бухарском оазисе отдельные районы (например, Шахрисабз) сохраняли свою самостоятельность вплоть до установления русского протектората над эмиратом.

Вместе с тем со второй половины XVIII в. не только в социально-политической, но и в хозяйственной жизни Бухарского ханства наблюдаются новые явления. Отдельные моменты социальной истории и земельно-водных отношений рассматриваемого периода отражены в работах А. А. Семенова[7]. Однако вопросы аграрных отношений в целом еще не получали должного освещения, что и побудило нас избрать их объектом настоящего исследования.

В настоящей монографии нами рассмотрены и такие вопросы, которые до сих пор, по сути дела, никем не рассматривались — развитие производительных сил в сельском хозяйстве Мавераннахра, агротехника, состояние ирригации в описываемый период. Нами исследованы также те изменения, которые происходили в категориях феодального землевладения, в формах феодальной ренты, в налоговой системе. Иначе говоря, устанавливается специфика развития феодальных институтов изучаемого периода, точнее двух периодов, из которых первый был периодом роста феодальной эксплуатации, роста феодальной раздробленности и упадка феодальной экономики, а второй — периодом относительной централизации, роста фонда государственных земель за счет частного условного и безусловного землевладения отдельных феодалов, а также некоторого экономического подъема. Специфика развития отдельных феодальных институтов (например, сойюргал, дарбаст) и изменения их характера исследованы нами впервые. Автором собран и обобщен обширный материал, касающийся форм и практики землепользования и феодальных сборов и повинностей крестьян, а также фактические данные о существовании рабовладельческого уклада и о применении рабского труда в сельском хозяйстве и ирригации, даже в условиях позднефеодального общества.

В основу написания данной работы автором положены высказывания классиков марксизма-ленинизма, посвященные характеристике феодализма, особенно своеобразиям феодальных отношений на средневековом Востоке.

В качестве источников конкретного фактического материала использованы многочисленные нарративные исторические

[7] А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Труды САГУ, сер. II, вып. 1, Ташкент, 1929; Он же. Бухарский трактат.

сочинения, географические труды[8], различные трактаты, агиографические сочинения (жития святых), биографии поэтов, мемуары, записки, отчеты послов, путешественников, купцов и т. д. Особое место занимают документальные источники.

Нарративные исторические сочинения, географические труды и трактаты. Нарративные исторические сочинения, относящиеся к XVI — первой половине XIX в., написаны в основном придворными историками и поэтами. Их произведения отличаются той льстивой и угодливой манерой изложения, которая характерна для всех придворных феодальных историографов. Но вместе с тем они сообщают о феодальных междоусобицах, придворных интригах, об аморальных и жестких поступках феодальных владетелей. В этих источниках мы находим известия о народных восстаниях, хотя восставший народ в них именуется «разбойниками» и «злодеями». В завуалированной форме, под завесой вычурных выражений, придворные историографы сообщают интересные факты о тяжелом материальном положении народных масс, изнывавших под гнетом феодалов. В этих же сочинениях приводятся ценные данные о расселении узбекских племен и административном устройстве государства Шейбанидов и Аштарханидов. Что же касается аграрных отношений, то нарративные источники дают о них весьма разрозненные, но в своей совокупности многочисленные сведения.

Первым по времени источником о завоеваниях Шейбани-хана является «Шейбани-наме» Камал ад-дина Али ибн Мухаммеда ал-Хереви, более известного под прозвищем Бенаи. Краткие биографические данные об этом поэте, беспринципно служившем то Тимуридам, то Шейбанидам, характеризуют его как угодливого царедворца. Бенаи освещает завоевания Шейбани-хана в выгодном для последнего свете, и его сочинения требуют поэтому самого критического отношения[9].

Для нас представляют интерес сообщения Бенаи о племенном составе шейбанидских узбеков. Автор упоминает названия племен и их предводителей, поддерживавших Шейбани-хана. Приводимые им сведения позволяют нам судить о структуре и характере государства кочевых узбеков, об их военных опол-

---

[8] Для выяснения отдельных вопросов нами были использованы исторические и географические труды, составленные в более ранние периоды, особенно во времена Тимуридов. Останавливаться на этих источниках мы здесь не будем.

[9] «Шейбани-наме» Бенаи использовалось в исследованиях: Р. Г. Мукминова. О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в., Труды ИВ АН УзССР, вып. III, Ташкент, 1954, стр. 121—123; Б. А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков, М., Изд-во «Наука» 1965, стр. 20 и сл.; Он же. Неизвестная версия «Шейбани-наме» Бенаи, «Общественные науки в Узбекистане», 1965, № 2, стр. 51—55.

чениях, о снабжении их фуражом и продовольствием. Автор повествует о непрерывных набегах кочевых племен Дешт-и Кипчака на оседлые районы Мавераннахра и об ограблении ими мирного земледельческого и городского населения. Небезынтересны его сообщения о порядке распределения военной добычи, которая была одним из источников обогащения кочевой феодальной знати[10].

Для выяснения ряда терминов из области орошения большое значение имеет рассказ Бенаи о строительстве Шейбани-ханом моста через Зарафшан и водораздельной арки (روا‌ق).

При изложении событий начала XVI в. Бенаи сознательно избегает моментов, не угодных Шейбанидам. Так, он не описывает хода восстания против Шейбанидов населения Бухары в 1500 г., но зато считает совершенно нормальной жестокую расправу Шейбани-хана с восставшими. Ничего не говорит Бенаи о голоде и гибели населения Самарканда в 1501 г., явившихся прямым результатом завоевания города Шейбанидами, и т. п.[11]

Широкой известностью пользуется «Шейбани-наме»[12] Мухаммед Салиха (на узбекском языке), самого близкого сподвижника Шейбани-хана, который назначил его правителем Бухары. Для нас представляют интерес сообщения Мухаммед Салиха о тарханах и феодальных институтах сойюргал и дарбаст, а также о составе кочевых узбекских племен. Являясь очевидцем всех событий, происходивших в государстве Шейбанидов в начале XVI в., он живо описывает бедствия населения Самарканда в 1501 г. Мы использовали из этих сочинений лишь то, что было необходимо для раскрытия нашей темы.

Гораздо большее значение для нас имеет рукопись „Шейбани-наме“ анонимного автора, изданная И. Н. Березиным на узбекском языке с русским переводом и комментариями[13]. Содержание ее идентично третьей части рукописи под названием: اوغوز (و) الانقوا و شیبانی نامه („Книга об Огуз-[хане], Аланкоа и Шейбани-[наме]“)[14]. В частности,

---

[10] Шейбани-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 344, л. 24а и сл. Описание рукописей «Шейбани-наме» Бенаи см. в Собрании восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1952, № 139—143.

[11] Юношеским годам и началу деятельности Шейбани-хана посвящена другая книга Бенаи — «Футухат-и хани», ркп. ИВ АН УзССР, № 14/I.

[12] Имеется два издания его: П. М. Мелиоранского, (СПб., 1908) и H. Vambery. Mohammed Sanih, Die Scheibaniade, Wien, 1885.

[13] Шейбанниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, перевод, примечания и приложения И. Березина, Казань, 1849.

[14] Ркп ИВ АН УзССР, № 4347, л. 60б—99а.

в ней сообщается о разделе Шейбани-ханом завоеванной территории между своими родственниками и о пожаловании влиятельным вождям — биям узбекских кочевых племен — в качестве сойюргала таких областей, как Хорасан, Мерв, Хорезм.

Особое место среди источников начала XVI в. занимает «Михман-наме-йи Бухара» («Книга бухарского гостя») Фазлаллаха ибн Рузбехана, известного под именем Ходжа маулана Исфахани[15]. Автор ее — суннит, выходец из Ирана, бежавший оттуда из-за преследований шиитов к узбекам в Среднюю Азию. Он поступил на службу к Шейбани, сопровождал его в походах против казахов, участвовал в религиозных и правовых диспутах, устраиваемых ханом, и по поручению последнего составил свой труд.

Ташкентская рукопись сочинения Рузбехана (автограф) является дневником участника упоминаемых в ней событий. Приводимые в ней сведения о походе Шейбани-хана против казахов, разрешении вопроса о земельных фондах покоренного Мавераннахра и юридических моментах этого вопроса не встречаются в других источниках. Эти разделы рукописи были полностью использованы нами.

Наибольший интерес для нас представляли введение и глава XXXIV—«Рассказ о собрании общества ученых (законоведов-богословов) в Кани-и гиле». Во введении говорится о пожаловании Шейбани улусов членам ханского дома. Своему сыну Мухаммед Тимур-султану он отдал Туркестан с его об-

[15] О нем см.: Миён Бузрук, Ўзбек тарихига оид тўрт мухим китоб, журн. «Маориф ўқитувчи», 1927, № 9, 10; С. К. Ибрагимов. «Михман-наме-и Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв., ТИИАЭК, т. VIII, Алма-Ата, 1960; Б. А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков, стр. 155—160. Автор этого труда приводит оглавление сочинения Ибн Рузбехана, которое раньше было сделано покойным М. А. Салье. К сожалению, Б. А. Ахмедов не счел нужным отметить, что полный текст памятника с учетом стамбульской рукописи в факсимиле и в русском переводе подготовлен к печати сотрудником сектора, где работает Б. А. Ахмедов; Р. П. Джалилова. Записки бухарского гостя (Михман-наме-йи Бухара) Фазлаллаха б. Рузбехана Исфахани, автореферат канд. дисс., Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965. В настоящее время Р. П. Джалиловой подготовлен русский перевод памятника и факсимиле; М. А. Салье. Малоизвестный источник по истории Узбекистана «Мехман-наме-йи Бухара», Труды ИВ АН УзССР, вып. III, Ташкент, 1954. Этот труд вскользь использовали также в исследованиях: П. П. Иванов. Казахи и кокандское ханство, ЗИВ АН СССР, вып. VII, Л., 1939, стр. 93; А. Н. Болдырев. Тезкире-йи Хасан Нисари как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии XV—XVI в., ТОВЭ, т. IV, Л., 1940, стр. 297; А. А. Семенов. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, Рабочая хроника ИВ АН СССР, II, Ташкент, 1944; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение, М.—Л., 1950, стр. 302; СВР АН УзССР, т. 1, № 137.

ластью, своему дяде Суюнич-ходжа-хану — Ташкент, племяннику Убайдулле-султану — Бухару, Хамза-султану, сыну Бахтияр-султана, — Хисар и вилайет Чаганийан и др.[16]

На собрании ученых-богословов в Кани-и гиле разгорелся спор о мульковых землях, покинутых прежними владельцами и находившихся в запущенном состоянии в первые годы правления Шейбанидов. Участвовавший в диспуте Шейбани-хан настоял на немедленной передаче этих мульков в диван и пожаловании их тем, кто может возделывать их и платить казне поземельную подать — харадж[17].

«Михман-наме-йи Бухара» содержит богатый фактический материал и по другим вопросам социально-экономической истории народов Средней Азии и Казахстана. Рузбехан сообщает о работорговле и применении рабского труда[18] в феодальном хозяйстве, об участии рабов в войнах и о том, что кочевые узбеки, вопреки шариату, продавали в рабство плененных ими мусульман-суннитов.

Сведения Рузбехана о кочевом хозяйстве, структуре войска кочевых узбеков также представляют большой научный интерес[19].

Мы ознакомились и с другим сочинением Рузбехана — «Сулук ал-мулук» («Правила поведения государей») — этико-юридическим трактатом, составленным для шейбанида Убайдулла-султана. В нем описываются события, происшедшие за четыре года после смерти Шейбани[20].

Для выяснения ряда социально-экономических вопросов, получения дополнительных сведений о материальном положении народных масс и причинах народных восстаний против феодального произвола нами были использованы стихотворная биография Шейбани-хана — «Фатх-наме» («Книга побед») — сочинение Муллы Шади[21] и «Таварих-и Гузиде-и Нусрат-наме» — прозаическое сочинение на узбекском языке[22].

[16] Михман-наме-йи Бухара, л. 2б—4а.

[17] Там же, л. 206а—208а.

[18] С. К. Ибрагимов. Мехман-наме-йи Бухара Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв.

[19] В настоящее время подготовлен к изданию русский перевод памятника под названием „Записки бухарского гостя“ (Михман-наме-йи Бухара“) Фазлаллаха б. Рузбехана Р. Джалиловой с учетом ст мбульской рукописи, изданной в 1963 г. в Тегеране под названием: مهمان نامهٔ بخارا تالیف فضل الله بن روزبهان

[20] См.: Сулук ал-мулук, ркп. ИВ АН УзССР, № 3539. л. 3 и сл. Перечень сочинений Рузбехана см: C. A. Storey, Persian Literature. A bio-bibliographical Survey, Sect. II, Fash 1—2, London, 1935—36; в издании 1953 г. То же заглавие: Persian Literature, London, 1953.

[21] Ркп. ИВ АН УзССР, № 5369.

[2] Об этих источниках см.: Р. Г. Мукминова. О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в., стр. 123—127; В. В. Бар-

Упомянутыми источниками далеко не исчерпывается перечень произведений авторов из окружения самого Шейбани-хана.

Для первой четверти XVI в. большую ценность представляет «Зубдат ал-асар» («Сливки памятников»)—всеобщая история на узбекском языке, отдельные отрывки из которой были опубликованы В. В. Бартольдом[23]. Автор ее Абдаллах ибн Мухаммед ибн Али Насруллахи был современником и участником событий первой четверти XVI в. Начальные главы данного сочинения (до Шейбанидов) не представляют особой ценности[24]. Но вместе с тем «Зубдат ал-асар» — единственный источник, сообщающий о причинах раздоров в ханской семье, которые были вызваны тем, что Шейбани лишил членов ханского дома их уделов[25]. В этом можно видеть одну из причин поражения и гибели Шейбани-хана в 916 (1510) г. под Мервом. Автор настоящего источника объясняет гибель Шейбани-хана тем, что последний вступил в сражение с Исмаилом Сефевидом слишком поспешно, не дожидаясь прибытия войск шейбанидских царевичей. В случае победы Шейбани-хан, как объясняет Насруллахи, хотел сам воспользоваться всей добычей[26]. Кстати сказать, разногласия среди Шейбанидов не прекратились и после гибели главы династии.

Для нашей работы важны также сообщения автора о наследственном лене — сойюргале[27].

При выяснении ряда вопросов географического характера, а также хозяйственной жизни при Тимуридах в конце XV в. мы использовали мемуары Захир ад-дина Бабура в издании Н. И. Ильминского (Казань, 1857) и рукописи[28] (совершенно тождественные)[29].

По истории второй половины XVI в., особенно для периода царствования Абдулла-хана (1557—1598), фундаментальным источником является «Шараф-наме-и шахи» («Шахская книга благородства»), более известная под названием «Абдулла-наме» («Книга Абдулла-хана»). Автор ее — Хафиз-и Таныш (Тыныш) ибн Мир Мухаммед ал-Бухари — прожил долгую

тольд. Отчет в командировке в Туркестан в 1904 г., ЗВО, XV, стр. 183—186.

[23] В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, стр. 187 и сл.

[24] См.: Зубдат ал-асар, ркп. ИВ АН УзССР, л. 608.

[25] В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, стр. 195.

[26] Там же, стр. 196.

[27] Там же, стр. 195.

[28] Бабур-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 13, 1329.

[29] Русский перевод мемуаров Бабура издан М. А Салье. Бабур-наме. Записки Бабура, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958.

и плодотворную жизнь. Он был жив еще в 1036(1626/27) г.[30] и, будучи придворным поэтом Аштарханида Имамкули-хана (1017—1051/1608—1642), писал стихи под псевдонимом «Нахли»[31].

Исторический труд Хафиз-и Таныша, насыщенный фактическим материалом по социально-экономической истории народов Средней Азии[32], давно уже известен в научном мире.

«Абдулла-наме» и ее исследователям была посвящена обстоятельная статья И. И. Умнякова [33]. Мы отметим лишь, что полный текст рукописи этого произведения впервые был обнаружен в Оренбурге в 1854 г. В. В. Вельяминовым-Зерновым и введен им в научный обиход. В. В. Вельяминов-Зернов предполагал опубликовать прежде всего персидский текст, а затем дать его русский перевод. Первые главы ученый задумал перевести, придерживаясь всех точностей оригинала, чтобы дать понятие о стиле автора, а дальнейшее изложение В. В. Вельяминов-Зернов решил представить в извлечении, или, как он говорил, в виде «экстракта»[34]. Но осуществить свой замысел ему не удалось.

В дальнейшем серьезную попытку издать критический текст «Абдулла-наме» предпринял Л. А. Зимин. Так же как В. В. Вельяминову-Зернову, ему не удалось довести задуманное дело до конца[35].

В ИВ АН УзССР «Абдулла-наме» представлено несколькими рукописями»[36].

Приведенные в «Абдулла-наме» сведения по различным социально-экономическим, культурным и идеологическим вопросам были широко использованы прежде всего В. В. Вельяминовым-Зерновым в его работе «Монеты бухарские и хивинские» и особенно в «Исследовании о касимовских царях и царевичах» с извлечением текста и переводами из него. Сочинение Хафиз-и Таныша было использовано также акад. В. В. Бартольдом, прежде всего—в его труде «К истории

---

[30] См.: Мукимханская история, стр. 83, 90, 257.

[31] См.: Диван Нахли, ркп. ИВ АН УзССР, № 134.

[32] См.: М. А. Салахетдинова. Сведения о киргизах в «Абдулла-наме» Хафиз-и Таныша. Изв. АН КиргССР, СОН, т. II, вып. 3, Фрунзе, 1960, стр. 173—181.

[33] И. И. Умняков. «Абдулла-наме» Хафиз-и Таныша и его исследователи. Записки коллегии востоковедов, т. V, Л., 1930, стр. 307—328.

[34] Н. И. Веселовский. Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов, 1830—1904, Некролог, ЖМНП, СПб., 1904, №4, стр. 5,

[35] И. И. Умняков. Указ соч., стр. 318—319.

[36] См.: СВР АН УзССР, № 149—151. Полный текст представлен в ркп. № 2207.

орошения Туркестана», В. Л. Вяткиным[37] и П. П. Ивановым в «Хозяйстве джуйбарских шейхов».

События, происходившие в Средней Азии конца XVI — начала XVII в., изложены в труде Махмуда ибн Вели «Бахр ал-асрар фи Манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблести благородных»). Этот труд написан по поручению балхского наместника Аштарханида Надир-Мухаммед-хана.

Автор разделил свое сочинение на четыре части (رُكْن) и заключительную главу (хатиме). Для нашей темы первоисточником служит последняя (четвертая) часть, содержащая историю потомков Туга-Тимура, сына Джучи, от которых происходили и Аштарханиды. Эта часть находилась в Лондоне, в библиотеке Indian Office, а первые три главы были обнаружены в Ташкенте В. В. Бартольдом. Он же исследовал лондонскую рукопись и опубликовал отрывки персидского текста. Таким образом, труд Махмуда ибн Вели стал полностью достоянием науки благодаря В. В. Бартольду[38].

В «Бахр ал-асрар» подробно освещаются события второй половины и конца XVI в.: вражда между Абдулла-ханом и Абд ал-Мумин-ханом, история кратковременного царствования Абд ал-Мумин-хана, придворные интриги. После смерти Абдуллы Абд ал-Мумин отправился в Самарканд, где был провозглашен ханом, а оттуда — в Ташкент, в окрестностях которого он «ради блага государства» велел казнить всех своих двоюродных братьев.

По мнению В. В. Бартольда, при изложении истории второй половины XVI в. Махмуд ибн Вели, несомненно, пользовался «Абдулла-наме», хотя он нигде его не называет[39].

Другой востоковед — Л. А. Зимин, тщательно проанализировав труды Хафиз-и Таныша, Искендера Мунши, Махмуда ибн Вели и другие современные им источники, пришел к выводу, что «Бахр ал-асрар», вопреки высказываниям В. В. Бартольда, совершенно не зависит от труда Хафиз-и Таныша. В предисловии к начатому, но не осуществленному им изданию «Абдулла-наме» Л. А. Зимин писал: «Если в отношении последних лет царствования Абдулла-хана и царствования его сына Абдул-Мумин-хана значение «Бахр ал-асрар», как перво-

---

[37] Особенно в двух работах: Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета, Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902; Шейхи Джуйбари, в сб. «Икд ал-джуман», Ташкент, 1927.

[38] В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, стр. 232—260; Он же. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в., соч., т. II, ч. 2, М., Изд-во «Наука» , 1964, стр. 388.

[39] В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, стр. 234.

источника, не подлежит никакому сомнению, так как об этом времени до нас не дошло ни одного сочинения, написанного раньше его в Мавераннахре, то в отношении остального времени правления Абдулла-хана благодаря существованию «Абдулла-наме» сам собою напрашивается вывод о зависимости «Бахр ал-асрар» от последнего. «Абдулла-наме» написана в Бухаре раньше «Бахр ал-асрар», и трудно предположить, чтобы оно не было известно Махмуду ибн Вели. Тем не менее, при сличении этих двух сочинений мы не можем указать ни одного факта, который бы устанавливал использование Махмудом «Абдулла-наме». Фактов же, свидетельствующих о независимости «Бахр ал-асрар» от «Абдулла-наме», можно указать довольно много. Хотя рассказ Махмуда Вели значительно короче рассказа Хафиз-и Таныша, что объясняется различными задачами авторов — первый писал всемирную историю, а не историю одного царствования, — тем не менее почти везде проскальзывают подробности, отсутствующие в «Абдулла-наме» и заимствованные, следовательно, из других источников. Кроме того, имеются крупные расхождения. Самый способ рассказа и выражения мыслей у Махмуда совершенно иной, не только стихи приводятся другие, но и собственные имена очень часто пишутся по-разному. Так что скорее можно утверждать, что Махмуд ибн Вели пользовался теми же источниками, что и Хафиз-и Таныш, чем то, что Махмуд ибн Вели пользовался «Абулла-наме»[40]. На этот вывод, как на заслугу Л. А. Зимина, было указано И. И. Умняковым[41].

«Бахр ал-асрар» насыщен разнообразным фактическим материалом социального, географического и биографического характера. Книга содержит и интересный этнографический материал. Махмуд ибн Вели дает подробное описание Балха, приводит биографические сведения о некоторых военачальниках, предводителях узбекских кочевых племен. Он детально описывает церемониал при дворе наместника Балха Надира Мухаммед-хана. Все это свидетельствует о том, насколько узбекские ханы, утвердившиеся в культурных областях Мавераннахра в начале XVI в., еще в половине XVII в. должны были считаться с традициями кочевой жизни[42]. Подобного полного и картинного описания двора местных владетелей мы не находим ни в одном из известных нам источников и ни у одного из путеше-

---

[40] И. И. Умняков. «Абдулла-наме» Хафиз-и Таныша и его исследователи, стр. 318—319.

[41] Там же, стр. 319.

[42] Подробнее см.: В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 389 и сл.

ственников, посещавших Бухару, Хиву и другие большие города Средней Азии.

Сведения «Абдулла-наме» и «Бахр ал-асрар» дополняются сообщениями Искендера Мунши, автора «Тарих-и аламарай-и' Аббаси» («Мир украшающая история [шаха] Аббаса»), где большое место занимает изложение событий в Хорасане, Мавераннахре и Хорезме. Рассказы Искендера Мунши о взаимоотношениях Аштарханидов и казахов в начале XVII в. приведены у В. В. Вельяминова-Зернова в его «Исследовании о касимовских царях и царевичах» (стр. 352 и сл.).

Значение труда Искендера Мунши охарактеризовано в новейших исследованиях[43]. Поэтому мы отметим лишь, что наибольшее количество данных по социально-политической и экономической истории Средней Азии второй половины XVI в. содержат именно труды Хафиза-и Таныша, Махмуда ибн Вели и Искендера Мунши.

Период царствования Аштарханидов от начала XVII до 20-х годов XVIII в. последовательно освещается в трех сочинениях современных им историков: «Тарих-и Муким-хани» (или «Тазкира-и Муким-хани»), «Убайдулла-наме» и «Тарих-и Абулфайз-хан»[44].

Русским и западноевропейским ориенталистам «Тарих- и Муким-хани» («Мукимханская история») стала известна еще в 20-х годах XIX в. Русский посол А. Ф. Негри, посетивший Бухару в 1820—1821 гг., получил в подарок от эмира Хайдара рукопись «Тарих-и Муким-хани» и доставил ее в Петербург. В 1824 г. профессор Петербургского университета И. И. Сенковский опубликовал в учебных целях извлечение из этого труда с обстоятельным введением на французском языке[45].

По словам В. В. Бартольда, это пособие И. И. Сенковского «долгое время оставалось для европейцев единственным источником по истории Бухарского ханства».

Следует отметить также, что в свите А. Ф. Негри находились Г. Мейендорфф и Е. Эверсман, сообщившие ценные сведения о жизни в Бухарском ханстве, в том числе о состоянии его сельского хозяйства[46].

Указанные источники периода царствования Аштарханидов

---

[43] И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в., Л., Изд-во ЛГУ, 1949, стр. 32—36; А. А. Ромаскевич. Иранские источники по истории туркмен XVI—XIX вв., Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 7—8.

[44] В 1956—1959 гг. эти три источника были опубликованы в переводе А. А. Семенова на русском языке Изд-вом АН УзССР.

[45] J. Senkowski. Supplement, СПб., 1824.

[46] О мемуарах Г. Мейендорффа и Е. Эверсмана см. ниже.

всесторонне проанализированы А. А. Семеновым в предисловиях к их переводам. Мы же, начиная с 1948 г., еще до появления переводов пользовались оригиналами этих работ[47].

Труды Мухаммед Юсуфа Мунши, Мир Мухаммеда Амин-и Бухари и Абд ар-Рахмана Даулета Тали цитировались в других наших работах[48].

«Убайдулла-наме» было использовано в отдельных исследованиях О. Д. Чехович[49]. Нам необходимо учесть, что из всех аштарханидских историографов автор «Убайдулла-наме» имеет особую тенденцию. В описываемых им событиях он явно выражает политическую точку зрения узбекской кочевой и полукочевой феодальной аристократии и выступает сторонником феодальной раздробленности. Попытка Убайдулла-хана, направленная на ограничение сепаратистских тенденций феодальной аристократии, вызывает возмущение этого автора.

Упомянутые источники содержат, кроме фактического материала по социально-политической истории, данные по экономической жизни государства Аштарханидов. Такие сведения встречаются довольно часто, хотя и в разрозненном виде.

«Тарих-и Ракими» («Ракимовская летопись»), известная и под другими названиями, в частности «Тарих-и Сейид Раким» («Летопись Сейид Ракима»), включает собрание хронограмм на разные события в Средней Азии, но преимущественно со времени Тимуридов до половины XVII в. До нас она дошла в сокращенной редакции XVIII в., охватывающей события до 1113 (1701/1702) г. В «Тарих-и Ракими» приводится, например, дата постройки оросительного сооружения при Имамкули-хане.

Об авторе этого труда Мулла Шараф ад-дин А'лам ибн Нураддин ахунд Мулла Фархаде (XVII в.) и о самом труде имеется ценная статья А. А. Семенова[50]. Мы пользовались рукописью Института востоковедения[51].

---

[47] Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. I, №175—185, 189—193 и 194.

[48] М. А б д у р а и м о в. «Тарих- и Абулфайз-хан» Абдуррахмана Даулата как источник о политическом и экономическом упадке Бухарского ханства в первой половине XVIII в., Изв. АН УзССР, СОН, 1957, № 3; О н ж е. «Тарих-и Абулфайз-хан» Абдуррахмана Даулата и реляции Флорио Беневени как источники по истории Бухарского ханства в первой половине XVIII в., Изв. АН УзССР, СОН, 1958, № 6.

[49] О. Д. Ч е х о в и ч. К истории Узбекистана в XVIII в., О н а ж е. Документы (см. введение). О. Д. Чехович опубликована и специальная работа, посвященная настоящему источнику: «Бухарская летопись XVIII века, «Убайдулло-нама», Проблемы источниковедения, вып. VIII, М., 1959.

[50] А. А. С е м е н о в. К вопросу, кто был автором تاريخ سيد أقيم ? Сб. „В. В. Бартольду", Ташкент, 1927, стр. 48—56.

[51] СВР АН УзССР, т.I, № 155.

История Аштарханидов, в частности период правления Субханкули-хана (1091-1114/1680—1720), описана в двухтомном труде Мухаммед Амина ибн Мухаммед Заман-и Бухари Суфияни (известного также под прозвищем Керак-яракчи) — «Мухит ат-таварих» («Всеобъемлющее собрание летописей» или «Океан летописей»). Составленный на основании 37 источников (которые автор перечисляет в предисловии), этот труд подробно освещает смуты, вызванные в Бухарском ханстве набегами ургенчского хана Ануши на Бухару, Самарканд, Каракуль и другие города.

Автор приводит интересные сведения о взаимоотношениях Субханкули-хана с Мервом, сообщает биографические данные о выдающихся деятелях эпохи — поэтах, ученых, каллиграфах, художниках и др. В конце рукописи в виде приложения даются три главы. В первой из них говорится о пышном отъезде Абдулазиз-хана Аштарханида (1645—1680) в Мекку, а в остальных двух описываются события 1096—1097 (1684—1685) гг.[52]

Из источников последней четверти XVII в. следует особо отметить антологию Мухаммеда Беди' ибн Мухаммед Шариф-и Самарканди, известного под литературным псевдонимом Малиха, занимавшего должность самаркандского муфтия. Как известно, антология его называется «Музаккр ал-асхаб» («Повествование о господах поэтах»)[53], написана она в 1100 (1688/89) г.

Сочинение Малиха дает исключительно интересный материал об аморальности государственных сановников, их взяточничестве, дворцовых интригах. По словам автора, занять ту или иную государственную должность можно было, лишь дав взятку эмирам и приближенным хана[54].

Бесконечные походы и тяжелые междоусобные войны приводили к упадку производительных сил, их основы — орошаемого земледелия. Эти походы и феодальные войны требовали больших средств, а их в государственной казне не было. Средства добывались путем увеличения налогового гнета. Малиха сообщает, что при Субханкули-хане подати взимались за семь лет вперед и в семь раз больше установленного. Поземельная подать достигала таких размеров, что владельцы мульковых земель готовы были отдать свои имения людям даром, но никто их не брал[55].

Автор «Музаккр ал-асхаб» сообщает о тяжелых последст-

---

[52] См. СВР АН УзССР, т. 1, № 87; А. А. Ромаскевич. Указ. соч., стр. 13—14.

[53] Ркп. ИВ АН УзССР, № 4270.

[54] Там же, л. 61а—62а.

[55] Там же, л. 293а.

виях взятия Самарканда в 1685 г. хивинскими войсками во главе с Ануша-ханом. Хивинцы учинили страшный грабеж в Самарканде, долине Зарафшана, Миянкале. Бухарские феодальные войска с большими трудностями одолели хорезмийцев[56].

Приблизительно одновременно с сочинением Малихи было написано другое интересное сочинение под названием «Дастур ал-мулук» («Правила поведения государей»). Автор труда Ходжа Мухаммед Бара был известен под псевдонимом Самандар (чаще Самандар-ходжа); в свое время он был раисом города Несеф (Карши)[57]. Труд этот до сих пор в исторической литературе мало известен[58]. Для нас представляет большой интерес раздел книги, посвященный опустошительным походам хорезмийского хана Ануша против Мавераннахра и разорения им плодородной долины Зарафшана — Миянкаля.

Небезынтересно отметить значение дивана поэта XVII в. Турды (по прозвищу Фараги), выходца из родовой знати узбекского племени юз, современника Субханкули-хана, который обличает деспотизм этого хана и его клики. Поэт активно участвовал в восстании против хана и призывал узбекские племена к объединению в борьбе против ханской власти. Говоря о ханских сановниках, Турды кончает одно из стихотворений прямым призывом: «Набросить бы петлю этим ослам на шею»[59].

Любопытные подробности из политической и бытовой истории Бухары упоминаются в «Мазхар ал-ахвал» («Проявление жизненных обстоятельств»), сочинении Мухаммед Амина ибн Мулла Нур-Мухаммеда[60]. Он приводит даты исторических событий, а в заключении (хатиме) говорит об угнетенном состоянии народных масс.

Нами был использован также ряд персидских источников первой половины XVIII в. К ним относится, в частности, «Тазкират ал-мулук» («Памятная записка для царей») анонимного автора, составленная около 1725 г. и введенная в научный обиход в 40-х годах XX в., благодаря изданию ее проф. В. Ф. Ми-

---

[56] Ркп. ИВ АН УзССР, № 4270, л. 292 б. и сл.

[57] См.: Музаккр ал-асхаб, ркп. ИВ АН УзССР, № 4270, л. 89а.

[58] В Институте востоковедения имеется несколько списков этого труда. См. инв. № 1437, 4468, 5792. В настоящее время «Дастур ал-мулук» переведен на русский язык и подготовлен к печати М. А. Салахетдиновой (Ленинград).

[59] См. دیوان تورد ی ркп. ИВ АН УзССР, № 1962; История народов Узбекистана: т. II, Ташкент, стр. 95—96.

[60] Ркп. ИВ АН УзССР, № 1936.

норским[61] с фотокопиями персидского текста вместе с английским переводом, историческим введением, комментарием и несколькими историческими экскурсами (в частности, о землевладении в Иране). Данные «Тазкират ал-мулук» об административном устройстве сефевидского государства, о финансовой политике, приходно-расходном бюджете кызылбашского государства и различных феодальных институтах представляют для нас большую ценность, ибо многие институты, освещенные в этом труде, идентичны существовавшим в Бухарском ханстве в XVII—XVIII вв. Этот труд важен для нас и потому, что в нем разъясняется ряд подробностей в отношении отдельных технических терминов, о которых другие источники не дают ясных сведений.

Другим важным фундаментальным источником является «Тарих-и аламарай-и Надири» («Мироукрашающая Надирова история»), написанная Мухаммед-Казим-везиром (гражданским правителем) Мерва при Надир-шахе[62]. Для нас имеют значение второй и третий тома, отражающие события, связанные с нашествием Надира на Бухару и Хиву.

В третьем томе рассказывается об отступлении иранского войска из Бухары после получения известия об убийстве Надир-шаха. Автор сочинения, лично участвовавший в походах Надира в Бухару и Хиву, отразил, правда, в осторожной форме грабительский характер этого нашествия.

Мухаммед-Казим сообщает много ценных экономических и топографических данных о своем родном городе Мерве. Весьма интересен его рассказ (во втором томе) о том, как Надир-шах, готовясь к походу против узбекских ханств, занялся благоустройством Мерва, расположенного на подступах к границам Хивы и Бухары. В частности, «всю воду и землю Мерва он сделал государственной собственностью». Был обнародован указ о привлечении всех воинов к земледельческим работам, за что им полагалось жалование деньгами и натурой. По приказу Надира была восстановлена главная мервская плотина

---

[61] Tadhikirat al-Muluk, a manual of Safavid administration by prof. V. Minorsky G. M. S. New series, XVI, Cambridge, 1943; И. П. Петрушевский. Очерки, стр. 40.

[62] Об этом труде см.: В. В. Бартольд. Приложение к протоколу X заседания отделения исторических наук и филологии Российской Академии наук, 17 сентября 1919 г., Изв. Академии наук по отделению общ. наук, ч. II, Пг., 1919, стр. 927—930; И. П. Петрушевский. Очерки, стр. 41—43; Н. Д. Миклухо-Маклай. О первом томе труда Мухаммеда-Казима, СВ, т. V, М.—Л., 1948; Он же. Труд Мухаммеда-Казима и его значение для истории Туркмении, Изв. Туркм. ФАН, 1945, № 5—6; А. А. Ромаскевич. Указ. статья, стр. 14—15.

Султанбанд на Мургабе. На эти работы было мобилизовано население области со своим рабочим скотом[63].

По справедливому замечанию И. П. Петрушевского, труд Мухаммед-Казима по обилию социально-экономического материала и по тому вниманию, которое автор уделяет этим фактам, не имеет себе равных в XVIII в.[64] Говоря о сочинениях Мухаммед-Казима нельзя не упомянуть о полезной и кропотливой работе Н. Д. Миклухо-Маклая, который предпринял факсимильное издание трудов Мухаммед-Казима под названием «Наме-йи аламара-йи надири («Мироукрощающая Надирова книга»). В предисловии к изданному в 1960 г. тексту рукописи первого тома указанного сочинения издателем была дана научная оценка сочинения, а также приведена биография автора. Издания Н. Д. Миклухо-Маклая сопровождались аннотированными оглавлениями[65].

Хорошо известен специалистам по средневековой истории Средней Азии другой источник — «Тухфат ал-хани» («Ханский подарок») или «Тарих-и Рахим-хани» Мухаммеда Вефа-йи Керминеги, посвященный правлению первого мангытского государя Мухаммед-Рахим-хана (1167/1753—1171/1758). Этот труд, в котором излагаются исторические события, происшедшие в Мавераннахре, преимущественно в Бухаре, с 1134 (1721) по 1182 (1768/9) г., состоит из двух частей. Первая из них, охватывающая события с 1134 (1721) г. до смерти Мухаммед-Рахим-хана (1171/1758) писалась Мухаммед Вефа-йи Керминеги, по-видимому, начиная с 1158 (1745) г. Вторая же часть была написана по приказу Данийал-бия аталыка дамулла Алимбеком, сыном Ниязкули-бек-ишана. Этот труд представлен несколькими рукописями в ИВ АН УзССР[66].

Труд Мухаммед Вефа-йи Керминеги богат фактическим материалом из области социально-политической и хозяйственной истории. В частности, в нем подробно описаны вторжения казахских орд в 20-х годах XVIII в. в Мавераннахр и опу-

---

[63] См.: Мухаммед-Казим. т. II, ркп. ИВ АН СССР, д. 430, л. 125а — 126б; МИТТ, II; стр. 150—152. Мухаммед-Казим слово «рабочий» передает термином يحوارلان

[64] И. П. Петрушевский. Очерки, стр. 41.

[65] Мухаммед-Казим. Наме-йи аламара-йи надири, Издание текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая, М., Изд-во «Наука», 1960, т. 1, 1965, т. II.

[66] СВР АН УзССР, № 195—199. Мы пользовались ркп. № 16 и 2 721; Вяткин.—Перечень восточных рукописей В. Л. Вяткина в Государственной публичной библиотеке УзССР, Труды Государственной публичной библиотеки УзССР, т. 1, Ташкент, 1935, стр. 67; А. А. Семенов. Каталог рукописей исторического отдела Бухарской центральной библиотеки, Ташкент: 1925, № 40.

стошение ими земледельческих районов, особенно долины Зарафшана, а также тяжелые последствия нашествия Надыр-хана.

Нами использовано также сочинение Мир Абдал-Керима Бухари, изданное по уникальной рукописи в Париже (1876 г.) Шефером под условным названием «История Средней Азии»[67]. Конец своей жизни автор, выходец из Бухары, провел в Константинополе (ум. в 1246/1830 г.), где и написал свой труд.

В книге излагаются события, происходившие в 1150/1740—1233/1818 гг. в Бухаре, Афганистане, Хиве и Коканде. Наиболее подробно автор, естественно, описывает политические и иные события, имевшие место в Бухаре. Он был в курсе многих бухарских дел, а в начале XIX в. ездил даже в качестве секретаря бухарского посольства в Россию и Турцию.

Мир-Абдал-Керим приводит интересные географические данные об отдельных районах и расстояниях между областями и городами; подробно описывает моральный облик последних Аштарханидов и первых Мангытов; сообщает ценные для нас сведения о власти кошбеги, налоговой политике, феодальных институтах и т. д.

Перу бухарского царевича из племени мангыт — Мухаммед Якуб ибн эмир Данийал-бий аталыка — принадлежит сочинение «Гульшан ал-Мулук» («Цветник царей») — всеобщая история от пророка Мухаммеда до Мангытов. Большой интерес представляет ее последняя часть — от истории Шейбанидов и особенно изложение современных автору событий, доведенное до 1246 (1830) г. В тексте приведены две даты составления труда: 1240 (1824/25) и 1243 (1827/28) гг.

Критический текст и русский перевод «Гульшан ал-Мулук» с обстоятельными комментариями подготовлен к печати Д. Г. Вороновским[68].

В этом источнике имеются важные сведения о вакфном землевладении, восстании племени китай-кипчаков в Миянкале в 1820—1825 гг.[69], экономических затруднениях в Бухарском ханстве. Автор с горечью говорит о безжалостном опу-

---

[67] Mir Abdoul Kerim Boukhary. Histoire de l'Asie Centrale, Paris, 1876.

[68] Д. Г. Вороновский. «Гульшан ал-Мулук» Мухаммеда Якуба Бухари, кандидатская диссертация, ркп., Ташкент, 1947. См. также: В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, август—декабрь 1920 г., Известия Российской Академии наук, серия V, т. XV, Л., 1921, стр. 193—194; Е. Каль, Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки, Ташкент, 1889, стр. 2—4.

[69] Эти данные были упомянуты П. П. Ивановым в его работе «Восстания китай-кипчаков».

стошении крестьянских полей в период феодальных междоусобиц[70] и т. д.

На грани XIX в. было создано сочинение «Тадж ат-таварих» («Венец летописей»), составленное Мухаммед Шарифом ибн Мухаммед Наки по поручению эмира Хайдара Мангыта. Автор закончил его к концу первого же года царствования Хайдара — 12 раджаба 1215 (30 ноября 1800) г. В своем обширном вычурном введении Мухаммед Шариф излагает генеалогию Мангытов, говорит о происхождении и разделении тюрко-монгольских племен, вкратце описывает историю Чингиз-хана, Чингизидов и Шейбанидов. Затем подробно излагается история Аштарханидов[71]. Эта часть представляет большой интерес, поскольку автор приводит данные, не встречающиеся в официальной историографии Аштарханидов. В отличие от других авторов он более подробно сообщает о народных восстаниях при Аштарханидах. В «Собрании восточных рукописей» справедливо отмечается, что «Тадж ат-таварих» — малоизвестный и ценный труд по истории Средней Азии в эпоху Аштарханидов и в особенности Мангытов[72].

Сокращенной версией обширного труда муллы Ибадуллы и муллы Мухаммед Шарифа является «Тарих-и эмир Хайдар» («История эмира Хайдара»), выполненная неизвестным лицом. Предполагается, что труд упомянутых выше двух авторов был закончен не ранее вступления на престол эмира Насруллы (1826—1860)[73]. Язык источника прост. По словам самих авторов, «Тарих-и эмир Хайдар» составлена на основании исторических сочинений, однако каких именно они не указывают.

Книга состоит из 81 рассказа (дастана). В первых двух рассказах кратко изложена история г. Бухары и правления Аштарханидов и Мангытов. Описание событий времен Аштарханидов начинается с правления Субханкули-хана. Заканчивается труд сообщением о последних днях и смерти эмира Хайдара (1242/1826)[74]. В источнике приводятся факты о насилиях, чинимых сборщиками податей. Тех, кто не мог своевременно внести подать, они подвергали жестоким пыткам[75].

Историческим событиям со времени последних Аштарханидов до правления эмира Насруллы посвящены «Записки об

---

[70] Гульшан ал-мулук, ркп. ИВ АН СССР, С 1141, л. 180а—181б.

[71] Тадж ат-таварих, ркп. ИВ АН УзССР, № 2092, л. 47б—414 а.

[72] СВР АН УзССР, т. 1, № 214; см.: А. А. Семенов. Каталог рукописей исторического отдела Бухарской центральной библиотеки, № 10.

[73] СВР АН УзССР, т. 1, № 216.

[74] СВР АН УзССР, № 216.

[75] В источнике говорится: بسنه زده خسنه آویخته میکرد

узбекских ханах»[76]. Автор этого небольшого сочинения (20 листов, размером 15,5 × 25,5 *см*) — Мир Мухаммед Сиддик ибн Сейид эмир Музаффар. В этих кратких записках мы находим много данных социально-политического порядка, которые не вошли в официальную историографию Аштарханидов и Мангытов.

Из позднейших источников особое место занимают труды Мирзы' Абдал 'Азима Сами.Его неофициальная версия истории Бухары известна под названием «Та'риḫ-и салатин-и мангитийа-и дар ас-салтана- и Бухара-и Шариф» («История мангытских государей, [правивших] в столице благородной Бухары»). Представленная в ИВ АН УзССР несколькими экземплярами, она условно названа «Тухфа-и шах» («Подарок шаху»)[77] по аналогии с другим трудом того же автора, известным под названием «Тухфа-и шахи» («Шахский подарок»)[78]. Молодому исследователю Л. Епифановой удалось обнаружить в Душанбе автограф этого труда под указанным выше названием[79].

В сочинении Абд ал-Азима Сами дана яркая картина эпохи царствования Аштарханида Абулфайз-хана и Мангытов; рассказывается о тяжелых последствиях нашествия Надир-шаха в Среднюю Азию; показаны неприглядные стороны правления феодальных государей и деятельности придворных и высших государственных чиновников. Поэтому труд Сами называется исследователями неофициальной версией. До Октябрьской революции его читали тайком, в узком кругу[80].

Из хивинских источников мы пользовались трудами Абулгази Бахадур-хана[81], Муниса и Агехи[82]. Они широко комментированы во многих исследованиях и останавливаться на них мы не будем.

---

[76] Ркп. ИВ АН УзССР, № 2663/III, л. 54—74. Рукопись носит условное название: (ذيل تاريخ مقيم خانى) بيان احوال سلاطين اوزبكيه

[77] См. СВР АН УзССР, 236, ркп. № 1458, 4330 и 7419.

[78] См. ркп. ИВ АН УзССР, № 2091.

[79] Мирза 'Абдал Азим Сами. Тариḫ-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей). Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой, М., 1962.

[80] Подробнее см. СВР АН УзССР, I, № 236.

[81] См. Histoire des Mogols et Tatares par Abdoul-Ghazi Behadur-khan, изд. Desmaisons, t. I, Texte, St.-Ptb, 1871; А. Н. Кононов. Родословная туркмен, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, Изд-во АН УзССР,1957, стр. 12.

[82] П. П. Иванов. Хивинские хроники XIX в. Мунис — Агехи как источник по истории туркмен, МИТТ, II, 1938, стр. 23—28; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, стр. 12—13.

Переходя к обзору источников по географии Средней Азии XVI—XVIII вв., следует отметить, что за этот период мы не знаем специальных географических трудов, освещающих климатические, экономические и другие условия всей страны в целом. Географические же данные о различных районах Средней Азии встречаются довольно часто как в упомянутых выше нарративных источниках, так и в трудах, специально посвященных географии, топографии и топонимике некоторых городов и местностей.

Лучшим из такого рода трудов является памятник XV в. «Китаб-и Мулла-заде», написанный в Бухаре Ахмедом ибн Махмудом, по прозванию Му' ин ал-фукара. В книге дано описание мазаров, расположенных в самом городе, его окрестностях и более отдаленных местностях. Этот агиографическо-топографический труд содержит такие оригинальные географические сведения о Бухаре, которые отсутствуют в других источниках.

Автор «Китаб-и Мулла Заде» пользовался трудами предыдущих географов, и акад. В. В. Бартольд, изучавший это сочинение при подготовке своей монографии «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», отмечал внимательный подход автора к источникам: «Точность этих данных показывает, что он пользовался своими источниками с величайшей добросовестностью»[83]. Время написания «Китаб-и Мулла Заде» установил проф. А. А. Семенов[84]. Это сочинение использовала О. А. Сухарева в своих очерках по истории городов Бухарского ханства[85]. Сочинению Ахмеда ибн Махмуда посвящено специальное исследование Р. Гафуровой[86].

В 983/1575 г. в Балхе был написан космографический трактат «Маджма ал-гараиб» («Собрание чудес»). Автор его — Султан Мухаммед ибн Дервиш Мухаммед ал-Муфти ал-Балхи — приводит ценные исторические сведения, в том числе по Балхскому вилайету.

Этот труд переведен в Бухаре с персидского языка на узбекский Мухаммед Хусейн Махмуд Раисом и назван «Анджуман бадаи» («Редкостный сборник»). Дата перевода не указана[87].

Для нашей работы представляет интерес и другой источ-

---

[83] В. В. Бартольд. Соч., т. 1, М., 1963, стр. 108.

[84] СВР АН УзССР, т. IV, стр. 218.

[85] О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства (Историко-экономические очерки), Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 45.

[86] Р. Л. Гафурова. «Китаб-и Мулла-задэ как исторический источник», автореферат канд. дисс., Л., 1961.

[87] См. СВР АН УзССР, 1, № 676—681 и ркп. № 7774 (узбекский вариант в описание не вошел).

ник конца XVI в.— «Хафт иклим» («Семь климатов»[88], или «Семь земных поясов») — географическо-космографический труд, написанный в Индии в 1002 (1593) г. Амином ибн Ахмед Рази[89]. Этот труд делится на семь частей, названных автором климатами (اقالیم), так как по его воззрениям весь обитаемый мир состоит из географических поясов. В разделах, посвященных Средней Азии, описываются географические условия Самаркандского вилайета и Зарафшанской долины[90].

Из географических сочинений XVII в. мы использовали «Аджайб ат-табакат» («Чудеса разрядов [земли]») — малоизвестный в востоковедческой литературе труд географико-космографического содержания, составленный в Балхе Сейид Мухаммед Тахиром ибн Абу-л-Касимом при правлении Надир-Мухаммед-хана аштарханида (1051/1642—1055/1645). В книге, написанной на основании ряда арабо-персоязычных источников, дано подробное описание Балха и его районов в период царствования Аштарханидов. Автор приводит также интересные географические данные о Самаркандском вилайете, Фергане и т. д. Труд представлен в нескольких рукописях[91].

Среди источников XVIII в. отметим «Хадикат ал-акалим» («Цветник [семи]климатов»), написанный в 1729 г., по-видимому, в Индии Миртаза Хусейном. Имеется опубликованный текст. Автор сообщает интересные сведения о географии долин Зарафшана, Кашкадарьи и Сурхандарьи.

Мы использовали также космографо-географическое сочинение «Диль гараиб» («Размышление об удивительных вещах»), написанное на узбекском языке в Хорезме в 1247 (1831) г. Худайберды ибн Кушмухаммед Хорезми[92]. Автор приводит любопытные сведения о географии отдельных районов Узбекистана и Таджикистана, об использовании в горных районах родниковых вод для орошения, о различных сельскохозяйственных посевах, овощах, фруктовых садах и т. д.

Исключительно важным географическим трудом являются

---

[88] Слово «климат» употреблено здесь в том значении, в котором его употребляли арабские географы IX—X вв., т. е. либо в смысле широтного пояса земли с одинаковыми показаниями длины дня, либо просто в значении географических областей. Выражение «Семь климатов» означало всю известную тогда мусульманским географам населенную землю.

[89] C. A. Storey. Persian Literature, vol. I, part. 2, London, 1953, стр. 1169.

[90] См. СВР АН УзССР, т. 1, № 682—685.

[91] СВР АН УзССР, т. 1, № 686—689. Мы пользовались отличным списком под № 411, выполненным известным бухарским каллиграфом Ахмед-и Калла в 1263/1847. В этой рукописи датой окончания труда указан 1056/1646 г.

[92] Ркп. ИВ АН УзССР, № 3335.

«Материалы» В. Л. Вяткина[93]. Известному историку и археологу-энтузиасту, знаменитому коллекционеру восточных рукописей и актовых документов удалось собрать воедино все географические данные по четырем самаркандским туманам (Шавдарскому, Ангарскому, Нимсугудскому, или Афаринкентскому, и Сугуд-и-калянскому), Самарканду и его пригородам за период с XV по вторую половину XIX в.

В. Л. Вяткин выполнил эту трудную задачу благодаря кропотливой разработке и изучению вакфных и иных актовых документов. В работе приведены названия 151 документа; в предисловии к ней В. Л. Вяткин справедливо отмечает, что содержащиеся в этих документах материалы по исторической географии настолько интересны, что они вполне заслуживают публикации, тем более при отсутствии специальных географических трудов по указанным периодам.

Вакфные и другие документы, являющиеся единственным по полноте материалом, освещающим в известном отношении прошлое страны, окажут нам огромную помощь в изучении социально-политической и экономической географии Средней Азии XV—XIX вв. Они содержат массу детальных сведений о местоположении населенных пунктов и арыков, возникновении и изменении географических названий, помогают исследователям восстановить картину заселенности и благоустройства страны в ту или иную эпоху.

К сожалению, в «Материалах» В. Л. Вяткина нет данных по Ширазскому, Кабудскому и Яряйлакскому туманам Самаркандского вилайета. Но они имеются в другом интересном источнике — «Самария, описание древностей и мусульманских святынь Самарканда»[94], написанном Абу Тахиром Ходжи в 30-х годах XIX в. В 1884 г. Н. П. Остроумов издал этот труд на узбекском языке под названием «Объяснение раеподобного Самарканда»[95].

«Самария» является своеобразным географическим сочинением с разнообразной тематикой. Материал в нем систематизирован, и чувствуется, что автор широко пользовался многочисленными источниками.

Книга состоит из 11 глав. Наибольший интерес представляют 3—9 главы. В третьей главе речь идет о климатических условиях Самарканда во все четыре времени года. Затем

---

[93] Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, стр. 1—83.

[94] Самария. Сочинение Абу Тахира-ходжи, перевод В. Л. Вяткина; Справочная книжка Самаркандской области вып. VI, Самарканд, 1899; Самария. Сочинение Абу-Тахира-ходжи. Таджицкий текст, подготовленный к печати Н. И. Веселовским, с предисловием и приложением рисунков, СПб., 1904.

[95] سمرقند فردوسی مانندینك بیانی

автор живо и подробно описывает растительный мир Самаркандского вилайета, хлебные злаки, фруктовые деревья, пахучие растения, овощные культуры, декоративные и лекарственные растения. В четвертой главе дано топографическое описание окрестностей Самарканда. Пятая глава посвящена описанию гор, окружающих Самарканд, их животного и растительного мира. В шестой главе речь идет о реках и родниковых водах в Самаркандском вилайете, причем особое место уделено р. Зарафшан и ее роли в орошении. В седьмой главе изложены сведения о пещерах и подземельях. В восьмой главе описываются местонахождения архитектурных памятников г. Самарканда. Девятая глава посвящена определению по признакам и приметам мазаров города и его окрестностей. Как мы видим, книга Абу Тахира Ходжи дает довольно полное представление о географии Самаркандской области.

География собственно бухарских и каракульских туманов и ряда других районов Бухарского ханства освещается в позднейшем историческом труде, представленном в уникальном экземпляре в ИВ АН УзССР под названием «Ал-матла‘ ал-фахире ва ал-маталиб аз-захире» («Великолепные восходы и ясные цели»)[96]. Труд этот написан в 1334 (1915/16) г. в Бухаре муллой Абдар-Рахманом Тамкином Бухари. Рукопись представляет собой автограф, переписанный в том же 1334 (1915/16) г. В ней отведено место описанию всех десяти позднейших пригородных туманов Бухары[97].

Как видно из всего сказанного, географические сведения о Бухарском ханстве приходится собирать буквально по крупинкам из различных источников. И все же в совокупности они позволяют нам довольно полно представить географию страны в целом.

Непосредственное отношение к нашей теме имеют и различные трактаты. Самый важный из них , относящийся к XVIII в., был опубликован А. А. Семеновым в русском переводе под заголовком «Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре»[98]. Есть предположение, что «Бухарский трактат» представляет собой приложение к сочинению «Маджма‘ ал-аркам», составленному в конце XVIII в. Мирзой Беди‘ диваном»[99]. Перевод снабжен обширными примечаниями, ибо А. А. Семенов стремился подробнее осветить перевод столь важного источника, особенно в той части, которая трактует об орошении земель Бухарского

[96] Ркп. ИВ АН УзССР, № 8248.
[97] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 138.
[98] СВ, V, 1948.
[99] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 138.

ханства водами Зарафшана на пространстве от Кермине до Каракуля включительно.

«Бухарский трактат» посвящен перечислению светских и духовных должностей в феодальной Бухаре с указанием обязанностей каждого чина[100]. Многие должности были связаны с наблюдением за земледелием и орошением, а также за финансовыми делами в стране. Так, говоря о должности аталыка, «Бухарский трактат» повествует, что «функции этого лица состоят в следующем: управление водами реки благородной Бухары (Зарафшана.— М. А.) от Самарканда до Кара-Куля на основах равенства и справедливости и распределение этих вод сообразно древнему обычаю между благородными и простыми раийятами (подданными)»[101]. «Бухарский трактат» дает нам почти полную картину административного устройства Бухарского ханства в XVIII в.

Практическим делам тогдашней бухарской администрации посвящено сочинение «Маджма‘ ал-аркам» («Собрание письменных знаков»), составленное в конце XVIII в. в Бухаре. Оно посвящено изложению четырех арифметических действий в целях их практического применения разными лицами бухарской администрации, причем попутно даются сведения, как, например, вести податные записи, где ставить тот или иной термин административного деления, что писать под ним, куда следует отнести численность населения, количество собранного зерна и прочее.

Автор приводит также объяснение самих терминов, вроде того, что разумеется под понятием селения, тумана или чему равен шариатский ман и т. д. Так что для уяснения бухарской административной и отчасти податной терминологии, а равно и для суждения о бухарской терминологии вообще настоящий труд имеет большое значение[102].

По проблемам, исследуемым нами, исключительное значение имеет еще один трактат, составленный приблизительно в 1180 (1766/67) г. в Бухаре. Его автор Ибадулла ибн ходжа Арифи Бухари, один из видных богословских законоведов своего времени, назвал этот труд в честь своего сына Хабибуллы «Рисала-и Хабибийе» («Трактат Хабибуллы»)[103]. Трактат посвящен разъяснению юридических и экономических сторон различных категорий землевладения и поземельных податей. Поэтому в подзаголовке прямо указано:

هذه الرسالة فى تحقيق اراضى العشرية و الخراجية

---

[100] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 137—138.
[101] Там же, стр. 144—145.
[102] СВР АН УзССР, т. I, стр. 219, ркп. ИВ АН УзССР, № 493, 2463.

(«Этот трактат об исследовании 'ушрных и хараджных земель»). В трактате последовательно излагаются все категории тогдашнего землевладения: государственные земли (мемлеке) и источники их образования, мульк-и хараджи, мульк-и 'ушри и мульк-и хурр-ихалис. В труде объясняются и виды пожалованных земель: сойюргал и танха. Большое место отведено видам поземельных податей. Этот труд дает нам возможность говорить о деспотизме в области землевладения и землепользования, а также о налоговом произволе[104].

Мы не знаем времени составления в Мавераннахре специальных работ по агротехнике. Но зато имеются переписанные экземпляры отдельных трактатов по агротехнике, составленных в Иране в XVI в.

В рукописных фондах ИВ АН УзССР хранятся два таких трактата, объединенных в одном переплете[105]. Первый из них «Иршад аз-зира'ат фи ильм ал-хараса» («Наставление к посеву в науке о земледелии») переписан в 1197/1783 г. в бухарском тумане Шапуркаме Рахматуллой ибн Абдар-Рахманом. Имея в виду большое сходство климата и других природных условий Хорасана и южных районов Средней Азии, мы полагаем, что советами указанного трактата руководствовались земледельцы всей Средней Азии. В СССР известны два списка этого сочинения: описываемая рукопись ИВ АН УзССР[106] и принадлежащий Е. М. Пещеровой наиболее полный список. Данный трактат всесторонне изучен И. П. Петрушевским в его исследованиях[107]. Труд состоит из 8 глав, названия которых приведены и у И. П. Петрушевского и в каталоге «Собрание восточных рукописей АН УзССР»[108].

Второй трактат анонимного автора, условно названный «Фан кашф ва зира'ат» («Трактат по агротехнике»), как мы уже говорили, переплетен с предыдущей рукописью и тоже переписан в Шапуркаме тем же лицом и в том же 1197 (1783) г. Он состоит из 12 глав[109].

---

[103] Ркп. ИВ АН УзССР, № 4976.

[104] Рисала-и Хабибийе, ркп. ИВ АН УзССР, № 4976, л. 67а—70а.

[105] Ркп. ИВ АН УзССР, № 565/II.

[106] Дефектная, не хватает 4—7 глав.

[107] И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 27; Он же. Из истории орошения и техники сельского хозяйства в Иране в XIII—XIV вв., УЗЛГУ, № 179, серия востоковедческих наук, вып. 4, 1954, стр. 175 и сл.

[108] И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 27; СВР АН УзССР, т. I; № 721.

[109] Названия глав приведены в СВР АН УзССР, № 722. Содержание трактата изложено в нашей статье «Два среднеазиатских сочинения по истории агротехники» (стр. 105 и сл.).

В 1324 (1906) г. в новой Бухаре (Кагане) была издана литографированным способом часть этого труда с некоторыми новыми дополнениями под названием «Фан кишт ва зира'ат» («Наука о посевах и земледелии»). Отметим, что названия глав этого трактата совпадают с названиями глав исследованного И. П. Петрушевским трактата анонимного автора, составленного в Иране в 1007 (1599) г. и носящего название «Китаб дар ма'рифат-и ба'зи умур ки ахл-и фалахатра дар кар амад» («Книга о познании некоторых дел, пригодных для земледельцев»)[110]. Весьма возможно, что «Фан кашф ва зира'ат» и упоминаемое И. П. Петрушевским сочинение представляют собой один и тот же труд.

«Китаб дар ма'рифат-и», исследованный иранским ученым Таки Бахрами и И. П. Петрушевским, издан в Тегеране как вторая книга серии «Маджму'э-йи ильм-и Ирани дар зира'ат» Наджм ад-доулэ 'Абд ал-Гаффаром под заглавием «'Ильм-и фалахат у зира'ат-и ираниан» («Наука иранцев о земледелии»)[111].

Некоторые «рисале» (трактаты) о хлебопашестве были опубликованы М. Гавриловым в 1912 г.[112]. Агротехнические приемы среднеазиатских крестьян были зафиксированы русскими и европейскими путешественниками XVI—XIX вв. (см. ниже). Поскольку мы не находим особого прогресса в крестьянском хозяйстве Средней Азии, тем более в агротехнике, то вполне можно пользоваться данными по агротехнике, зафиксированными как в XVI—XIX вв., так и в более ранний, и, наоборот, в более поздний период, равно как и этнографическими сведениями по этому вопросу.

Агиографические и биографические сочинения. Как справедливо заметил И. П. Петрушевский[113], агиографические сочинения — жития суфийских святых — до сих пор сравнительно мало привлекались исследователями для изучения социальной истории. А между тем, если отбросить фантастические рассказы о чудесах, совершаемых различными ишанами, то можно найти в них много ценных материалов о земельных отношениях и деятельности дервишских шейхов—феодальных землевладельцев.

---

[110] И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 27, 28. Об этом соч. см. исследования иранского ученого Таки Бахрами: Tagi Bahrami dar Tarikh-i Kishawarzi-yi Iran ,Tihran, 1330 hijri-yi Shamsi (1330 г. х. солн.— 1951 г. н. э.; на перс. языке).

[111] Китаб-и 'ильм-фалахат у зира'ат-и ираниан, литографированное издание персидского текста, Тегеран, 1322 (1904) г., стр. 2—55.

[112] М. Ф. Гаврилов. Рисоля сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов, Ташкент, 1912.

[113] И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 21.

К изучаемому нами периоду относится довольно много агиографических и биографических сочинений. Из них мы считаем необходимым отметить прежде всего житие известного шейха ордена Накшбенди Убайдуллаха Ходжи Ахрара — «Рашахат-и' айн-л-хайат» («Капли источника жизни»). Автор сочинения 'Али ибн Хусейн-и Ва'из Кашифи известен под псевдонимом ас-Сафи (ум. 939/1532 г.). Этот широко распространенный в Средней Азии труд имеется в рукописях и литографированных изданиях[114]. В нем сообщаются интересные факты о феодальном хозяйстве Ходжи Ахрара[115].

Данными «Рашахат» пользовался П. П. Иванов в своем исследовании феодального хозяйства джуйбарских шейхов[116].

Сведения о политической деятельности Ходжи Ахрара и его хозяйстве содержатся также в сочинении «Манакиб-и Ходжа Убайдуллах Ахрар» («Мистические подвиги Ходжи Убайдуллаха Ахрара»)[117].

Несколько жизнеописаний были посвящены джуйбарским шейхам Бухары[118]. Наиболее интересное из них — «Матлаб ат-талибин» («Цель стремлений ищущих [истину]»)[119] — содержит исключительно ценный материал для характеристики роли шейхов Джуйбари и Накшбенди в политической и экономической жизни Средней Азии XVI — первой половины XVII в.[120]

Известному советскому историку средневековой Средней Азии П. П. Иванову, создавшему на основании документаль-

---

[114] См. СВР АН УзССР, III, № 2495—2516; И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 21—22; E. G. Browne. Persian Literature under Tatar domination, стр. 441—442.

[115] Рашахат-и' айн-л-хайат. Сочинение Али ибн Хусейн-и Ва'из Фахр ад-дина Кашифи. Литографическое издание персидского текста, Ташкент, 1329 (1911) г., стр. 228 и сл.

[116] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 10—11.

[117] Ркп. ИВ АН УзССР, 1883/IV. В рукописи не указаны имя автора и дата составления труда. Переписчик Абдал Мумин Бухари. Дата переписки — 1249 (1833/34) г., 108 листов размером 13×22 *см*.

[118] См., напр., «Манакиб-и ходжаган Джуйбари» («Подвиги джуйбарских старцев»), посвященную жизнеописанию Ходжи Мухаммед Ислама (ум. в 971/1593 г.) и Ходжи Са'да (ум. в 997/1588 г.). Автор — Фани. Год составления Манакиб не указан. Переписка в одном фолианте вместе с «Матлаб ат-талибин» под № 1461/IV. О Ходже Исламе см.: В. Л. Вяткин. Шейхи Джуйбари, в сб. «Бартольду», стр. 3—19.

[119] Этот труд всесторонне прокомментирован в исследовании П. П. Иванова «Хозяйство джуйбарских шейхов», стр. 17—21. См. также: В. Л. Вяткин. Шейхи Джуйбари, стр. 3; Он же. Перечень восточных рукописей В. Л. Вяткина, стр. 86, № 224; СВР АН УзССР, т. I, № 316; Подробное описание см.: Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии, вып. 2, Биографические сочинения, М., ИВЛ, 1961, стр. 195.

[120] Мы пользовались ркп. ИВ АН УзССР, № 80.

ных источников и «Матлаб ат-талибин» специальный труд о феодальном хозяйстве джуйбарских шейхов Бухары, не был известен другой капитальный труд, посвященный истории джуйбарских шейхов и их обширному феодальному хозяйству. Труд этот, известный под названием «Равзат ар-ризван ва хадикат ал-гилман» («Райский сад и роща пажей»), весьма объемист (552 листа размером 17,5×26)[121]. Его автор Бадр ад-дин ал-Кашмири ибн Абд ас-Салам ал-Хусейни ибн Сейид Ибрахим был последователем шейха Ходжа Ислама и его сына и преемника Ходжи Са'да; попал он в Бухару в 50-х годах XVI в. из Индии.

Автор написал свой труд после смерти Ходжи Ислама, при его сыне Ходже Са'де. Изложение материалов в исследуемом сочинении заканчивается периодом царствования Шейбанида Абдулла-хана. В труде Бадр ад-дина ал-Кашмира содержатся различные ярлыки, дарственные записи Абдулла-хана, адресованные шейхам Джуйбари, переписка этого хана и других феодальных правителей отдельных вилайетов Мавераннахра с джуйбарскими шейхами[122].

Сочинение состоит из введения, 9 глав и заключения. Главы делятся на разделы (фасл), письма (рук'а), страницы (сахифе), события (ваки'а) и извлечения из отдельных событий (минха). В начале рукописи приводится родословное древо шейхов Джуйбари. В труд включена также переписка шейхов с правителями Кашгара и Хорасана.

Рукопись содержит большой фактический материал о кипучей деятельности Ходжи Ислама и его сына Ходжи Са'да, направленной на сооружение оросительных арыков, освоение новых земель, разбивку фруктовых садов[123]. В «Равзат ар-ризван» приводятся данные о пожаловании шейбанидскими государями (Искендер-ханом и Абдулла-ханом) шейхам Джуйбари орошаемых земель, фруктовых садов, имений под Бухарой, Мервом, Балхом. Представляет большой интерес сообщение нашего источника о применении рабского труда в сельском хозяйстве. Наконец, для нас интересно сообщение о порядке управления большим феодальным хозяйством[124]. Огромное феодальное хозяйство шейхов Джуйбари пользовалось налоговым иммунитетом — дарбаст (или дарубаст)[125].

---

[121] Ркп. ИВ АН УзССР, № 2094.

[122] Равзат ар-ризван, л. 304а и сл.

[123] Там же, л. 295а—302б.

[124] Там же, л. 176б, 214а, 302б, 316б—317б.

[125] Там же, л. 315а—316б. О дарбасте см.: М. Абдурашимов. К вопросу о феодальном институте дарбаст (дарубаст) в Узбекистане в XVI—XVII вв., Общественные науки в Узбекистане, 1963, № 4.

Большой интерес представляет сообщение Бадр ад-дина Кашмири о восстановлении ранее (во времена тюрко-монголов и затем в период вторжения кочевых племен в составе войска Шейбани-хана) заброшенных земель по инициативе шейхов Джуйбари. Эти вновь оживленные земли известны в нашем источнике под термином «йабисат».

Сочинение «Равзат ар-ризван» было написано на основании солидных исторических произведений и достоверных документальных источников. В их числе «Тарих табари», «Тарих гузиде», «Тарих хорезм шахи» (сират ас-султан Джелал ад-дин Манкубирти), «Тарих джахан-гушай», «Тарих ас-сафа», а также большое количество тезкире, в том числе «Тезкират ал-мулук», «Тезкират ас-салатин», «Тезкират ал-умара-йи ризван». Среди использованных книг автор особо выделяет «Расул-наме» («Книга о посланнике»), состоящее из 150 тыс. стихов, многие из которых посвящены Тимуридам и Шейбанидам. Среди авторов художественной прозы, которых цитирует Бадр ад-дин Кашмири, мы встречаем имена великих ученых и поэтов — Фирдоуси, Низами, Хисроу Пехлеви, Са'ди Ширази, Абд ар-Рахман Джами и др.

Мемуары путешественников, послов, купцов и др. Составленные на различных языках мемуары содержат ценные сведения по социально-экономической истории народов Средней Азии, в том числе интересные факты по аграрным вопросам. Среди них важное место занимают мемуары гератского поэта Зайн ад-дина Васифи بدايع الوقايع — «Бадай' ал-вакаи'» («Чудеса происшествий»). После присоединения Хорасана к шиитскому государству Сефевидов Васифи как суннит эмигрировал в Среднюю Азию. Он побывал в Бухаре, Самарканде, Ташкенте и других местах Мавераннахра. Его труд содержит очень много интересных исторических данных, а также некоторые сведения о земледелии и был в значительной степени использован в исследованиях А. Н. Болдырева[126]. Особо следует подчеркнуть важность издания критического текста мемуаров Васифи проф. А. Н. Болдыревым. Этот текст составлен на основании 31 известного списка. Трудности издания критического текста при отсутствии авторского общеизвестны. Можно себе представить кропотливость труда издателя, если учесть, что он над его изданием работал 15 лет. Важность настоящей публикации для историков заключается в том, что она является почти единственным критическим текстом по исследуемому периоду.

[126] Зайн ад-дин Васифи. Бадай' ал-вакай', критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II, М., ИВЛ, 1961; СВР АН УзССР, т. I, № 397—398.

Необходимо отметить, что мемуары Васифи, широко отмеченные в востоковедческом литературоведении, почти не исследованы в трудах по истории Средней Азии, а между тем они представляют собой первоклассные исторические источники. Автор мемуаров побывал в Бухаре, Самарканде, Ташкенте и других местах Мавераннахра, поэтому в начале XVI в. он сообщает ценные сведения о периоде правления Шейбанидов — Убайдуллы-хана, Суюнич ходжи-хана, Кельди-Мухаммед-хана и др. В сочинении Васифи широко освещены вопросы быта и придворная жизнь Шейбанидов. В книге имеется ценный фактический материал по вопросам земледелия и орошения.

Интересные в научном отношении данные по социально-политической и хозяйственной истории содержат мемуары русских путешественников, купцов, послов и других лиц. Как правильно отмечается во II томе «Истории народов Узбекистана»[127], эти лица, «будучи людьми иной культуры, естественно, обращали более пристальное внимание на те особенности социальной жизни и быта, которые не замечались привычными к ним местными писателями. Следует, однако, учитывать также, что при недостаточном знакомстве с местными условиями их кратковременные наблюдения часто бывают поверхностны, грешат серьезными ошибками»[128].

Любопытны сообщения первого своеобразного географического труда — «Книги Большого чертежа»[129] — об искусственном орошении в Бухаре. Правда, сообщения этого источника не совсем достоверны. Так, в нем говорится, что поля Бухары орошаются каналами, выведенными из Амударьи, чего, конечно, никогда не было.

Некоторые сведения о Средней Азии доставил в Россию и Европу в XVI в. Антони Дженкинсон, английский купец и по совместительству посол русского царя Ивана Грозного[130]. Он прибыл в Бухару в 1558 г., провел там зиму, а в 1559 г. вернулся в Москву вместе с бухарскими и хивинскими послами. Дженкинсон дает описание Бухары и Хивы, сообщает о

---

[127] История народов Узбекистана, т. II, стр. 14.

[128] Там же.

[129] Г. Спасский. Книга, глаголемая Большой чертеж, Изд. Общества истории и древностей России, М., 1846; А. И. Макшеев. Географические сведения книги Большого чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае, Известия РГО, т. VI, 1880.

[130] См.: Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Genkinson, Ed. by E. D. Morgan and C. A. Coote, V, vol. I, London, 1886; Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг., в кн. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», перевод с англ. Ю. В. Готье, Л., 1937, стр. 165—215.

феодальной раздробленности и состоянии экономики ханств, приводит интересные географические данные о Средней Азии, особенно об Амударье, Сырдарье и Аральском море, хотя в его сообщении имеется немало путаницы[131].

Картину феодальной междоусобицы в Бухаре воссоздал в 1620 г. в своем «статейном списке» русский посол в Бухаре дворянин Иван Хохлов[132].

Ценные сведения о состоянии экономики Бухары, в первую очередь ее сельского хозяйства, сообщают братья Пазухины, находившиеся в ханстве в 1669—1671 гг. в течение 16 месяцев. Они отмечают применение рабского труда в сельском хозяйстве, особенно при очистке и ремонте оросительных арыков. Интересны рассказы Пазухиных о политическом и военном состоянии Бухарского ханства. Они сумели заметить, что основной фонд орошенной земли роздан военачальникам и иным государственным чинам в виде пожалований[133].

Русский посол И. М. Федотьев сообщил в своем «статейном списке» о шелководстве в Средней Азии, в частности в Бухаре и Хорезме[134].

Исключительно важным источником для первой четверти XVIII в. являются реляции Флорио Беневени, сведения которого совпадают с данными некоторых официальных источников времен Аштарханидов[135].

В 1738—1739 гг. Ташкентский оазис посетили поручик Карл Миллер и геодезист Алексей Кошелев, сообщившие некоторые подробности о состоянии экономики, особенно сельского хозяйства[136].

Мы использовали в данной работе материалы экспедиции Гладышева и Муравина в Приаралье. В своих журналах они, помимо материалов о состоянии сельского хозяйства, зафикси-

---

[131] Подробнее см.: Л. Берг. Аральское море. Опыт физико-географической монографии, СПб., 1908.

[132] См.: И. И. Веселовский. Иван Данилович Хохлов (русский посланник в Персию и Бухару в XVII в.), ЖМНП, 1891, № 1, стр. 48—72.

[133] Наказ Борису Андреевичу и Семену Ивановичу Пазухиным на посольство в Бухару, Балх и Юргенч для выкупа русских пленных, с приложением к наказу статейного списка о совершении Пазухиным посольства в 1669—1670 гг. под ред. А. И. Труворова, Русская историческая библиотека, т. 15, СПб., 1894.

[134] И. И. Веселовский. Посольство в Хиву Ивана Матвеевича Федотьева и его статейный список пребывания в Хиве (1669—1670), «Туркестанские ведомости», 1882, № 20.

[135] См.: М. Абдураимов. «Тарих-и Абулфайз-хан» Абдар-Рахман Даулата.

[136] См.: М. Абдураимов. Первый русский купеческий караван в Ташкент (1738—1739 гг.), Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1955, № 6.

ровали интересные этнографические данные. Они стали свидетелями нашествия Надир-шаха в Хорезм[137].

Нельзя не отметить ценность мемуаров таких русских путешественников XVIII в., как Данила Рукавкин, грек Николай Григорьев, Филипп Ефремов, Бланкеннагель, Т. Бурнашев[138].

Особое место занимают материалы путешествия Р. Мейендорфа[139]. Он был исключительно наблюдательным человеком и сумел осветить почти все стороны жизни Бухарского ханства. Особенно много внимания уделил он сельскому хозяйству, вопросам агротехники и орошения.

Немалое значение для нашей работы имеют изданные в Петербурге в 1821 г. «Записки о некоторых народах и землях Средней Азии» Филиппа Назарова.

В 1832 г. Бухару посетил английский посол, лейтенант Ост-Индской компании Александр Борнс, составивший подробное описание путешествия, вышедшее в трех томах в Лондоне и переведенное на русский язык в 1848—1849 гг.[140]

Из материалов путешествий 40-х годов XIX в. особое место занимают записки горных инженеров Богословского и Бутенева, посетивших Бухару в 1840 г.[141] Их сопровождали ориенталист Н. В. Ханыков[142] и натуралист А. Леман[143]. Трудно переоценить значение книги Н. В. Ханыкова о Бухаре, насыщенной богатым фактическим материалом, в первую очередь по сельскому хозяйству. Н. В. Ханыков на уровне тогдашней востоковедческой и исторической науки осветил различные категории землевладения и виды феодальной ренты. Он привел также 92 названия узбекских племен.

Большое познавательное значение имеет путешествие венгерского ориенталиста Германа (Арминия) Вамбери, который под видом турецкого ученого посетил в 1863 г. Бухару, Самарканд и другие города[144]. В понимании природы некоторых феодальных институтов, например ʻалуфэ (см. ниже), нам помогли

---

[137] См.: Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. Изд. с приобщением современной карты Миллерова пути от Орска до Зюнгарских владений и обратно Я. В. Ханыковым, СПб., 1851; То же, Географические известия, издаваемые РГО, 1850, 2, стр. 519—599.

[138] См. указатель литературы.

[139] См. там же.

[140] А. Борнс. Путешествие в Бухару, ч. I—III, М., 1848—1849.

[141] Богословский. Записка о долине Зеравшана; Бутенев. О минеральных богатствах Бухары, металлургии, монетном деле и т. п., «Горный журнал», 1842, кн. X и XI.

[142] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.

[143] Alexander Lehmann's. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842, ...St-Ptb, 1852.

мемуары А. А. Бутакова[145], некоторые сведения которого совпадают с данными хивинских исторических хроник.

Мы остановились здесь, разумеется, не на всех источниках, которые были использованы нами при подготовке настоящего исследования, а только на наиболее важных из них.

Документальные источники. Важнейшими источниками по социальной и особенно хозяйственной истории являются документальные материалы. Здесь следует особо отметить ярлыки узбекских государей из династии Шейбанидов и Аштарханидов XVI—XVII вв. Фотокопии их были доставлены в Ташкент из Казанского университета канд. ист. наук Х. З. Зияевым и любезно предоставлены в наше распоряжение. Об этих ярлыках мы уже говорили в другом месте[146], а здесь отметим только, что они дают ценнейший конкретный материал о различных категориях землевладения и феодальных институтов, о феодальной ренте, натуральной повинности крестьян, приемах эксплуатации их, а также об ирригационных работах. Наконец, они позволяют нам судить о феодальных хозяйствах крупных духовных феодалов—потомственных казиев Ферганы XVI—XVII вв.

Весьма важным источником для нас явились «Мактубат, муншаʻат, маншурат» — «Переписки, образцы писем и грамот»[147] аштарханидских и мангытских государей, адресованные к правителям вилайетов, именные грамоты о назначении на различные должности определенных лиц (из них многие, например Фархад-бий, Ялангтуш-бий, Хаким-бий и другие известны по нарративным источникам). Некоторые письма адресованы правителям других стран. Нам не известно, кем собраны эти документы, в них не указаны даты, которые можно лишь условно установить по авторам писем и адресатам. В письмах указаны имена трех переписчиков — официальных секретарей (мунши): Мирек-шах мунши — писец Субханкули-хана, Мулла Захид мунши и Мухаммед Тахир Вахид — писцы Сефеви-

---

[144] А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии, СПб., 1865.

[145] А. Бутаков. Эпизод из современной истории Средней Азии, «Отечественные записки», 1865, ноябрь.

[146] М. Абдурахимов. Позднейшие упоминания о сойюргале, „Общественные науки в Узбекистане", 1961, № 2; Он же. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 12 и сл. См. также: Р. Н. Набиев. Новые документальные материалы к изучению феодального института „суюргал" в Фергане в XVI—XVII вв., Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1959, № 3.

[147] Ркп. ИВ АН УзССР, № 289, مكتوبات منشآت منشورات

дов Аббаса II (1642—1666) и Сулеймана (иначе Сефи II, 1666—1694)[148].

Сборник содержит как конкретные документы, так и формуляры различных актов. В нем мы находим интересные сведения о назначении тех или иных лиц на высокие государственные должности, о пожалованиях земель, больших ирригационных работах, ренте (налоге), натуральной повинности населения, налоговых и иных иммунитетах. Большой интерес представляет терминология из области налогового обложения и т. д.

Среди документальных источников XVI в. особое место занимает «Архив шейхов Джуйбари», где собраны материалы, относящиеся к крупным феодальным хозяйствам джуйбарских шейхов. Подбор этих документов в 30-х годах XX в. был осуществлен группой научных сотрудников под руководством Е. Э. Бертельса[149].

Во введении к этому изданию, написанному П. П. Ивановым, наряду с документами из указанного архива использованы многие другие источники, причем некоторые из них впервые введены в научный обиход. Русский перевод документов из архива джуйбарских шейхов с исследованиями П. П. Иванова был издан несколько лет назад под редакцией Е. Э. Бертельса[150].

Велико научное значение опубликованных О. Д. Чехович 51 документа (в подлинном тексте и в русском переводе)[151] с комментариями.

Казийские документы XVI в., отражающие правовые стороны землевладения и землепользования, а также применение рабского труда в сельском хозяйстве, были изданы проф. Р. Р. Фитратом и Б. С. Сергеевым[152].

Различные документы о землевладении, земле- и водопользовании, феодальной ренте и трудовой повинности опубликовали В. В. Бартольд[153] и А. А. Семенов[154].

Из всех исследователей истории Средней Азии, пожалуй, больше всего изучал документальные источники В. Л. Вяткин.

---

[148] См. СВР АН УзССР, т. I, № 374.

[149] Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии в XVI в., М.—Л., Изд-во АН СССР ,1938.

[150] Переводы документов «Из архива шейхов Джуйбари». Переводы заново просмотрены и подготовлены к изданию Ю. П. Верховским, в кн.: П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов.

[151] О. Д. Чехович. Документы, стр. XXI.

[152] См. указатель литературы.

[153] В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, стр. 262—269.

[154] А. А. Семенов. Очерк, стр. 29—30.

Некоторые его работы[155] и по сей день остаются настольными книгами исследователей.

Один вакфный документ периода царствования эмира Насруллы (в документе указан 1250/1834—35 г.) был издан Л. Н. Соболевым[156].

Фрагменты из вакфного документа Шейбани-хана, отрывки из писем эмира Хайдара и письма эмира Насруллы к Хакиму кушбеги были опубликованы Фитратом[156].

Нами были впервые использованы некоторые ярлыки Имамкули-хана о водопользовании из коллекции Бухарского музея[157]. В этих документах обращает на себя внимание установление норм поливной воды для определенных участков земли.

Важнейшим источником для изучения аграрных отношений в первой четверти XIX в. являются письма эмира Хайдара, адресованные Сейид Ахмеду Ходже — племяннику эмира по сестре, бывшей замужем за одним из джуйбарских ходжей. 973 письма эмира собраны в одном фолианте и хранятся в рукописехранилище ИВ АН УзССР[158]. Часть этих документов носит характер личной переписки, часть — официальной. Здесь мы находим экземпляры различных служебных писем, записок (мубарак-наме), жалованных грамот (инойят-наме) и ярлыков эмира Хайдара.

Адресат Сейид Ахмед Ходжа последовательно назначался садром, файзием[159], правителем (хаким, мир) Чарджуя, Несефа (Карши), Кермине, Нураты и Хузара, накибом Бухары и Самарканда. Переписка эмира Хайдара служит почти единственным источником для первой четверти XIX в., дающим более или менее конкретное представление о различных категориях землевладения, землепользования и водопользования, о видах феодальной ренты, натуральной повинности населения. Большой интерес представляет налоговая и хозяйственная терминология. В документах имеются данные о рабовладении и работорговле. Жалованные грамоты эмира на имя Сейид Ахмед-Ходжи дают полное представление об одном большом феодальном хозяйстве[160].

---

[155] См.: В. Л. Вяткин. Материалы; Он же. Каршинский округ; Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе, ЗРГО, т. IV, СПб., 1874, приложение 14.

[156] Фитрат. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии, ЗИВ ИВ АН СССР, Л., Изд-во АН СССР, 1933, стр. 69—87.

[157] См. указатель литературы.

[158] Ркп. ИВ АН УзССР, № 1961/II.

[159] Эти должности были прерогативой сейидов. О них см. первую главу настоящей работы.

[160] Подробнее см.: М. Абдураимов. Некоторые предварительные соображения о письмах эмира Хайдара, Известия АН УзССР, серия об-

Хозяйственно-административные вопросы начала XIX в. затрагиваются в письмах эмира Хайдара к правителю Карши Хаким-бию инаку, впоследствии верховному кошбеги[161]. В одном фолианте собрано 965 писем эмира Хайдара к указанному адресату. Последнее 965 письмо не закончено, оно обрывается на фразе, относящейся к назначению царевича Насруллы правителем Каршинского вилайета. Следует указать, что настоящие письма эмира Хайдара до сих пор еще не привлекали внимания исследователей.

Отдельные письма Хайдара, адресованные Хаким-бию кошбеги, не вошедшие в исследуемое нами «Собрание писем», были использованы В. Л. Вяткиным[162].

Особое место среди документальных источников принадлежит «Собранию копий документов на право владения землей и водой». Эти документы составлены на узбекском и таджикском языках. Название условное, оно взято из справки журналиста канцелярии Туркестанского генерал-губернатора Никольского. В «Собрание» включены копии с различных ханских и других документов, относящихся только к земельным владениям Карасканского мазара (при древнейшем ферганском селении Караскан); шейхи этого мазара владели землями селения Кызыл-рабат, Гаухан и Адак на правах сойюргала и дарбаст (дарубаста). Карасканский мазар, вернее шейхи мазара владели также огромными территориями вакфных земель и другим движимым и недвижимым имуществом. Документы охватывают период XV—XIX вв.[163]

Ценные документы из архива кокандских ханов готовит к изданию А. Л. Троицкая. Надеемся, что они в скором будущем станут достоянием широких исследовательских кругов. Некоторые исследования А. Л. Троицкой, основанные на архивных документах кокандских ханов[164], были использованы нами[165].

Из мусульманских юридических сочинений мы использовали «Хидайя»[166] (руководство) Бурхан ад-дина Маргинани

щественных наук, 1959 № 6; Он же. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара.

[161] СВР АН УзССР, т. I, № 377. مجموعهٔ مکتوبات سید امیر حیدر بهادرخان بحکیم بی اتاق

[162] В. Л. Вяткин. Каршинский округ.

[163] СВР АН УзССР, № 351; А. Жувонмардиев. XVI—XIX асрларда Фарғонада ер-сув масалаларига доир, Тошкент, 1965.

[164] А. Л. Троицкая. Заповедники «Курук» кокандского хана Худаяра, Сборник Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, вып. III, Л., 1955.

[165] А. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 47 и сл.

[166] الهدایه ркп. ИВ АН УзССР, № 2393.

(ум. в 593/1197 г.), широко известное не только в Средней Азии, но и на всем «мусульманском» Востоке. Вплоть до Октябрьской революции «Хидайя» была настольной книгой для всех среднеазиатских факихов (законоведов). Однако следует отметить, что со временем в «Хидайя» были внесены значительные «дополнения», в которых мы находим немало отступлений от канонических норм права в пользу местных обычаев или истолкований положений «Хидайя» в духе местных условий жизни.

Исследование подобных добавлений, основанных, как справедливо заметил А. А. Семенов[167], на местной жизненной практике, представляет большую научную ценность, особенно в области земельно-водных отношений. В этой связи следует отметить любопытный сборник юридических решений (фетв) бухарского происхождения, в котором отразилось местное толкование шариата по ряду вопросов, касающихся повседневной жизни населения. Этот сборник представляет собой «Субханкулиевские юридические решения» (فتاوئ سبحانيه)[168], посвященные Аштарханиду Субханкули-хану (1680—1702). Характерно, что фетвы этого сборника исходили из конкретных местных условий, а не из абстрактных юридических положений, поэтому значение подобных сочинений трудно переоценить.

Необходимо подчеркнуть, что во многих случаях, касающихся земельно-водных вопросов, автор «Хидайя» ссылается на сочинение Абу Юсуфа Я'куба «Китаб ал-харадж» (конец VIII в. н. э.)[169], которое, как известно, было представлено в виде совета халифу Харун ар-Рашиду, а не в виде закона. Понятно, что положения книги Абу Юсуфа Я'куба, отражающие условия классического периода халифата, не могли быть полностью приняты к руководству в Средней Азии, конкретные исторические условия которой вызвали необходимость создания оригинальных юридических сочинений, вроде «Хидайя» и др.

К числу редких, еще не известных в научных изданиях юридических сочинений относится труд Ибадуллы Ибн Ходжи Арифи Бухари «Рисале-и Хабибийе», о котором мы говорили выше.

---

[167] А. А. Семенов. Описание персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета, Ташкент, 1935, стр. 22—23, СВР АН УзССР, т. IV, стр. 7.

[168] Ркп. Фундаментальной библиотеки ТашГУ, № 09/845.

[169] Абу Юсуф Якуб. Китаб ал-хараджи, Булак, 1302 г. х. (1884—1885 г. н. э.).

Автор подробно рассказывает об источниках образования фондов государственных земель (амляк, мульки падишахи, мульки султани).

Такова краткая характеристика основных источников, использованных нами при написании данной работы.

* *
*

Дореволюционная русская и западноевропейская востоковедческая наука уделяли мало внимания вопросам социальной и тем более хозяйственной истории Средней Азии послетимуридских времен. Почти не изученным оставался также так называемый «домусульманский» период истории народов Средней Азии. Археологические исследования, проводимые с 30-х годов XX в. в широком плане почти во всех районах Средней Азии под руководством таких выдающихся ученых, как А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов, М. Е. Массон, Я. Г. Гулямов, В. А. Шишкин, А. П. Окладников и др., обеспечили успешное решение задачи комплексного изучения «домусульманского периода», т. е. первобытно-общинного, рабовладельческого и раннефеодального периодов истории Средней Азии. Но что касается истории XVI — первой половины XIX в., то многие вопросы социально-экономического порядка еще ждут своих исследователей.

За последние десятилетия накопился богатый фактический материал в виде переводов нарративных источников, публикации актовых документов и отдельных исследований. Это имеет первостепенное значение в деле тщательного исследования ряда вопросов социальной и хозяйственной истории Средней Азии изучаемого времени.

Из дореволюционных ориенталистов мы должны особо отметить заслуги В. В. Вельяминова-Зернова, ценные исследования которого посвящены социально-политической истории позднейшего периода феодального общества Средней Азии. В капитальных и обстоятельных исследованиях В. В. Вельяминова-Зернова было использовано большое количество первоисточников с текстуальными выписками и дословными русскими переводами. Как мы уже отмечали выше, такой классический источник по истории Шейбанидов, как «Абдулла-наме», впервые был введен в науку В. В. Вельяминовым-Зерновым[170].

Важность исследований выдающегося русского тюрколога В. В. Радлова, в первую очередь его трудов «Опыт словаря

[170] Н. И. Веселовский. Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов, стр. 5 и сл.; История народов Узбекистана, т. II, стр. 17; Перечень работ В. В. Вельяминова-Зернова см. в библиографии к настоящей работе.

тюркских наречий» (в четырех томах)[171] и «Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга»[172], общеизвестна. Для нашей темы непосредственное значение имеет его этнографическая работа. В. В. Радлов является одним из первых русских ориенталистов, прибывших в Среднюю Азию в конце 60-х годов XIX в. с первыми отрядами русских войск. Он посетил Зарафшанскую долину и детально обследовал быт и обычаи ее жителей. Вместе с тем, В. В. Радлов дал подробное описание состояния сельского хозяйства, агротехники, орошения, ренты (налога). Но труд В. В. Радлова о Зарафшанской долине[173] в настоящее время сохраняет значение уже как источник, а не как исследование. То же самое можно сказать и о работах других русских исследователей второй половины XIX в.

Главные научные интересы крупнейшего русского востоковеда акад. В. В. Бартольда, перу которого принадлежит огромное количество исследований[174], и его ученика А. Я. Якубовского ограничивались главным образом периодом до XVI в. Тем не менее в отдельных трудах В. В. Бартольда уделяется много места вопросам социальной и хозяйственной истории Средней Азии после XVI в. В первую очередь здесь следует отметить его исследование «К истории орошения Туркестана»[175], при подготовке которого В. В. Бартольд изучил буквально все данные об орошении в географических, исторических и иных сочинениях на различных восточных и европейских языках. Исследования В. В. Бартольда по орошению Средней Азии, в том числе Бухары, основанные на богатом фактическом материале из письменных источников, в силу тогдашних условий не могли быть обогащены важными и интересными данными археологического и этнографического порядка. При В. В. Бартольде не были еще выявлены те интересные документальные и иные источники, которые были введены в науку позднее. И тем не менее «Орошение» В. В. Бартольда не утратило своего значения даже в наше время.

В отчете о командировке в Туркестан в 1904 г.[176] В. В. Бартольд дает краткий обзор ряда источников на узбекском и пер-

---

[171] В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV, СПб., 1893—1911.

[172] В. В. Радлов. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга, ЗВОРАО, т. III, СПб., 1889.

[173] В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина, Записки РГО по отделению этнографии, т. 6, СПб., 1880.

[174] Как известно, издаваемое ныне 9-томное собрание сочинений В. В. Бартольда, включит в себя свыше 400 его важнейших работ.

[175] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914.

[176] В. В. Бартольд. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в., стр. 388 и сл.

сидском языках, относящихся к истории Шейбанидов и Аштарханидов.

Оригинальные этнографические вопросы освещены в статье В. Б. Бартольда о «Церемониале при дворе узбекских ханов»[177], где сообщаются интересные факты о дворцовой жизни балхских наместников Аштарханидов и роли кочевой знати и духовенства во дворцах узбекских ханов.

Ценный библиографический материал по истории Средней Азии XVI—XIX вв. содержит монография В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России». Из дореволюционных работ выдающегося русского востоковеда следует отметить также «Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в.»[178]

К числу капитальных трудов В. В. Бартольда послереволюционного периода относится его исследование культурной истории Средней Азии, где автор, освещая вопросы истории культуры среднеазиатских народов, попутно сообщает много интересных данных по экономической и политической истории Средней Азии[179].

Как известно, В. В. Бартольд не был марксистом. Он делал попытки вскрыть феодальную сущность среднеазиатских государственных образований; на основе государственной жизни он видел «степные традиции» в сочетании с «мусульманской государственной идеей». Известный политический и экономический упадок Средней Азии в первой половине XVIII в. В. В. Бартольд объяснял преимущественно «начавшимся еще в XV в. развитием морских торговых путей, находившихся в руках западных европейцев, и упадком караванной торговли»[180]. Не получило надлежащего объяснения и образование трех среднеазиатских ханств, связанное, как известно, с оживлением экономической жизни во второй половине XVIII— начале XIX в., и тем не менее, по насыщенности фактическим материалом, полученным автором главным образом в результате собственных обширных исследований, по исключительной научной добросовестности и множеству ценнейших частных выводов «История культурной жизни» В. В. Бартольда остается важным пособием и по сей день[181].

Ценные работы созданы В. В. Бартольдом по истории кир-

---

[177] В. В. Бартольд. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в., ЗРГО, т. 34, 1909.

[178] Известия Туркестанского отдела РГО, IV, вып. 2, Ташкент, 1902.

[179] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927; Соч., т. II, ч. 2, стр. 169 и сл.

[180] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 96.

[181] История народов Узбекистана, т. II, стр. 19.

гизов, туркменов и таджиков[182]. В них приводятся данные и по истории Узбекистана. Для нашего исследования известное значение имеет и статья В. В. Бартольда по истории хлопководства[183].

Ряд интересных статей по истории позднейшего периода были опубликованы В. В. Бартольдом в «Энциклопедии ислама». Ныне эти статьи в переводе на русский язык вошли в «Сочинения» ученого[184].

До настоящего времени сохранили свою значимость труды проф. В. Л. Вяткина, основанные большей частью на актовых и других официальных документах[185]. Он же перевел на русский язык отдельные отрывки и сочинения, относящиеся к топографии и географии окрестностей Самарканда. Этим переводам предпосланы содержательные предисловия и примечания.

Как в исследованиях, так и в переводах В. Л. Вяткина заключается ценный фактический материал по экономической истории Бухарского ханства XVI — первой четверти XIX в.

Особое место занимают в литературе исследуемого нами периода труды проф. А. А. Семенова. Этот автор в течение более чем 50 лет занимался исследованием истории и истории культуры народов Средней Азии. Ряд его работ посвящен социально-политической и хозяйственной истории Бухарского ханства XVI—XIX вв. А. А. Семеновым были переведены с интересными комментариями на русский язык многочисленные источники по истории и истории культуры народов Средней Азии. Он же был инициатором и редактором издания «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР»[186].

Много нового внесли в историографию народов Узбекистана XVI—первой четверти XIX в. исследования проф. П. П. Иванова, появившиеся в печати с 1935 г. Плодотворной научной деятельности П. П. Иванова, погибшего в дни фашистской блокады Ленинграда в расцвете своих творческих сил, посвящена обстоятельная статья А. Ю. Якубовского «Павел Пет-

---

[182] В. В. Бартольд. Таджики (исторический очерк), сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925; Он же. Киргизы (исторический очерк), Фрунзе, 1927, 1943 (второе изд.); Он же. Очерк истории туркменского народа, сб. «Туркмения», т. 1, Л., 1926. Все эти работы ныне вошли во второй том (ч. 1) сочинения В. В. Бартольда, стр. 449—623.

[183] В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских, журн. «Хлопковое дело», 1924, № 11—12. Соч., т. II, ч. 1, стр. 434.

[184] В. В. Бартольд. Абдулла б. Искандер; Искендер-хан; Шейбаниды, соч., т. II, ч. 2, стр. 485, 521, 545.

[185] Перечень работ В. Л. Вяткина см. в библиографии к настоящей работе.

[186] Вышли I—VII тома, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1952—1965 гг.

рович Иванов как историк Средней Азии»[187] и предисловие к изданию его «Хозяйства джуйбарских шейхов»[188]. Как подчеркивается в предисловии, эта монография является одной из лучших работ П. П. Иванова. Она составлена на обширном материале первоисточников, большей частью впервые привлеченных автором. Поднятые им вопросы позволяют проникнуть в самую суть феодальных производственных отношений в Средней Азии XVI в., особенно в период правления Шейбанида Абдулла-хана (1557—1598).

Серьезное значение для нашей темы имеет монография проф. Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней» (Ташкент, 1957). В ней обобщены итоги более чем двадцатилетней исследовательской работы автора. На основе богатого археологического материала и многочисленных нарративных и документальных источников Я. Г. Гулямову удалось осветить один из центральных вопросов земледелия на Востоке, в том числе в Средней Азии, историю возникновения и развития орошения в низовьях Амударьи, в древнем земледельческом районе Средней Азии — Хорезме. Опыт, накопленный и обобщенный в труде Я. Г. Гулямова при изучении ирригации в Хорезме, помогает нашим историкам, археологам и другим специалистам осветить этапы развития орошения с древнейших времен в Бухарском оазисе, Ферганской долине и других районах Узбекистана и всей Средней Азии. Я. Г. Гулямову удалось раскрыть исторический процесс накопления народами Средней Азии ирригационного опыта, условия их многовековой борьбы за создание высокой земледельческой культуры, исторические причины возникновения и запустения цветущих в древности земледельческих районов.

Внимательно, этап за этапом исследуя историческое развитие Хорезма, Я. Г. Гулямов смог ответить на следующие важные вопросы исторической науки: почему Хорезмский оазис, располагавший в древности огромной земельной площадью, громадными, удобными для орошения водными ресурсами Амударьи, не смог выйти из состояния земельной тесноты, а его трудолюбивое население страдало от нищеты под гнетом феодалов; почему в XVII — первой половине XIX в. население Хорезма смогло восстановить орошение на больших земельных площадях, а потом не сумело поддержать его, допустив разорение цветущих районов, и т. д. Ответы на эти вопросы имеют немаловажное значение и для освещения хозяйственной истории Бухары периода позднего феодализма.

---

[187] СВ, V, 1948, стр. 313—320.

[188] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов.

В книге Я. Г. Гулямова приводится интересный фактический материал о феодальной ренте—налоге, особенно о натуральной ренте кочевых племен, об обязанностях предводителей кочевых племен перед центральной властью.

Большой вклад в изучение различных видов феодального землевладения в Средней Азии внесла О. Д. Чехович. Она исследовала и перевела большое число актовых и других материалов по феодальному землевладению и феодальной ренте[189].

Для настоящего исследования небезынтересны опубликованные О. Д. Чехович (в переводе с комментариями) «Акты феодальной собственности за землю XVII—XIX вв.» В первый выпуск этой серии вошли документы о купле-продаже земель, жалованные грамоты бухарских государей об обелении отдельных владений и т. д.

В выяснении природы феодального землевладения (и землевладения вообще в различных его формах) огромную роль сыграли исследования проф. И. П. Петрушевского[190]. Мысли, высказанные им по этим вопросам в отношении средневекового Ирана (и Хорасана) и стран Закавказья, могут быть отнесены и к Средней Азии. Автор приводит много интересных данных по истории землевладения в Средней Азии[191].

В 1960 г. вышел в свет новый капитальный труд И. П. Петрушевского[192], представляющий глубокий синтез многолетнего плодотворного исследования автора. Выполненный на базе богатейшего фактического материала из многих первоисточников на различных языках, этот труд является новым достижением не только советской исторической науки, но и мировой ориенталистики. Метод исследования И. П. Петрушевского дает возможность раскрыть природу различных видов феодального землевладения и землепользования, отдельных феодальных институтов, а также феодальной ренты в странах средневекового Среднего Востока и Закавказья.

И. П. Петрушевскому принадлежит заслуга исследования проблемы прикрепления крестьян к земле и различных форм феодальной зависимости крестьян в Иране[193]. Научные обобщения и выводы И. П. Петрушевского о феодальных общест-

---

[189] См. библиографию к нашей работе.

[190] Их перечень см. в библиографии к настоящей работе.

[191] И. П. Петрушевский. Очерки.

[192] И. П. Петрушевский. Земледелие.

[193] См. его работы: К вопросу о прикреплении крестьян к земле в эпоху монгольского владычества, ВИ, 1947, № 4; О формах феодальной зависимости крестьян в Иране в XIII—XIV вв., СВ, 1955, № 5.

вах Ирана (и Хорасана) вполне применимы и к истории среднеазиатского феодализма.

Важным проблемам социальной истории Мавераннахра начала XVI в. посвящены ценные статьи Р. Г. Мукминовой[194].

Вопросы феодального землевладения и сойюргального пожалования рассматриваются в статьях Р. Н. Набиева[195], написанных на основе изучения ярлыков шейбанидских и аштарханидских государей и царевичей, которые правили в Фергане[196]. Фотокопии этих документов, находящихся в восточном отделе библиотеки Казанского университета, как мы уже говорили, были доставлены в Ташкент кандидатом исторических наук Х. З. Зияевым[197].

Первая из статей Р. Н. Набиева посвящена описанию указанных ярлыков в хронологическом порядке. Во второй статье автор анализирует эти документы. В целом интересные статьи Р. Н. Набиева были бы более ценными, если бы автор привлек другие источники по данному вопросу, относящиеся к иным районам Узбекистана.

Об институте сойюргал в период правления Тимуридов говорит А. М. Беленицкий в статье «К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в тимуридскую эпоху (образование института суюргал)»[198].

По социальной и экономической истории Узбекистана XVI—первой половины XIX в. опубликованы сводные труды по истории Узбекистана (разделы, написанные А. А. Семеновым и подготовленные к изданию В. А. Шишкиным)[199].

Вопросам земельно-водных отношений, а также различным видам феодальной ренты и натуральной повинности в Бухаре

---

[194] К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в. Известия АН УзССР, 1954, № 1; Народные движения в Узбекистане в 1499—1501 годах, Известия АН УзССР, 1950, № 1; О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в.

[195] Новые документальные материалы к изучению феодального института «суюргал» в Фергане XVI—XVII вв.; Из истории феодального землевладения в Фергане в XVI—XVII вв., Известия АН УзССР СОН, 1960, № 3.

[196] История Ферганы в целом, аграрные отношения в частности слабо изучены. Книга С. Азимджановой «К истории Ферганы второй половины XV в.» (Ташкент, 1957) построена на пересказе известных источников и все последующие ее статьи и доклады, прочитанные на востоковедческих конгрессах, являются вариантами этой книги.

[197] Эти документы цитированы в двух наших работах: Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара. Позднейшие упоминания о сойюргале.

[198] «Историк-марксист», 1941, № 4.

[199] История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955; История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1947.

и Хиве второй половины XIX в. посвящены исследования М. Ю. Юлдашева и А. Х. Хамраева, насыщенные интересными фактическими данными[200].

В разделе «Орошение» нашей работы использованы также результаты археологических исследований член-корреспондента АН СССР С. П. Толстова, акад. М. Е. Массона, проф. Я. Г. Гулямова, А. И. Тереножкина, Б. А. Латынина и др.[201]

Пособия. Нельзя не отметить известную ценность исследований и мемуаров русских авторов 70-х годов XIX и начала XX в. — Л. Н. Соболева, П. М. Ростиславова, С. С. Идарова, А. Д. Гребенкина, М. И. Бродовского, А. Ф. Миддендорфа, В. И. Масальского, А. П. Хорошхина, Г. А. Арандаренко, А. Л. Куна, Д. Н. Логофета и др.[202]

Главная ценность трудов этих и других авторов середины XIX в. состоит в том, что они зафиксировали существовавшие порядки в Средней Азии в области землевладения и землепользования, еще не подвергшиеся особым изменениям. При этом они исходили главным образом из своих личных этнографических наблюдений и общих теоретических вопросов шариата (времен халифата) в области землевладения. Как известно, законы шариата в конкретных условиях Средней Азии были видоизменены, и положения шариата, принятые в классический период ислама, нельзя брать за основу для XVI—XIX вв. Кроме того, авторам XIX в. еще не было известно большое количество нарративных и документальных источников. И все же, хотя труды исследователей середины XIX в. в своих основных положениях сильно устарели, они сейчас имеют большое познавательное значение.

Заслуга первого ознакомления русских и европейских читателей с историей Бухары XVI—XVIII вв. принадлежит известным русским ориенталистам И. И. Сеньковскому и особенно В. В. Вельяминову-Зернову. В западно-европейской историографии первая серьезная попытка создать полную и связную историю Средней Азии до середины XIX в. была сделана венгерским ученым и путешественником Арминием (Германом) Вамбери в его «Истории Бухары»[203]. Второй том этого труда посвящен истории XVI в. и основан на изучении относи-

[200] А. Х. Хамраев. К вопросу о земельно-водных отношениях в Бухарском ханстве в XIX в., Ташкент, Труды САГУ, новая серия, вып. IX, 1948.

[201] Перечень трудов упомянутых и других авторов см. в библиографии к настоящей работе.

[202] См. библиографию к нашей работе.

[203] А. Вамбери. История Бухары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. По восточным обнародованным и необнародованным рукописным источникам, перевод А. И. Павловского, т. I—II, СПб., 1873.

тельно небольшого количества источников, часть которых была им впервые обнаружена и использована, что является несомненной заслугой А. Вамбери. Несмотря на существенные недостатки методологического и фактического порядка, книга А. Вамбери долго оставалась единственным более или менее систематическим изложением истории Средней Азии, в том числе Бухарского ханства[204].

В заключении следует отметить, что изучаемый нами период еще недостаточно исследован. Изучение истории XVI в. подвинулось вперед после В. В. Бартольда, а что касается истории XVII—XVIII вв., то здесь дело обстоит хуже. Но и настоящая работа не ставит целью осветить широкий круг вопросов, касающихся этого периода. Наша работа посвящена исследованию земледелия, аграрного вопроса, положения крестьян и их классовой борьбы в XVI — начале XIX в. Мы надеемся, что наше исследование окажется посильным вкладом в изучение истории Средней Азии рассматриваемого времени — периода позднего средневековья.

---

[204] История народов Узбекистана, т. II, стр. 17—18.

Глава I

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА АШТАРХАНИДОВ И НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

КОЧЕВАЯ ЗНАТЬ КАК ВЕДУЩАЯ ГРУППА КЛАССА ФЕОДАЛОВ

Государство Шейбанидов пало в самом конце XVI в. в результате усилившейся феодальной раздробленности, вызванной стремлением правителей уделов к политической самостоятельности.

Выдающийся представитель династии Шейбанидов Абдулла-хан (1557—1598), сумевший в 80-х годах XVI в. объединить отдельные области Мавераннахра в единое государство, умер в момент, когда, с одной стороны, в стране вновь усилились феодальные междоусобицы и, с другой — ухудшились внешнеполитические условия: на севере потерпели поражение военные отряды Шейбанидов в борьбе с казахами, а шах Аббас (1587—1629) вытеснил узбеков из Хорасана. Данные официальных источников о смерти Абдулла-хана расходятся. Автор одного авторитетного источника рубежа XVI—XVII вв. «Матлаб ат-талибин» («Цель стремлений ищущих [истину]») Абу-л-Аббас Мухаммед Талиб ибн Ходжа Тадж ад-дин пишет, что, по слухам, хана отравил его собственный сын Абд ал-Мумин (правивший Балхом), действовавший совместно с одним из представителей узбекской военно-кочевой феодальной знати Мухаммед Баки-бием[1].

Более подробные сведения о разногласии между Абдулла-ханом и его сыном и о последнем годе царствования сообщает Искендер Мунши — историограф Шаха Аббаса I (1587—1629) в своем труде «Тарих-и аламарай-и'Аббаси» («Мир украшающая история [шаха] Аббаса»). Говоря о последних днях правления Абдулла-хана и вражде между ним и царевичем Абд ал-Мумин-ханом и об использовании этого благоприятного момента казахами-кочевниками, он пишет[2], что в «момент, когда из-

[1] Матлаб ат-талибин, л. 124а.

[2] Ввиду того, что в известной и доступной литературе эти данные отсутствуют, мы приводим их полностью.

вестие о ссоре и вражде между отцом и сыном распространилось в Туркестане, казахские султаны (Салатин-и казак), до сих пор опасавшиеся могущества [Абдуллы], жившие смиренно (бо адаб), возмутились. Один из них, Тевеккель-султан, присвоивший себе титул (исм) хана, подступил к Ташкенту с многочисленным войском. Абдулла-хан, не считая его достойным себе противником, ограничился тем, что выслал против него султанов своей фамилии, эмиров из пограничных областей и часть войска. Между Ташкентом и Самаркандом обе войсковые группы вступили в сражение. Схватка была кровопролитной. В этой битве армия Абдулла-хана, которая от самого его царствования постоянно была победоносною во всех сражениях, потерпела поражение[3]. Большая часть эмиров и начальников и несколько султанов погибли, те же из воинов, которые остались в живых, бежали в Бухару в самом жалком и несчастном виде. Неудача войны с казахами еще больше расстроила хана и без того уже огорченного поведением сына. Тем не менее, он не захотел оставить дела и послал за эмиром Кулбаба Кукельдашем. Только и думал он о том, как бы собрать войско, исправить положение. Когда явился Кулбаба и собралось войско, Абдулла-хан, спеша отразить накопившуюся грозу и отомстить Тевеккель-хану, двинулся к Самарканду, но как скоро он прибыл туда, здоровье его в следствие сильных потрясений, которые нанесены были ему неповиновением сына и дерзостью казахов, изменилось к худшему. Он заболел и вскоре скончался»[4].

Война с казахами имела тяжелые последствия для населения оседлых районов. Бадр ад-дин Кашмири сообщает о страшном голоде в Ташкенте в 988 (1580/81 г.) г., когда город в течение 70 дней осаждался отрядом кочевников из казахских степей. Население Ташкента находилось в столь бедственном положении, что от страшного голода люди позволяли себе есть кошек и собак и, произнося слово «лепешка», вручали душу [аллаху]»[5].

По свидетельству автора ценного труда по истории Аштарханидов «Тезкира-и Муким-хани» («Мукимханово жизнеописание»), известного также под другим названием — «Тарих-и Муким-хани» («Мукимханова летопись») — Мухаммеда Юсу-

---

[3] Подробные данные о взаимоотношениях Шейбанидов с кочевниками казахской степи и война с Тевеккелем имеются в «Равзат ар-ризван», л. 230б—234б.

[4] Искендер Мунши. Тарих-и аламарай-и 'Аббаси, стр. 404 и сл. Русский текст см.: В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование, ч. 2, стр. 342—343.

[5] Равзат ар-ризван, л. 230б—231б.

фа Мунши, Абдулла-хан умер в месяце раджабе 1006 г. х.[6], соответствующем июлю 1598 г., а по словам Искендера Мунши, он скончался в конце года курицы тюркского циклического летоисчисления; год курицы же кончился в ша'бане 1006 г. х.[7], соответствующему марту 1598 г.

Вся обширная территория государства Шейбанидов, заключавшая в себе Мавераннахр, Туркестан и часть Хорасана, была охвачена феодальными войнами и междоусобицами. Единственный сын и преемник Абдулла-хана Абд ал-Мумин пытался подавить сепаратистские выступления отдельных членов дома Шейбанидов и крупных феодалов. Но это ему не удалось. Вскоре против него составился заговор, и через шесть месяцев после этого, летом 1006 (1598) г., он был убит[8]. Во главе группы феодалов, составившей заговор против Абд ал-Мумина, стал Абд ас-Самад-бий[9] из узбекского племени кенегес, являвшийся при Абдулле-хане правителем области Шибирган (ныне в Северном Афганистане)[10], а затем правителем области Шахрисабз[11]. Абдулла-хан при жизни назначал ему 150 тысяч «хани» (т. е. теньга) из дохода Шахрисабза[12].

Из мужских представителей дома Шейбанидов после убийства Абд ал-Мумин-хана остался лишь дядя Абдулла-хана дряхлый Пир-Мухаммед-хан. Остальных же постепенно уничтожили Абдулла-хан и Абд ал-Мумин-хан, которые видели в их лице опасных для себя соперников.

Положение, создавшееся на территории государства Шейбанидов после гибели Абд ал-Мумин-хана, Мухаммед Юсуф Мунши образно характеризует так: «После сего происшествия послали людей в разные области с поручением [найти] принца [преемника убитого] Абд ал-Мумин-хана. Однако [сколько ни искали такового], не нашли, потому что во дни Абдулла-хана большинство [Шейбанидов] погибло в походах на Иран, Кашгар и Дешт-и Кипчак, некоторые же из них проявили неповиновение [своему сюзерену], и он послал их путем небытия. Одним словом [оказалось], что, кроме Абд ал-Мумин-хана, другого не

---

[6] Мухаммед Юсуф Мунши. Тарих-и Муким-хани, ркп. АН УзССР, № 789, л. 24а—б.

[7] Искендер Мунши, стр. 404.

[8] Тарих-и Мукимхани, ркп. ИВ АН УзССР, 5386, л. 47а—б; Искендер Мунши, стр. 404; История народов Узбекистана, т. II, стр. 58, 82, 83.

[9] Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, № 80, л. 124б.

[10] Абдулла-наме, ркп. ИНА АН СССР, д. 88, л. 447. عبدالصمدبی که فرمان فرمای ولایت شبرعان

[11] Там же, л. 448.

[12] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 69.

было, и когда это определенно выяснилось, троны Мавераннахра, Балха и Бадахшана оказались свободными. Во [всем] государстве возникли неурядицы и анархия, никто не хотел подчиняться другому»[13]. Так заканчивается более девяностолетнее царствование Шейбанидов. В различных областях государства Шейбанидов появились разные ханы. В Бухаре воцарился Пир-Мухаммед-султан (дядя Абдулла-хана по отцу), о котором подробные данные имеются у Хафиз-и Таныша[14].

Значительную политическую роль сыграл Пир-Мухаммед-хан еще в те годы, когда только начиналась карьера выдающегося государственного деятеля из династии Шейбанидов Абдулла-хана при авторитетной поддержке всесильных шейхов Джуйбари. Дело было так. В 968 (1561) г. умер верховный хан Шейбанидов Науруз Ахмед-хан (Барак-хан, 1551—1561). Согласно установившимся у Чингизидов обычаям, ханом был избран Пир-Мухаммед-султан, наместник Балха, старший брат Искендер-султана, отца Абдулла-хана. Но шейхи Джуйбари отдали предпочтение молодому и энергичному Абдулла-хану и признали его вождем узбеков (عبدالله خانرا بروی مقدم میدارند). На вопрос окружающих, почему ишан Ходжа Ислам вопреки закону Чингиз-хана не признает ханом старшего по возрасту Пир-Мухаммеда, Ходжа Ислам ответил: „Какое касательство имеет собрание дервишей к закону Чингиз-хана. Если узбекский [народ] предпочел Пир-Мухаммед-хана, то Абдуллу предпочел [сам] аллах. Дервиши подчиняются приговору аллаху“[15]. Здесь и далее Бадр ад-дин Кашмири резко осуждает вторжение кочевников в Мавераннахр, их обычаи и традиции. Но все же правящая верхушка не могла открыто нарушить закон Чингиз-хана: верховным ханом Шейбанидов стал старший по возрасту Пир-Мухаммед с резиденцией в Балхе[16], фактически же государем Бухары был Абдулла-хан. Таковым его признавали шейхи Джуйбари еще тогда, когда он был царевичем.

Автор «Равзат ар-ризван» рассказывает, что в 968 (1560/61) г. Абдулла-хан собирался в поход на Хорасан. Однако из-за возражений верховного хана Пир-Мухаммеда поход не состоялся, и Абдулла-хан вместо Хорасана повернул в Балх. Там между Пир-Мухаммед-ханом и Абдулла-ханом было достиг-

---

[13] Тарих-и Муким-хани, ркп. Фундаментальной библиотеки Ташкентского университета: № 09/61, л. 28а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 70; Абдулла-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 2207, л. 78а, 102а—103б.

[14] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование, ч. 2, стр. 345—346.

[15] Равзат ар-ризван, л. 64а.

[16] Там же, л. 63б—64б.

путо соглашение об обмене Бухары на Балх. Согласно этому договору, Пир-Мухаммед со своим двором должен был перекочевать в Бухару, а Абдулла-хан обосноваться в Балхе. Сделка эта стала известна Ходже Исламу, который выехал тогда под видом охоты с многочисленной свитой в сторону Каршинской степи и Гузара. По словам автора «Равзат ар-ризван», на душе святейшего ишана и дервишей было невесело. Вскоре в палатку ишана со стороны Балха прибыл вестник, доложивший, что «его величество победоносный хан [Абдулла-хан] вилайет Бухару взаимно обменял на город Балх и Пир-Мухаммед-хан также взаимно принял эту идею и дал согласие на такую взаимную сделку»[17]. Ишану сообщили также, что Пир-Мухаммед-хан с бесчисленной ватагой кочевников переправляется через Амударью и собирается в столицу ханства Бухару[18].

Узнав об этом, ишан пришел в ярость и заявил во всеуслышание: «Не говорите нелепостей. Вилайет Бухара отныне не принадлежит Абдулла-хану, как может он передавать его Пир-Мухаммед-хану. Бухара имеет хозяина. Следовательно, [при нас] никаких вмешательств (букв. участие) в дела государства не может быть»[19]. Сказав это, ходжа Ислам в сопровождении многочисленных дервишей поспешно повернул в Бухару.

Абдулла-хан, узнав о недовольстве ишана, поспешил в Бухару. По прибытии туда он сразу же направился в Джуйбар на поклон к ишану. Ходжа Ислам обрушился на Абдуллу с упреками, говоря, что шейхам Джуйбари пришлось несколько лет рисковать жизнью, чтобы возвеличить Абдулла-хана среди шейбанидских царевичей в надежде, что он и его потомки в течение многих веков будут счастливо царствовать.

Через несколько дней Абдулла-хан привез из Миянкаля в Бухару своего отца Искендера и посадил его на ханский престол (1561—1583). Его имя включили в хутбу и этим же именем чеканили монеты. Имя Пир-Мухаммеда выбросили из хутбы и [вычеркнули] из монеты „از نام پرمحمدخان خطبه وسکه بر انداخته)[20]. С этого времени Абдулла-хан стал полновластным государем Шейбанидов, хотя до 1583 г. он

---

[17] Равзат ар-ризван, л. 177б.

[18] Там же, л. 178а.

[19] Там же.

[20] Равзат ар-ризван, л. 178б—179а. Об этом событии кратко говорится в «Абдулла-наме», ркп. ИВ АН УзССР, № 2207: л. 102а—103а. Здесь указана дата 967 (1559/60) г. По словам Хафиз-и Таныша, в первое время в хутбе упоминали и имя Пир-Мухаммед-хана: учитывая сложную политическую обстановку, вначале Пир-Мухаммеду не сообщили о возведении на ханский престол Искендер-хана (см.: Абдулла-наме, л. 103б).

царствовал в качестве наместника своего отца. Это удалось Абдулла-хану благодаря огромному авторитету, духовному и политическому влиянию Ходжи Ислама среди правящей узбекской верхушки.

После смерти Абдулла-хана, как мы уже говорили, имя Пир-Мухаммед-хана, уже дряхлого старика, снова появилось на политической арене, правда, на очень короткое время.

О Пир-Мухаммед-хане упоминают также Искендер Мунши и автор «Матлаб ат-талибин». Из исследователей истории Бухары о царствовании Пир-Мухаммеда писали В. В. Бартольд и П. П. Иванов[21]. Пир-Мухаммеда возвели на ханский престол приверженцы Абдуллы и военная знать.

В Балхе засел Абд ал-Амин, выдававший себя за сына покойного султана Ибадуллы, брата Абдуллы. Этого самозванца выставила вдова Ибадуллы, которая и стала с помощью эмиров править под его именем. Абд ал-Амин, однако, вскоре согласился признавать над собою номинальную верховную власть Пир-Мухаммеда, т. е. чеканить в честь его монету и в хутбе ставить его имя выше своего[22].

В Хорасане утвердился Дин-Мухаммед-султан, или, как его обыкновенно звали, Тилим-султан, сын сестры хана Абдуллы и выехавшего из Астрахани в Бухару султана Джанибека[23].

На смену династии Шейбанидов пришли Аштарханиды, тесно связанные с кочевой и военной аристократией.

Аштарханиды являются потомственными Чингизидами, происходившими от хана Белой Орды Уруса, ставка которого находилась на Мангышлакском полуострове на Каспийском море[24].

Лаконичное изложение воцарения Аштарханидов приводится в «Тарих-и Муким хани» Мухаммед Юсуфа Мунши. Он писал, что уцелевшие дети Урус-хана «расселялись по разным государствам. Кутлук-Тимур-хан прибыл в Аштарханидское (Астраханское) царство, что лежит на окраине Руси[25]. [Там] он некоторое время провел в огорчениях, а потом, [когда его хорошо] узнали, предоставили ему тамошнее управление. Его потомки правили там до Яр-Мухаммед-хана. [Затем] среди брать-

---

[21] В. В. Бартольд. Искендер-хан, Соч., т. II, ч. 2, стр. 521; П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 76.

[22] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование, ч. 2, стр. 343—344.

[23] Искендер Мунши, стр. 407 и сл. Подробнее о Джанибек-султане см. ниже.

[24] Подробнее см. «Аноним Искендера», ркп. ИВ АН СССР, С 381, л. 24б и сл.; Низам ад-дин Шами. Zafarnama, стр. 71, 74—77; Шараф ад-дин Йезди. Zafarnamah, т. 2, стр. 274—290.

[25] Тарих-и Муким-хани, ркп. ИВ АН УзССР, № 789, л. 26а.

ев и племен возникла вражда, и Яр-Мухаммед-хан вместе со своим сыном Джанибеком не могли оставаться в Астрахани и, покинув родину, во время Искендер-хана (отца Абдулла-хана.—*М. А.*) прибыли в Бухару[26]. Яр-Мухаммед-хан, состарившись, уже не имел телесных сил, и потому узбеки прозвали его «Старый Яр-Мухаммед» (Қарти Яр-Мухаммед). Искендер оказал ему почет и выдал замуж за его сына, Джанибек-султана, свою дочь Зухра-ханум. От этого брака родились три сына: Дин-Мухаммед-хан, Баки-Мухаммед-хан и Вели-Мухаммед-хан»[27].

Абдулла-хан послал Дин-Мухаммед-хана править Нисой и Абивердом, а его два брата состояли на службе при нем.

После смерти Абдулла-хана старший из братьев, Дин-Мухаммед-султан, опасаясь Абд ал-Мумина, с которым он был во враждебных отношениях и который заключил в темницу даже отца его, Джанибека, открыто восстал против Абд ал-Мумина и пытался овладеть Гератом. В городе сидел наместник Абд-ал-Мумина Хаджи-бий, который не хотел сдаваться, но в это время стало известно, что в Бухаре убит Абд ал-Мумин и, кроме того, иранцы хотели завоевать Хорасан у Шейбанидов. Хаджи-бий и узбекские эмиры, находившиеся в Герате, будучи не в силах оказать сопротивления, решили сдать город Дин-Мухамеду и провозгласить его ханом Хорасана. Дин-Мухаммед занял Герат, но, так как при нем находился в это время его дед Яр-Мухаммед, незадолго перед этим возвратившийся из хаджа (паломничества в Мекку и Медину), он, Дин-Мухаммед, ханского титула не принял, объявив ханом Яр-Мухаммеда: приказал чеканить монеты с его именем и в честь его провозглашать хутбу[28].

Власть Дин-Мухаммеда признал над собою и г. Мерв, где воцарился было один из родственников покойного хана Абдуллы — Касим-султан. Касим был убит, и правление городом принял младший брат Дин-Мухаммеда — Вели-Мухаммед. Счастье, однако, недолго благоприятствовало Дин-Мухаммеду. Иранцы, воспользовавшись смертью двух узбекских государей — Абдулла-хана и Абд ал-Мумин-хана, вступили в Хорасан под личным предводительством шаха Аббаса I[29].

---

[26] Эмиграция аштарханидских царевичей-чингизидов была связана, в частности, с присоединением Астраханского ханства к России в 1556 г. Царевичи прибыли в Бухару в 1554 г.

[27] Тарих-и Муким-хани, указ. ркп., л. 26а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 73. Вся эта генеалогия первых Аштарханидов переведена В. В. Вельяминовым-Зерновым с пояснениями и вставками. См.: В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование, ч. 1, стр. 243—244.

[28] Искендер Мунши, стр. 409—410.

[29] Там же, стр. 409.

Политическая же обстановка в самом Мавераннахре осложнялась тем, что казахи, узнав о гибели Абд ал-Мумина и видя, что в Мавераннахре нет достаточной силы, собрали многочисленные войска из казахов и кочевых племен Севера, в том числе монголов и калмыков, и во главе с ханом Тевеккелем двинулись в бывшие владения Шейбанидов[30]. Казахи в сравнительно короткий срок подчинили себе Ахсы, Андижан, Ташкент, часть Ферганы и Самарканд вплоть до Миянкаля. Тевеккель-хан, оставив своего брата Ишим-султана с 20 000 человек в Самарканде, сам с 70 или 80 тыс. человек двинулся в Бухару с целью овладеть ею[31].

Так как в Бухаре было не более 15 000 человек, то Пир-Мухаммед-хан и эмиры бухарские, не находя возможным оказать сопротивление неприятелю вне городской крепости, укрепили башни и стены и стали защищаться от казахов в осадном положении. Казахи подступили к Бухаре и кругом обложили ее. В конце концов бухарские войска вышли из крепости, и завязалось сражение. Казахи во главе с Тевеккель-ханом потерпели поражение и отступили.

По сообщению Искендера Мунши, наместник Самарканда Ишим-султан не смог примириться с поражением казахов: послал человека к брату и велел сказать ему: «Стыдно и очень стыдно, что столь многочисленное войско, какое было при государе, могло быть разбито горстью бухарцев и вынуждено бежать; если хан явится беглецом в Самарканд, то легко может и то случиться, что самаркандцы не захотят более нам повиноваться. Пусть хан снова идет назад; я с войском, находившимся при мне, соединяюсь с ним»[32].

Через некоторое время казахи, возглавляемые на этот раз Тевеккель-ханом и Ишим-султаном, возобновили наступление на Бухару. Но к этому моменту силы Пир-Мухаммеда значительно увеличились. Население Бухарского оазиса, претерпевшего многие бедствия в результате набегов и грабежей кочевников, присоединилось к войскам Пир-Мухаммеда с целью освободиться от насилия и грабежей казахов. Войска бухарские и казахские встретились в местности Узун-сакал в Миянкале[33].

В это тяжелое для Мавераннахра время часть бухарской знати и войска, очевидно, не надеясь на способности Пир-Мухаммед-хана, решили возвести на ханский престол вышеназ-

---

[30] Искендер Мунши, стр. 407.
[31] Там же; ср. Равзат ар-ризван, л. 230а—234б.
[32] Искендер Мунши, стр. 408—409.
[33] Там же, стр. 409.

ванного Джанибек-султана, связанного кровными узами с Шейбанидами. Но Джанибек-султан отказался от престола, мотивируя тем, что верховная власть в Мавераннахре должна принадлежать кому-нибудь из шейбанидских царевичей. Мухаммед Юсуф Мунши по этому поводу писал следующее: «После убийства Абд ал-Мумин-хана бухарская знать посадила [было] на престол Джанибек-султана, но он не согласился [быть ханом] и сказал: «Хотя я и Чингизид, но верховная власть над Мавераннахром должна принадлежать кому-нибудь из шейбанидских царевичей»[34].

Тогда бухарская знать остановила свой выбор на старшем сыне Джанибек-султана Дин-Мухаммед-султане. В Абиверд, где был правителем Дин-Мухаммед-султан, был послан ханский венец, провозглашена пятничная хутба в мечетях на его имя и были выбиты монеты с именем нового хана[35]. С этого времени новые узбекские государи называются «Джанидами» по имени Джанибек-султана, отца царевичей Дин-Мухаммеда, Баки-Мухаммеда и Вели-Мухаммеда, или чаще «Аштарханидами» по имени их прежней родины[36].

Но Дин-Мухаммед с трудом вырвался из осажденного иранцами Абиверда. В битве, происходившей в июле — августе 1006 (1598) г. между иранцами и Дин-Мухаммедом в Пули-Саляре, около Герата, он был разбит и раненый бежал[37]. Эти обстоятельства более подробно излагаются в «Тарих-и Муким-хани». Дин-Мухаммед-хан после поражения вместе со своими братьями Баки-Мухаммед-султаном и Вели-Мухаммед-султаном направился в Мавераннахр. Еще раньше он отправил туда свою жену и двух малолетних сыновей — будущих ханов Имамкули-султана и Надир-султана. Иранцы же продолжали преследование.

Во время одной из стычек Дин-Мухаммед-хан отстал от войска и от братьев и через несколько дней добрался до области Кундуз[38], населенной племенем хорасанских аймаков,

---

[34] Тарих-и Муким-хани, ркп. ИВ АН УзССР, № 789, л. 26а—б.

[35] Там же, л. 26б.

[36] См.: Искендер Мунши, стр. 410; И. И. Сенковский. Supplement al'histoire générale des Huns, des Turks, des Mongols etc... par M. Senkowski, стр. 31—35; В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование, ч. I, стр. 242—244; Он же. Монеты бухарские и хивинские, стр. 402—413.

[37] История народов Узбекистана, т. II, стр. 83; Искендер Мунши, стр. 408. Битва эта произошла вскоре после гибели Абд ал-Мумин-хана, когда Дин-Мухаммед-султан возвращался из Хорасана в Бухару.

[38] Кундуз с главным городом того же названия расположен в Северном Афганистане.

называвшимися также карайи[39]; они-то и убили одинокого человека, ехавшего на богато убранном коне в нарядном платье. Потом, рассмотрев убитого, обнаружили печать и по ней узнали Дин-Мухаммед-хана[40]. Братья Дин-Мухаммеда прибыли в Мавераннарх. По словам Мухаммед Юсуфа Мунши, бухарские эмиры вышли навстречу царевичам и в тот же день возложили царскую корону на голову Баки-Мухаммед-хана, а Вели-Мухаммед-хана сделали его наследником и отправили правителем в Балх[41].

О приходе к власти первого Аштарханида рассказано в «Тарих-и'аламарай-и'Аббаси» иначе, по-видимому, более достоверно. Как пишет Искендер Мунши, Баки-Мухаммед-хан, также бежавший из Хорасана от преследования иранцев, после поражения при Пули-Саляре прибыл в Бухару в тот момент, когда в местности Узун-сакал в Миянкале происходили сражения между войсками казахов и царствовавшего в Бухаре Пир-Мухаммед-хана. Жители Бухары, не имея от своего хана (т. е. Пир-Мухаммед-хана) разрешения, сами не решились впустить Баки-Мухаммед-султана в город. Султан вынужден был повернуть от мазара Ходжа Беха ад-дина и направиться к Пир-Мухаммед-хану в Узун-сакал[42]. По приезде в лагерь Пир-Мухаммеда Баки-Мухаммед с разрешения эмиров был допущен к хану. Эмиры Пир-Мухаммеда, по словам Искендера Мунши, были очень довольны появлением Баки-Мухаммеда и тотчас же использовали его в деле, т. е. в войне с казахами[43]. Баки-Мухаммед-султан несколько раз сражался с войсками Тевеккель-хана, большей частью оставаясь победителем. Так, от его руки погиб Абд ал-Васи'бий, один из знатнейших эмиров Абдулла-хана и соучастник убийства Абд ал-Мумин-хана. Эмир этот затем перешел на службу к Тевеккель-хану и был одним из зачинщиков вторжения казахов в Мавераннахр. Набеги казахов на Бухарское ханство и борьба против этих набегов бухарского войска продолжались еще около месяца. Все это время Пир-Мухаммед-хан и Баки-Мухаммед жили мирно.

В конце концов казахам пришлось отступить в Ташкент. Пир-Мухаммед-хан в награду за услуги, оказанные Баки-Мухаммед-султаном, с согласия бухарских эмиров и войска по-

---

[39] Карайи обитали около Турбет-и Хайдари, к югу от Мешхеда.
[40] Тарих-и Муким-хани, указ. ркп., л. 26б—27а.
[41] Там же л. 27а—б.
[42] Искендер Мунши, стр. 408.
[43] Там же, стр. 409.

жаловал ему управление Самаркандом, а сам возвратился в Бухару[44].

Искендер Мунши говорит, что через некоторое время благодаря посредничеству шейхов дервишского ордена накшбендиев был заключен договор между Баки-Мухаммедом и начальником казахов в Ташкенте (در تاشکنت بود که والی طایفه قزاق), по которому самаркандские войска обязались не предпринимать никаких походов против казахов Ташкента. Прекращение набегов казахов на Бухару было вызвано в известной степени тем, что Тевеккель-хан умер в 1007 (1598/99) г. от болезни, связанной с ранением, полученным во время сражения в районе Миянкаля[45].

В литературе по истории Бухары и казахов не исследован большой период — от убийства Абд ал-Мумин-хана до появления на исторической арене первого Аштарханида — Баки-Мухаммед-хана, — столь богатый событиями, связанными с активным вмешательством казахов и кочевых племен во внутренние дела Мавераннахра, феодальной раздробленностью и действиями иранцев, направленными на вытеснение узбеков из Хорасана[46].

Политическая жизнь в Мавераннахре этого периода в сильной степени характеризуется и междоусобной борьбой за ханскую власть. В этой борьбе часть феодальной знати, шейбанидские эмиры и войска поддерживали Баки-Мухаммед-султана, а другая группа была на стороне Пир-Мухаммед-хана. Из исторических источников, имеющих отношение к истории последних Шейбанидов и первых Аштарханидов, только «Тарих-и'аламарай-и'Аббаси» обстоятельно освещает это не продолжительное, но важное, в смысле происходивших исторических событий, время.

«Баки [Мухаммед]-султан, — сообщает Искендер Мунши, —

---

[44] Искендер Мунши, стр. 409.

[45] Искендер Мунши, стр. 409; В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование, стр. 350—352.

[46] Мы имеем в виду в первую очередь новейшие работы: История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947; История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней, под общ. ред. И. О. Омарова и А. М. Панкратовой, изд. 2-е, исправленное и дополненное, т. I, Алма-Ата, 1949; Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении, т. I, изд. 2-е, исправленное и дополненное, М., Госполитиздат, 1952; А. А. Семенов. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, Душанбе, Изд-во АН ТаджССР, 1954; П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов; История Узбекской ССР, т. I, книга первая.

утвердившись во вновь пожалованном ему Самарканде, не захотел довольствоваться титулом наместника Пир-Мухаммеда. С этой целью он стал разными средствами привлекать на свою сторону узбеков. Вскоре вокруг Баки собрались толпы приверженных ему лиц, во главе которых стояли его дяди, султаны Рахманкули и Аббаскули, и брат его Турсун-Мухаммед-султан. Сторонники Пир-Мухаммеда с тревогой следили за поведением Баки, многое прощали ему, пока он соблюдал некоторое приличие и внешне признавал еще над собою власть бухарского правительства. Наконец, Баки [Мухаммед]-султан открыто поднял знамя восстания, вторгся в Миянкаль, овладел крепостью Дабусия и убил правившего там Мухаммед-Шериф-султана, родственника Пир-Мухаммеда. Тогда Пир-Мухаммед потребовал помощи от Абд ал-Амина из Балха, двинулся с сорокатысячным войском против Самарканда и обложил его. Но тут судьба изменила владельцу Бухары: он был ранен и взят в плен. Баки тотчас же приказал умертвить его. Осаждавшие, пораженные этой неудачей, рассеялись. Балхцы бежали прямо к себе, захватив дорогой в Карши находившегося там малолетнего сына Пир-Мухаммеда, Мухаммед-Салим-султана. Немедленно после поражения неприятеля Баки двинулся в Бухару, вступил в нее без сопротивления и воссел на ханский престол»[47]. Это случилось в самом конце 1007 (летом 1599) г. Так пришла к власти в Бухарском ханстве новая династия Аштарханидов, или Джанидов. Баки-Мухаммед-хан царствовал семь лет (1007—1013/1599—1605 гг.).

Тогда же бухарские правящие круги объявили наследником Баки-Мухаммед-хана его брата — Вели-Мухаммед-султана и назначили правителем Балха. Но Аштарханиды сумели овладеть Балхом только через полтора года (1009/1601). Как пишет Мухаммед Юсуф Мунши, в это время в Балхе происходили большие неурядицы, поэтому население в целях наведения порядка пригласило (не без содействия шаха Аббаса I) из Ирана шейбанидского царевича Мухаммед-Ибрагим-султана и вручило ему бразды правления[48]. Последний воспитывался при иранском дворе[49]. По словам Искендера Мунши,

---

[47] Искендер Мунши, стр. 410.

[48] Тарих-и Муким-хани, указ. ркп., л. 27 б.

[49] محمد ابراهيم سلطان ولد ترسون محمد سلطان كه از بنى اعمام عبداللهخان خالوزادهٔ عبدالمومن‌خان بود.

Искендер Мунши, стр. 412; ср. Тарих-и Муким-хани, указ. ркп., л. 27б—28а.

Пир-Мухаммед-хан перед своей гибелью прислал человека к шаху Аббасу с просьбой отпустить Мухаммед-Ибрагим-султана к нему. При этом бухарские эмиры тайно от Пир-Мухаммеда дали знать иранскому шаху, что они Пир-Мухаммедом не очень довольны, так как он, имея природную склонность к уединенной и тихой жизни, запустил государственные дела, а Баки-султан сильно притесняет Бухару; поэтому они, эмиры и жители города, были бы очень довольны, если бы шах разрешил приехать Мухаммед-Ибрагим-султану к ним. Шаху Аббасу I представился было прекрасный случай вмешаться во внутренние дела Мавераннахра, как вдруг пришло известие об умерщвлении Пир-Мухаммеда и воцарении Баки-Мухаммеда в Бухаре.

Дела сразу приняли другой оборот. Мухаммед-Ибрагим попал не в Бухару, а в Балх (1009/1600—1601) в сопровождении иранского войска. Шах Аббас I рассчитывал через своего ставленника завладеть обширной узбекской областью — Балхом[50]. Будущие планы шаха Аббаса I по завоеванию Балха и Бухары, по рассказу его историографа, были еще более обширны. По его плану, Мухаммед-Ибрагим и балхский хан Абд ал-Амин с помощью иранского войска должны были оттеснить из-под власти Аштарханидов все завоеванные ими области и затем поделить их территорию: один взял бы Бухару, а другой — Балх. Фактически оба, и Мухаммед-Ибрагим, и Абд ал-Амин, были ставленниками шаха Аббаса. Но по въезде в Балх Мухаммед-Ибрагим умертвил Абд ал-Амина[51]. Самому Мухаммед-Ибрагиму тоже пришлось царствовать только несколько месяцев. Население Балха относилось к ставленнику шаха Аббаса враждебно, к тому же Мухаммед-Ибрагим тайно исповедовал шиизм. Правящие круги Балха торопили наместника Балха Вели-Мухаммеда и в свою очередь льстили Мухаммед-Ибрагиму своей мнимой верностью. Ничего не подозревая, Мухаммед-Ибрагим вышел навстречу ехавшему сюда бухарскому войсу во главе с Вели-Мухаммед-ханом. Когда оба войска (Мухаммед-Ибрагим-хана и Вели-Мухаммед-хана), пишет Мухаммед Юсуф, «выстроились друг против друга [чтобы вступить в сражение], то каждый [балхский] эмир и храбрец, который вышел драться с Вели-Мухаммед-ханом, повесил себе на шею меч и колчан, и [все] бросились целовать стремя последнего. Ибрагим-хан, видя, что дело приняло совершенно иной оборот, попытался укрыться в городе. Но [соединившиеся] оба войска сра-

[50] Искендер Мунши, стр. 412.
[51] Там же.

зу бросились за ним в погоню, схватили его, отрубили ему голову и бросили ее под ноги коня Вели-Мухаммед-хана. И все, поздравляя его, ввели в город и опоясались поясами повиновения и служения [ему]»[52].

По другим сведениям, Мухаммед-Ибрагим умер от пьянства в тот момент, когда бухарские войска под начальством Баки-Мухаммед-хана и Вели-Мухаммед-хана осаждали Хисар. Братья, узнав о смерти Мухаммед-Ибрагима, прекратили осаду Хисара и двинулись в Балх[53]. Баки-Мухаммед-хан вступил торжественно в Балх после подчинения его Вели-Мухаммед-хану. Так вошли в состав государства Балх и окружающие области[54].

Автор «Тарих-и Муким-хани» писал: «В короткое время, меньше чем в два месяца, [шиитские] нравы Ибрагим-хана сказались в том, что по ночам на улицах и на базарах убивали мусульман и каждый день находили убитых по дорогам; убийцы же оставались неизвестными. Для всех стало ясно, что все эти недостойные деяния совершает тот еретик [Ибрагим-хан] со своими махрамами»[55].

Такой была политическая обстановка ко времени прихода к власти династии Аштарханидов, царствовавшей в Мавераннахре и Балхе более полутораста лет.

Аштарханиды пришли к власти не без поддержки мусульманского духовенства, в первую очередь влиятельных джуйбарских шейхов. Автор «Матлаб ат-талибин» сообщает интересные данные о той политической роли, которую пытался играть один из джуйбарских шейхов — Абди-Ходжа — при первых Аштарханидах.

Абди-Ходжа приехал в Самарканд в то время, когда там находился Баки-Мухаммед[56] в качестве наместника Пир-Мухаммеда. Абди-Ходжа обещал поддержку Баки-Мухаммеду в его стремлении овладеть ханством. Тогда будто бы Баки-Мухаммед сказал Ходже, что если ему удастся завладеть ханством (Бухарой и Балхом), то он разделит его на три части, из которых одну возьмет себе, другую даст Ходже, а третью — Вели-Мухаммеду, своему брату[57]. Из этого рассказа следует, что Абди-Ходжа, как и другие представители джуй-

---

[52] Тарих-и Муким-хани, указ. ркп., л. 27б—28а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 75—76.

[53] Искендер Мунши, стр. 410—411.

[54] Там же, стр. 411.

[55] Тарих-и Муким-хани, указ. ркп., л. 27б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 75. О махрамах см. ниже.

[56] Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, № 80, л. 217а.

[57] Там же.

барских шейхов, пользовался влиянием в некоторых кругах бухарской феодальной знати и поэтому был полезен Баки-Мухаммеду в тот период, когда он боролся за овладение бухарским престолом[58]. Это подтверждается еще и тем, что только при помощи Абди-Ходжи Баки-Мухаммед смог склонить на свою сторону правителя Термеза — Абдаль-бай-бия, предки которого были мюридами шейхов Джуйбари[59].

Конечно, после овладения бухарским ханским престолом Баки-Мухаммед не дал Абди-Ходже обещанной трети царства, но зато ежегодно выдавал ему по 150 тыс. хани (теньги[60]) и оказывал всякие «царские» почести[61]. Абди-Ходжа был связан с аштарханидским домом и родственными узами: он был женат на сестре Баки-Мухаммед-хана. Однако вскоре Абди-Ходжа попал в опалу и был изгнан в Индию[62].

При Аштарханидах центральная ханская власть постепенно утратила свою силу. Ханы из новой династии находились в зависимости от узбекской военно-феодальной знати, игравшей в XVI—XVIII вв. решающую роль в политической и социально-экономической жизни страны.

В связи с этим обстоятельством объединившееся под властью крупного представителя династии Шейбанидов Абдулла-хана государство стало дробиться на отдельные, фактически независимые от центральной власти, феодальные владения, во главе которых стояли представители военно-феодальной знати узбекских кочевых племен[63]. На роли, которую играли кочевые племена, остановимся ниже.

Каково же было административное устройство государства Аштарханидов?

В период правления Аштарханидов, так же как при Шейбаниде Абдулла-хане (1557—1598), в Бухарском ханстве сформировался обширный и довольно налаженный аппарат центрального управления. Система его была унаследована в основном от тимуридской эпохи, но подверглась значительным изменениям в соответствии с фактическими условиями, сложившимися в узбекских ханствах[64].

Следует отметить, что в научной литературе до последнего времени имело место неправильное толкование тех или иных административных терминов, чинов и званий, обязанностей

---

[58] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 76.
[59] Матлаб ат-талибин, л. 217б—218б.
[60] См.: П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 52, 69.
[61] Матлаб ат-талибин, л. 217а.
[62] Там же, л. 218б—219б.
[63] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 70.
[64] История народов Узбекистана, т. II, стр. 78—80.

носителей этих званий[65], на что несколько лет назад обратил серьезное внимание А. А. Семенов[66].

Введение русскими и советскими востоковедами в научный обиход ряда источников[67] в настоящее время значительно облегчает изучение административного устройства Бухарского ханства в XVII—XVIII вв.

Следующие два обстоятельства также обязывают нас обратить внимание на административное устройство государства Аштарханидов: во-первых, многие носители званий и чинов должны были непосредственно отвечать за орошение отдельных областей или целиком ханства[68], что непосредственно связано с интересующим нас вопросом — аграрным отношением, и, во-вторых, все термины, чины, звания и титулы очень часто встречаются в цитируемых нами источниках.

В переведенном А. А. Семеновым «Бухарском трактате» есть пометка, что все чины и звания и их обязанности взяты из книги «Маджма‘ ал-аркам» («Собрание [письменных знаков]»)[69], написанной 3 шавааля 1210 (11 апреля 1796) г.[70] в Бухаре. Исходя из этого, можно предполагать, что многие должности, о которых идет речь в «Бухарском трактате», существовали в XVII—XVIII вв. Это подтверждается данными других источников, составленных на рубеже XVII—XVIII вв.[71], в том числе историографами Аштарханидов — Мухаммед Юсуфом Мунши, автором «Тарих-и Муким-хани»[72], Мир Му-

---

[65] См.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, Труды Историко-археологического института и Института востоковедения АН СССР, вып. 3, Л., 1932, стр. 451, 453; В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 390—393.

[66] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 137—153.

[67] Мы имеем в виду прежде всего следующие сочинения: «Бахр ал-асрар фи манакиб ал ахйар» («Море тайн относительно доблести благородной») Мухаммеда ибн Эмира Вели, написанное в 40-х годах XVII в. (о нем см.: В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, стр. 232 и сл.; Он же. Церемониал, стр. 388 и сл.), «Маджмуай-и Мрасалат» («Собрание писем») (о нем см.: А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 139 и сл., описание рукописи см.: Собрание восточных рукописей Академии Узбекской ССР, т. I, стр. 149—151), а также «Маджма‘ ал-аркам», ркп., ИВ АН УзССР, № 2463/I.

[68] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 144—151, прим. 39, 40, 41, 42; ср. Бенаи. Шейбани-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 1632, л. 56а—58а.

[69] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 138.

[70] Маджма‘ ал-аркам, л. 5б.

[71] Мухаммед ибн Вели. Бахр ал-асрар, Записки РГО по отд. этнографии, т. XXIV, стр. 301—302.

[72] Тарих-и Муким-хани, ркп. ИВ АН УзССР, № 5386, л. 52, 71, 77, 100, 101, 103, 128, 147, 152.

хаммед Амини Бухари, автором «Убайдулла-наме»[73] и Абд ар-Рахман Тали', автором уникального сочинения — «Тарих Абулфайз-хан»[74].

Ведущее место в чиновной иерархии Бухарского ханства в XVII—XVIII вв. занимал аталык.

Согласно вышеназванному «Бухарскому трактату», «опора эмиров» (аталык — букв. пользующийся правами отца) с титулом «вазорат-панох» («прибежище везирской власти»), наряду с другими обязанностями, руководил орошением страны. О роли аталыка в государстве в «Бухарском трактате» говорится: «Существуют «опоры эмиров», кои в присутствии государя Ислама имеют определенные места для сидения; одна из таких «опор» — аталык[75], что в переводе с тюркского значит «отцовство», сделать кого-либо таким, чтобы он был вместо отца (падари кардан) за его расположение к государю, ибо аталык по отношению к государю страны, а равно и ко всем его подданным, проявляет такое расположение, которое уподобляется расположению [любви] отца к сыну. Функции этого лица состоят в следующем. Управление водами реки благородной Бухары (т. е. Зарафшана) от Самарканда до Каракуля[76] на основах равенства и справедливости при распределении этих вод, сообразно древнему обычаю, между благородными и простыми людьми»[77] по туманам ханства.

Как указывает в своих «Мемуарах»[78] А. А. Семенов, чин аталыка давался мангытскими эмирами (управлявшими страной после Аштарханидов) в общем редко, а при последних

---

[73] Убайдулла-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 1532, л. 15, 16, 17, 94, 95, 110, 111.

[74] Тарих Абулфайз-хан, ркп. ИВ АН УзССР, № 11, л. 33 и сл.

[75] Согласно «Бахр ал-асрар», великий аталык сидел за накибом и старейшинами некоторых узбекских племен. См.: В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 394.

[76] Об орошении Каракуля в древности и в изучаемый нами период см.: История Узбекской ССР, т. I, книга первая, стр. 28, 400. Начиная от Каракуля Зарафшан разбивается на множество мелких рукавов с озерами и болотами и, не доходя до Амударьи, теряется в песках. В тексте «Бухарского трактата» совершенно правильно указаны те две точки (отправная и конечная), между которыми Зарафшан сохраняет все свое огромное значение для Бухарского и Самаркандского оазисов как главная водная артерия.

[77] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 144—145.

[78] А. А. Семенов. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени, вып. 2, стр. 61.

двух эмирах никто не имел этого чина, за исключением хисарского кушбеги Астанакула. Аталык жаловался лицу особо почетному, пожилому и уважаемому, в знак особого уважения и расположения, как к родному отцу, отсюда и самое его вышеприведенное тюркское (узбекское) название аталык, т. е. пользующийся правами отца. По словам того же автора, после того, как от аталыка отошли обязанности распределителя воды Зарафшана по туманам, он разбирал генеалогические претензии разных лиц, утверждавших, что они происходят от служилого и потому привилегированного сословия, т. е. от кушбеги, диванбеги и пр. В этом отношении было сходство обязанностей аталыка и шейх-ал-ислама с той лишь разницей, что первый разбирал и удостоверял дела, касающиеся генеалогии светской, а второй — духовной[79].

Но вплоть до середины XVIII в. в основном обязанностью аталыка было распределение оросительных вод, как об этом свидетельствуют, кроме «Бухарского трактата», и документальные источники[80].

Мы считаем полезным остановиться на некоторых деталях приведенной из «Бухарского трактата» цитаты, тесно связанных с вопросом орошения. Согласно мусульманскому праву, формально водой должны пользоваться все подданные страны, независимо от положения в обществе.

По-видимому, в «Трактате», где говорится о том, что воду р. Зарафшан нужно распределять на «основе равенства и справедливости, сообразно древнему обычаю, между благородными и простыми людьми»[81], имеются в виду формальные мусульманские фикхи, так как в XVII—XVIII вв. законы шариата, связанные с землей и водопользованием, претерпели изменения в свете конкретных исторических условий.

Термины «туман» в значении десятитысячного отряда и «хазаре» в значении отряда в тысячу человек и другие напоминают о делении войск Чингиз-хана, а также о значении округа, выставляющего соответственно десять тысяч или тысячу воинов.

В истории землепользования особое значение имеет Миянкаль. Это подчеркивается и в «Бухарском трактате». На важность этого района в орошаемом земледелии указано в труде муллы Абд ар-Рахмана Тамкина Бухари «Ал-матла‘ ал-фахи-

---

[79] Там же.

[80] См., например, مكتوبات منشآت منشورات ркп. ИВ АН УзССР, № 289, л. 129б.

[81] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 144—145.

ре ва ал-матлаб аз-захире» («Великолепные восходы и ясные цели»)[82].

Абд ар-Рахман Тамкин пишет, что «в древности между Бухарою и Самаркандом соорудили стену на протяжении 12 фарсангов; местность здесь была отлично возделана и орошена, имела множество селений и городов, вроде Хатырчи, Пенджшембе, Кал'а-йи Дабусия и др.; путь от Бухары до Самарканда в этих стенах совершали пешком в течение восьми дней; эту территорию называли Миян-калят»[83]. В позднейшее время Миянкалем называли долину р. Зарафшан между Самаркандом и Хатырчи, где соединяются два рукава Зарафшана — Акдарья и Карадарья[84].

Следующая должность (за аталыком), согласно «Бухарскому трактату»,— должность великого диванбеги (диванбеги-йи-калон), который ведает хараджем страны, поступающим весною и осенью[85], и является ответственным лицом за составление дафтарных записей[86]. Иными словами, диванбеги — начальник «дивана» (канцелярии) или заведующий финансовыми делами[87]. Сообразно подсчету великого дивана[88] и дивана потанабных поступлений[89], он передает собранные деньги мехтеру[90] (в государственную кладовую), а сбор зерновых продуктов в натуре — амлакдарам.

Надзор за водопользованием в Каракуле тоже принадлежит великому диванбеги[91]. В XVII в., по словам Мухаммеда

---

[82] Ркп. ИВ АН УзССР, № 8245.

[83] Ал-матла' ал-фахире, л. 207б; Русский перевод см.: А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 145, прим. 40; там же см. значение термина «Миянкаль».

[84] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 113.

[85] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, стр. 334, прим. 3.

[86] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 147.

[87] Там же, стр. 147.

[88] О диване см.: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, стр. 334, прим. 3; Мухаммед Наршахи. История Бухары, русский перевод Н. Лыкошина, стр. 36; Сиасет-наме, книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Перевод, введение и изучение памятника и примечания проф. Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949, стр. 44, 67—68, 320, прим. 8.

[89] О потанабных налогах («танабане») см.: П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 38. О земельной мере танаб см. Бухарский трактат, стр. 151 (перевод), прим. 1; М. Н. Ростиславов. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае, Труды Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, I, СПб., 1879—80, стр. 340.

[90] О мехтере — чиновнике финансов см.: «Убайдулла-наме», ркп. ИВ АН УзССР, № 1532, л. 138, 141; А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 48.

[91] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 147.

ибн Вели, роль диванбеги была довольно скромна. Во время приемов у хана он занимал место возле третьей ступени[92]. Значение ступеней объяснял русский посол Борис Пазухин. Он сообщает любопытную подробность ханского куруныша (приема): «Абда[л]-Азиз царь был (сидел) на месте перед палатою на рундуке, которое называют курунышом, где послы бывают; а место сделано вышиною от рундука 6 ступеней»[93]. Возможно, что на третьей ступени из шести сидел диванбеги. Кроме того, следует учесть, что в «Бахр ал-асрар» описывается Балхский двор Надир-Мухаммед-хана в XVII в. Вероятно, диванбеги при дворе местного правителя, тесно связанного с кочевыми традициями, играл более скромную роль, чем в Бухарском ханском дворе. На этот момент обратил внимание В. В. Бартольд. Он писал, что «подробности рассказа («Бахр ал-асрар».— *М. А.*) наглядно свидетельствуют о том, насколько узбекские ханы, утвердившие свою власть в культурных областях Мавераннахра в начале XVI в., еще в половине XVII в. должны были считаться с традициями кочевой жизни и родового строя и насколько их двор в этом отношении отличался от двора современных хивинских и бухарских ханов, особенно последних»[94]. Сам В. В. Бартольд истолковывал должность диванбеги в значении начальника канцелярии, министра[95].

Должность диванбеги с ее широкими полномочиями встречается в источниках времени Аштарханидов[96]. Борис Пазухин называет диванбеги «ближним боярином» и вторым лицом после аталыка. По его словам, диванбеги, помимо всего, еще принимал послов и посланников, их грамоты (послания) и представлял их хану во время куруныша[97]. Эти последние обязанности диванбеги в среднеазиатских источниках, кажется, не упомянуты.

Заметим, что в государстве Сефевидов «мамалик» (государственные провинции), в отличие от «хассе» (поместных владений), управляются диваном. Как в Средней Азии, так и в сефевидском Иране государственный диван занимался финансовыми делами. В. Ф. Минорский, ссылаясь на В. В. Бар-

---

[92] В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 396.

دیوان بیکی بقرب سه پایه مقرّر است

[93] Наказ Пазухиным, стр. 50.

[94] В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 389.

[95] Там же, стр. 304.

[96] Тарих-и Муким-хани, ркп. ИВ АН УзССР, № 5386, л. 77, 98, 101, 197; Убайдулла-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 1532, л. 17, 69; Тарих Абулфайз-хан, ркп. ИВ АН УзССР, № 11, 31 и сл.

[97] Наказ Пазухиным, стр. 49.

тольда, пишет: «Через всю систему восточной мусульманской политической организации красной нитью проходило разделение всех органов администрации на две основные категории: даргах (дворец) и диван (канцелярия)»[98].

Третьим высшим чином в бухарском административном управлении при первых Аштарханидах был парваначи. Он обязан был доставлять ярлыки (жалованные грамоты) хана пожалованным лицам[99]. Управление арабским населением, проживавшим в ханстве, также принадлежало парваначи. Кроме того, арабами (как кочевыми, так и оседлыми) управляли так называемые мир-хазари арабов[100].

После парваначи следовала должность дадха. Его обязанность заключалась в приеме прошений на имя хана (в позднее время эмира) и сообщение просителям о принятых по ним решениях (хана или эмира). Позже дадха был и военачальником[101]. В научной литературе до недавнего времени дадха просто означал «один из чинов в Бухарском ханстве»[102]. В книге «Бахр ал-асрар» в бухарской служебной иерархии дадха значится как глава придворных хаджибов (камергеров) и в церемониале занимает довольно скромное место[103].

В «Бахр ал-асрар» должности дадха и туксаба считаются равными[104]. В. В. Бартольд оба эти чина относит к высоким военным чинам, существовавшим в Бухаре до XIX в.[105] А. А. Семенов перевел термин дадха как «радеющий о правосудии»[106].

Следующим в табеле о рангах дворцовым сановником был кукельдаш (состоит из двух тюркских слов: кукель — грудь, даш — общий, букв. «молочный брат»). Он ведал сбором сведений о друзьях и врагах государства и искал меры борьбы против враждебных высказываний и выступле-

---

[98] Tadhkirat al-Muluk, Persia text, стр. 24—25.

[99] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 147, История народов Узбекистана, т. II, стр. 78.

[100] О среднеазиатских арабах см.: С. А. Волин. К истории среднеазиатских арабов, Труды 2-й сессии арабистов, Труды ИВ АН СССР, вып. XXXVI, М.—Л., 1941, стр. 111—126.

[101] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 148; Тарих-и Мукимхани, ркп. ИВ АН УзССР, № 5386, л. 103; Убайдулла-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 1532, л. 9, 17.

[102] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, стр. 189, прим. 8.

[103] В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 397.

[104] Там же.

[105] Там же, стр. 305, прим. 4; ср. Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 185.

[106] Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, стр. 61.

ний[107], иначе говоря, он выполнял роль полицейского надзора. В Бухаре, в период царствования Саманидов, полицейский надзор входил в функции дивана мухтасиба[108].

При Тимуридах и Шейбанидах кукельдаш играл в государственных делах важную роль: он занимался сбором войска и в походах командовал им[109].

Ханской охотой, охотничьими птицами, гончими собаками и вообще всем снаряжением для охоты ведал кушбеги-йи-калон (главный сокольничий)[110]. Для правящей верхушки феодального общества Средней Азии охота была одним из основных занятий: развлечением и доходной статьей. Роль облавной охоты, кроме того, была велика и в том смысле, что она была своего рода проверкой боеготовности феодальных войск. Почти во всех ханских грамотах, посланных в Россию в XVII—XVIII вв., имеются просьбы к русским царям послать им (ханам) охотничьих птиц[111].

Обширным охотничьим хозяйством владели шейхи Джуйбари. Как и у ханов, возглавлял охоту шейхов кушбеги, в подчинении которого находились миршикары (начальники охоты), имевшие в своем распоряжении многочисленный штат специалистов по охотничьему хозяйству или видам охоты[112].

Обязанности кушбеги ранее, а также в XVI — до начала XVIII в. ограничивались управлением охотничьим хозяйством хана и организацией охоты.

Из вышеизложенного понятно, что кушбеги как «начальник птичьей охоты», или управляющий охотничьим хозяйством был необходимой фигурой в государственном аппарате Бухарского ханства.

Но не следует путать кушбеги (должность, соответствующая званию егермейстера феодальной России)[113] с кошбеги (начальником ставки ханских войск), так как начертания слов «куш» («птица») и «кош» («ставка») выглядят одинаково (قوشی).

---

[107] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 148.

[108] О диване мухтасиба см.: Наршахи. История Бухары, Бухарская литография, 1904, стр. 32.

[109] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование, ч. 2, стр. 343 (русский перевод), стр. 344 (персидский текст).

[110] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 148.

[111] См.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, Сб. князя Хилкова, СПб., 1879.

[112] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 65—66. См.: Равзат ар-ризван, л. 177б—178а; Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, № 80, л. 81а.

[113] А. А. Семенов. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени, стр. 53—54.

Со времени правления аштарханида Убайдулла-хана (1702—1711) заметно повышается роль кошбеги в государстве. Впоследствии он становится премьер-министром ханства, вершителем важных государственных дел в области экономики и политики[114].

В 1121 (1709)г. Убайдулла-хан учредил должность к у л л-и к о ш б е г и[115], или кошбеги-йи кулл (كل كوش بيكى, قوش بيكى كل), т. е. кошбеги всего, и пожаловал эту должность своему приближенному Туракули инаку (об инаке см. ниже), происходившему из рабов. Мир Мухаммед Амини Бухари, автор „Убайдулла-наме", говорит о нем: „В конечном счете положение Туракули кошбеги по милости государя достигло такой степени, что эмиры и сановники ловили каждый его взгляд. Государь же неоднократно ему жаловал на дню по четыре дорогих халата; просил ли [Туракули] то или другое количество серебра и золота, государь [ничего] не жалел [для него]; он [даже] препоручил ему пожалование чинами и должностями. Современники его, по своему обычаю, повиновались его письменным соображениям, касающимся важных государственных дел, без всякого ханского ярлыка. Что касается государя, то он настолько вверился ему, что даровал право ухода от него без особого каждый раз разрешения так же, как во всякое время, когда бы он ни пожелал; он без отказа мог присутствовать на высочайших приемах и никто ни в каком месте не мог ему чинить препятствий"[116].

Этот же автор сообщает далее: «Расположение монарха к Туракули-бий кошбеги [было таково, что] он стал интимным царским другом, наиболее проверенным в государевом царстве, убежищем всех его затей и дел и зрачком очей дальновидных людей. Этот человек, считавшийся по характеру суфием, в конце концов стал таким, что среди эмиров оказался наивысшим»[117]. Тот факт, что Туракули кулл-и кошбеги был сыном раба, очевидно, освобожденного, возмущал узбекскую кочевую знать, бывшую почти все время зачинщицей феодальных междоусобиц[118].

Власть верховного кошбеги как главы правительства особенно расширилась, правда ненадолго, при слабовольном

---

[114] См.: Мактубат, ркп. ИВ АН УзССР, № 289, л. 133б.

[115] Арабское слово «кулл» букв. означает весь.

[116] Убайдулла-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 1532, л. 193б—194а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 214.

[117] Там же, л. 94а; стр. 214.

[118] Там же, л. 206б—207а.

аштарханиде Абулфайз-хане. При нем сразу же в 1123 (1711) г. должность верховного кошбеги занял Джаушан, по происхождению калмык, из числа личной ханской гвардии, один из активных участников заговора против Убайдулла-хана за возведение на престол Абулфайз-хана (1711—1747). Автор «Тарих Абулфайз-хан» Абд ар-Рахман Тали' сообщает, что, «спустя некоторое время после этого[119], вся власть перешла в руки Джаушан-калмыка. Он занял должность [верховного] кошбеги... Власть Джаушана упрочилась»[120]. Он стал притеснять самого хана[121].

Более подробные сведения о власти верховного кошбеги приводятся в сочинении Мир Мухаммеда Амини Бухари. Он писал: «Презренный Джаушан, который был источником всего происшедшего, получил должность верховного кошбеги и важное отправление дел инака[122] ... Своих детей и родственников, наделенных дьявольскими свойствами, он сделал исполняющими разные обязанности при государевом дворце[123]. Мир Мухаммед Амини Бухари говорит далее: «Этот еретик (آن ملحد) ввел [никем не признанные] новшества и насадил другие обычаи. Этот заблудший дерзко входил в интимные комнаты государева гарема, куда никому и в голову не приходило проникнуть, и никто не мог ему воспретить этого. Его высокомерие и надменность достигли такой степени, что эмиры и военные боялись одного сурового его вида, и ему пришла мысль отправить несколько именитых эмиров к государю-мученику (т. е. отправить на тот свет за Убайдулла-ханом), чтобы, следуя примеру Махмуд-бия аталыка, сделаться ханом[124]. Хотя этот лицемер с большими усилиями посадил на престол сейид Абулфайз-султана, погубив [много] человеческих жизней, он все же не считался с ним и никого знать не хотел, кроме себя; власти Абулфайза он не придавал [никакого] веса и с его приказаниями не считался; он себя сделал верховным кошбегием... Он управлял с таким произволом из государева дворца, что казалось, будто перстень Соломона попал в руки дьявола[125]. Жизнь [Абулфайз]-

[119] После убийства Убайдулла-хана в 1123 (1711) г. ملك بجوشن قرار كرفت

[120] Тарих Абулфайз-хан, ркп. ИВ АН УзССР, № 11, л. 31а—32б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 36.

[121] Тарих Абулфайз-хан, л. 32 б.

[122] Убайдулла-наме, л. 247а.

[123] Там же; русский перевод А. А. Семенова, стр. 276.

[124] Имеется в виду предводитель племени катаган Махмуд-бий, убивший наместника Балха и наследника бухарского престола аштарханида Муким-хана. Подробнее об этом см. ниже.

[125] گويا انگشترى شليمان بدست ديو افتاد

султана была очень стеснена, и он нуждался в необходимых средствах для своего существования, так что государь оказывался ни в чем не вольным. Естественно, что у [Абулфайз]-султана закралось в сердце против Джаушана неприязненное чувство, феникс (همای) [его] правления стал печальным от бесед с [тем] зловещим филином (بوم شوم), а высоко взмывающийся сокол государства вышел из себя от общения с этой песьей мухой»[126].

Сосредоточение полноты центральной власти в руках калмыка Джаушана, а перед этим в руках Туракули-кошбеги, и расправы, которые они чинили по отношению к представителям феодальной знати, были не случайными.

Дело в том, что Убайдулла-хан в целях укрепления центральной государственной власти задумал ограничить влияние феодальной кочевой аристократии на государственные дела. Для достижения этой цели он прежде всего опирался на свою личную гвардию, состоявшую главным образом из калмыкских, русских и иных пленных рабов. Убайдулла-хан окружил себя выходцами из этой же среды, а отдельных выдающихся представителей их, вроде Туракули-кошбеги, назначал на высшие государственные должности, противопоставляя их кочевой знати. Этими историческими обстоятельствами, а также, в известной степени, личными качествами Туракули и Джаушана объясняется временное усиление власти кошбеги в начале XVIII в.

Разумеется, ни Убайдулла-хан, стремившийся поднять авторитет центральной власти и ее чиновничьего аппарата, опираясь на выходцев из «низов», и ни тем более слабохарактерный Абулфайз-хан не могли бы в той исторической обстановке сколько-нибудь ограничить влияние феодальной верхушки. Вскоре против Джаушана, как в свое время против его предшественника Туракули, был организован заговор.

Мир Мухаммед Амини Бухари сообщает, что «однажды государь [Абулфайз-хан], тяжело вдохнув, открыл Ма'сум-аталыку[127] [свое недовольство Джаушаном] за заносчивость этого дьяволоподобного Аримана (اهرمن) . Аталык, посадивший в садике сердца своего деревцо вражды к этому злобному развратителю, только и ждал момента. Он понял,

---

[126] Убайдулла-наме, л. 256а—б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 285—286.

[127] Мухаммед Ма'сум-аталык, предводитель племени сарай, играл большую роль при Аштарханидах Убайдулла-хане и Абулфайз-хане (см. ниже).

к чему говорил ему это государь, и, сказавши: «Слушаю и повинуюсь!», поведал эту тайну своим друзьям»[128].

И скоро судьба верховного кошбеги была предрешена. «Эмиры оказались единодушны в необходимости схватить этого неблагодарного негодяя. Потребовавши его из его дома, который стал ему могилой, в помещение аталыка, они схватили его в наказание за его поступки вместе с его братом Салахом. Привязав к шее руки этого могучего человека, эмиры первым делом для примера отправили его в подземную темницу. Подвергли там многим пыткам этого безбожного Немруда[129] в целях нахождения [взятой им] личной государственной казны, его [потом] вместе с братьями Салахом и Ибрагимом... повесили за шею»[130].

После убийства верховного кошбеги при Абулфайз-хане до воцарения Данийал-бий аталыка Мангыта (1758—1785) усиления власти кошбеги в Бухаре мы не наблюдаем. При Данийал-бие вся власть, в том числе и финансовые дела, сосредоточилась в руках всесильного верховного кошбеги Даулета. Слабовольный Данийал-бий, находясь под полным влиянием кошбеги, боялся выразить свое недовольство. Избавление от всесильного кошбеги нашел его энергичный сын Шамурад-бий. Однажды он, придя к своему отцу, по секрету сказал: «Даулет-кошбеги завладел всею страною, [даже] наше с вами [ежедневное] довольствие дает [нам своими] руками. Какое [у вас найдется] средство [против сего]? Данийал-бий ответил, что «я это понимаю, но меры [против этого] не знаю»[131]. На что Шамурад-бий сказал, что средство для избавления от власти кошбеги легкое. После этого, через несколько дней, Шамурад-бий под видом того, что ему нужно посоветоваться с кошбеги по поводу приема послов, прибывших из Коканда, пригласил Даулет-кошбеги к себе в дом, где он был схвачен и зарезан[132].

---

[128] Убайдулла-наме, л. 256б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 286.

[129] Немруд (نمرود) — легендарный тиран, ввергнувший в огненную печь пророка Ибрагима (Авраама).

[130] Убайдулла-наме, л. 257; русский перевод А. А. Семенова, стр. 286—287. Ср. Тарих Абулфайз-хан, л. 32б—33а.

[131] Mir Abdoul Kerim Boukhary. Histoire de l 'Asie Centrale, Paris, 1876, стр. 54. Полное название этого и других сочинений см. в указателе литературы: روزی در حفیه به پدر اظهار نمود که دولت قوش بیلی کل مملکترا متعرف د شمارا و مایانرا جیره بدست میدهد علاج چه میشود دیشود دنیال گنت من نیز میفهمم اماچارهرا نمیدانم

[132] Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 54—55.

Однако это не могло ограничить власти кошбеги. При Мангытах, начиная с XIX в. вплоть до падения их власти в 1920 г., должность кошбеги по своим функциям соответствовала должности премьер-министра; он был первым лицом после эмира.

Мирза Абд ал-Азим Сами, подчеркивая неограниченную власть Астанакул-бий-кулли-и кошбеги[133], сравнивает его власть с властью Джа'фара Бармаки[134] в период правления халифа Харун ар-Рашида[135]. По словам Сами, управление страною, ведение делами казны, налогами и финансами находились в руках двух лиц: верховного кази Мулла Мирза Бадр ад-дина и Астанакул-бия — кулл-и кошбеги. Разумеется, верховный кази занимался духовными делами, а вся светская власть была в руках кошбеги. Он осуществлял высший надзор за государственными доходами и расходами. Он же отвечал за спокойствие в столице[136].

Помимо всего этого, кулл-и кошбеги одновременно был правителем нескольких вилайетов (областей). Так, в ярлыке о назначении вышеназванного злосчастного Джаушана на должность верховного кошбеги указывается, что власть (قلمرو) над вилайетами Бухара, Самарканд, Кеш, Хисар, Термез и Ташкент поручается верховному кошбеги (Джаушану)[137]. Следует отметить, что во всех указанных вилайетах (кроме Бухары, где находился сам верховный кошбеги) были свои местные правители, над которыми кулл-и кошбеги осуществлял верховную власть.

Как мы отмечали выше, кулл-и кошбеги был старшим (высшим) над всеми эмирами.

В бухарском просторечии «кулли-и кошбеги» назывался при Мангытах «кошбеги-йи боло», т. е. «верхний кошбеги», ибо он всегда проживал в арке (цитадели) столицы, стоящей на высоком холме, в отличие от «кошбеги-йи пойон» — «ниж-

---

[133] Астанакул-бий кошбеги, сын Аббас-бия, везира эмира Насруллы (1826—1860). При эмире Абд ал-Ахаде (1885—1910) он назначен правителем Хисара (Дарваз, Куляб и Каратегин также находились под его управлением), где правил 21 год. Умер в 1320 (1902/03) г. См: Сами تحفهٔ شاهی, ркп. ИВ АН УзССР, № 1458, л. 45б.

[134] Джа'фар Бармаки — везир Харун ар-Рашида. По преданию, халиф почти не расставался с ним.

[135] Халиф из династии Аббасидов, правил с 169 по 193 (с 786 по 809) г. До 187 (803) г. фактическая власть в халифате находилась в руках везиров из рода бармакидов.

[136] Сами تحفهٔ شاهی ркп. ИВ АН УзССР, № 1458, л. 43б—44а.

[137] Ркп. ИВ АН УзССР, № 289, л. 133б.

него кошбеги», каковым назывался верховный закатчи, проживавший у подножия арки. Во время пребывания в арке эмира кошбеги мог выезжать из него не только в город, но и в другие места; когда же эмир выезжал из арка, то кошбеги не имел права покинуть цитадель даже на самое короткое время для отдачи, например, служебного визита, посещения своих больных родственников и т. д.[138]

А. А. Семенов в своих «Мемуарах» писал: «При длительных отлучках эмиров из столицы (эмир Абдал-Ахад, например, лет 13 не заглядывал в свою столицу, предпочитая проживать в Кермине) кошбеги фактически превращался в узника, крепко привязанного к определенной небольшой территории и не имевшего права переступить через порог арка»[139].

Титулом кошбеги был „вазорат панох“ (وزارت پناه), т. е. убежище везирской власти[140]. Широкая власть кошбеги и возложение на него различных государственных дел объясняется тем, что в Бухарском ханстве, как известно, не было распределения функций государственного аппарата по отдельным ведомствам или министерствам, хотя центральная власть располагала широким штатом чиновничьего аппарата по различным административно-хозяйственным вопросам.

Современный Балх был в период Шейбанидов и Аштарханидов второй столицей государства, где сидел наследник бухарского престола с титулом хан. Подобно Бухарскому ханству, балхский наместник имел своего кошбеги, но без титула «кулл» («весь»). При Аштарханидах он назначался бухарским ханом. Мир Мухаммед Амини Бухари рассказывает, что «в тот же день[141], когда Туракули-кошбеги удостоился получить упомянутое высокое звание, [Убайдулла подумал и об Абдулла-Ходже], принимая во внимание его прежние заслуги, приказал предоставить ему несколько должностей. На этом основании ответственное дело распределения воды между населением Балха и должность верховного кошбеги в Балхе с добавлением к этому управление Андхудом... государь изволил пожаловать Абдулле-кошбеги»[142].

Одним из важных чинов в бухарской служебной иерархии был чин великого инака. Согласно «Бухарскому трак-

---

[138] См.: Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, стр. 54; В. В. Крестовский. В гостях у эмира бухарского СПб., 1887, стр. 289, 370.

[139] Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, стр. 54.

[140] Там же, стр. 55.

[141] 7 числа месяца сафара 1121 (18 апреля 1709) г.

[142] Убайдулла-наме, указ. ркп. л. 110—111.

тату» о чинах и званиях, должность великого инака[143] заключалась в доставлении приказов (фирманов) чинам неэмирского сословия и тем из Шагирдпише (см. ниже), которые удостоивались собеседования с государем. Как известно, Убайдулла-хан предоставил человеку, исполняющему обязанности великого инака, и должность кулл-и кошбеги, соединив две должности в одном лице[144].

Инак при Аштарханидах является также хранителем ханской печати[145]. Арабское слово инак (с начертаниями عناق ایناق то же, что معانقه) означает „искренний друг, собеседник, достойный доверия человек", "объятие, заключение в объятия, тесная дружба"[146]. Отсюда особое положение инака, как самого близкого лица к хану, как интимного друга последнего. Очевидно, этим и объясняется, что Убайдулла-хан пожаловал должность великого кошбеги своему великому инаку (عناق کلان).

Очень сложна и ответственна была должность великого мехтера (مهتر کلان). В различные эпохи он занимал разные должности — от министра до казначея. В „Убайдулла-наме" говорится, что он ведал сбором податей и финансовыми делами государства. Мир Мухаммед Амини Бухари писал: „К обязанностям [Шафи'], как мехтера, была присоединена весьма важная должность заведывания финансовыми делами государства (دیوانی)[147]. Он же занимался изменением курса денег[148]. Мехтер раздавал также подарки, которыми хан жаловал различные чины, причем взамен подарков он брал деньги с жалуемых лиц[149].

В „Бухарском трактате" о носителе этого чина говорится: „Обязанности великого мехтера таковы: он ведает закатом[150], взимаемом с мусульман [в размере] одной четверти

---

[143] Убайдулла-наме, л. 14, 18 и сл.

[144] Там же, л. 100, 112.

[145] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 139, 148. В рукописи „Тарих Абулфайз-хан" хранитель печати назван мухрдаром, указ. рукопись, л. 32б; ср. Убайдулла-наме, цит. ркп., л. 19.

[146] См. لغت چغتای و ترکی عثمانی Константинополь, стр, 62.

[147] Убайдулла-наме, л. 204а; ср. русский перевод А. А. Семенова, стр. 227. باضیم مهتری شغل حطیر دیوانیرا عنوان کردانیده

[148] Там же, л. 204а.

[149] Там же, л. 204б.

[150] زکوة (закат) — налог, установленный шариатом в размере 1/40 со скота, предметов торговли и др.

‘ушра[151] с зиммиев[152] в размере половины ‘ушра, а с покоренных силою оружия (харбийан) в количестве целого ‘ушра, а равно и найденными и неизвестно кому принадлежащими вещами[153], состоящими из разного рода имущества, денег в монете, скота, хлеба и зерна. Великий мехтер должен собрать [все это] и употребить на издержки (خرج) по разным расходам“[154]. Должность мехтера при Аштарханидах соответствует обязанностям мустафия (مستوفی) в сефевидском Иране, который занимался всеми финансовыми делами государства (تمامت مالیات دیوانی)[155].

Обеспечение послов всем необходимым также входило в компетенцию мехтера[156].

Сбором доходов с государственных земель (اراضی سلطانی), мельниц и лавок, состоящих в государственном ведении (آسیای و دکانین عالی), для казны и расходами для нужд хана ведал диван-и саркар[157]. Он также производит расходы на гардеробную (سندوقخانه), угощение в дни аудиенции у хана[158] (طعام روز کورنش). Диван-и саркар в Бухарском ханстве соответствует диван-мустафий саркар в сефевидском Иране[159].

Важной придворной должностью была должность главного начальника артиллерии (топчи-баши-йи-калон), ведающего арсеналом (توپخانه). По-видимому, этим его обязанности не ограничивались. Пазухин пишет, что „велел

---

[151] Ушр — подать в размере 1/10 части урожая.

[152] Термин зимми (ذمی) обозначает подданного иноверца в мусульманском государстве.

[153] Эти вещи в „Михман-наме-йи Бухара“ обозначены термином „лакит“ (لقیط).

[154] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 149, прим. 68—71.

[155] Tadkirat al-muluk, стр. 27 (персидский текст).

[156] Наказ Пазухиным, стр. 46.

[157] Диван-и саркар А. А. Семенов перевел как „диван кабинетских сборов“, Бухарский трактат, стр. 149, прим. 72; Он же. Очерки, стр. 10, прим. 22. О диван-и саркар подробнее см. مکتوبات ркп. ИВ АН УзССР, № 289, л. 169б, 170а—б.

[158] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 149; В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 396.

[159] См.: Tadkirat al-muluk, стр. 62 (персидский текст).

Абд [ал]-Азиз царь Бориса с товарищи из Бухар проводить до первого стану топче баши... и иным своим дворовым людем. А тот [топче баши] ...у пушек и у всей бухарской пехоты начальной человек, а стоит у [царского] двора в воротах на карауле безпеременно"[160].

Надзором над казенными постройками ханских особняков, замков и чахар-багов, различными жилыми и иными помещениями в них занимался кутвал (كتوال)[161] или катаул[162]. Учетом средств (приходом и расходом) на эти же цели занимался другой чиновник, который назывался бахши[163]. За исправностью ханской кухни (اشخانهٔ خاصّه) следил бакаул-калан (بكاول كلان)[164]. Орошение тумана Самиджан также находилось в ведении бакаула-калана[165].

Далее в „Бухарском трактате" перечисляются четыре придворные должности третьестепенного значения. „Трактат" сообщает, что этим должностным лицам „не позволяется выезжать верхом из высочайшего дворца"[166]. Эти четыре должности следующие.

Эшик-ака-баши[167] (اشيك اقا باشى), в обязанности которого входила охрана (ханского) дворца, когда там пребывает правитель государства; сверх того, ему поручалось управление туманом Шапуркам и заведывание его оросительной системой[168]. По свидетельству „Бахр ал-асрар",

---

[160] Наказ Пазухиным, стр. 67.

[161] Равзат ар-ризван, л. 265а, 301б; А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 149—150. Подробнее см.: Убайдулла-наме, л. 165а—170а.

[162] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 186.

[163] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 143.

[164] Ср. бакавул (букавул) в эпоху монгольского нашествия и владычества был военным чиновником, ведающим распределением войскового содержания, правильным распределением добычи и т. д. См. Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, Изд-во. АН СССР. М. —Л., 1950. стр. 471. Придворное должностное лицо, ведающее ханской кухней, носило звание „баурчи". См: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 300.

[165] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 150. Самиджан—современный Рамитан.

[166] Там же.

[167] Ср. эшик-акаси-баши (اشيك اقاسى باشى) в сефевидском Иране.

[168] См.: Тезкира-и Муким-хани, указ. ркп., л. 128; Убайдулла-наме, указ. ркп. л. 9, 134, 135; Тарих Абулфайз-хан, указ. ркп., л. 11б.

согласно правилам, установившимся среди узбеков, право на занятие этой должности принадлежало знати трех узбекских улусов[169] — дурменам, курчиям и найманам[170].

Из числа эшик-ака-баши или, как пишется в „Надир-наме“[171], эшик-акасы-баши (اشیك آقاسی باشی) в годы завоеваний в Средней Азии Надир-шах (1736—1747) назначал правителей отдельных областей; например, правителем Мерва он назначил Шахкули-бека, занимавшего ранее должность эшик-акасы-баши в Мервской области[172]. В начале XIX в. в Иране эшик-акасы иногда командовал отрядом военных[173]. При Мухаммед-Рахиме в Бухаре должность эшик-ака-баши причисляется к низким (عملجا خورد), как и должности шигаула и удайчиев (اودەیچی)[174].

Чагатайбеги, являясь главою племени чагатай[175], управлял туманом Амирабад и заведывал его оросительной системой[176].

Третья должность из этой группы чинов — туксаба (توقسابه). По сообщению автора „Бахр ал-асрар“ Мухаммеда Ибн Вели, туксаба считался как бы главою дворцовых есаулов[177].

В конце XVIII и в XIX в. туксаба и дадха в Бухарском ханстве считались высшими военными чинами; причем зва-

---

[169] Об улусе и аймаке см.: В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 394, прим. 21.

[170] Там же, стр. 396.

[171] Надир-наме или Китаб-и надири, соч. Мухаммед-Казима, т. II, ркп. ИНА СССР, д. 430, л. 126а.

[172] Там же, л. 282б.

[173] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, стр. 216.

[174] См.: Тухфат-ал-хани, ркп. ИНА СССР, С. 581б, л. 169а. Шигаул в XVII в. во время приемов послов и других представителей туманов и главарей племен и улусов представлял хану доклады и просьбы лиц, приезжавших в качестве послов; он же принимал дары от последних, см.: «Бахр ал-асрар». В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 307. В. В. Бартольд называл шигаула церемониймейстером, там же, стр. 304. Удайчии — то же, что есаул, или правильнее есавул, в монгольскую эпоху — исполнитель повелений, основанных на постановлениях яса (яса и юсун — термины почти одинакового значения, употребляющиеся для обозначения обычного права у монголов), см.: В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 295 (персидский текст и там же перевод). В период царствования Аштарханидов и позже есаулом назывался маленький чиновник особых поручений.

[175] Тюркско-монгольское племя. См.: История народов Узбекистана, т. II, стр. 31—32, 485.

[176] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 150.

[177] В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 397—398.

ние дадха считалось более высоким[178]. Тюркское слово туг (توغ) или тук (توق) означает знамя. Отсюда туксаба—начальник войскового подразделения, имеющего свое знамя[179].

При Аштарханидах в Бухаре туксаба—один из второстепенных чинов в военном сословии с титулом „прибежище войны“[180] (مبارز پناه). Согласно „Бухарскому трактату“, туксаба обязан был ставить блюда с кушаньями (طباق مانی طعام) перед государем[181]. Для нас представляет большой интерес другая обязанность туксаба: ему поручалось управление туманом Харакан (вернее Харканд) с заведыванием его оросительной системой[182].

Говоря о чине туксаба, небезынтересно отметить такой характерный момент, как смешение придворных и военных должностей в одном лице. Существование звания туксаба в Хивинском ханстве неизвестно[183].

Последним чином в бухарской служебной иерархии являлся чин мирахура (میر اخور کلان)—главного конюшего. В „Бухарском трактате“ сказано, что он, „стоя при стремени государя, зорко следит за всем, что справа и слева“[184]. Как ранее, в средневековье, так и позднее мирахуры командовали также и войсками—конницей и пехотой[185]. Очевидно, в ведении мирахура находился чиновник, ведующий канцелярией конюшей части. Он занимался записью лошадей вообще, верховых коней и вьючных лошадей, конского снаряжения[186].

Заметную роль в общественно-политической жизни страны играло мусульманское суннитское духовенство. Представители духовенства занимали важные административные и военные должности в Бухарском ханстве. В «Бухарском трактате» сказано: «Знай, что государи Мавераннахра, в согласии с

---

[178] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 185.

[179] Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, стр. 60.

[180] Тезкира-и Муким-хани, указ. ркп., л. 101.

[181] Ср. Наказ Пазухиным, стр. 61.

[182] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 150.

[183] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 383; т. II, стр. 422.

[184] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 150.

[185] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 382; т. II, стр. 213.

[186] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 143.

[187] Там же, стр. 303.

блестящим шариатом, установили четыре должности почитаемых ученых»[188].

Функции носителей этих должностей изложены в „Бухарском трактате" достаточно ясно. К первой из этих должностей относятся судьи (قضاة). Высшим духовным сановником среди них является шейх ал-ислам (شيخ الاسلام), к которому апеллирует верховный судья (قاضى القضاة). „Поэтому по своей должности [шейх ал-ислам] стоит выше, чем верховный судья"[189].

Временами мы наблюдаем чрезмерное усиление власти шейх ал-ислама, когда его авторитет был выше авторитета государей. Это чувствовалось особенно в те периоды, когда исполняли должность шейх ал-ислама шейхи Джуйбари — Ходжа Ислам и Ходжа Са'д. Как видно из сообщений Бадр ад-дина Кашмири, фактически эти лица были некоронованными владыками Мавераннахра. Они не раз угрожали даже такому всесильному государю из династии Шейбанидов, как Абдулла-хан, лишением власти, мотивируя свои доводы тем, что он недостаточно занимается делами государства и чрезмерно увлекается охотой и другими развлечениями[190].

Вообще же шейх ал-ислам (букв. «глава ислама») в изучаемый нами период являлся незаменимым помощником государя в делах свершения правосудия по шариату[191]. Но к XIX в. его обязанности были ограничены разбором жалоб и заявлений. В последнее время существования Бухарского ханства звание шейх ал-ислама было скорее почетное, чем такое, которое бы вызывалось потребностями практики; оно давалось эмирами лицам, принадлежащим к сословию духовенства (علما), и для личных представителей этих блюстителей религии и законов шариата ни в какой мере не было предметом особой зависти[192].

А. А. Семенов объясняет это сравнительными показателями материального благополучия верховного судьи и шейх ал-ислама: доходы в год первого составляли приблизительно до 200 тыс. руб., а второй едва набирал 4 тыс. руб.[193].

После шейх ал-ислама из корпорации духовенства следуют

---

188 А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 303.

189 Там же, стр. 139.

190 См.: Равзат ар-ризван, л. 63б—64б, 70а—б, 177а—178б.

191 См. Tadhkirat al-muluk, стр. 3 (персидский текст), 42, 110, 112 (английский перевод и комментарии).

192 Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, стр. 30—31.

193 Там же, стр. 30—31.

должность верховного судьи[194]. К нему обращаются с апелляцией все, поскольку ему подчинены не только гражданские, но и войсковые судьи[195].

Говоря о носителе должности верховного судьи, автор «Бухарского трактата» отмечает, что «он выше, чем все военные и простой [податной] народ»[196].

А. А. Семенов в своих „Мемуарах" пишет: „Им (верховным судьей) был судья столицы—г. Бухары, единственный на весь город имевший право назначать себе помощника или уполномоченного (وكيل) в отправлении правосудия. Он избирался и утверждался эмиром обычно из наиболее ученейших (а'лам) судей и являлся как бы начальником всех судей ханства, аттестуя их перед эмиром. В официальной переписке и в личных обращениях к нему верховный судья носил титул шари'ат панох (شريعت پناه), т. е. „убежище шариата". Из первейших сановников ханства он один имел право появляться перед эмиром неподпоясанным"[197].

Согласно сообщению Сами, в Бухарском ханстве высокая правительственная власть принадлежала двум лицам: светская — верховному кошбеги и духовная—верховному судье[198]. Сами писал, что все судебные дела, дела раиса (см. ниже), преподавание в медресе, управление вакфами, восстановление утраченных вакфных документов, защита прав сирот и вдов, установление порядков в караван-сараях, торговых рядах (رسته) и лавках, надзор за ремонтом благотворительных учреждений — все это входило в компетенцию верховного судьи[199].

В подчинении верховного судьи находились и войсковые судьи (каз и-йи аскер). Их обязанностью являлось свершение правосудия среди военного сословия.

В сефевидском Иране кази-йи аскер находился безотлучно

---

[194] قاضى القضاة (кази ал-кузат) или в более позднее время قاضى كلان (кази-калон).

[195] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 139—140, ср. стр. 3 (персидский текст).

[196] Там же, стр. 140.

[197] Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, стр. 31.

[198] تحفه شاهى, ркп. ИВ АН УзССР, 1458, л. 43б—44а.

[199] Там же, л. 44а. Интересные сведения о судебных разбирательствах имеются в „Казийских документах XVI в", опубликованных проф. Р. Фитратом и Б. С. Сергеевым.

в так называемом караульном помещении диванбеги и отправлял шариатское правосудие применительно к войску. Он же следил за выдачей жалованья (танха и мавадж̌иб) военному сословию[200].

В „Мемуарах“ А. А. Семенова говорится, что в позднейшей Бухаре должность войскового судьи не всегда бывала замещаема и функции его исполнял войсковой муфтий (مفتی عسکر)[201], о котором речь пойдет ниже.

За судьями следует должность муфтия. Старшим среди них считается „а'лам“ (букв. “ученейший“). Корпорация муфтиев занимается составлением юридических решений (فتوا) и постановлений (روایت), основанных на шариате. В отличие от судьи (кази) муфтии решали юридические вопросы сообща. Например, в Бухаре муфтиев было 14 человек[202]. Ривоят и фетва муфтиев закреплялись печатью в доказательство их правильности и предъявлялись той или иной стороной верховному судье, который выносил решение. „Таким образом,—пишет А. А. Семенов, — муфтии являлись, так сказать, экспертами по части того, как в том или другом случае смотрит на дело шариат, и этим самым они облегчали судье постановлять свои решения“[203].

Согласно „Бухарскому трактату“, „за а'ламом следует должность войскового муфтия, в компетенцию которого входит составление юридических решений по военной части, особенно во время походов и поездок в другие области потентата государства (من له ولایة)»[204].

А. А. Семенов в своих комментариях к переводу «Бухарского трактата» отмечает, что «при приезде войскового судьи и войскового муфтия в район или область, подведомственную в правовом отношении местному судье вилайета, последний на все время пребывания указанных лиц в его районе перестает исполнять свои функции без всякой санкции высшей власти, ибо так исстари принято, и функции местного судьи переходят к войсковому судье, а местного муфтия — к войсковому муфтию»[205].

Говоря о мусульманской юрисдикции, следует указать еще

---

[200] Тухфа-и Шахи, л. 44 а—б.

[201] Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, стр. 40—41.

[202] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 140; Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, стр. 41.

[203] Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, стр. 41.

[204] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 140.

[205] Там же, прим. 1.

на один важный момент. Крупные феодалы, в том числе и духовные феодалы Средней Азии, пользовались в своих владениях не только налоговым иммунитетом, но и судебно-административным иммунитетом, т. е. имели в своих владениях своих судей (казиев) и муфтиев. Так, автор «Матлаб ат-талибин» Абу-л-Аббас Мухаммед Талиб ибн Ходжи Тадж ад-дин, говоря о штате «двора» джуйбарского шейха Са'да, отмечает, что в числе чиновников указанного лица были и казии, один из которых находился во владениях шейха в Балхе, другой — в районе Карши, третий исполнял обязанности муфтия в Термезском саркарстве[206].

Кроме вышеперечисленных должностей и званий, из которых большинство тесно связано с сельским хозяйством, в первую очередь с орошением, в административно-политическом и хозяйственном устройстве Бухарского ханства в период правления Аштарханидов существовал довольно многочисленный штат канцелярских служащих, которые также в той или иной степени имели отношение к исследуемым нами вопросам.

Эти должности следующие: мир-и асади (میر اسدی), файзи (فیضی) и судур (صدور)[207]. Файзи (им может быть сейид или ученый) поручалось наблюдение „за правильностью мер и весов, за соблюдением утвержденных цен и исполнением религиозных обязанностей вне города... Бухары и вне [стоянки] войск"[208]. Очень важным является здесь тот факт, что мы, кажется, ранее не прослеживали существования должности файзи вне городов. Ту же обязанность среди сейидов, проживающих в г. Бухаре и вне его, на расстоянии до одного фарсанга[209], исполнял мир-и асади[210] (им тоже может быть ученый или сейид). Что же касается должности садра, то он вел учет и проверку — мухасабат (محاسبات) — вакфов, находящихся внутри рабаза (предместья) г. Бухары, также на расстоянии до одного фарсанга, а судур занимался тем же, но только вне города и за предместьями его[211].

Важной должностью, исполнять которую мог ученый бого-

---

[206] Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, № 80, л. 80б; П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 65.

[207] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 141.

[208] Там же.

[209] Фарсах (фарсанг) — не более 8 *км*. См.: В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 29—30; Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 87, прим. 2.

[210] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 141.

[211] Там же.

слов и сейид, была должность мухтасиба (или раиса). Он был в каждом городе. В тех городах, где не было сейидов, достойных этой должности, им мог быть другой человек, верный слуга государства. Обязанности мухтасиба тождественны обязанностям файзи. О них с предельной ясностью говорится в великолепном памятнике XI в. «Сиасет-наме»: «Также следует назначать в каждый город мухтасиба, чтобы он проверял точность весов и установленные цены, наблюдал за торговлей, чтобы все было правильно. Пусть мухтасиб надзирает за всем, откуда бы что ни привозили и ни продавали на базарах, чтобы не происходило подделки, чтобы были точны гири; пусть мухтасиб применит разрешение на дозволенное и запрещение на недозволенное. Государь и государевы чины должны содействовать тому, чтобы он пользовался назначением, это является одним из правил господства, показателем благоразумия, а если бедняки впадут в несчастие, люди базаров будут покупать и продавать как хотят, одолеет роскошество, станет явным разврат, потеряют значение предписания шариата»[212].

Мухтасиб должен был также следить за выполнением предписанных шариатом норм в ремесленном производстве и, таким образом, вмешивался в цеховую жизнь ремесленников. Ему же было предоставлено право наблюдения за нравами населения города[213].

Ранее, в период царствования Саманидов, роль полицейского управления исполнял диван-и мухтасиб (محتسب ديوان)[214].

По мнению А. А. Семенова, в Бухаре термин мухтасиб не был в ходу, вместо него употреблялся термин раис (رئيس—глава, начальник)[215]. Следовательно, употребление известного арабского термина мухтасиб (от احتساب — учет) в источниках является литературной традицией.

А. А. Семенов указывает в своих «Мемуарах», что «раис в Бухаре являлся тем лицом, каким на классическом Востоке был мухтасиб, разница была лишь в названии»[216].

---

[212] Сиасет-наме, стр. 47.

[213] См.: И. Ю. Крачковский. Торговая инспекция на востоке Халифата и в арабской Испании, стр. 98—104.

[214] Мухаммед Наршахи. Изд. Ch. Schefer, Paris, 1892, стр. 24.

[215] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 140, прим. 2.

[216] Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, стр. 45.

Важным лицом в государстве являлся ишан-раис. Им мог быть сейид или ходжа, имевший репутацию нравственного и порядочного человека во всех отношениях. Его титулом был рийасат-панох (ریاست پناه)—„прибежище начальствования". Он назначался эмиром. По существу ишан-раис, как и мухтасиб, являлся лицом, карающим за преступления, связанные со злостным нарушением мер веса и длины, несоблюдением тех или иных обрядов религии, незнанием жителями молитв и т. д.[217]

Небезынтересно отметить, что так же, как в Средней Азии, в сефевидском Иране государственный надзор за ценами, мерами весов, нравственным поведением населения осуществлял государственный чиновник мухтасиб (محتسب الممالك)[218].

К числу должностных лиц из духовенства относятся и мударрисы (مدرسی)—преподаватели высшей мусульманской школы—медресе (مدرسه)[219]. Являясь представителями религии, мусульманское духовенство, призванное оберегать ислам от всяких новшеств, чуждой ему идеологии, в лице вышеназванных своих представителей выступало иногда в защиту шариата против нарушавших его хана или крупных сановников государства; хотя эти выступления, однако, не всегда были успешны.

Но, вместе с тем, единое мнение — иджма' (اجماع)— высших богословов-ученых (а'лам) и уляма (богословов вообще) во многих вопросах, связанных с шариатом, заставляли правящую верхушку аштарханидского государства считаться с духовенством. Наглядным примером может служить случай с царевичем Ибрагим-ханом, воспитанным в Иране. Как мы уже писали выше, его заподозрили в шиизме и в убийстве по ночам «правоверных мусульман». Возмущенные этим балхцы, очевидно, по наущению духовенства, отрубили «своему правителю» голову и бросили ее «под ноги коня» Аштарханида Вели-Мухаммед-хана[220]. Глава государства считался высшим блюстителем религии. Это обстоятельство заставляло ханов поддерживать тесный контакт с шейх ал-исламом, казием, муфтием и раисом (мухтасибом).

---

[217] Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, стр. 45.

[218] Tadhkirat al-muluk, стр. 17 (персидский текст).

[219] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 140.

[220] Тарих-и Муким-хани, указ. ркп., л. 51, 52.

Интересный в научном отношении сборник руководящих правил при разрешении разнообразных юридических вопросов при Аштарханидах был составлен одним из кубадианских муфтиев по распоряжению Субханкули-хана. Уникальный список этого объемистого труда, по-видимому, современный автору сочинения, хранится в Фундаментальной библиотеке Ташкентского государственного университета. Из арабского предисловия данного сочинения мы видим, какое важное значение придавалось Субханкули-ханом надлежащему применению закона[221].

Однако следует отметить, что мусульманское духовенство стремилось к стяжательству так же, как и суфийские наставники — ишаны. Класс феодалов всегда пользовался поддержкой мусульманского духовенства, верхушка которого сама была частью этого класса. Многочисленные сатирические рассказы о неправдивых судьях и муфтиях, корыстных муллах и других представителях улама широко известны. Эти рассказы представляют собой ту подлинно народную литературу, созданную неизвестными авторами, которая издавна широко бытовала, переходя из уст в уста. В этих рассказах, ярко отражавших классовые противоречия в феодальном обществе Средней Азии, рисующих картинки нравов правящей верхушки общества, народные массы выражали свой протест, особенно против представителей духовенства. К сожалению, эта обширная и заслуживающая самого серьезного внимания народная литература, до сих пор в должной мере не исследована.

Подавляющее большинство этих рассказов и стихотворений приписывается Ферганскому дервишу Рахим Баба-йи Намангани, известному под прозвищем Дивана-йи Машраб[222]. (ديوانهٔ مشرب), жившему во второй половине XVII—начале XVIII в.

Распри центральной власти с феодалами-правителями отдельных областей, непослушными эмирами и главами узбекских племен нередко подогревались участием в них духовенства и дервишских орденов, выдвигая на политическую и

---

[221] А. А. Семенов. Описание персидских, арабских и тюркских рукописей Фундаментальной библиотеки САГУ, Ташкент, 1935, стр. 22—23, № 24.

[222] См.: Диван-и Машраб, ркп. ИВ АН УзССР, № 3674, 3691, 3692/II, 171 и др. Имеется русский перевод Н. С. Лыкошина этой рукописи: «Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае», Самарканд [1910]; См. еще В. Вяткин. Ферганский мистик Дивана-и Машраб, Сб. Туркестанского восточного ин-та, Ташкент, 1923.

общественную арену третий элемент[223] — духовных глав орденов, так называемых «ишанов», этих подлинных некоронованных владык всего населения (таковым был, например, в XV в. Ходжа Ахрар). Они крепко держали в своих руках народные массы, направляя их по своему усмотрению и по своей воле, иногда более сильной и независимой, чем воля и власть ханов, эмиров и других представителей светской власти.

Бухара славилась не только как столица и политический центр ханства, но и как религиозный центр всей Средней Азии. Поэтому не приходится удивляться той высокой роли духовенства и дервишских орденов, которую они играли в политической и экономической жизни страны. Еще Антоний Дженкинсон, первый европейский путешественник, посетивший Бухару в 1558—1559 гг. писал: «В Бухаре есть духовный глава. Его больше слушают, чем короля; он может сместить короля и посадить другого по своей воле и желанию»[224]. Эти высказывания Дженкинсона подтверждаются многочисленными данными местных источников.

Самый могущественный государь из Шейбанидов Абдулла-хан еще с юношеских лет был последователем (мюридом) Ходжи Ислама Джуйбари. Мюридом последнего был и отец Абдулла-хана — Искендер-хан[225].

Пользовавшийся огромным политическим влиянием как среди своих многочисленных мюридов, так и среди феодальной аристократии, Ходжа Ислам оказывал решающую поддержку молодому Абдулла-султану в годы его побед над соперниками и при окончательном овладении им в 1557 г. столицей ханства — Бухарой[226].

Впоследствии Ходжа Ислам не раз говорил, что ханская власть в Бухаре была передана в руки Абдулла-хана шейхами Джуйбари и что, если хан предпримет неразумные действия, они могут его лишить ханского престола[227].

---

[223] См.: Тарих-и Муким-хани, указ. ркп., л. 134—140 и сл.; А. А. Семенов. Предисловие к переводу Мукимханской истории, стр. 13—15. В 50-х годах XVII в. в Балхе, во время непрекращавшихся междоусобиц, управление областью взяли в свои руки ходжи (или ишаны), передавшие власть в руки Салих-ходжи, сына Ходжи Абу ал-Вели Парса-и, известного под именем «Падишах-ходжа», происходившего от знаменитого бухарского шейха XIV—XV вв. ходжи Мухаммеда-Парса-и.

[224] А. Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию, 1558—1560 гг., стр. 182.

[225] Абдулла-наме, ркп. ИВА СССР, д. 88, л. 48б.

[226] Абдулла-наме, л. 96б; В. В. Вельяминов-Зернов. Монеты бухарские и хивинские, стр. 388; В. Л. Вяткин. Шейхи Джуйбари; Сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927, стр. 11, 15.

[227] Равзат ар-ризван, л. 178а.

Внимание Абдулла-хана к своему наставнику (муршиду) Ходже Исламу выражалось не только в большом уважении, но и в пожалованиях огромных орошаемых земель, фруктовых садов и других материальных ценностей[228]. Данные относительно этих пожалований мы находим во многих источниках[229]. Но ограничимся лишь упоминанием о тех заботах, которые Абдулла-хан проявил в отношении пожалованных Ходже Исламу земель в местности Сумитан под Бухарой. По распоряжению Абдулла-хана, в 966—974 (1558—1566) гг. здесь на хорошо возделанных орошаемых землях были заложены отлично запланированные фруктовые сады и виноградники, а также воздвигнуты величественные здания[230].

Самым же важным является то, что местность Сумитан и прилегающие к ней селения были объявлены дарубастом (дарбастом) в пользу Ходжи Ислама и его потомков, т. е. были освобождены от обложения рентой (налогом) в пользу государства[231]. Абдулла-хан распорядился перенести часть городской стены, чтобы включить в нее местность Сумитан и тем обезопасить владения шейхов Джуйбари от неожиданных неприятностей[232].

Не меньшим политическим и экономическим влиянием пользовался сын и преемник Ходжи Ислама Ходжа Са'д.

Огромное влияние сохраняли духовенство и шейхи и в последующие периоды[233]. Автор «Тарих-и Муким-хани» приводит характерный эпизод из истории борьбы Аштарханида Имамкули-хана (1611—1642) со своим дядей Вели-Мухаммед-ханом (1605—1611). В этой борьбе победил Имамкули-хан, которого энергично поддержал Ходжа Хашими. Вели-Мухаммед-хан потерпел поражение, был взят в плен и убит по распоряжению Ходжи Хашими. Мухаммед Юсуф Мунши сообщает, что Имамкули-хан обратился к помощи ишана Ходжи Хашими[234], внука Махдум-и А'зама[235], пользовавшегося в

---

[228] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 51.

[229] Самыми ценными из нарративных источников, посвященных истории шейхов Джуйбари, являются «Равзат ар-ризван», ркп. ИВ АН УзССР, № 2094, см. л. 176б, 295а—305а, 315а—317б и сл., а также широко использованный П. П. Ивановым «Матлаб ат-талибин».

[230] См.: Равзат ар-ризван, л.316б—317б; Матлаб ат-талибин, л. 64а.

[231] Равзат ар-ризван, л. 316б—317б. Текст ярлыка имеется в рукописи ИНА СССР, А 210, л. 189а. Этот же текст приложен к кн.: П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 341; В. Л. Вяткин, Шейхи Джуйбари, стр. 15, 18.

[232] Матлаб ат-талибин, л. 64а.

[233] Сабирджан ибн мулла Мухаммед Мустафий., Бухара мадрасалари, журн. «Шура», 1914, № 3, стр. 84.

[234] Ходжа Хашими умер в 1046 (1636/37) г.

[235] Махдум-и А'зам или Ходжаги-йи Касани—известный ишан XVI в. Умер в 949 (1542) г.

Мавераннахре большим почетом и влиянием, имевшего многочисленных учеников и мюридов в различных слоях общества. В то время Ходжа Хашими занимал «трон иршада» (букв. «наставника», «руководителя»).

«Хан удостоился счастья облобызать руку этого святого человека и доложил ему о приближении кызылбашей с Вели-Мухаммед-ханом и о малочисленности своего войска. Тот великий человек, выслушав это, впал в экстатическое состояние и вдохновение, в форме благоприятного предзнаменования приказал собраться своим ученикам»[236]. Далее речь идет о поражении и убийстве Вели-Мухаммеда.

Насколько сейиды и ишаны занимали видное место в административно-хозяйственной и даже военной жизни страны, видно из «Бухарского трактата». Следующие четыре должности занимали представители шейхов Джуйбари.

Первая из этих должностей заключалась в управлении «Джуйбаром как с внутренней, так и с внешней стороны»[237]. «Бухарский трактат» считает это самым высоким постом[238]. В местности Джуйбар, расположенной на запад от г. Бухары, орошенной каналом Шах-руд (Шахр-руд), который протекает и через город, обитали «шейхи Джуйбари» или джуйбарские ходжи, в XVI в. получившие широкую известность и за пределами Мавераннахра[239].

О политической роли, которую играли шейхи Джуйбари, в одном из источников говорится: «Правители Кашгара, Яркенда, Турфама до границ Китая и Хотана, мирзы мангытов, падишахи казахов, султаны Тура и Дешти-и кипчака, властелины Хорезма и Мерва, шахи Нисы и Маверды беспрекословно подчинялись их указам»[240].

В период царствования династии мангытов (с середины XVIII в.) джуйбарские ходжи жили в Бухаре к западу от арка, занимая 16 кварталов (гузаров); каждый квартал имел примерно 100 домов. Если считать в каждом по пяти человек, то общее число населения их доходило до 8000 душ обоего

---

[236] تاريخ راقمی ркп. ИВ АН УзССР, № 7711, л. 133 и сл.

[237] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 140.

[238] Там же.

[239] О шейхах Джуйбари, см.: Манакиб-и ходжагон Джуйбари, ИВ АН УзССР, № 2323; Ходжа Ислам Джуйбари, ркп. ИВ АН УзССР, № 2331; Манакиб-и Са'дия, ркп. ИВ АН УзССР, № 70; Муфтах ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, №1493; Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, № 80; Равзат ар-ризван, ркп. ИВ АН УзССР, № 2094 и др.

[240] Ркп. ИВ АН УзССР, № 2331, л. 109, 111а.

пола[241]. Эти потомки Ходжи Ислама и предшествовавших ему дервишских шейхов Джуйбари ни к какому ордену дервишей не принадлежали; из них формировались кадры а'ламов, шейх ал-исламов и светских чиновников — амалдаров (عملدار). [242]. Джуйбари были местными правителями в своих обширных владениях и обладали не только налоговым, но и судебно-административным иммунитетом. Они же занимали видные должности в административно-чиновничьем и военном аппарате Бухарского ханства.

Далее следует должность накиба[243]. Мухаммед ибн Вели пишет, что «важнейшее место на левой стороне от счастливых хаканов есть место высокопочтенных накибов»[244].

Н. А. Ханыков, посетивший Бухару в самом начале 40-х годов XIX в., сообщает, что «должность эта по существу своему есть весьма важная; он в отсутствии эмира решает тяжбы, касающиеся сипаев (воинов) и превышающие права казы-аскяра; но нынешний эмир (Насрулла, правил с 1827 по 1850 г. — *М. А.*) лишил ее всякого значения»[245]. «Уважение к этому сословию (сейидов) людей, — сообщает автор «Бахр ал-асрар»,— доходит до такой степени, что царевичи, даже ханский ка'алка (قعلقه — наследник), сидит ниже всех [накибов]»[246].

Для сейидов, находящихся в войсках, существует должность специального мухтасиба. Ему присваивалось звание — великий урак— урак-и калон (اورق كلان)[247].

Наконец, для ведения дел ордена Накшбенди была учреждена специальная должность мираба по орошению мазара шейха Беха ад-дина Накшбенди (ум. в 790/1383 г.). Мазар этот находится к северо-востоку (в 10,5 *км*) от г. Бухары в селении Беха ад-дина. Ранее он привлекал множество палом-

---

[241] По данным покойного Ибадуллы Адилова — научного сотрудника Института восточных рукописей (ныне ИВ АН УзССР) АН УзССР. Цит. по А. А. Семенову. Бухарский трактат, стр. 140.

[242] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 150, прим. 4.

[243] Накиб — букв. предводитель, глава племени, общины. О накибе см.: Тарих-и Муким-хани, указ. ркп., л. 103; Фирдаус ал-икбал, соч. Мунниса — Агехи, ркп. ИНА СССР, с 571, л. 65б. Здесь говорится, что Абул-гази-хан (1643—1663) на все должности назначал по два и более человека, а на должность раиса и накиба — по одному.

[244] В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 394.

[245] Н. Ханыков. Описание Бухары, стр. 190.

[246] В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 394.

Абул-фазл Бейхаки (XI в.) употребляет термин «накиб» для обозначения лиц, передающих приказы в бою. См.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1, стр. 276, прим. 1.

[247] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 141.

ников из разных районов Средней Азии[248]. Дервишский орден Накшбенди (Накшбендийе) был одним из самых распространенных в Средней Азии. По сообщению Мухаммеда ибн Вели, во время ханских приемов ходжи ордена Накшбенди занимали место с правой стороны от хана после шейх ал-ислама, выше кази-йиаскера, а'лама, муфтия и раиса[249].

В «Бухарском трактате» перечисляется ряд канцелярско-чиновничьих должностей. Их исполнители — канцелярские служащие[250] — в «Бухарском трактате» называются людьми пера (ахли калам)[251]. Первой такой канцелярией является великий диван (ديوان كلان). Глава этого дивана[252] заведовал дафтарными (دفاتر عالى)[253] записями относительно танха, тилгу (возможно, билгу) и др.[254]

Для записей жалуемых ханом военным и гражданским лицам даров (оружия, платья и др.) существовала должность мушрифа — надзирателя[255].

---

[248] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 141; История народов Узбекистана, т. II, стр. 64, 121, 322, 325.

[249] В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 395.

[250] Ср. русские термины „Приказные, диаки, диак введенный, писари", Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв., в двух частях, М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 306–310.

[251] А. А. Семенов.. Бухарский трактат, стр. 11.

[252] صاحب ديوان

[253] Ср. „Бухарский трактат", стр. 141. دفترخانهٔ همايون اعلا

[254] Дафтарные записи, по словам А. А. Семенова, хранившиеся в большой тайне, отражали все приходно-расходные операции государственной власти ханства и представляли собою длинные свитки (тумар по-бухарски). А. А. Семенов предполагает, что в рукописи «Бухарского трактата» вкралась ошибка и вместо билгу написано тилгу (тилку). Термин «билгу», судя по объяснению в Маджма' ал-аркам» (л. 18а—б), обозначал чек или берат на получение с тумана известной суммы денег или зерна в натуре. Этот документ скреплялся печатями соответствующих правительственных лиц, вроде великого дивана, диванбеги кабинетских имуществ и, наконец, самого главы государства, см. «Бухарский трактат», стр. 141, прим. 12, 14.

[255] Мушрифом (مشرف) в позднейшей Бухаре назывался „второй секретарь" (كاتب ثانى — катиб-и сони"), который по распоряжению эмира писал записки заведующему вещевым складом (мудир-иамбар) о выдаче тому или иному лицу жалованного платья, оружия и пр. См.: Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, стр. 24. Ср. у В. В. Бартольда: „Из того, что у Бейхаки мушрифы названы вместе с казначеями и составляют опись дворцового имущества, можно заключить, что их контроль главным образом касался сумм, предназначенных на содержание двора". Соч., т. I, стр. 290. В раннее средневековье

Учет сборов с хараджных земель, называемых муаззаф (معظف), поступающих весною и осенью[256], и за доходами и расходами с них, согласно указаниям правительства, ведал диван потанабных поступлений (دیوان طنابانه—диван танабане)[257].

В истории культурной жизни страны, в фиксировании тех или иных исторических событий большую роль играли мунши (личные секретари ханов и секретари вообще).

Мунши[258] обычно выбирались из людей образованных, обладавших хорошим почерком и литературным стилем[259]. Одним из таких был, в частности, автор известного труда «Тарих-и Муким-хани» — Мухаммед Юсуф Мунши.

По „Бухарскому трактату", в изучаемый нами период в обязанности мунши входило „писание жалованных грамот (عنایت نامه—инайат-наме), служебных записок с выражением воли или желания хана или эмира (خواهش نامه—хахиш-наме), ярлыков об утверждении в должностях, чинах и званиях разных лиц или о поручении им тех или иных обязанностей (یرلیغ عمالات—ярлыг амалят) и пр."[260]

Некоторые ханы очень внимательно следили за делопроизводством. Про Абд ал-Азиз-хана (1645—1680) говорили, что «письма и грамоты, которые [он]посылал правителям [разных] стран, не нравились ему в той редакции, в которой

мушриф употреблялся в значении доносчика, соглядатая. См.: Б. Дорн. Выдержки из мусульманских писателей, касательно истории и географии южных берегов Каспийского моря, СПб., 1858, стр. 105; Снасет-наме стр. 33.

256 А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового управления б. Бухарского ханства, стр. 22 и сл.

257 А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 141—142. О площади танаб земли см. там же, стр. 151—152, прим. 1; П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 38; „Военный сборник", 1874, № 9, стр. 135

258 Ср. термины „дабир" и „мутасарриф" (متصرّف دبیر). Снасет-наме, стр. 31. Здесь под термином „дабир" выступает тот представитель „людей пера", который, в позднее время известен под названием мунши, а под термином „мутасарриф", очевидно, скрывается значение чиновника, ведающего финансовой отчетностью; там же, стр. 31, 317, прим. 59.

259 Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. вып. II, стр. 24.

260 А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 142.

их составляли [его] секретари (мунши), и [потому] он сам стремился их составить и написать»[261].

Чиновник, который следит за общественными работами в столице, в частности, за очисткой оросительных каналов (حشر رود—хашар руд), сбросом подпочвенных вод (زهگش —захкаш)[262], назывался арбабом внутреннего города (ارباب درون شهر—арбоб-и дарун-и шахр)[263]. По распоряжению правительства арбаб исполнял обязанности и сборщика податей[264].

В столичном городе Бухаре полицейская власть была сосредоточена в руках миршаба (میر شب—букв. мир-и шаб—„ночной эмир"). Причем должность миршаба в „Бухарском трактате" не упомянута. Однако о существовании этой должности свидетельствуют нарративные источники[265]. Как указывает А. А. Семенов, миршаб Бухары являлся начальником не только городской полиции, но и всех миршабов в городах ханства[266]. Но, очевидно, это касается более позднего времени[267]. Должность миршаба как полицмейстера в изучаемый нами период напоминает нам функции сахиб-и шурта (صاحب الشرطه) времен Арабского халифата[268].

В соответствии с полицейским обслуживанием город делился на две части ровной линией, проходящей в направлении с севера на юго-запад. Части эти назывались сахмами (سهم), каждый сахм делился на шесть частей, называвшихся джарибами (جریب)[269], и имел своего начальника — бобо (بابا)[270], а каждый джариб был подчинен дахбаши (دهباش),

---

[261] Тарих-и Муким-хани, указ. Фундаментальной библиотеки ТашГУ, № 09/61, л. 57а. Про Абд ал-Азиз-хана говорили еще, что ученых людей он принимал у себя запросто; Там же, русский перевод А. А. Семенова, стр. 109.

[262] О значении термина «зах» см.: А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 142, прим. 19.

[263] Об арбабе см.: Тарих-и Абулфайз-хан, указ. ркп., л. 33а.

[264] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 142.

[265] Тарих-и Муким-хани, указ. ркп., л. 38а и сл.

[266] А. А. Семенов. Очерки устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени, стр. 48.

[267] Там же, стр. 51 (таджикский текст), 51, 52 (русский перевод). Этот документ взят из фолианта № 407 ИВ АН УзССР.

[268] См.: История Узбекской ССР, т. I, книга первая, стр. 149, 157; ср. сахиб-хабар и сахиб ал-барид в «Сиасет-наме», стр. 322, прим. 126.

[269] Джариб — мера земельной площади, равная 3600 кв. гязам.

[270] Узбекское слово бобо имеет двоякое значение: 1) дед, 2) старшина, глава.

т. е. десятскому. У каждого такого дахбаши находилось в подчинении по несколько полицейских, именовавшихся шабгардами (شبگرد — букв. ночной сторож, караульщик)[271]. К вечеру все городские ворота запирались, и тогда за соблюдение общественной тишины и безопасность населения отвечал миршаб, в подчинении которого находились шабгарды. Он не имел права делать этого днем, так как в это время наблюдение за порядком лежало на самом населении.

Делами арабов, проживающих в ханстве, ведала специальная канцелярия, называемая диван-и арабхана (دیوان عرابخانه). Чиновник, возглавляющий этот диван, занимался перепиской по делам, возникающим среди арабов; например, переходом или переселением в число подданных другого района, зачислением в иррегулярные войска, уплатой податей, вызываемых чрезвычайными обстоятельствами (جعل — джу'л)[272] и пр. В период царствования Аштарханидов существовал также отдельный диван для кочевых племен и родов арабов Бухары и Балха[273], говорящих по-арабски и по-персидски[274].

Кроме того, при дворе и в ведении отдельных диванов существовали письмоводители, вроде связных или рассыльных, которых называли мухаррирами (محرّر)[275]. Мухарририры были трех родов: 1) письмоводитель государева дивана[276]; 2) письмоводитель по распределению амляковых зе-

---

[271] См.: Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, стр. 48.

[272] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 142. В Бухарском ханстве, кроме известных установленных податей и военной повинности „наукарийе", во время военных походов брали еще подати и людей. Эти налоги назывались „джу'л", а взятые для обслуживания армии люди — „кара-чирик"; см.: Письма эмира Сейида Хайдара Бахадур-хана, ркп. ИВ АН УзССР, № 1961/II, № 103, 269, 273, 554.

[273] دیوان جماعهٔ اعراب و ایماق ولایت بخارا و بلخ

[274] См. مکتوبات ркп. ИВ АН УзССР, № 289, л. 172а. Ср. статью: С. В. Волин. К истории среднеазиатских арабов, Труды 2-й сессии арабистов, Труды ИВ АН СССР, вып. XXXVI, М.—Л., 1941. دیوان جماعهٔ اعراب عربی گوی و فارسی گوی

[275] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 144, прим. 35, 36.

[276] محرّر دیون سرکار

мель[277]; наконец, 3) мухаррир, записывающий будничные события («ваки'а навис»[278] — букв. записыватель происшествий). К нему стекались сводки ежедневных государевых осведомителей о всем слышанном и виденном ими за день среди населения[279]. В позднейшей Бухаре в простонародье термин «мухаррир» обозначал письмоводителя-муфтия.

Следует отметить, что при всей слабости центральной ханской власти и несмотря на феодальную раздробленность существовала довольно исправная связь между центральной властью и вилайетами.

Из сообщений целого ряда источников видно, что как бы ни был ничтожен случай, доходивший до хана или эмира, он получал быстрое решение. Время от времени, а в период династии Мангытов[280] раз в неделю, из всех вилайетов ханства их правители и судьи посылали к эмиру нарочных с донесениями о происшествиях за истекшие дни: кто приехал, какие ходят слухи и т. д. Когда требовалось послать срочное донесение, не терпящее отлагательства, областные правители (хакимы) делали это не через верховых связных, а поручали особым скороходам («шатир-пари»)[281], отличавшимся необыкновенной выносливостью.

Историографы Аштарханидов зафиксировали рекордные переходы, которые совершали шатир-пари. Мир Мухаммед Амини Бухари рассказывает, что в Самарканде в 1709 г. эмиры и войска оказали неповиновение Убайдулла-хану, и между ними и ханом произошел конфликт. Хан, опасаясь, что подобное неповиновение эмиров и войска может произойти и в столице ханства, написал своей матери секретное письмо о происшедшем в Самарканде и просил принять необходимые меры в Бухаре. Он послал это письмо со скороходами (шатир-пари), которые заменами за сутки доставили ханское письмо из Самарканда в Бухару, пройдя за это время приблизитель-

---

[277] محرّر املاك — это письмоводитель по части государственных земель, бывших в пользовании земледельцев, называвшихся амляками.

[278] واقعه نويس

[279] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 44, прим. 35, 36. Ср. Tadh—Kirat al-muluk, стр. 8,25 (персидский текст). В сефевидском Иране ваки'а навис, помимо ежедневных происшествий, фиксировал события, происшедшие за четыре времени (فصل) года.

[280] Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, стр. 29.

[281] Шатир — скороход (شاطر پرى), пари — фея, пери.

но 235 верст[282]. Упоминание о скороходах есть и у русских исследователей. Так, Г. А. Арандаренко приводит случай пробега дарвазского скорохода Бобо караулбеги. В возрасте 36 лет[283] он прошел 150 верст за 16 часов без отдыха.

На все посылавшиеся донесения отправители получали от центрального правительства служебные записки и распоряжения, а если не следовало никаких распоряжений, все-таки глава правительства считал нужным ответить, хотя бы ничего не значащим по содержанию приветственным письмом («мубарак-наме»)[284].

Таким образом, в распоряжении хана имелся обширный и хорошо налаженный аппарат центрального управления, свидетельствовавший о том, что феодальное государство, каковым являлось Бухарское ханство Аштарханидов, было далеко не примитивным.

Большая власть была в руках представителей местного управления, хотя о сфере деятельности их в известных нам источниках конкретных данных мы не имеем. Для нас важно то обстоятельство, что именно местная власть была непосредственно связана с земледелием, землепользованием, организацией орошения, обложением и сбором рент — налогов. В документальных и редко в нарративных источниках мы встречаем такие важные должности, связанные с земледелием, как амлякдар, амин (или аксакал), амиль (сборщик податей), пайгир (учетчик, подытоживающий налоговые поступления или точнее фискальный чиновник, ведавший повинностями), мираб, он и амин, ведали организацией общественных работ по орошению и распределению оросительной воды по посевам, пайкар (служитель при амине и мирабе). Начиная со второй половины XVIII в., когда увеличился фонд государственных земель, повысилась роль амлякдаров, распоряжавшихся этими землями (сдачей их в издольную аренду, сбором податей и т. д.). Помимо амлякдаров при каждом административном районе (тумане, вилайете и т. д.) был и главный амлякдар (кулл- и амлякдар) при центральной власти.

Характерно, что множество документов по земельно-водным вопросам, исходящих от ханов и эмиров, было адресовано представителям местной власти. Именно представители местных управлений имели реальную силу, так как они были

---

[282] Убайдулла-наме, указ. ркп., л. 152б—153а.

[283] Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане СПб., 1887, стр. 454.

[284] См., например, служебные письма эмира (бухарского) Музаффара к казию Мухаммеду, ркп. ИВ АН УзССР, № 407.

конкретно связаны с производством сельскохозяйственных продуктов, обложением и сбором ренты (налога) с крестьян. Эксплуатация сельского населения также осуществлялась через них.

Как показывают наши исследования, некоторые представители местных властей избирались населением на демократической основе. В некоторых селениях, кроме аксакалов, аминов и мирабов, были и квартальные старосты, называвшиеся эллик-баши[285].

Аппарат власти на местах состоял из главных представителей (хакимов) вилайетов, сидевших в отдельных наиболее крупных районах (туманах и др.) и имевших в своем распоряжении большой штат податных чиновников. Крупные земельные магнаты также имели свои управленческие аппараты. В качестве иллюстрации можно назвать большое феодальное хозяйство шейхов Джуйбари[286].

Определенного содержания местные правители и их помощники не получали, пользуясь вместо этого доходами, которые давала их служба.

Как правильно отмечает А. А. Семенов, налаженность системы центрального и местного управлений не должна, однако, вводить нас в заблуждение, так как она была унаследована в основном, как мы уже говорили, от тимуридской эпохи, а в конечном счете от Саманидов. Но система эта подверглась значительным изменениям в соответствии с фактическими условиями, сложившимися в узбекских ханствах: смешение военных и административных должностей и соединение их в одном лице и т. д. На высшие государственные должности, как отмечают наши источники, назначались главы наиболее могущественных узбекских племен; некоторые из этих должностей иногда были как бы собственностью отдельных племен. Указанное обстоятельство усиливало влияние и без того совершенно самостоятельных племенных эмиров. Это объясняется тем, что кочевая знать была ведущей группой класса феодалов.

УДЕЛЬНАЯ СИСТЕМА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Несмотря на сложность государственного аппарата, центральная ханская власть все-таки была слаба. Одна из основных причин ее слабости заключалась в том, что государство

---

[285] Наши этнографические записи, сделаны в 1957—1959 гг. в Бухарской области. См. также: М. Абдураимов. Пережитки сельской общины в узбекском кишлаке, Советская этнография, 1959, № 4, стр. 44, и сл.

[286] Матлаб ат-талибин, л. 80а; П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 65—66.

Аштарханидов, подобно государству Шейбанидов[287], вынуждено было сохранить систему удела (улуса, юрта). Почти вся территория государства была распределена между влиятельными узбекскими племенами или членами ханской семьи в качестве юрта или улуса[288]. Формально государство Аштарханидов владело огромными территориями. На юго-западе ему принадлежала обширная Балхская область с входивши-

---

[287] См. ценнейший первоисточник по истории Средней Азии первой четверти XVI в. زبدة الآثار („Сливки летописей повествования") — сочинение Абдуллы б. Мухаммеда б. Али Насруллахи, известного под псевдонимом Балхи. Он говорит о событиях первой четверти XVI в., как современник и отчасти как участник событий. О распределении завоеванных областей между членами семьи Шейбанидов Абдулла Балхи пишет следующее: اول حضرت ممالكنى سلطانلارغه مسلم توتى حصار ممالكينى همزه سلطان مهدى سلطان بيله اولادلاريغه بيردى و بخارانى عبيدالله سلطانغه مفوض قيلدى كش و نخشب و خزار و دربند توابعى‌نى جيحون يقاسيغه ديكنچه تمور سلطانغه مفوض ايتى (Тимур-султан — сын Шейбани-хана). В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, ЗВО, т. XV, СПб., 1904, стр. 198. Шейбани-хан, очевидно, в целях повышения роли ханской власти незадолго до своей гибели (1510) отнял у Кучум-хана (или Кучкунджи) Туркестан, у Убайдуллы — Бухару и у Хамзы-султана и Мехди-султана — Хисар и тем самым восстановил против себя султанов. В результате этой политики наступил раздор в семье Шейбанидов, который явился причиной временных неудач этой династии (стр. 195, 204).

[288] Тюркский термин «юрт»—«территория для кочевья, место стоянки»— получил распространение в Средней Азии и Иране только в монгольскую эпоху, хотя он встречается и раньше, причем также в значении места для кочевья вместе с персидским словом «гах». См.: В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 305; Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 319.

Монгольский термин «улус» обозначает удел, область, население, подчиненное определенному феодалу. Он появился в Средней Азии только в монгольский период. Б. Я. Владимирцев пишет: «У древних монголов всякое объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, хана, наиона баатуря и т. д., называется «ulus» (улус)» (см.: Б. Я. Владимирцев. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 97).

В «Бахр ал-асраре» слово «улус» употребляется со словом «аймак». Из дальнейшего изложения фактов можно заключить, что Махмуд ибн Вели употребляет термины «улус» и «аймак» (иногда «уймак») приблизительно в одном и том же значении и обозначает ими главным образом кочевые народы.

ми в нее округами — Кундуз, Джузган (Файзабад), Шибирган и другими, составляющими ныне обширную афганскую провинцию Катаган. Но из Хорасана, занятого узбеками в 90-х годах XVI в., Аштарханиды были вытеснены в первые же годы их царствования Сефевидами.

Близлежащий Бадахшан, по-видимому, также находился в зависимости от Бухары, поскольку «Тезкира-и Муким-хани» упоминает, что бадахшанскими копями (рубиновыми и ляпис-лазуриевыми) ведали бухарские сановники, и на этой почве возникла распря правителя Бадахшана с Бухарой[289].

Вилайеты Термез, Куляб с их булюками (районами) и другие земли, лежавшие по правому берегу Амударьи, также входили в состав наместничества Балха. Хисар[290], по-видимому, считался особой областью, подчиненной Аштарханидам. Области, лежавшие на восток от Хисара и Бадахшана, т. е. современный Дарваз, припамирские области и самый Памир, по-видимому, не принадлежали Аштарханидам. Управление этими горными областями находилось в руках местных феодалов[291]. Фергана до города Узгена включительно входила в состав владений Аштарханидов. Нам известна жалованная грамота (عنایت نامه — инайнат-наме) Имамкулихана (1611—1642) с его печатью от 1074 (1637/38) г. о закреплении за потомками Сейида Бурхануддина Клыча (чей мазар находится в Узгене) ряда арыков с прилегающими к ним землями[292]. В нашем распоряжении имеются также ценные документы (ярлыки) шейбанидских и аштарханидских государей по земельно-водным вопросам XVI—XVII вв. в Фергане[293].

На севере владения Аштарханидов, по-видимому, включали Сайрам с долиной р. Талас и город Туркестан, поскольку районы эти в середине XVI в. были закреплены за узбекскими племенами Шейбанидами[294]. На запад от Бухары граница государства Аштарханидов соприкасалась с владениями хивинских ханов, но как именно она проходила, точно устано-

---

[289] Тарих-и Муким-хани, Ркп ИВ АН УзССР, № 5386, л. 80б—81б.

[290] Хисар — область в верховьях Кафирниган дарьи, правого притока Амударьи. Тарих-и Муким-хани, л. 46а.

[291] История народов Узбекистана, т. II, стр. 134.

[292] См: ЦИА УзССР, д. № 161, л. 18 (дело поземельно-податного отдела Ферганского областного правления от 1870 г.).

[293] Эти ярлыки узбекских ханов были обнаружены в фондах Фундаментальной библиотеки Казанского университета.

[294] Зубдат ал-асар, ЗВО, т. XV, стр. 195; Сирадж-ас-Саликин (Лампада путников мистического пути), Сочинение Убайдуллаха Накшбенд-и-Самарканди, ркп., принадлежащая А. А. Семенову, л. 98а—99б.

вить трудно. На юге область Чахарджуй (Чарджуй) до Мервского района прочно удерживалась Аштарханидами. Бухарский хан Надир-Мухаммед (1642—1645) в своем ярлыке на имя русского царя Михаила Федоровича после извещения о вступлении на престол и желании поддерживать дружественные сношения с Московским государством сообщает, что он является государем Бухарского и Балхского царства и что ему подчинены Андхуд (Андхой), Шибирган (Меймене), Сари-Пуль, Кундуз, вся Бадахшанская земля, Андижан, Ташкентская и Туркестанская земли и еще многие земли и государства[295].

Как известно, столичным городом ханства была Бухара, которая являлась в то же время крупным центром торговли и ремесла.

Вторым по значению городом в государстве после Бухары был Балх, один из древнейших городов Востока. Здесь наместником бухарского хана обычно являлся наследник престола, получавший титул хана. Он нередко назначался еще несовершеннолетним. В этом случае к нему приставлялся в роли опекуна сановник, которому жаловали высшее в государстве звание аталыка. Часто аталыки забирали всю власть в свои руки и превращались в независимых феодальных владетелей, с которыми Бухаре приходилось серьезно считаться. Рассказы о борьбе бухарских ханов со «своими» балхскими наместниками занимают большое место в «Тарих-и Мукимхани»[296]. В административном отношении Балху, подчинялись не только районы, лежавшие между Амударьей и горами Хиндукуша, от пределов Гератской провинции до Бадахшана, но и округа по правому берегу Амударьи до Хисара включительно. Поэтому Балху, как крупнейшему административному, военному и торговому центру, Аштарханиды уделяли особое внимание, которое тем более понятно, что Балхский вилайет граничил с востока с полунезависимым Бадахшаном, а на юге примыкал к империи «Великих моголов» (к Индии). Такое его пограничное положение не допускало ослабления внимания центральной бухарской власти.

Все другие области государства Аштарханидов, от так на-

---

[295] Труды Историко-археографического института и Института востоковедения, Материалы по истории народов СССР, вып. 3, Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, Л., Изд-во АН СССР, 1932, стр. 178—179 (в дальнейшем МУТТ); ср. Сб. князя Хилкова, СПб., 1879, стр. 491—493.

[296] Тарих-и Муким-хани, ркп. ИВ АН УзССР, № 5386, л. 57, 60, 82, 83, 96, 98, 107 и сл.

зываемых «киргиз-кайсацких степей»[297] до Балха, были отданы в удел аштарханидским султанам, принадлежавшим к правящему ханскому роду, и предводителям влиятельных узбекских племен.

Разумеется, назначенные в ту или иную область правителями лица управляли порученной им провинцией самостоятельно и, за исключением редких случаев, центральная ханская власть сама зависела от воли правящей верхушки класса феодалов, в которой ведущую роль играли главы кочевых племен[298].

Мухаммед Юсуф Мунши рассказывает, что после смерти Баки-Мухаммед-хана (1599—1605) узбекские эмиры возвели на престол его брата Вели-Мухаммед-хана (1605—1611)[299] — наместника Балха. Эмиры еще при жизни Баки-Мухаммед-хана решили заменить его на престоле. В конце его царствования феодальные междоусобицы, набеги кочевников-казахов, каракалпаков и калмыков и восстания внутри страны приняли такие широкие размеры, по словам Мухаммед Юсуфа Мунши, что население районов, подвергшихся нашествию кочевников, покидало свои родные места и разбегалось в разные стороны[300]. Баки-Мухаммед-хан, чтобы в какой-то степени укрепить единство государства, предпринял ряд мер по реорганизации правительственного аппарата, армии, изменению государственных законов и т. д.[301] Но все это ему не помогло, хотя последующие «государи за подобное управление называли Баки-Мухаммед-хана знаменитым государем»[302].

Бухарские эмиры под предлогом излечения на речном

---

[297] В XVIII—XIX вв. территории современных Казахстана и Киргизии в трудах русских исследователей и в официальных документах называли киргиз-кайсацкими, а народ — киргиз-кайсаками. В среднеазиатской литературе же эти территории и прилегающие к ним степи называли, как и в середине века, Дешт-и кипчаком.

[298] См.: Бахр: ал-асрар . В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 394.

[299] Тарих-и Муким-хани, ркп. ИВ АН УзССР, л. 35а—36а. Согласно Мухаммед Юсуфу Мунши, Вели-Мухаммед-хан царствовал до 1017 (1608/09) г., Тарих-и Муким-хани, указ. ркп., ТашГУ, л. 37а. Искендер Мунши отмечает конец его царствования 1020 (1611) г. См.: Искендер Мунши, стр. 585. По-видимому, на основании указания Искендера Мунши В. В. Бартольд в своем переводе «Мусульманские династии» Лэн Пуля (СПб., 1899, стр. 232) исправил английский оригинал, внеся в русский перевод дату гибели Вели-Мухаммед-хана — 1020/1611 г. Однако позднейшие авторы по хронологии мусульманского мира безоговорочно принимают дату 1017 г. х. См. E. Lambaur. Manuel de Genealogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam. Hanovre, 1927, стр. 289.

[300] Тарих-и Муким-хани, указ. ркп., л. 34б; История народов Узбекистана, л. II, стр. 83.

[301] Тарих-и Муким-хани, указ. ркп., л. 35а.

[302] Там же, л. 34 а.

воздухе больного Баки-Мухаммед-хана привезли его на берег Амударьи, посадили на судно и отправили вверх по реке, а сами будто бы для получения в Балхе нужных для больного лекарств переправились через реку, поспешили в Балх, чтобы возвести Вели-Мухаммед-хана на Бухарский престол. Кончина Баки-Мухаммед-хана в тот же день, когда началось его плавание, вызывает подозрение в преднамеренном убийстве его заговорщиками[303].

Вели-Мухаммед-хан также не в состоянии был бороться против феодальной раздробленности. По прибытии в Бухару он удалил из столицы в Балх двух сыновей Баки-Мухаммеда Имамкули-султана и Надир-Мухаммед-султана. Вели-Мухаммед мало занимался государственными делами, большую часть времени он проводил в пьянстве и разврате[304].

В царствование Вели-Мухаммед-хана местные (удельные) правители чувствовали себя почти не связанными с центральной властью. От своеволия этих правителей страдало местное, особенно оседлое, население. Автор «Тарих-и Муким-хани» описывает тиранию Шах-бека Кукельдаша из узбекского племени фуладчи (пуладчи), которого Вели-Мухаммед-хан сделал правителем Балха и ему же поручил опекунство над племянниками Имамкули-султаном и Надир-Мухаммед-султаном. Мухаммед Юсуф Мунши пишет, что Шах-бек Кукельдаш «отвернулся от своих многотрудных обязанностей и стал тираном. Он выстроил каменную стену и в ней — отверстие, куда поместил пару быков для наказания преступников. Приговоренным к смертной казне отрывали головы (букв. шею) силою этих быков. За небольшие преступления людей бросали в котел с кипящим маслом. Он сделал [также] железную машину, какую употребляют для чесания хлопка, заставляя класть на нее людей всеми членами от головы до ног и чесать, как хлопок. Словом, его тирания затмила дни [самого] Хаджжаджа»[305].

Население Балха, доведенное до предела гнетом своего правителя и феодальной верхушки, обратилось за помощью к эмирам и царевичам (Имамкули и Надир-Мухаммеду) с требованием устранить Шах-бека Кукельдаша. Но эмиры и

---

[303] Там же, л. 34б. Дата смерти написана на полях рукописи другой рукой: 1014 (1605—1606).

[304] Там же, л. 35а.

[305] Тарих-и Муким-хани, ркп. Фундаментальной библиотеки ТашГУ. Хаджжадж ибн Юсуф — известный полководец и наместник всей восточной части Халифата при Омейядских халифах (75—95/694—714 гг.), отличался крайней жестокостью. См. «Китаб футух ал-Булдан» Ал-Белазури, изд. De Goeje, стр. 414. М. Нершахи. История Бухары, перевод Н. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда, стр. 58—62.

царевичи боялись правителя[306]. По сообщению Мухаммед Юсуфа Мунши, эмиры Бухары послали письмо в Балх Имамкули-султану, пригласив его на ханский престол[307]. С получением этого письма царевичи и балхские эмиры дали распоряжение населению схватить и подвергнуть казни Шах-бека Кукельдаша, но тот скрылся со своими приверженцами в медресе Абдулла-хана. Однако народ проник в медресе, разрушив часть его стены. Шах-бека подвергли мучительной казни: было приказано оторвать ему голову быками, затем тело пропустили через чесалку и бросили в котел с кипящим маслом[308].

После расправы с Шах-беком Кукельдашем Имамкули-султан, оставив в Балхе своего брата Надир-Мухаммед-султана, сам отправился в Бухару, чтобы при помощи узбекских эмиров отнять ханский престол у Вели-Мухаммеда. Через некоторое время, собрав войска из Балха и Бадахшана, в Мавераннахр вслед за ним отправился и Надир-Мухаммед. В то же время, когда в Бухару прибыли Имамкули и Надир-Мухаммед, Вели-Мухаммед-хан охотился в степях Карши. Узнав о случившемся, он ночью с сыновьями бежал в Иран к шаху Аббасу «Малому» (1587—1628)[309]. Шах Аббас принял Вели-Мухаммеда с соблюдением всех почестей. В свою очередь приезд к нему Вели-Мухаммеда дал повод шаху Ирана снова вмешаться во внутренние дела Мавераннахра. Он снабдил Вели-Мухаммеда войском, численностью в 80 000 человек[310].

Приближение иранских войск к Бухаре вызвало тревогу среди правящей верхушки. Молодой хан Имамкули обратился за помощью к дервишскому шейху Ходжа Хашими[311], внуку Мухдуми А'зама, который пользовался в стране бóльшим авторитетом, чем светский глава государства. Шейх обещал поддержку. «Хан удостоился облобызать руку ишана Ходжа

---

[306] Тарих-и Муким-хани, ркп. Фундаментальной библиотеки ТашГУ, л. 35 б.; русский перевод А. А. Семенова, стр. 81—82.

[307] Там же, л. 35а.

[308] Тезкира-и Муким-хани, ркп. Фундаментальной библиотеки ТашГУ, л. 35а.

[309] Там же, л. 36а. Мухаммед Юсуф Мунши дал шаху Аббасу I прозвище „Малый" (كوچك) в целях унижения и, очевидно, в противоположность его настоящему эпитету, с которым он вошел в историю — „Великий" (بزرگ).

[310] Там же.

[311] Шейх Ходжа Хашими, или Ходжа Хашими, пользовался в Мавераннахре большим почетом и влиянием, имел многочисленных мюридов и последователей в разных слоях общества. Умер в 1046 (1636—1637) г. См. «Тарих Ракими», ркп., принадлежащая А. А. Семенову, л. 331б—333а.

Хашими и доложил ему о приближении кызылбашей»[312]. Кызылбаши потерпели поражение, Вели-Мухаммед был взят в плен, и шейх Хашими приказал отрубить ему голову[313].

Мухаммед Юсуф Мунши приводит дату этих событий — 1017 (1608—1609) г.[314], а Искендер Мунши указывает 1020/1611 г.[315]

После победы над иранскими войсками и сторонниками Вели-Мухаммед-хана Имамкули-хан утвердился на ханском престоле в Бухаре и царствовал с 1017/1608 по 1051/1642 г., т. е. тридцать четыре года. Наместником Балха Имамкули-хан назначил своего брата Надир-Мухаммеда, присвоив ему титул хана[316].

Имамкули-хан не ограничился поражением иранцев на территории Мавераннахра. По словам Искендера Мунши, зимою 1617 г. Имамкули-хан послал „для набега на Хорасан тридцать тысяч человек узбекского войска под начальством Назар Тугая диванбеги-баши (ديوان بيگى باشى). Переправившись через Аму, узбеки вошли в область Мерва, а оттуда в Абиверд, через Дерегез[317]. Они произвели набег до самого Нишапура и принесли много вреда и несчастий кызылбашским племенам байят, чемишкезек и др.“[318]

При Имамкули-хане мы не видим резко выраженных сепаратистских выступлений. По-видимому, это объясняется двумя причинами. С одной стороны, он, как косвенно указывает Мухаммед Юсуф Мунши, подкупал предводителей крупных узбекских племен и удельных правителей ценными подарками, а с другой — успешной борьбой с кочевыми племенами на севере (казахами и калмыками). Правда, эти успехи носили временный характер[319]. Иногда же он вступал в союз с казахскими султанами. Например, в борьбе с Ираном и Вели-Мухаммед-ханом Имамкули-хану оказали помощь казахи из Туркестана и Ташкента[320].

---

[312] Тарих-и Муким-хани, л. 31б.

[313] Там же, 31б—32а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 81—82.

[314] Там же, л. 32б; стр. 82.

[315] Искендер Мунши, стр. 585.

[316] Тарих-и Муким-хани, л. 32а.

[317] Дерегез (Дереджез) — одно из 15 селений в Абиверде. См.: Хафиз-и Абру, География, ркп. Ленинградской государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, л. 166а; Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 528.

[318] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II стр. 100—105; байяты — туркменское племя; чемишкезек — курдское племя.

[319] Тарих-и Муким-хани, л. 32б—36б.

[320] Искендер Мунши, стр. 525; В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование ч. 2, стр. 371—372.

Следует отметить, между прочим, что вмешательство казахского хана Ишима с 5000 воинов в междоусобную распрю, вспыхнувшую между Вели-Мухаммед-ханом и Имамкули-ханом, и поддержка казахами последнего у Мухаммед Юсуф Мунши, по-видимому, из политических соображений не освещено. Вскоре, однако, Имамкули-хану пришлось защищать свои владения от набегов недавних союзников. Мухаммед Юсуф Мунши сообщает: «Племена казахов и калмыков в минувшее время привыкли к непокорности, [и теперь], как и прежде, они сразу (يەيكبار) напали на окраинные районы [Бухарского ханства][321]. Поэтому Имамкули-хан выступил в 1021 (1612/13) г. с войском против кочевников севера (казахов, калмыков и каракалпаков) и разбил их на территории Каратау, в долине Таласа и г. Марки»[322].

Авторы II тома «Истории народов Узбекистана» на основании сообщения Мухаммед Юсуфа Мунши утверждают, что в 1612—1613 гг. Имамкули-хану удалось разбить казахов, овладеть Ташкентом и посадить там наместником своего сына Искендера[323].

Искендербек Туркмен Мунши излагает эти события несколько иначе. Он описывает два похода Имамкули-хана против казахов: один в начале 1020 (1611) г., когда Имамкули-хан еще не твердо сидел на престоле и должен был опасаться низвергнутого и нашедшего приют у шаха Аббаса I Вели Мухаммед-хана, а второй — в начале 1022 (1613) г.

Первый раз Имамкули-хан, дойдя до Самарканда, несмотря на помощь, которую он мог получить из Балха от своего брата Надир-Мухаммеда, помирился с казахами и признал за ними право господства над Ташкентом и его оазисом[324].

Бухарские ханы и феодальная верхушка, разделяя страну на уделы, разумеется, не считались с желаниями населения данных районов, что иногда приводило к трагическим кровопролитиям. В 1613 г. Имамкули-хан во главе бухарских войск вместе с Надир-Мухаммед-ханом, возглавившим балхские войска, совершили поход на Ташкент и одержали победу над казахами[325]. Эта победа имела большое значение, если учесть, что казахские кочевые орды часто устраивали набеги на Ташкентский оазис, сопровождавшиеся грабежом зем-

[321] Тарих-и Муким-хани, ркп. Фундаментальной библиотеки ТашГУ, л. 40б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 86.

[322] Там же; ср.: Искендер Мунши, стр. 678. Каратау, Талас и Марки ныне входят в состав Джамбульской области КазССР.

[323] История народов Узбекистана, т. II, стр. 84.

[324] Искендер Мунши, стр. 595; ср. Катрмер, Histoire des Mongols de la Perse, т. I, стр. 409—410, прим. 191.

[325] Искендер Мунши, стр. 611—612.

ледельческого населения и жителей самого Ташкента. После этой победы он назначил правителем Ташкента своего сына Искендер-султана[326]. Вскоре ташкентцы убили Искендера, и тогда Имамкули-хан, снова овладев Ташкентом, учинил страшную резню: «вышло такое беззаконие, которого не помнило время»[327]. В связи с этим избиением небезынтересно отметить такой факт. Среди вышеупомянутых ярлыков узбекских государей имеется письмо[328] Имамкули-хана, адресованное кази-йи ал-куззату Низам ад-дину Фазил-ходже, в котором говорится, что население Ташкента недовольно чрезмерным произволом Искендер-султана и не хочет его правления. Далее в письме говорится, что пусть приезжают к ханскому двору в Бухару уважаемые люди вилайета Ташкента в составе четырех человек, чтобы посоветоваться о правителе вилайета[329]. Насколько это письмо отражает действительное положение в Ташкенте, сказать трудно.

Ни вышеприведенная страшная резня, ни одержанная победа в 1613 г. над казахами не прекратили набегов кочевников с севера. Кажется, после 1613 г. Имамкули-хан на севере не имел успеха. Однако об отдельных неудачах Аштарханидов в борьбе с кочевниками севера в официальных источниках данных не имеется. Мы об этом знаем из других достоверных источников. Так, русский посол Иван Хохлов, бывший в Бухаре несколько месяцев в 1620 г., подробно сообщает о царившей в то время политической неурядице в Бухарском ханстве. Следует отметить, что Иван Хохлов был высококультурным и опытным дипломатом[330] своего времени, и данные, сообщаемые им, отличаются беспристрастием и подтверждаются сообщениями среднеазиатских и иранских источников. Судя по сообщениям Ивана Хохлова, положение Имамкули-хана в стране, вопреки утверждениям официальных источников, было довольно шатким. Хохлов пишет: «Да при нем же де, при Иване (Хохлове. — *М. А.*), как он был в Бухарех, Мамкулия (Имамкулия. — *М. А.*) была измена, хотели его убити за то, что он всачаль [пролил] кровь с Таш-

---

[326] Тарих-и Муким-хани, л. 40б.

[327] Там же; см.: Senkowski. Supplement, стр. 39—41; История народов Узбекистана, II, стр. 84.

[328] Дата 1043 (1633/34) г., вероятно, ошибочная.

[329] Материалы по истории узбекского народа, стр. 37—40.

[330] Н. И. Веселовский. Иван Данилович Хохлов (русский посланник в Персию и в Бухару в XVII веке), ЖМНП, 1891, № 1, стр. 48—72.

кентским напрасную, а приговорили де тое кровь и заделп царев дядя Недир-Дуван-Беги да Мирза-Бек»[331].

Волнения ташкентцев и наступление казахов заставили Имамкули бежать из Мавераннахра в Балх. Хохлов сообщает далее: «И как де ташкентской бухарских людей побил, и миром де приходили и царю шумом, чтобы он им выдал Мирза-Бека убить за то, что он завел напрасную кровь. И царь де испужался измены и побежал из города Шамархани (Самарканда. — *М. А.*) ночью в город Балх и был у брата с неделю, и пришел в Шамархань, собрався и с братом вместе, а казни никому не было; а боярин де его Мирза-Бек, услышав, что на царя приходили шумом, а просили его убити, и из города из Бухар побежал ночью в Балх же к Надир-хану ж, и там его зарезали недруги»[332].

Подробности взаимоотношений между Бухарским ханством и кочевыми племенами Туркестанского и Ташкентского оазисов мы находим у Искендера Мунши и Ивана Хохлова. Искендер Мунши рассказывает о войне (1030/1620—1621) между Имамкули-ханом и казахским ханом Турсун-Мухаммедом, сидевшим в Ташкенте. Война эта была начата собственно для того, чтобы выжить казахов из Ташкента и наказать их за частые вторжения в район Самарканда и другие области Бухарского ханства. Однако, по словам Искендера Мунши, Имамкули, два раза разбитый наголову, вынужден был помириться с казахами[333]. Более подробные сведения об этом мы находим в «Статейном списке» Ивана Хохлова. Он говорит, что в то время, когда он был в Бухаре (1620) «у бухарского Имамкули царя... был бой с ташкентским с Турсун-салтаном за то: наперед сего тот Турсун-салтан от людей своих был изогнан и бил челом Имамкулию царю; и Имамкули царь за него вступился и на государство его посадил; а государство его город Ташкент, а люди у него кочевые, а словеть Казачья Орда, а в Казачьей де Орде многие царевичи; а Турсун был большой, и по их [мусульманскому] закону дошло царство до него»[334]. Но вскоре обстоятельства изменились. Возникла вражда между самими казахскими царевичами. Хан Большой Казахской Орды Ишим стал враждовать со

---

[331] Сб. князя Хилкова, стр. 422; о Надир-диванбеги, приближенном человеке Имамкули-хана, см. «Тарих-и Муким-хани», л. 37б—40б. Установить личность Мирза-Бека нам не удалось.

[332] Там же.

[333] Искендер Мунши, указ. ркп., стр. 678; Катрмер, Histoire des Mongols de la Perse, т. I, St—Ptb., стр. 410, прим. 191. Абулгази Бахадур-хан, Histoire de Mongols et de Tatares, изд. Desmaisons, St.-Ptb., 1871—1874, стр. 167.

[334] Сб. князя Хилкова, стр. 421.

своим братом ташкентским правителем Турсун-Мухаммедом. Как нам сообщает Хохлов, Ишим выдал свою дочь за Имамкули-хана, который стал помогать ему с тем, чтобы отнять Ташкент у Турсун-Мухаммеда и сделать «царем своего тестя». Имамкули несколько раз приглашал Турсун-Мухаммеда к себе в Бухару на переговоры, но тот, опасаясь готовящегося заговора, к нему не ездил.

Имамкули-хан, очевидно, не рассчитывая победить своими силами, призвал на помощь своего брата Надир-Мухаммеда из Балха с войсками, и оба брата ходили походом на Ташкент[335]. В этой войне, вероятно, не удалось бухарскому хану победить ташкентского владетеля, как об этом мы знаем из сочинения Искендера Мунши.

Прекращению набегов казахов на владения Бухарского ханства помогли междоусобицы, возникшие среди самих казахских султанов. Об этом подробные сведения мы находим у Абулгази, который, убежав из Хорезма от своего брата Исфендияр-хана (1623—1626), в 1034—1035 (1625—1626) гг. нашел приют в г. Туркестане у Ишим-хана. «Я отправился,— говорит Абулгази,— к казахам. В Туркестане (در کستانده) у Ишим-хана я провел три месяца. В это время в Ташкенте был [правителем] Турсун-хан. Ишим-хан отправился повидаться с ним; меня же оставил дома. Возвратившись после свидания с Турсун-ханом, Ишим взял меня с собою, повез к хану, представил ему и сказал: «Это сын Ядгар-хана Абулгази[336]. До сих пор еще никто из членов этого дома (букв. из этого общества.— *М. А.*) не приезжал гостить к нам, наших же пребывало у них много. Не хотите ли вы взять Абулгазия к себе?» Я перешел жить к [Турсун]-хану. Через два года Ишим умертвил Турсун-хана и перебил множество людей его. Тогда я обратился к Ишим-хану: «Я приехал к вам,— сказал я ему,— в надежде, не будет ли мне от вас, обоих ханов, какой-либо пользы, а у вас вот что вышло. Пустите меня к Имамкули-хану (в Бухару)».— «Хорошо, ступай»,— отвечал (Ишим). Я отправился к Имамкули-хану»[337].

История взаимоотношений Бухарского ханства с Ташкентом показывает, как трудно было удержать отдельные улусы в составе ханства, даже если эти улусы управлялись членами ханского дома. Следовательно, подчинение тех или иных улу-

---

[335] Сб. князя Хилкова, стр. 421—422.

[336] О Ядгаре, родоначальнике хивинских ханов, см.: Шейбанидада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с переводом, примечанием и приложениями И. Березина, Казань, 1849, стр. 55; Абулгази. Указ. соч., стр. 102—103; В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования, ч. 2, стр. 327—328, прим. 47.

[337] Абулгази. Указ. соч., стр. 167.

сов центральной ханской власти было относительным. Ташкент на долгое время стал независимым от Бухары владением.

К сообщениям официальных источников о большой дружбе между двумя братьями (Имамкули и Надир-Мухаммедом) надо относиться критически. Иван Хохлов говорит, например, о натянутых взаимоотношениях между ними. Он пишет, что «Бухарская де ныне земля [делится] на двое: на государстве два брата родных: стольной Бухара город и иные городы за большим, за Мамкулием царем, а другая половина за братом его, за Надир-ханом, город Балх с городы; а Балх де город от Бухарские земли на границе с Кизылбаским с шах Аббасом и с индийским с шах Селимом[338]; обеих де бухарских братей зовут царями; а люди де всей Бухарской земли любят больши меньшего брата, и многие де люди от Имамкулия царя переехали к меньшему брату его к Надир царю»[339].

Благополучный исход борьбы с кочевниками на севере укрепил положение Имамкули-хана. Его продолжительное, более чем тридцатилетнее правление было временем относительного усиления ханской власти в Бухаре[340]. По выражению Мухаммед Юсуфа Мунши, он «твердо сидел на престоле власти и на троне величия... Своим уполномоченным он ни на минуту не давал отдыха»[341]. И «пока его ноги были в стременах государства, ни в какой стороне охраняемых им владений — ни в Балхе, ни в Бухаре — не было ни бунтов, ни беспорядков»[342]. В значительной степени, как мы отметили выше, упрочение ханской власти при Имамкули-хане способствовало то, что он богатыми подарками подкупал[343] своих вассалов — правителей улусов; он пользовался также поддержкой дервишских орденов.

Надир-Мухаммед, брат Имамкули и наследник престола, со своими двенадцатью сыновьями более чем тридцать лет сидел в Балхе наместником[344]. По словам современников, за

---

[338] Селим (Салим) — правитель Индии (1605—1627), преемник Акбара (1556—1605). См.: Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи. История Индии, перевод с английского, М., Изд-во ИЛ, 1954, стр. 237. Салим в восточных источниках известен под именем Нур-ад-дин Мухаммед Джахангир; ср. Тарих-и Муким-хани, ркп. ИВ АН УзССР, № 5386, л. 67—70.

[339] Сб. князя Хилкова, стр. 420

[340] История народов Узбекистана, т. II, стр. 85.

[341] Тарих-и Муким-хани, л. 37б; (لسی محال دم زدەنیوده).

русский перевод А. А. Семенова, стр. 83.

[342] Там же, л. 42 б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 92.

[343] Тарих-и Муким-хани, л. 37 б.

[344] Тарих-и Муким-хани, л. 38б—39а.

время правления Имамкули-хана в Бухаре и Надир-Мухаммед-хана в Балхе в стране царило относительное спокойствие[345].

В середине XVII в., по мере развития феодальных отношений, возрастала роль узбекской знати. Правителями областей преимущественно становились эмиры — главы влиятельных узбекских племен.

В 1642 г. Имамкули-хан ослеп и уступил престол своему брату Надир-Мухаммеду[346] (1642—1645), который своей алчностью и притеснениями вызвал общее недовольство в стране. В начале своего царствования он старался рассеять это недовольство путем задаривания феодальной верхушки, как это удавалось Имамкули-хану[347]. Через два с половиной года феодальная знать под руководством Баки-бия из узбекского племени юз составила заговор против хана. Под предлогом, что казахи, совершив очередной набег, дошли до Ходжента и покорили его, они потребовали снарядить войско под начальством царевича Абдал-Азиз-султана (старшего сына Надир-Мухаммед-хана). Заговорщики одного из казахских царевичей послали с Баки-бием в Ходжент и провозгласили его казахским ханом в Ходженте. Туда же тайно отправилась большая часть феодальной знати. Подошедшего с войском Абдал-Азиз-султана провозгласили ханом (1645—1680)[348]. При этом заговорщики предупредили Абдал-Азиза, что если он не послушается их, то ему угрожает гибель. Мухаммед Юсуф Мунши пишет, что Абдал-Азиз-хан «по необходимости предоставил в их (феодальной знати) руки поводья своей воли»[349].

Более подробный рассказ об этом эпизоде имеется в «Матлаб ат-талибин». Когда Абдал-Азиз-султан прибыл в Ходжент, предводители племен сказали ему прямо: «Мы желаем свергнуть с престола твоего отца и возвести на его место тебя. Если ты на это согласен, хорошо, если же нет, мы прогоним вас обоих»[350].

Цитированные выше рассказы двух авторов красноречиво свидетельствуют о непрочном положении аштарханидских государей, не имевших прочной опоры среди узбекских племен.

---

[345] Тарих-и Муким-хани, л. 45а.
[346] Там же, л. 45б.
[347] Там же, л. 46а.
[348] Тарих-и Муким-хани, ркп. ИВ АН УзССР, № 5386, л. 74.
[349] Там же. В своем письме к отцу Абдал-Азиз писал, что «то, что случилось, произошло помимо моей воли».
[350] Матлаб ат-талибин, 129, 130. Это место цитировано и П. П. Ивановым, см.: Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 70.

Надир-Мухаммед-хан, охотившийся в это время в Каршинской степи, узнал о происшедшем и поспешил в Балх. Абдал-Азиз же вернулся из Ходжента в Бухару, где его избрание ханом было узаконено знатью.

В середине и во второй половине XVII в. междоусобицы и разделение отдельных областей государства на уделы получили еще большее распространение. Так, Надир-Мухаммед для закрепления за собой обширной Балхской области, откуда он мог бы предпринять войну против Бухары, чтобы вернуть потерянную ханскую власть, роздал отдельные районы Балха в уделы своим сыновьям: Гури — Хосрой-султану, Куляб — Бахрам-султану, Сал-у Чехар-ек — Субханкули-султану, Кундуз — Кутлук-султану, Меймене и Андхуд — Касим-султану. Управление другими областями Надир-Мухаммед поручил эмирам[351].

Отношения областных правителей к бухарскому хану отнюдь не были всегда лояльными, несмотря на то, что они были связаны ближайшим родством. Эту картину наглядно можно наблюдать при Абдал-Азиз-хане. Когда он с согласия своего свергнутого отца пригласил в Бухару брата Кутлук-султана, бухарская знать, крайне враждебно относившаяся к Надир-Мухаммеду, заставила Абдал-Азиза назначить Кутлук-султана полновластным правителем Кундуза и Бадахшана. Кутлук-султан с санкции Абдал-Азиза, вернувшись в Кундуз (свой прежний улус), объявил себя полновластным правителем названных областей, тем самым он стал наследником Абдал-Азиза[352].

В свою очередь, Надир-Мухаммед утвердил за Субханкули-султаном титул хана, чем он, очевидно, хотел показать, что Субханкули отныне является его наследником, и послал его против Кутлук-султана. Субханкули отнял Кундуз у своего брата и убил его, но из Кундуза он отправился не в Балх к своему отцу, а к Абдал-Азиз-хану в Бухару. Вместе с ним в Бухару приехал правитель Меймене и Андхуда царевич Касим-султан[353].

---

351 Тарих-и Муким-хани, л. 47а.

352 Там же, л. 41б.

353 Там же, л. 42; ср: А. Вамбери. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего, стр. 36. В „Тарих-и Муким-хани" (л. 42а) Касим-султан назван также Кугул-хани قوغلخانی в значении наследника престола. Ср. термин قعلقهٔ خانی — Каалка-и хани то же в значении наследника. См.: Бахр ал-асрар; В. В. Бартольд. Церемониал, стр. 394.

Абдал-Азиз-хан обещал Субханкули-хану сделать его своим наследником. Но поскольку Абдал-Азиз-хан не выполнял своего обещания, Субханкули-хан, не уведомив своего брата, тайно уехал в Балх со своими сторонниками. Перейдя через Амударью, он остановился в Сари-Пуле — одном из поселений Балхской области[354]. Абдал-Азиз-хан, обеспокоенный внезапным отъездом брата, послал за ним войско в несколько тысяч человек во главе с 18 узбекскими эмирами, каждый из коих, по словам Мухаммед Юсуфа Мунши, был начальником племени, с поручением схватить Субханкули-султана. Когда они настигли Субханкули в Сари-Пуле, с ним было около 200 человек. Он, осведомленный одним из своих благожелателей о намерении схватить и уничтожить его, принял меры предосторожности: как будто бы ничего не подозревая, пригласил всех 18 эмиров в гости в крепость Сари-Пуль и уничтожил их. Когда войско узнало, что предводители перебиты, оно занялось грабежом окрестностей Балха и рассеялось. Мухаммед Юсуф Мунши пишет: «Столько денег и имущества попало в руки тех людей, что все они стали богатыми»[355].

Междоусобица среди Аштарханидов дала повод Великим моголам и Ирану к вмешательству во внутренние дела страны.

Надир-Мухаммед-хан, убедившись в неповиновении своих детей, не находя поддержки у узбекских феодалов, оказался в положении изгнанника и обратился за помощью к Великому моголу Шах-Джахану (1627—1658). Последний, считая этот случай весьма благоприятным для захвата богатой и обширной Балхской области, отправил войско под начальством своих сыновей Аурангзеба и Султан Мурад-бахша.

Надир-Мухаммед, узнав о намерении Великих моголов захватить Балх и Бадахшан и схватить его самого, бежал в Иран к шаху Аббасу II (1642—1666). Моголы, овладев всеми провинциями и районами Балхской области, поставили в них своих правителей. На покорение Балхской области моголами один из тогдашних улемов составил хронограмму словом «заган» (زاغان — «вороны»), что дает в числовом значении 1058/1648 г.[356]

---

[354] Тарих-и Муким-хани, л. 42а.

[355] Тарих-и Муким-хани, л. 47б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 93.

[356] Тарих-и Муким-хани, л. 44б.

В истории Индии названа дата 1646 г.; см.: Н. К. Синха, А. Г. Банерджи. История Индии, перевод с английского, под ред. К. А. Антсвой, М., Изд-во ИЛ, 1954, стр. 246.

По словам Мухаммед Юсуфа Мунши, «с самого начала [водворения владычества Великих моголов в Балхе] узбекский народ, сильно страшась их власти, со всеми семьями переправился через реку [Амударью] и ушел в Мавераннахр»[357]. После двухлетнего владычества Великих моголов в Балхе, Абдал-Азиз-хан, собрав большое войско, из Мавераннахра выступил в поход на Балх против Аурангзеба. В течение четырех месяцев происходили тяжелые бои. Моголы потерпели поражение. По словам современника, узбеки гнали их «перед собой, как овец, подобно волкам, и захватывали их как добычу»[358]. Мусульман-суннитов нельзя было продавать в рабство наряду с индусами. Хотя Бухарское ханство было государством правоверных, захваченных пленных, очевидно, впоследствии продавали в качестве рабов на рынках Самарканда, Бухары, Ташкента и Туркестана. Почти все могольские военачальники[359] были истреблены. В Балхе начался страшный голод и небывалая дороговизна. Стоимость одного ослиного вьюка пшеницы дошла до тысячи рупий[360]. Чтобы спастись от лютого мороза, могольские воины сжигали в печах трупы своих товарищей. Остатки завоевателей ушли в Индию. По дороге из-за зимней стужи они жгли все, что могло гореть. Мухаммед Юсуф Мунши позднее, приезжая в Индию в качестве дипломатического чиновника, видел всюду груды костей погибших[361].

Великие моголы перед отступлением передали власть в Балхе Надир-Мухаммеду, о чем ему было сообщено в Иран. Но Надир-Мухаммед, вернувшись из Ирана, остановился в Андхуде и оттуда послал своего сына Касим-султана в Балх, где ему Великие моголы вручили власть над Балхом, а затем туда прибыл и сам Надир-Мухаммед[362].

Однако непокорные дети не признавали прав своего отца на наместничество в Балхе. После возвращения Надир-Мухаммеда из Ирана Абдал-Азиз-хан возвратился со своими

---

[357] Тарих-и Муким-хани, л. 49б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 99.

[358] Там же, л. 50б; стр. 100.

[359] Мухаммед Юсуф Мунши называет войска Великих моголов «чагатайскими войсками», имея в виду, очевидно, что наследниками улуса Чагатая были Тимур и Тимуриды. Потомки Бабура в Индии, сохраняя преемственную связь (в династическом отношении) с империей Тимуридов, употребляли термин «чагатай» как прилагательное.

[360] Тарих-и Муким-хани, л. 50б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 100.

[361] Подробнее об этих событиях см.: Тарих-и Муким-хани, л. 51а.

[362] Там же.

войсками в Бухару, но вскоре он послал против своего отца царевича Субханкули, который уже был объявлен наследником престола, следовательно, правителем Балха. Субханкули, прибыв с войском к Балху, обложил его со всех сторон. Положение населения Балхского вилайета было крайне затруднительным. Бедствия народа в результате длительной борьбы между центральным правительством и наместниками улусов не скрывают и официальные историки Аштарханидов. Так, Мухаммед Юсуф Мунши пишет, что Субханкули-хан осаждал Балх в течение двух месяцев. В результате «получилась крайняя степень разрушения благосостояния области. Население Балха, перед тем испытавшее в продолжение двух с половиной лет тиранию чагатаев, теперь оказалось в еще более бедственном положении»[363].

Балхская знать и военный гарнизон вошли в соглашение с Субханкули-ханом и впустили его в город (1061/1650—1651)[364]. Свергнутый Надир-Мухаммед отправился в хадж и умер по дороге.

Как мы уже видели, для усмирения своих удельных правителей аштарханидским ханам очень часто приходилось прибегать к вооруженной силе, отчего страдали не столько сами непокорные султаны, сколько местное население. Например, после утверждения Субханкули правителем в Балхе, видя в нем совершенно самостоятельного и опасного для себя наместника, Абдал-Азиз-хан назначил своим наследником другого своего брата Касим-Мухаммед-султана и отправил его с войском против Субханкули-хана. По словам Мухаммед Юсуфа Мунши, он «в течение сорока дней осаждал [Балх] и так разграбил и опустошил его окрестности и районы (اصراف نواحی), что не осталось и следов населенных мест[365]. Все эти столкновения кончились тем, что Субханкули-хан был признан наследником престола и наместником Балха[366].

В борьбе между аштарханидскими царевичами за власть за спиной каждого из них стояли влиятельные узбекские эмиры — военачальники со своими племенами. Эта борьба служила причиной разорения страны и ослабила ее в политическом и военном отношении. Этим обстоятельством воспользовалось другое узбекское ханство — Хивинское.

С 1655 по 1664 г. хивинцы совершили несколько набегов на Бухарский оазис, разграбили Каракуль, Джуйбар и в

---

[363] Тарих-и Муким-хани, указ. ркп., л. 51а.

[364] Там же, л. 51б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 101.

[365] از آبادانی اثری نمانده Тарих-и Мухим-хани, л. 52а.

[366] На полях рукописи Тарих-и Муким-хани (л. 47а) приведена дата этих событий: 1071/1661 г.

1663 г. проникли в Бухару, захватив городские ворота. Однако арк остался в руках бухарцев. Только благодаря усилиям горожан хивинцы вынуждены были отступить[367].

О походе хивинского хана Ануша (1663—1687) на Бухару через Каракуль в 1074 (1663/64) г. подробные данные имеются в сочинении Самандар Ходжи Термеза «Дастур ал-мулук». Согласно сообщениям этого автора, поход хорезмийцев сопровождался страшным грабежом. В Бухаре началась неслыханная паника. Каждый житель города «криком и воплем призывал на помощь о спасении своих детей, жен, явного и скрытого имущества»[368].

По словам того же автора, правитель Самарканда Абд ал-Керим-бий найман привлек в союз борьбы против хорезмийцев отряд кочевников Дешт-и Кипчака — казахов и каракалпаков[369]. Это имело решающее значение: хорезмийцы вынуждены были уйти из Мавераннахра. Во время вторжения в Мавераннахр в городах и селах, в особенности Каракуле, Бухаре и Джуйбаре, в руки хорезмийцев попало «столько имущества, денег и скота, что учесть было не под силу самым искусным счетоводам»[370].

О непрекращающихся войнах местных правителей против центральной ханской власти и об отрицательном влиянии этих войн на экономику страны ценные сведения дают нам русские источники. Так, русские послы братья Пазухины, прожившие в Бухаре 16 месяцев (1670—1671 гг.), сообщают, что, когда они в июне 1670 г. прибыли в бухарский город Каракуль, государственные сановники Абд ал-Азиз-хана сообщили им, что «царя в Бухаре нет, а стоит де [он] со всеми ратными людьми против балховского царя, в городе Каршах»[371]. По словам Бориса Пазухина, Абд ал-Азиз-хан возвратился в столицу только в конце декабря 1670 г.[372] Отъезд Пазухиных

---

[367] Подробнее см.: Тарих-и Муким-хани, л. 47а—48а; История народов Узбекистана, т. II, стр. 86—87.

[368] Дастур ал-мулук, ркп. ИВ АН УзССР, № 4468, л. 32а.

هريك بجهت اهل و عيال مال و اموال خودها فرياد و فغان ميكرد.

[369] Дастур ал-мулук, ркп, ИВ АН УзССР, № 4468, л. 31б. مردم دشت قيچاق كه عبارت از جماعهٔ قزاق و قراقلپاق هست

[370] Дастур ал-мулук, л. 31б. چندان مال ومواشى در دست خورزميان افتادكه محاسب واهم از حساب او عاجز آمدند

[371] Наказ Пазухиным, стр. 45.

[372] Там же, стр. 47.

из Бухары на родину также затянулся из-за неурядиц в стране[373]. Согласно наказу, данному Пазухиным русским правительством, они должны были после Бухары посетить Балх. Но «в Балх итти было невозможно, потому что у бухарского царя с балховским была война полтора года, и в то время из Бухар, из Балху на обе стороны проезду не было, и на дорогах всяких людей побивали и грабили»[374].

Местные источники сообщают о войнах между Хивинским и Бухарским ханствами в середине и во второй половине XVIII в. Но в этих источниках нет сведений о союзе между обоими ханствами. Оказывается, по словам Бориса Пазухина, бухарский хан в 1669—1670 гг. выступил против Балхского наместничества в союзе с Хивинским ханством. В «Статейном списке» Пазухина мы читаем, что в 1669 г. «ходил хивинский хан под Балх и многие деревни и улусы разорил, помогали бухарскому царю Абда-Азизу, по его велению, потому что у бухарского царя с балховским была недружба, и стояли ратными людьми об реку Дарью полтора года и (в 1670 г.) в сентябре помирились»[375].

О пагубных последствиях феодальных междоусобиц говорит Мухаммед Юсуф Мунши: «Вражда братьев послужила причиною ослабления государства»[376]. Престарелый Абд ал-Азиз-хан, чувствуя свою неспособность управлять делами государства, а скорее всего, видя, что большинство узбекских кочевых племен, расположенных как в Мавераннахре, так и в Балхе, Бадахшане и Кундузе поддерживают Субханкули-хана, в 1091/1680 г.[377] отрекся от престола в пользу последнего.

Следует подчеркнуть, что каждый из ханов Шейбанидов и Аштарханидов смотрел на государственную казну, как на свою собственную, и тратил средства на свои удовольствия без ограничения. Так, Абд ал-Азиз-хан отправился в хадж в сопровождении большого воинского отряда, захватив с собой большую сумму денег и драгоценности. Когда он достиг территории Аравии, арабы потребовали от него уплаты пошлины. Абд ал-Азиз-хан согласился уплатить 20 тыс. динаров червонного золота, а арабы требовали 40 тыс. динаров. Когда хан согласился уплатить и эту сумму, арабы, посчитав ее недостаточной, потребовали бо́льшую. Тогда военные, сопро-

---

[373] Наказ Пазухиным, стр. 53—54.
[374] Там же, стр. 63.
[375] Там же, стр. 60.
[376] Тарих-и Муким-хани, л. 53а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 104
[377] Тарих-и Муким-хани, л. 53б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 105,

вождающие ханский караван, вступили в бой с арабами, победили их и проехали в Мекку без пошлины[378].

В государстве Аштарханидов едва ли не бо́льшее значение, чем султаны, имели так называемые эмиры и беки, бывшие главами узбекских кочевых и полукочевых племен. Они представляли собою, если можно так выразиться, военную аристократию, состоявшую на службе у ханов; получали чины и разные пожалования, достигали в государстве разных высоких ступеней и, при всем том, сохраняли прочные связи со своими родными племенами. В трудные для себя минуты, не задумываясь, они бежали от хана или наместников к своим родичам, поднимали их против существующей власти; племя шло войною против правительства, разоряло и грабило культурные земли, города и селения.

Дети Субханкули-хана, один за другим назначаемые наследниками престола и наместниками Балха, истребили сами себя в различных заговорах и усобицах. Во всех этих дворцовых интригах и междоусобных войнах ведущую роль играли предводители кочевых племен. Мухаммед Юсуф Мунши об убийстве предпоследнего сына Субханкули — Абу-л-Мансура говорит следующее: «Картина [последующего] события была такова: ...Ходжа Кеш-Надир мираб туркмен, подружившись с братом [Абу-л-Мансур-хана], Сиддик-Мухаммед-султаном, объединили вокруг себя группу лиц и составили заговор об устранении того молодого [правителя] — Абу-л-Мансур-хана. И однажды ночью, когда хан прибыл в [квартал] Чакыр-Ходжа Парса, в дом своей тетки Шемсийябану-ханум, те [заговорщики] с сорока... людьми, воспользовавшись этим случаем..., убили [его]»[379].

Доведенное до крайности притеснениями правящей верхушки население Балха было готово поднять восстание. Мухаммед Юсуф Мунши говорит, что знатные люди «страшились, что все население города бросится на грабеж [казны и дома] знати»[380].

На утро после убийства Абу-л-Мансура эмиры посадили на балхский престол последнего сына Субханкули-хана, семнадцатилетнего юношу Сиддик-Мухаммед-хана. Это было в 1095 (1683/84) г.[381]

Когда Сиддик-Мухаммед-хан после возведения его на балхский престол, подстрекаемый феодальной верхушкой,

---

[378] Тарих-и Муким-хани, л. 57 б.

[379] Тарих-и Муким-хани, л. 63б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 120—121.

[380] Тарих-и Муким-хани, л. 64б.

[381] Там же.

стал расправляться с убийцами своего брата, все, кто принимал участие в заговоре, разбежались. Так, Ходжа Кеш-Надир мираб туркмен с двумя братьями и сыном бежал на побережье Амударьи к своим соплеменникам. «Несколько военных, вроде Яр-Мухаммеда — токсабы из узбекского племени минг Бади' — мирахура из узбекского племени кунграт..., бежали, каждый к своему племени»[382]. Яр-Мухаммед прибыл в область Меймене и начал готовить свое племя к неповиновению балхскому наместнику. Бади', направившись в Термез, также поднял бунт.

К Яр-Мухаммеду присоединился и его брат. Он захватил Шибирган и пригласил из Меймене Яр-Мухаммеда. Последствия борьбы балхского наместника с мятежными феодалами Шибиргана были особенно тяжелы для населения города. Говоря о взятии крепости Шибирган Сиддик-Мухаммедом, Мухаммед Юсуф Мунши пишет, что когда войска вошли в крепость, «то предались убийствам и грабежу... жены, дети, имущество, вещи и [самые] души — все было предано на поток и разграбление»[383]. Почти во всех районах Балха — Бадахшане, Кундузе, Джузгане[384], Катагане и др. — феодалы подняли мятежи против хана — наместника в Балхе, иногда феодалы вступали между собой в союз.

Большие хлопоты создал для властей Бухары и Балха мятеж эмира Баят-Кара — токсабы из племени алчин. Бухарские и балхские власти были не в силах подавить его мятежа в течение семи лет. В первое время (1684 г.) он захватил предместье Балха[385]. По словам Мухаммед Юсуфа Мунши, «в течение семи лет непрерывно большие войска, предводимые великими эмирами, отправлялись для усмирения Баят-Кара-токсабы и в каждый поход, потерпев поражение, возвращались [ни с чем], пока его не уничтожил [правитель Бадахшана] аталык Махмуд-бий (из племени катаган), истребивший все его племя»[386]. Долгое сопротивление Баят-Кара-

---

[382] Тарих-и Муким-хани, л. 65а, هریك گریخته میان قبایل خود رفتند

[383] Тарих-и Муким-хани, л. 65а;. русский перевод А. А. Семенова, стр. 122.

[384] Современный город Файзабад, находящийся почти в центре Бадахшана. О происхождении его позднейшего названия «Файзабад», см. кн. «Каттаган и Бадахшан», стр. 93—94, прим. 1.

[385] Тарих-и Муким-хани, л. 65б.

[386] Тарих-и Муким-хани, л. 75б.

токсабы объясняется тем, что его поддерживали другие влиятельные феодальные правители. Мухаммед Юсуф Мунши пишет, что Баят-Кара-токсаба «свел дружбу с Мир-Яр-беком, правителем Джузгана, который был самою сильною крепостью Бадахшана, и захотел причинить вред [юрту] Махмуд-бия аталыка [и с этой целью] упомянутый Мир-Ярбек послал в сторону Кундуза [юрта улуса Махмуд-бия] войско из «гарчей» Кухистана[387], чтобы оно сделало набег на Кшим»[388].

Выступления феодалов против центральной власти продолжались и в Мавераннахре. «Некоторые из эмиров, — пишет Мухаммед Юсуф Мунши, — вроде Уз-Тимура парваначи катагана и др., которые были вождями племен, огорчившись отношением к ним [Субханкули-хана], отправились каждый в [свой улус] и подняли бунт»[389].

Авторы двух ценных источников — «Дастур ал-мулук» и «Музаккр ал-асхаб», написанных при царствовании Субханкули-хана, — сообщают о сложных политических ситуациях и серьезных разногласиях среди правящей верхушки в первые годы правления Субханкули-хана. Например, Самандар Ходжа Термези сообщает, что Субханкули-хан назначил правителем Самарканда Ходжакули-утарчи, а он поднял бунт против своего сюзерена, захватив селение Касен под Карши. Воспользовавшись смутами в Мавераннахре, хивинский хан Ануша снова вторгся в пределы Бухарского ханства. По словам автора «Дастур ал-мулук», на этот раз Ануша-хана призвал на войну Ходжикули-бий. На сторону хивинского хана перешли и другие вельможи. Ануша-хан захватил Гиждуван,

---

[387] В тексте „Тарих-и Муким-хани", л. 75а جمعی از غرجهٔ کوهستانی автор употребляет этнический термин для обозначения, населения горных областей (Кухистан) Бадахшана. Термином „гарча" или „гальча" (غلجه) население Мавераннахра называло обитателей горных областей, лежавших на восток, северо-восток и юго-восток от Самарканда и Бухары. Термин этот происходит от древне-бактрийского гора, отсюда, между прочим, название Гарчистан, прилагавшееся средневековыми мусульманскими авторами к некоторым горным странам Средней Азии. См.: В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903, стр. 27.

[388] Тарих-и Муким-хани, л. 75а. О Кшиме см. „Каттаган и Бадахшан", стр. 110—111.

[389] Там же, л. 85а.

Хазара и другие крепости, но затем вновь потерпел поражение[390].

Это произошло в 1092 (1681) г. В 1097 (1685/86) г. Ануша-хан вновь выступил походом против Бухары во главе более многочисленного войска. Они опустошили окрестности Бухары, округа Кермине, Варданзи и Миянкаль; истребили большое количество населения и захватили Самарканд. Племена китай-кипчаков, жившие в Миянкале, перешли на сторону хорезмийцев[391].

Субханкули-хан, не рассчитывая победить хивинцев своими силами, обратился за помощью к балхскому наместнику, своему сыну Сиддик-Мухаммеду, чтобы тот прибыл с войсками Балха и Бадахшана. По словам Малиха, Субханкули-хан приказал правителям Балха, Бадахшана, Андижана и Туркестана явиться во главе своих ополчений для отражения нашествия Ануша-хана[392]. На этот раз самая плодородная долина Зарафшана — Миянкаль — полностью оказалась в руках Ануша-хана. Балхские феодалы не отказали Субханкули-хану в помощи, но сами приняли выжидательную позицию[393]. К тому же сама бухарская верхушка, недовольная политикой Субханкули-хана, отвернулась от него. Мухаммед Юсуф Мунши подробно и, по-видимому, беспристрастно освещает сложную обстановку, которая создалась в Бухаре в конце XVII в. Он пишет, что Сиддик-Мухаммед после переправы через Амударью направился с войском в «местность Келиф (к западу от Термеза. — *М. А*), которая лежит на берегу Джейхуна (Амударьи. — *М. А.*), остановился там и послал [оттуда] для разведки (джасуси) несколько человек, чтобы они принесли известия об ургенчских войсках»[394]. Возвратившись через несколько дней, разведчики сообщили, что Ануша-хан захватил Самарканд, и знать города согласилась сделать его ханом Самарканда[395], имя его провозглашать в хутбе и чеканить монету в его честь[396].

---

[390] Дастур ал-мулук, л. 36б—37б.

[391] Мухаммед Амини б. Мухаммед Заман-и Бухари Суфияни (Керак-яракчи). Мухит-ат-таварих, ркп. ИВ АН УзССР, 835, л. 124а—б; Дастур ал-мулук, л. 37б—41а; Музаккр ал-асхаб, ркп. ИВ АН УзССР, № 4270, л. 90б—94а.

[392] Музаккр ал-асхаб, указ. ркп. л. 90б; Дастур ал-мулук, л. 42а и сл.

[393] Тарих-и Муким-хани, л. 66а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 124.

[394] Там же. Подробнее см.: Дастур ал-мулук, л. 51а—52.

[395] Дастур ал-мулук, л. 51б.

[396] Тарих-и Муким-хани, л. 66а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 124. Более подробно см.: «Мухит ат-таварих» Мухаммед Амини Керак-яракчи, ркп. ИВ АН УзССР, № 835, л. 124б—125а.

Вскоре Ануша-хан завоевал Карши и Шахрисабз, Кермине и Гиждуван. Он держал под страхом захвата столицу ханства Бухару[397]. Завоевания Ануша-хана всюду сопровождались грабежом. Так, страшному грабежу подверглось селение Касен. Нашествие Ануша-хана нанесло огромный ущерб земледелию и орошению.

Именно в этот критический момент большая группа эмиров удалилась к своим племенам и подняла против правительства мятеж. Так, Мухаммед Юсуф Мунши пишет, что «Фазил-диванбеги [из племени] юз, Тугма-парваначи [из племени] ябу и Бек-Мухаммед-дадха [из племени] дурман и подобные им, оскорбленные [Субханкули-ханом], отправились в Ходжент, Гисар и другие места и подняли [там] бунт и возмущение против Субханкули-хана»[398]. Подобных рассказов у Мухаммед Юсуфа Мунши довольно много. В свою очередь, балхский наместник Сиддик-Мухаммед, понимая, что его усилия помочь отцу бесполезны, возвратился в Балх.

Неожиданно выручило Субханкули-хана племя катаган, возглавляемое правителем Бадахшанской области, а позднее всей Балхской провинции, аталыком Махмуд-бием. Это одно из самых больших узбекских племен. Катаганы разбросаны почти по всей Бухарской области, большая часть их живет на территории нынешнего Северного Афганистана, где есть целая область того же наименования (Катаган). Главная же масса этого племени живет в долинах центральной и восточной части Бухарской области[399]. Махмуд-бий аталык заставил отступить хивинцев из пределов ханства через пустыню Каракумы[400].

По словам Самандар Ходжи Термези, и на этот раз одержать победу над Ануша-ханом помогло Субханкули-хану население Ташкента, или вернее подвластные Ташкентскому владению народы — казахи, киргизы и каракалпаки[401].

Мстя самаркандцам, допустившим без сопротивления вторжение Ануша-хана в их область и провозгласившим его своим ханом, Субханкули-хан отдал приказ перебить все население города. Приказ этот не был приведен в исполнение,

---

397 Музаккар ал-асхаб, указ. ркп., л. 93а — 94б; Дастур ал-мулук, л. 43а—б.

398 Тарих-и Муким-хани, л. 66а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 124.

399 Подробнее о катаганах см.: Каттаган и Бадахшан.

400 Мухит ат-таварих, ркп. ИВ АН УзССР, № 835, л. 126а. Подробнее см.: Дастур ал-мулук, л. 71а—б; Музаккр ал-асхаб, ркп. ИВ АН УзССР, № 2727, л. 72а—73б.

401 Дастур ал-мулук, л. 48б.

но на население наложили большую контрибуцию. В Самаркандскую область были посланы отряды узбеков из племени юз, которые самым жестоким образом взыскивали контрибуцию в таких размерах, что население на долгие годы попало в кабалу[402].

Ликвидация острого экономического и политического кризиса в стране и подавление мятежа феодалов требовали больших средств. Растущее обнищание страны вело к ослаблению ханства.

Субханкули-хан в поисках средств принял ряд мер, в частности стал взимать деньги за назначение на должность и повышение в чине. В связи с этим гнет, взяточничество, произвол высших и низших чиновников и незаконные поборы приняли невиданные размеры.

Историк XVII в. Мухаммед Бади' ибн Мухаммед Шариф Самарканди (литературный псевдоним Малиха), автор ценной антологии по истории литературы, говорит о нетерпимом положении при дворе Субханкули-хана. «С того момента, — пишет Мухаммед Шариф, — как Субханкули [хан] воссел на престол, дал свободу действиям чиновников, люди ради достижения почета и крупных должностей давали эмирам и приближенным хана большие суммы в виде взяток. Необходимость давать взятки приводила к тому, что люди брали в долг под проценты, чтобы приобрести должность. Но недолго длилось их благополучие, ибо другой тоже давал взятку и овладевал той же должностью, а разорившийся неудачник на всю жизнь попадал в кабалу кредитора»[403].

Подавление сепаратистских выступлений феодалов иногда затруднялось тем, что, не говоря уже об отсутствии сплоченности среди правящей верхушки феодалов, не было единства и среди членов царствующей династии. Так, в сложной политической обстановке из Балха поступило известие: наместник Балха царевич Сиддик-Мухаммед «свернул с большой дороги повиновения [своему отцу]. Пока [Субханкули-хан] не совершит поход на Балх и не накажет беспокойного сына, тот не будет повиноваться»[404]. Субханкули-хан в 1091 (1680—1681) г.[405] выступил походом на Балх. Мятежный сын встретил отцовские войска ружейным огнем и стрелами с крепостных стен и башен, но, получив от отца письменное заверение о помиловании, вышел из города ему навстречу; после свида-

[402] Дастур ал-мулук, л. 48а—49а, б и сл.
[403] Музаккр ал-асхаб, ркп. ИВ АН УзССР, № 4270, л. 61а—б.
[404] Тарих-и Муким-хани, л. 68б.
[405] Там же.

ния они оба вступили в Балх. Там Субханкули-хан приказал арестовать сына и заковать в цепи, а его приближенных, способствовавших мятежным замыслам, предать мучительной казни. Погиб в тюрьме и Сиддик-Мухаммед, пробыв в заключении до 1096 (1685) г., по-видимому, убитый по распоряжению отца[406]. После смерти Сиддик-Мухаммеда, управление Балхской областью хан поручил Мухаммед-джан хаджи аталыку из племени юз[407].

Междоусобная борьба в государстве Аштарханидов всегда осложнялась набегами войск соседних феодальных государств. В начале царствования династии Аштарханидов их более всего тревожили набеги кочевых племен Севера.

Когда (в 1680/81 г.) Субханкули-хан с войском находился в Балхе, Ануша-хан воспользовался удобным случаем и снова вторгся в пределы Бухары. Мухаммед Юсуф Мунши сообщает, что и на этот раз хивинцы захватили большую часть крепостей и деревень и разграбили их, проявив чрезмерную жестокость[408]. Набеги хивинцев были отражены бухарскими эмирами[409]. Вскоре после этого против Ануша-хана составился заговор, по-видимому, не без участия Бухары. В 1688 г. Ануша был схвачен своими приближенными и ослеплен[410].

На хивинский престол посадили в 1688 г.[411] сына Ануши—Эренка (или Ирнака)[412]. Очевидно, Субханкули-хан новых набегов со стороны Хорезма не ждал, так как та часть хорезмийской правящей верхушки, которая благожелательно относилась и к окружающей Субханкули среде и провозгласила ханом Эренка, настраивала последнего, чтобы он не шел по стопам отца и проявлял искреннюю дружбу по отношению к Субханкули-хану, установив с ним союз[413]. Но Эренк, пообещав хорезмийским вельможам, «что он последует их советам, после восшествия на ханский престол повел решительную

---

[406] Тарих-и Муким-хани, л. 68 б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 128—129. Эти события более подробно изложены в труде по всеобщей истории, «Мухит ат-таварих» Мухаммед Амини Керак-яракчи, ркп. ИВ АН УзССР, № 835, л. 127а—131а.

[407] Тарих-и Муким-хани, л. 70а, русский перевод А. А. Семенова, стр. 129.

[408] Тарих-и Муким-хани, л. 80а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 145.

[409] Тарих-и Муким-хани, л. 80 а—б. Более подробнее о походах Ануша-хана см.: Мухит ат-таварих, ркп. ИВ АН УзССР, л. 122б—126б.

[410] Там же, л. 123 и сл.; ср.: Фирдаус ал-икбал, ркп. ИНА АН СССР, С 571, л. 66б.

[411] По другим данным, в 1689 г. см.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1, стр. 255.

[412] Тарих-и Муким-хани, л. 81б, 123—124.

[413] Там же, л. 81б.

борьбу против тех, кто ориентировался на Бухару. Тогда некоторые сановники Хорезма нашли приют в Бухаре»[414]. И все же бухарский хан не ожидал нового похода со стороны Хорезма и спокойно готовился к походу против кызылбашей совместно с Великим моголом Аурангзебом, заранее заключившим об этом договор с Субханкули через своего посла Забардаст-хана[415]. Хорасанский поход совершился, вероятно, в 1688 г.[416]. Бухарские узбеки под начальством Хушике-бий аталыка захватили крепость Бала-и Мургаб (к северо-востоку от современной Кушки), которая считалась одною из сильных крепостей Хорасана. По словам современника, имущество обитателей крепости и окружающих местностей было разграблено, дети и жены взяты в плен[417]. Но в это время Эренк, воспользовавшись тем, что бухарские войска были заняты в походе на Хорасан, вторгся во владения Бухарского ханства, подошел к одному из проходов столицы — Каракульским воротам[418], и Бухара оказалась в осаде.

Субханкули-хана выручил в критический момент правитель Бадахшана Махмуд-бий аталык из племени катаган. Он, придя с войсками Балха и Бадахшана, выгнал хивинцев из Бухарского ханства. За свои заслуги Махмуд-бий был назначен наместником Балха и Бадахшана[419]. Эренк же вскоре после возвращения в Хорезм был убит. Субханкули сообщили, что на его имя провозглашена хутба и стали чеканить монеты в Хорезме. По просьбе хивинцев, хан прислал для управления Хорезмом своего наместника — Нияз-Эшик-ака-баши катагана. Таким образом, Хорезм снова был временно присоединен к Бухарскому ханству[420].

---

[414] Фирдаус ал-икбал, ркп. С 571, л. 70а — 71а. Ср. Тарих-и Муким-хани, л. 81б.

[415] Тарих-и Муким-хани, л. 81б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 148.

[416] Там же, л. 81б.

[417] Там же: ср. «Мухит ат-таварих» Мухаммед Амини Керак-яракчи, ркп. ИВ АН УзССР, № 835, л. 1385. Здесь сказано, что бухарскими войсками командовал Ганб-Назар диванбеги.

[418] Описание этих ворот см.: И. Умняков. К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары, Сборник Туркестанского восточного института, Ташкент, 1923, стр. 153.

[419] История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, стр. 412, Более подробнее см.: Тарих-и Муким-хани, л. 82а и сл.; русский перевод А. А. Семенова, стр. 148 и сл.

[420] Тарих-и Муким-хани, л. 85а. Возможно, что речь идет о Шах Нияз-хане, который стал ханом Хорезма в 1110 г. (1098 г. н. э.) и установил мир с Бухарой. См.: Мунис — Агехи. Фирдаус-ал-икбал. ркп. ИНА АН УзССР, С 571, л. 72а.

Аштарханиды, владевшие некоторыми восточными и северо-восточными районами Туркмении, в конце XVII в. сделали ряд попыток отвоевать у кызылбашей Мерв. Так, Субханкули-хан через два года после хорасанского похода, осенью 1690 г., отправил в Мерв большое войско под начальством упомянутого Хушике-бия. По словам Мухаммед Амини Керак-яракчи, бухарские войска, окружившие крепость Мерв в начале октября 1690 г., не смогли ее взять[421]. Но последствия этого похода для населения Мервского оазиса были крайне тяжелыми. Мухаммед Амини пишет, что «часть воинов из войска Хушике-бий аталыка принялась делать набеги и производить грабежи деревень, расположенных около Мерва; они взяли укрепление Мирабад, перебили многих мужчин, а девушек и детей захватили в плен, натворив много жестокостей и безобразий»[422].

К концу царствования Субханкули-хана явно обозначились признаки упадка и разложения государства Аштарханидов. С гибелью наместника Балха, царевича Сиддик-Мухаммеда, и назначением на должность правителя Балха и Бадахшана Махмуд-бий аталыка Балхская область фактически вышла из повиновения Бухарскому ханству.

Махмуд-бий аталык, назначенный правителем Балха и Бадахшана, в первое время верно служил Аштарханидам. В относительном спокойствии жило и население Балха. Мухаммед Юсуф Мунши сообщает, что в правление Махмуд-бия все «население области Балха было в безопасности и спокойствии. Глубокий мир и дешевизна были таковы, что один харвар пшеницы, начиная с 1099 (1687/88) г., дошел до сорока тенег[423]. Обилие разнообразных благ было таково, что у народа не было никакой нужды торговать ими. Все были удовлетворены садами и доходами с земель»[424]. Но это, возможно,

---

[421] Мухит-ат-таварих, ркп. ИВ, АН УзССР, № 835, л. 139а—б.

[422] Там же, л. 140а; Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, стр. 116.

[423] خرور گندم بچهل تنگه رسیده Тарих-и Муким-хани, л.98а. Харвар — тяжесть, поднимаемая одним ослом; например, в Ташкентском оазисе 5,5—6 пудов, а в Хорасане в три раза больше. Тенге (танга) — бухарская серебряная монета. В позднейшее время (XIX в.) курс ее колебался, например, в 1840—1841 гг. одна танга стоила 68 1/3 копейки ассигнациями (19 коп. в золотой валюте); в 60-х годах прошлого столетия, т. е. вскоре после утверждения в Средней Азии русской власти, танга равнялась 20 коп.

[424] Тарих-и Муким-хани, л. 89а; русский перевод А. А. Семенова стр. 158.

показное благополучие населения Балхской области длилось недолго.

В Балхе Махмуд-бий аталык занял совершенно независимое от Бухары положение. Его жестокое управление вызвало ряд восстаний среди окрестных узбекских племен. Главными зачинщиками мятежа были эмиры многочисленного племени курама[425].

Мухаммед Юсуф Мунши при изложении этих событий явно оправдывает жестокость Махмуд-бия. Он пишет, что курамин-ский народ вследствие «злобы и зависти» стремится сокрушить Махмуд-бий аталыка. «По обычаю разбойников они, — пишет Мухаммед Юсуф Мунши, — разграбили некоторые местности, расхитив дома и местопребывания именитых людей, они пролили [их] кровь.... И сколько ни прилагал [Махмуд-бий аталык] усилий [погасить этот мятеж], они еще больше старались [раздуть его]»[426].

Махмуд-бий аталык объяснил беспорядки в Балхской области отсутствием там наследника Бухарского престола[427] и

[425] История Узбекской ССР, т. I, книга первая, стр. 413. Племя курама встречается в «Тарих-и Муким-хани» (указ. ркп., л. 90а и сл.). Под названием «курама» с момента завоевания Мавераннахра узбеками, известен один из узбекских родов. В настоящее время, насколько известно, курама не встречается в Северном Афганистане. Поэтому сообщение источников XVII—XVIII вв. о существовании в Северном Афганистане в конце XVII — начале XVIII в. этого племени представляет большой интерес с точки зрения расселений и эмиграции узбекских и других тюркских племен, вошедших потом в состав узбеков, но сохранивших свои племенные названия. Основное ядро кураминцев издавна жило в Ташкентском районе, и в первые годы существования Туркестанского генерал-губернаторства Ташкентский уезд назывался Кураминским. Так как слово курама, как нам это объяснил А. А. Семенов, означает собрание (разных племен), то в этом племени одни исследователи видели потомков различных народностей, образовавших одну самостоятельную этническую группу, другие, рассматривали кураминцев, как самостоятельный узбекский род, исходя из того, что они сами причисляют себя в большинстве случаев к узбекам. Кураминцы в настоящее время живут в разных районах Южного Казахстана и Ташкентской области (в основном Пскентском, Букинском и Ахангаранском районах).

Узбекская литература феодальной эпохи (начиная с XVI в.) и дореволюционная, а также среднеазиатские исторические источники исчисляют количество узбекских племен цифрою 92. Они перечислены в особом списке, который впервые стал достоянием науки, благодаря Н. В. Ханыкову, опубликовавшему его в своем «Описании Бухарского ханства» (стр. 58—63). Однако в этом списке 92 узбекских племени курама не встречается, см. В. В. Решетов. К вопросу о термине «курама» и кураминцах, Бюллетень АН УзССР, 1945, № 5, стр. 18; А. А. Семенов. Примечания (к переводу Тарих-и Муким-хани), стр. 274, прим. 380.

[426] Тарих-и Муким-хани, л. 90а — б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 159—160.

[427] تورە — тюра. Этим словом в Бухаре до последнего времени обозначались дети ханов или эмиров — наследники престола.

требовал от Субханкули-хана послать в Балх наместником своего малолетнего внука Мухаммед Муким-султана[428].

Из сообщения Мухаммед Юсуфа Мунши ясно, что мы имеем дело с открытым возмущением широких народных масс против власти правителя Балха Махмуд-бий аталыка. Махмуд-бий был сильно встревожен событиями, происходившими в Балхе, хотя он объяснял мотивы возмущения народных масс другими причинами. В своем письме Субханкули-хану он писал: «Этот народ вследствие злобы и зависти ко мне стремился сокрушить меня, и если я стремлюсь водворить порядок среди этих людей, то мятеж проявляется еще больше; если я закрываю глаза, то они подвергают население и территорию этой области страданиям и бедствию. Моя просьба такова, чтобы вы прислали царевича... Мухаммед Муким-султана в целях водворения порядков. Если наследник престола не будет послан в Балх, то с этим народом нельзя справиться»[429]. С этой просьбой он несколько раз обращался к бухарскому хану.

На самом деле из этого письма, как и из сообщения Мухаммеда Юсуфа Мунши видно, что племя курама и другие народы выступали против неограниченной власти аталыка и его племени (катаганов). Махмуд-бий прекрасно понимал, что если даже Субханкули-хан пошлет малолетнего наследного царевича, все равно власть его, царевича, будет крайне ограничена. В результате Махмуд-бий нашел хороший выход для усмирения мятежа. Договорившись со знатными лицами вилайета (Балха), он посадил в 1107 (1695/96) г.[430] на престол Балха с предоставлением управления государственными делами Салих-ходжу, сына Абдували-Парсан, известного под названием Падшах-ходжа, родившегося от дочери Надир-Мухаммед-хана.

Таким образом, Салих-ходжа являлся племянником Субханкули-хана и был кровно связан с династией Аштарханидов, с другой стороны, он находился в тесной связи с влиятельными суфийскими кругами Балха. Фактическим властелином Балхского вилайета оставался Махмуд-бий аталык.

В том же 1107 г. х. в Бухару ко двору Субханкули-хана прибыли предводители племени курама с выражением недо-

---

[428] Тарих-и Муким-хани, л. 90б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 159.

[429] Там же, л. 90 б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 160.

[430] Тарих-и Муким-хани, русский перевод А. А. Семенова, стр. 160—161. Отец Салих-ходжи Абдували происходил от знаменитого бухарского шейха XIV—XV вв. Ходжа Мухаммеда-Парсан.

вольства несправедливыми действиями Махмуд-бия[431]. Тогда Субханкули-хан, видя, что балхский аталык стал на самом деле суверенным правителем и перестал считаться со своим сюзереном, не желая лишиться обширных плодородных районов Балха, выступил походом против Махмуд-бия. Субханкули-хан, «взяв все войска Мавераннахра с двумястами тысяч кавалерии перешел Амударью»[432]. Войска Субханкули-хана, особенно казахи, каракалпаки и «[прочие] чужие племена», бывшие в составе бухарского войска, начали осаду Балха, которая сопровождалась в течение двадцати одного дня опустошением окрестностей города. Бухарские войска, вооруженные пищалями (милтик), так и не смогли взять крепость Балх, которую защищало население и гарнизон города.

Положение Субханкули-хана особенно ухудшилось, когда на помощь осажденному населению прибыл Махмуд-бий аталык из Кундуза (который был юртом его племени) во главе ополчения племени катаган[433]. В этом походе Субханкули-хан потерпел поражение. Это было вызвано тем, что Аштарханиды не имели достаточной опоры среди феодальной знати, особенно кочевой аристократии и духовенства. В описываемых событиях балхская знать и духовенство, в том числе сам «правитель» Балха Салих-ходжа, были солидарны с Махмуд-бий аталыком. После поражения Субханкули-хана положение балхского аталыка еще более укрепилось[434].

Только то обстоятельство, что Махмуд-бий аталык не был кровно связан с царствующей ханской династией (вернее не был чингизидом) и поэтому, следовательно, не имел права объявить себя ханом, а был только предводителем узбекского племени катаган, и что такие же предводители других узбекских кочевых и полукочевых племен, как он, не хотели признавать его власть над собой, заставило его настоятельно требовать, чтобы Субханкули-хан назначил правителем Балха наследного принца Мухаммед Муким-султана. Это произошло в 1109 (1697/98) г.[435] Назначение наместником наследного принца было весьма выгодным для Махмуд-бия. Он теперь от имени молодого царевича полновластно управлял Балхом и обширными его районами. Позднее Махмуд-бий

---

[431] Мухит ат-таварих, ркп. ИВ АН УзССР, № 835, л. 150 а—б.

[432] Там же, стр. 150—б.

[433] Там же, л. 151—а—153б; Тарих-и Муким-хани, л. 92а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 161—162.

[434] Мухит ат-таварих, л. 153а—154б; Тарих-и Муким-хани, л. 92а—б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 162.

[435] Мухит ат-таварих, л. 152б.

убил Мухаммед Муким-султана. Больше в Балх наследники престола наместниками не назначались.

Вступивший на бухарский ханский престол после смерти Субханкули-хана его молодой сын Убайдулла (1702—1711) в целях укрепления центральной ханской власти принял ряд неудачных мер, стоивших ему жизни; он хотел прежде всего принизить роль кочевой знати и лишить ее родовых уделов.

Удельная система, которую Аштарханиды унаследовали у Шейбанидов (а традиция удельной системы господствовала у всех тюрко-монгольских государств Востока), сыграла весьма отрицательную роль в социально-экономической и культурной жизни страны. Удельная система породила бесконечные феодальные войны и междоусобицы, которые наносили серьезный ущерб экономике страны, особенно земледельческой культуре и орошению. Эти междоусобные войны ухудшали и без того трудное экономическое положение трудящихся масс.

УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ МЕЖДОУСОБИЦ

Несмотря на некоторые меры, принятые Убайдулла-ханом для ограничения сепаратистских стремлений крупных феодалов и усиления центральной власти феодального государства, феодальная раздробленность и связанные с нею феодальные междоусобицы в начале XVIII в. еще более усилились.

Процесс роста феодальной раздробленности в Бухарском ханстве завершился в начале XVIII в. полной децентрализацией политической власти, распылением ее в руках крупных владетельных феодалов из узбекской военно-кочевой знати. Представители администрации центральной власти всегда опасались набегов военно-кочевой знати, которые часто сопровождались восстаниями народных масс.

Историк Убайдулла-хана Мир Мухаммед Амини Бухари рассказывает, что после смерти Субханкули-хана „эмиры и сановники (аркан-и даулет) устроили совещание (كنگاج — кенгаж) и [говорили], что теперь, пока еще не вспыхнуло пламя восстания и бунта (آتش فتنه و فساد — Оташ-и фитне ва фасад) [разных] подонков (اوباش — аубош) общества, необходимо нам избрать и посадить на царский престол [тахт-и шах-и] одного из царевичей“[436]. Наш автор далее рассказывает, что эмиры, посоветовавшись с дворцовым

[436] Мир Мухаммед Амини Бухари. Убайдулла-наме, л. 6а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 19.

вельможей Дилавер-ходжой, который якобы знал царевичей и волю умершего государя Субханкули-хана, посадили на престол Убайдулла-хана[437]. Уже в последние годы правления Субханкули-хана всеми государственными делами вершила дворцовая знать во главе, может быть, с главным евнухом.

Вопреки стремлениям Убайдулла-хана к единовластию, его правление целиком зависело от феодально-кочевой знати, с одной стороны, и окружающей его среды — дворцовых вельмож, — с другой. Как и раньше, так и теперь не было согласия даже в ханской семье. Мир Мухаммед Амини Бухари пишет, что, когда Убайдулла-хан вступил на ханский престол, его брат Асадулла-султан заявил, что «согласно закону шариата, брат (Убайдулла. — *М. А.*) должен разделить [со мною] государство, казну, власть и все наследство, оставшееся после покойного [государя], и поручить мне управление стольным городом Балхом»[438].

Убайдулла-хан, боясь серьезных претензий брата, предал его казни[439]. Но убийство брата нисколько не упрочило его положение. С первых же дней своего царствования он стал зависимым от глав крупных узбекских племен и крупных землевладельцев. Кстати, следует сказать, что крупные оседлые землевладельцы не были заинтересованы в феодальной междоусобице, в большинстве случаев сопровождавшейся грабежом мирного сельского населения и вытаптыванием полей, а выступали в основном за упрочение ханской власти. Они поддерживали борьбу центральной власти, направленную на ликвидацию самостоятельности предводителей отдельных кочевых племен. Дело в том, что оседлые феодалы и центральная ханская власть хотели лишить сильные и влиятельные кочевые племена пастбищ и пахотных земель (юртов) и тем самым ликвидировать их политическую и экономическую самостоятельность. Это очень беспокоило глав кочевых племен и родов. Поэтому представители кочевой знати стремились занять высшие государственные посты в центральном ханском правительстве с тем, чтобы держать хана под своим влиянием. Та часть кочевой знати, которой это не удавалось, почти постоянно находилась в оппозиции по отношению к ханской власти. Борьба между эмирами за первенство в начале XVIII в. служит к этому хорошей иллюстрацией. Так, Ходжа Мухаммед-Амин ранс, который имел звание инака, при жиз-

---

[437] Там же.

[438] Убайдулланаме, л. 11б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 29.

[439] Там же.

ни Субханкули-хана был хранителем печати, вместе с Ма'сум-парваначи сараем (из племени сарай) хотели объединить элементы, недовольные правлением нового хана. Прежде всего они хотели справиться с Бек-Мухаммед-бий дадхой, который близко стоял к Убайдулле. Но Бек-Мухаммед дадха опередил своих противников. Мир Мухаммед Амини Бухари пишет: «Теперь, когда поводья власти оказались в обладании Бек-Мухаммеда дадхи, то когда тот любезный ходжа по-прежнему обыкновению отправился [во дворец пай-и тахт] по одному важному делу, подлежащему компетенции инака и хранителя печати (инак-и ва мухрдар), и, вытащив чернильницу, хотел окончательно оформить приказ, который бы один из эмиров представил на высочайшее благовоззрение, Бек-Мухаммед-бий [дадха], найдя время [подходящим], насильно и дерзко вырвал из рук ходжи чернильницу и вручил ее Мумин-беку, бывшему одним из воспитанников покойного государя [Субханкули-хана]»[440].

О том, насколько сам хан находился во власти крупных феодалов, свидетельствуют взаимоотношения Аллаберди-бий парваначи минг, который был правителем Самарканда при жизни Субханкули-хана, и Мухаммед-Рахим-бий юза, нового правителя Самарканда. Аллаберди-бий парваначи минг, судя по актовым документам, известен также как крупный земельный магнат[441]. В описываемый период он владел крепостью в Ургуте и эта область, по словам Мир Мухаммеда Амини Бухари, считалась его мульком[442]. Между Мухаммед-Рахим-бий юзом и Аллаберди-парваначи мингом царили вражда и соперничество: каждый из этих лиц желал быть «опорою государства», иначе говоря аталыком, и каждый имел при ханском дворе своих сторонников. Бек Мухаммед-бий дадха поддерживал самаркандского правителя Мухаммед-Рахим-бий юза, а Ма'сум-парваначи сарай — Аллаберди-бий минга[443]. Как Мухаммед-Рахим-бий юз, так и Аллаберди минг хотели, чтобы их племенные ополчения составляли бы основное ядро войска Бухарского ханства и они сами пользовались бы вся-

---

[440] Убайдулла-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 1532, л. 19б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 33—34. Имя Мухаммед-Амини ранса известно по актовым материалам как собственника пожалованных земель — танха. См.: Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. I, Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович, под редакцией А. К. Арендса, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954, стр. 96.

[441] См.: Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. I, стр. 69—83, 87—89.

[442] Убайдулла-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 1532, л. 21б.

[443] Там же, л. 21б—22а.

кими пожалованиями и привилегиями. Благодаря энергичной поддержке Бек-Мухаммед-дадхи, который особенно близко стоял к Убайдулла-хану, Мухаммед-Рахим-бий действовал успешно. Как сообщает Мир Мухаммед Амини Бухари, Бек-Мухаммед дадха, отложив некоторые начатые им важные государственные дела, с нетерпением ждал прибытия из Самарканда в Бухару Мухаммед-Рахим-бий юза и объединившись с ним, хотел повести борьбу против своих соперников. Бек-Мухаммед-бий дадха живо описал заслуги племени юз перед государем. Он говорил Убайдулла-хану, что «племя юз, проявив в этом государстве от чистого сердца [исходящее] свое доброжелательное к нему отношение, установило право [на признательность к себе со стороны государей]». Благодаря успехам и заслугам воинствующих юзов, указывал хану Бек-Мухаммед-бий дадха, «в настоящее время племена казахов и каракалпаков и население улусов, что находятся в районе Андижана, Ходжента, Ак-Котеля[444] и Ташкента до пределов Сайрама и Туркестана, Улугтага и Кичиктага — [все] дышат дружбою, послушанием и расположением»[445] к государству Аштарханидов.

Сторонник Аллаберди-бий минга при ханском дворе Ма'сум-парваначи также действовал смело. Он сообщил в Ургут, который был укрепленной крепостью Аллаберди-бия, чтобы тот прибыл со своим отрядом в столицу раньше, чем Мухаммед-Рахим-бий[446]. Получив такое известие от Ма'сум-парваначи, Аллаберди покинул крепость Ургут и со своим отрядом остановился в местности Ахурберди, лежащей в полфарсанге (около 3,5 *км*) от столичного города; он известил Ма'сум-парваначи о своем прибытии[447]. Бек-Мухаммед-бий дадха, узнав о сговоре Ма'сум-парваначи и Аллаберди, объяснил хану о могущих быть последствиях в результате самовольного прибытия Аллаберди-бий минга. Он указывал хану, что если в самом начале его царствования оказалось возможным «прибытие Аллаберди-бия без всякого ханского ярлыка, то потом и другие захотят невозбранно осуществлять столь же неприличные поступки. Вы, государь, если желаете относительно соблюдения уважения к себе и управления государством навести порядок, который соответствовал бы требованиям [государства], то прикажите отдать распоряжение о наказании Аллабер-

---

[444] Местность Ак-Котель находилась на пути из Самарканда в Ходжент; В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 378.

[445] Убайдулла-наме, л. 20б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 34—35.

[446] Там же, л. 21б—22а.

[447] Там же, л. 22а.

ди для того, чтобы это послужило уроком для других и чтобы они на подобные дерзости не отважились. Если это не осуществится, то [все] дальние и ближние [подданные государства] станут своевольными»[448].

Несмотря на заступничество Ма'сум-парваначи и других придворных сторонников Аллаберди, хан отдал приказ о наказании мятежного эмира и послал против него отряд военных в 500 человек, бывших выходцами из разных узбекских племен и принадлежавших к вооруженным силам дворца. Но Аллаберди успел удалиться и снова укрепиться в крепости Ургут. Бек-Мухаммед-бий дадха понял, что стрела его не попала в цель, но он не сложил оружия. При его подстрекательстве были посланы ханские указы правителям всех провинций احكامها بحاكمان تمام ولايت, следующего содержания: „Аллаберди-бий без [ханского] ярлыка, проявив дерзкие притязания, желал быть принятым в высочайшей аудиенции. Принимая во внимание отсутствие у него на это [соответствующего ханского] повеления и лишив его [нашей] милости, мы приказали его подвергнуть расправе. Следует каждому, кто схватит Аллаберди, доставить его голову к подножию [нашего] престола, а всё имеющееся у него имущество пусть достанется тому человеку, [кто убьет его]"[449].

Вскоре Аллаберди-бий был убит своим особо доверенным рабом Лачин-калмыком[450].

Таким образом, продолжавшаяся в течение длительного времени борьба между двумя группами феодалов за укрепление своей власти при дворце закончилась победой одной группы и поражением другой. Но это вовсе не означало конца междоусобицы. Военно-кочевая знать все более и более проявляла стремление к самостоятельности.

Очевидно, Убайдулла-хан в управлении делами государства опирался на многочисленное племя юз. В конце 1702 г. он специальным письмом вызвал самаркандского правителя Мухаммед-Рахим-бий юза, который в это время находился в Ходженте, чтобы с ним посоветоваться о важных государственных делах. Интересно, что Мухаммед-Рахим-бий прибыл с войском и заявил о готовности племени юз поддержать Убайдулла-хана[451]. Убайдулла-хан сказал: «В настоящее время мне

[448] Убайдулла-наме, л. 22б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 34—35.
[449] Убайдулла-наме, л. 23а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 37.
[450] Там же, л. 23б.
[451] Там же.

представляется, что шайка бунтовщиков и банда мятежников предпочли идти по пути мятежа и нерадивости [к законным требованиям] в направлении страха [возмездия за свои поступки]; запачкав свои руки в несправедливо пролитой крови, они довели мусульман до невыносимого состояния»[452]. Убайдулла-хан при помощи наиболее авторитетных предводителей некоторых узбекских племен хотел подавить мятеж военно-кочевой знати, а также примирить эмиров и военачальников с феодальной знатью.

Мир Мухаммед Амини Бухари приводит программную речь Убайдуллы перед эмирами: «На моей ответственности — говорил он, — как государя, лежит необходимость встать с постели покоя, и [потому] я твердо решил укоротить злодейские руки тиранов, посягающих в настоящее время на жизнь (букв. на кровь) и имущество мусульман, дабы сад желаний обитателей Мавераннахра очистился о терния (хар) и мусора обид (хашак озар), причиняемых наглыми мятежниками, и приобщился бы к безопасности. Теперь вы, эмиры, последуя за мной, будьте единодушны и согласны друг с другом, чтобы расцвел бутон [наших] желаний. Если в этом отношении мы сделаем поблажку и проявим нерадивость, то в этом мире мы заслужим [справедливые] упреки, а в будущей жизни — наказание»[453].

Таким образом, Убайдулла-хан хотел противопоставить тех эмиров, которые его поддерживали в первые годы царствования, мятежным военачальникам — предводителям непокорных узбекских кочевых племен. Как мы увидим ниже, это ему не удалось.

Но в первое время Убайдулла-хан добился некоторых успехов в борьбе против непокорных вассалов. В этом деле инициативу проявил вышеупомянутый Бек-Мухаммед-дадха. Он разослал со специальными отборными воинскими отрядами скрепленные ханскою печатью приказы по определенным узбекским племенам и улусам[454] (миён эль ва улус узбекийе) о захвате «злонамеренных и нечестивых, которые простерли руки угнетения над жизнью и имуществом мусульман в области Кеша (Шахрисабза) и которые в это время зажгли факел возмущения и несправедливости... [В результате], связавши руки и шеи бунтовщиков, привели их к высочайшему чертогу. Последовал [ханский приказ], чтобы некоторым из заблудших перерезали горло, других возвели на минарет [и сбро-

---

[452] Убайдулла-наме, л. 24б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 39.

[453] Там же, л. 24б—25а; стр. 39—40.

[454] میان ایل و الوس اوزبیکیه

сили оттуда], а часть повесили, как серьги, на порталах [общественных зданий] и на чарсу»[455].

По сведениям официального источника, Убайдулла-хан в первые годы своего царствования умертвил многих мятежных эмиров. Дальнейшие события показывают, что единодержавная политика его терпела неудачи по мере усиления междоусобицы. Некоторых выдающихся вождей узбекских племен хан хотел склонить на свою сторону путем раздачи подарков и назначением их на высшие военные и административные должности. Мир Мухаммед Амини Бухари пишет, что Убайдулла-хан поощрял эмиров, ученых и военное сословие, одаривал великолепными подарками и дорогими халатами и, сообразно степеням их, назначал на разные должности и места[456].

Убайдулла-хан распределял важные светские должности среди представителей племенной знати. Предводитель племени юз, самаркандский правитель Мухаммед-Рахим-бий, был утвержден в должности и звании аталыка[457]. Бек-Мухаммед-бий из племени дурмен был назначен на должность парваначи. Их противник, вождь племени сарай, Мухаммед Ма'сум хаджи, был утвержден в должности диванбеги. Обязанность дадха-есаула двора досталась Хошхал-бий катагану[458].

Мир Мухаммед Амини Бухари рассказывает о назначении правителями отдельных вилайетов (областей) представителей влиятельных узбекских кочевых племен. Вероятно, Мухаммед-Рахим-бий юз, правитель Самарканда, после утверждения его в звании аталыка стал выполнять дела в столице, судя по тому, что правителем Самарканда был назначен его брат Кабул-бий юз. Управление вилайетом Несеф (Карши) было поручено Узу Тимур-бий катагану; управление Кешом (Шахрисабзом) хан пожаловал Худаяр-бию мангыту. Прочие

---

[455] Убайдулла-наме, л. 27а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 41—42. Чарсу (букв. четыре стороны) — базарный перекресток двух улиц-рядов, так как базары на Востоке бывали крытые, то чарсу обычно был под куполом и изнутри представлял круглое высокое помещение с лавками по сторонам. См.: Персидско-русский словарь, составил проф. Б. В. Мюллер, М., 1950, стр. 274.

[456] Убайдулла-наме, л. 28б.

[457] Там же.

[458] Там же, л. 29а. См. также: Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. 2, стр. 25, прим. 3 и стр. 61. Должность «дадха-есаул» ханского двора в изучаемый нами период соответствовала, видимо, генерал-адъютанту при дворе русских императоров, который исполнял поручение ревизионного и наблюдательного порядка. В позднейшей Бухаре этой должности не существовало. См.: Убайдулла-наме; русский перевод А. А. Семенова, стр. 44, прим. 2.

должности и управление отдельными районами Убайдулла-хан предоставил разным военным и гражданским сановникам[459].

Кажется, впервые именно в «Убайдулла-наме» встречается должность кошбеги-йи-кулл-и. Автор «Убайдулла-наме» пишет, что Убайдулла-хан своего «приближенного Абдулла-хаджи калмыка, удостоив возложения на него важной должности инака высочайшего двора, присоединил также к этому и исполнение им обязанностей кошбеги-йи-кулл-и (т. е. кошбеги всего)»[460].

В стремлении покончить со своеволием феодалов Убайдулла-хану пришлось столкнуться с сепаратистскими тенденциями военно-кочевой знати, которая не подчинялась воле хана. Внимательное изучение всех происходящих событий в Мавераннахре, Балхе, Хисаре и других местах дает основание утверждать, что все правление Убайдулла-хана прошло в непрерывных войнах с мятежными эмирами.

Характерен следующий рассказ Мухаммед Амини Бухари. В 1114 (1702/03) г. Убайдулла-хан созвал курултай и призвал всех к походу на Балх. Дело в том, что наместник Балха, двоюродный брат Убайдулла-хана — Мухаммед Муким-хан, не только проявлял непокорность верховному хану, но и доказывал свои права на ханский престол в Бухаре. Все эмиры внешне согласились с решением хана совершить поход на Балх и вместе с ним выступили в Карши с тем, чтобы оттуда, после отпразднования Курбана (йид асхи — жертвоприношения)[461], продолжить путь до Балха. Когда кончились праздничные торжества, эмиры под разными предлогами отказались принять участие в походе.

«Привыкшие к покою эмиры, — пишет Мухаммед Амини Бухари, — не имевшие никакого желания идти к Балху, нашли предлог [отказаться от похода], заявив следующее: «У племен левой и правой стороны[462] войска неисчислимы; среди них имеется множество молодых бойцов; пребывание сего народа при победоносном высочайшем стремлении является делом существенно важным, особенно в этом походе,

---

[459] Убайдулла-наме, л. 29а—б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 43—45.

[460] Убайдулла-наме, л. 29б.

[461] Праздник Курбан празднуется 10 числа месяца зульхиджа (12-й месяц).

[462] Племена правой и левой стороны (قرقهٔ اونك و سول) разумеется деление кочевых узбеков на две группы: правую и левую стороны. Центром всех этих племен в ту эпоху была Шахрисабзская область, как об этом часто упоминается в „Убайдулла-наме".

который, как дело очень трудное, государь предполагает осуществить»[463]. Убайдулла-хан, последовав советам эмиров, послал письмо предводителям племен правой и левой стороны в Шахрисабз через своих эмиров. Но главы упомянутых племен под различными предлогами отвергли предложение хана выступить с ним в поход[464]. Таким образом, вследствие неповиновения эмиров, войска и начальников военно-кочевой знати поход в Балх не состоялся.

В том же 1703 г. Убайдулла безуспешно двинул войска в Шахрисабз, а через два года выступил походом на Самарканд, где восстало племя юз[465].

Самым позорным для бухарского войска был поход на Хисар в 1703 г., спровоцированный Мухаммед-Рахим-бием юзом аталыком, предводителем самаркандских юзов, который лично враждовал с юзами Хисара. Жители Хисара на нашествие бухарского войска под начальством Мухаммед-Рахим-бий аталыка ответили общим восстанием. Мир Мухаммед Амини Бухари рассказывает, что «... в это время находящийся подле крепости Уткана (правителя Хисара. — *М. А.*) ...мазар... мауляны Якуба Чархи[466] подвергся непочтительному обхождению со стороны бухарского войска. Эти неверующие разрушили верхнюю часть мазара, подожгли квартал и дома тамошних обитателей и, отведя протекавшую там воду, засушили посевы населения. Эти поступки бухарцев, совершенные вопреки религиозным убеждениям, в конце концов послужили причиною [большого] для них огорчения»[467].

Через некоторое время после этого представители населения Хисара, явившись на собрание при Мухаммед-Рахим-бие заявили, что они считают себя подвластными Бухаре, но до прихода сюда бухарских войск вынуждены были подчиняться «бунтовщику» Уткану. Далее они говорили, что бухарцы своим приходом сюда поставили местное население Хисара в крайне тяжелое положение, что они, собственно говоря, не имеют никакого отношения к этим распрям (между феодальной знатью), и поэтому надо бы подумать начальникам бухарского войска позаботиться о безопасности и нормальной

---

[463] Убайдулла-наме, л. 33б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 49.

[464] Там же, л. 34б—35а.

[465] Там же, л. 35а—38а и сл.; История Узбекской ССР, т. I, книга первая, стр. 414.

[466] Шейх Якуб-и Чархи — один из видных представителей среднеазиатского суфизма, духовный наставник известного Ходжи Ахрара, принадлежал к ордену Накшбенди, умер в 851 (1447—1448) г.

[467] Убайдулла-наме, л. 47а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 62.

жизни населения г. Хисара. Бухарские же эмиры в претензии хисарцев заподозрили какую-то каверзу самого Рахим-бия, к которому они относились недоверчиво и поэтому стали «грубо возражать» на требования представителей населения Хисара. Дело «дошло до того, что Назар «тентек» (глупец), один из братьев Худояр-бия мангыта, выхватил меч и бросился на уполномоченных от народа. Те же схватили в руки камни и палки. Мухаммед-Рахим-бий понял, что в его присутствии грозит разрастись такое возмущение, прекратить которое будет очень трудно. Не имея средств [остановить скандал], он вернулся в свою палатку. Бухарские эмиры [поспешно] вышли из крепости Хисар, войска же их, испытывая смятение, страх и ужас, тоже последовали за ними. Тогда население Хисара и юзы рода шади бросились грабить шатры и палатки спешно уходивших бухарцев»[468].

«В самой крепости [Хисар], — говорит Мир Мухаммед Амини Бухари, — творилось что-то невероятное, будто наступил день страшного суда. Короче говоря, бухарские люди, выйдя из Хисарской крепости с большими трудностями, так быстро уходили, что две остановки пути совершали в один переход, и [даже] не имели возможности сварить для себя пищи. Хисарские юзы, воспользовавшись этим обстоятельством, пустились преследовать бухарцев, нападая и грабя отступающих»[469]. Бухарским войскам едва удалось достичь Бухары[470].

Командующий бухарскими войсками Мухаммед-Рахим-бий юз аталык даже не явился в Бухару, а в «большом страхе и смятении с большим трудом добрался до Самарканда»[471].

Таким образом, поход на Хисар не только закончился неудачно, но натолкнулся на серьезное восстание населения города Хисара, в котором, наряду с ремесленниками и торговыми людьми, активное участие приняла городская беднота.

Следующий неудачный поход бухарского войска был на Термез. Предпринят был он потому, что Убайдулла-хан по подстрекательству Мухаммед-Рахим-бия юза аталыка отстранил от дела мятежного наместника Термеза Шир-Али из племени кунграт. Поскольку Термез составлял юрт кунгратов, последние восстали против этой меры. Правителем же Терме-

---

[468] Убайдулла-наме, л. 53а—б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 68.

[469] Там же, л. 53б.

[470] Там же, л. 54а—б; ср. О. Д. Чехович. К истории Узбекистана в XVIII в., Труды ИВ АН УзССР, вып. 3, стр. 64.

[471] Убайдулла-наме, л. 54б—55а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 69.

за хан назначил своего приближенного Нигматуллу токсабу наймана. «Найманы, обитавшие в Термезском районе, считали себя выше кунгратов»[472].

Новый правитель Термеза, выехав из Самарканда, прибыл в крепость Дерф. Узнав о приближении Нигматуллы, Шир-Али покинул крепость Термез и удалился в Ширабад. После этого кунграты разделились на две группы: одна примкнула к Нигматулле, другая вместе с Шир-Али заперлась в крепости Ширабад. Дальнейшие события в Термезе осложнились вмешательством в эти распри балхского аталыка Махмуд-бия катагана. Дело в том, что Нигматулла передал крепость и город Термез своему тестю Шадману из племени ябу, а сам поселился в крепости Дерф, которая была больше населена. Шадман ябу передал город и крепость Термез Махмуд-бию аталыку в качестве подарка. Пришедшие с Махмуд-бием из-за Амударьи кочевники стали грабить и разорять город и окрестные деревни[473]. Мир Мухаммед Амини Бухари сообщает, что Махмуд-бий аталык «приказал сделать набег на окрестности и районы»[474] Термеза.

Балхский правитель Муким Мухаммед-хан, враждовавший с Убайдулла-ханом, послал Махмуд-бию дополнительное войско. Убайдулла-хан и его приближенные были сильно обеспокоены событиями в Термезе, поскольку Термез считали воротами Мавераннахра. Поэтому хан послал на помощь Нигматулле в крепость Дерф большое войско во главе с Мухаммед-Яр эшик ага-баши дурменом для отражения наступления Махмуд-бия[475]. Одолеть Махмуд-бия было трудно еще и потому, что он имел влиятельных сторонников среди кунгратов.

Убайдулла-хан вторично послал войска в Термез против Махмуд-бия под начальством своих опытных эмиров. И на этот раз бухарские войска были разбиты наголову, а командующий войсками Хаит-бий додха из племени кипчак попал в плен и был умерщвлен[476].

Наконец, Убайдулла-хан в третий раз снарядил большое войско против Махмуд-бия аталыка под начальством Ма'сум-бий Ходжи диванбеги из племени сарай. Перед выступлением в поход, по приказанию хана из казны были розданы

---

[472] Убайдулла-наме, л. 55б.

[473] Убайдулла наме, л. 56б—57а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 71.

[474] اطراف و نواحی آنجارا [ترمذ] چپاول فرمود.

[475] Там же, л. 57б—58а.

[476] Убайдулла-наме, л. 65б—66а.

подарки эмирам, вельможам (а'йян), военным и шагирд-пише[477], а простым воинам — дорогие халаты. Ма'сум Хаджи был пожалован арабской лошадью (аср-и тази), почетным платьем, украшенными драгоценными камнями поясом и кинжалом. Этот «высокоименитый эмир», выступив в поход, через два перехода вступил в город Несеф (Карши). Но услышав там известие о гибели прежнего военачальника Хаит-дадхи, он больше не двинулся с места[478]. Махмуд-бий же, ограбив население Термезской области, переправился на другой берег Амударьи, уведя с собою часть кунгратов[479].

Бухарская правящая верхушка и сам Убайдулла-хан думали, что смуты и волнения в Термезе и вторжение в этот район Махмуд-бия — результат враждебного отношения правителя Балха Мухаммед Муким-хана, поэтому Убайдулла решил выступить походом на Балх. Он говорил: «Вражда между двумя монархами и двумя государями является причиною неустройства и поводом к появлению [разных] бунтовщиков и бандитов[480]. Поэтому самым правильным будет, если мы прежде всего выступим для наказания балхского правителя, чтобы тем самым были уничтожены свои собственные мятежники»[481].

Сепаратистские тенденции больше всего господствовали в Балхе, где, как известно, Мухаммед Муким-хан объявил себя независимым от Бухары. За спиной же его стоял все-

---

[477] Термин шагирд-пише (شاگرد پیشه), правильнее шагирд-нише — „ученик в каком-либо ремесле или занятии", буквально обозначал в Бухаре довольно многочисленный класс служилого сословия, представители которого не имели чинов и званий и находились в услужении при военно-административных чинах. За выслугу лет или за какие-нибудь заслуги шагирд-пише могли получать чины и тем самым переходили в сословие амалдаров (عملدار), т. е. светских чиновных лиц. В отличие от названия шагирд-пише такие же служащие при сановниках из ученых-богословов, вроде верховного судьи, судьи, раиса и пр., назывались мулазимами (арабское ملازم букв. постоянно находящийся при ком-либо, состоящий на службе, в свите). См.: А. А. Семенов. Бухарский трактат, л. 14б, прим. 63. Позднее шагирд-пише представляли подготовительную (запасную) часть войска. См.: В. Л. Вяткин. Каршинский округ, стр. 15—16.

[478] Убайдулла-наме, л. 72а—73б; русский перевод А. А. Семенова стр. 86.

[479] Там же, л. 70а—71а; стр. 83—84.

[480] باعث رواج مفسدان و اوباشان است

[481] Убайдулла-наме, л. 73б—74а.

مفسدان خود معدوم خواهند شد

сильный аталык Махмуд-бий, опиравшийся на свое племя катаган[482].

Убайдулла-хан в месяце сафаре (вторая половина мая — первая половина июня) 1118/1706 г. выступил из Бухары в направлении Несефа (Карши), на который также претендовал балхский правитель. Поразителен тот факт, что владыка страны не был осведомлен о самых серьезных вопросах. Например, об убийстве в 1705 г. начальника войска, воевавшего против Махмуд-бия в области Термеза, хан узнал только тогда, когда отъехал от столицы на один переход и остановился в урочище Ходжа-Мубарак[483]. Через два дня Убайдулла доехал до Карши. К хану прибыл оскандалившийся в походе на Термез эмир Ма'сум-Хаджи, сюда же хан вызвал Мухаммед-Рахим-бия, который после поражения в Хисаре проживал в Самарканде[484].

Но эмиры Убайдулла-хана посоветовали ему отложить поход на Балх. Мухаммед-Рахим-бий аталык, мнением которого хан особенно дорожил, сказал хану, что правитель Балхской области Мухаммед Муким-хан и Махмуд-бий аталык сильны тем, что их поддерживают мятежные элементы Термеза и Шахрисабза, особенно узбекские кочевые племена, известные под названием правого и левого крыла ополчения[485]. Поэтому он советовал хану сначала подавить мятеж названных племен[486].

Убайдулла-хан отправил с Худаяр-парваначи мангытом гарантийное письмо и почетные халаты главам узбекских племен правого и левого крыла, прося их подчиниться верховной ханской власти[487]. Они мирно встретили Худаяр-парваначи мангыта, который имел свой мульк в обитаемом этими племенами районе Чирагчи, и Мухаммед-Салиха, уполномоченного хана. Но, высказавшись за повиновение хану, предводители племен отказались явиться в его ставку.

После этого внимание бухарских эмиров и самого хана опять привлек Термез, где все еще продолжались волнения кунгратов во главе с Шир-Али. Хан хотел направить против кунгратов племена правого и левого крыла и из своей ставки снарядил нового наместника Несефа Узи Тимур-бий ката-

---

[482] История Узбекской ССР, т. I, книга первая, стр. 413—414.
[483] Там же.
[484] Убайдулла-наме, л. 75а.
[485] Там же, л. 75б—76а.
[486] Там же, л. 76б.
[487] Там же, л. 77б—78а.

гана, пожаловав ему богатый златотканный халат, вышитый серебром[488].

Бухарские эмиры, посланные еще в 1705 г. в Термез и осажденные в крепости Дерф, все еще сидели там. Теперь хан им тоже послал почетные халаты и обнадеживающее письмо. В письме указывалось, чтобы они наступали на укрепленную Шир-Али крепость Ширабад. Но все было напрасно: как наступающие, так и Узи Тимур-бий, прибыв в урочище Тенг-джерим, ждали появления отрядов племен правого и левого крыла. Но они не прибыли, так как «между Махмуд-бий аталыком, племенами правого и левого крыла и Шир-Али существовал прочный союз»[489].

Все это объяснялось тем, что бухарские эмиры не хотели поддерживать действия хана по ликвидации междоусобицы. Им чужды были общегосударственные интересы.

Мир Мухаммед Амини Бухари сообщает: «Государь понял, что никто из этих эмиров не выступил от чистого сердца с целью сокрушения Шир-Али». Тем временем в Каршинской степи стояла такая невыносимая жара, что от духоты и зноя стали страдать воины, и поэтому хан и эмиры повернули обратно в Бухару ни с чем[490].

Через два года (1120/1708) ареной междоусобицы стала область Шахрисабз, где были расположены кочевья и зимовка многочисленных узбекских племен правого и левого крыла. Поводом для выступления послужило неповиновение этих племен во время похода на Балх в 1707 г. Убайдулла-хан выдал ярлык на управление Шахрисабзом предводителю китай-кипчаков Фархад-бию, иными словами он поручил ему отнять Шахрисабз у племени правого и левого крыла.

Получив назначение, эмир Фархад-бий направился к племенам и улусам китай-кипчаков, обитавшим в окрестностях Карши и в районах Самарканда и Миянкаля. Автор «Убайдулла-наме» сообщает, что «по прибытии [Фархад-бий] распространил среди [китай-кипчаков] приятное известие об этой [пожалованной] области и благую весть о пастбищах (چراگاه) и богатых травах (علف زار) этой новой земли. Китай-кипчакский народ, ввиду разъединения своих племен и улусов (ایل و الوس) вынужденный жить по разным районам, заявил о своем желании иметь [свою] крепость»[491].

---

[488] Убайдулла-наме, л. 79а—б.
[489] Там же, л. 81б.
[490] Там же, л. 81б—82а.
[491] Подробнее см.: Убайдулла-наме, л. 132а—б.

После долгих совещаний и приготовлений племя китай-кипчаков двинулось на Шахрисабз. Но в решительном бою они были разбиты. Мир Мухаммед Амини Бухари по этому поводу рассказывает следующее: «Когда племена правого и левого крыла получили известие об этом обстоятельстве (т. е. о выступлении китай-кипчаков. — *М. А.*), о приближении Фархад-бия с войском в боевом строю, они также приступили к подготовке орудий войны. Они пришли к заключению, что Фархад-бий, несмотря на то, что надеется на свое многочисленное войско, все же боится их»[492].

Из вышеизложенного видно, что верховная ханская власть и ее войска не представляли реальной силы и полностью зависели от военно-кочевой знати. Убайдулла-хан же желал подчинить ханской власти непокорных вассалов и кочевую знать.

Как явствует из сообщения источника, в 1114 (1702/03) г. Убайдулла-хан созвал курултай (всеобщий совет) эмиров войска и сановников государства с целью объявления похода на Балх[493]. Но поход не состоялся. Эмиры войска, под видом подавления мятежа племен правого и левого крыла, дальше Каршинского вилайета не двинулись.

Поход же бухарских войск на Балх состоялся только через четыре года. Поводом для похода на этот раз послужило убийство балхского правителя, наследного принца Мухаммед Муким-хана, который, увлекшись развратом, по словам Мир Мухаммед Амини Бухари, совершенно «уклонился от [забот] о казне, государстве и войске»[494]. «Махмуд-[бий аталык] счел [достаточным] предлогом подобные неподобающие поступки правителя для... отправки его в дорогу [небытия]»[495]. Когда весть об убийстве Мухаммед Муким-хана дошла до Убайдулла-хана, он «под влиянием братских чувств... приказал собраться к нему эмирам и вельможам»[496].

Весною 1118 (1707) г. Убайдулла-хан отдал приказ о сборе войска для похода на Балх, сам же со своей свитой направился в Карши на охоту. Даже официальный историограф Убайдулла-хана не скрывает, что «эмиры не имевшие никакого искреннего желания идти на Балх, предложили [для похода собрать] войско из племен правого и левого крыла»[497].

---

[492] Убайдулла-наме, л. 134а—б.
[493] Там же, л. 30а.
[494] Убайдулла-наме, л. 86б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 86б.
[495] Там же, л. 88а; стр. 101.
[496] Там же, امرا و عیان مملکت فرمان داد
[497] Там же, л. 90а; стр. 103.

Хан не мог не подчиниться воле эмиров и вынужден был выступить на Шахрисабз, чтобы «очистить [его] территорию от грязи бунтовщиков и мятежников»[498]. Вступив в Шахрисабз, Убайдулла-хан «воссел на царственный трон под великолепным порталом Ак-Сарая»[499]. Обращает на себя внимание и такой факт: Убайдулла-хан, чтобы эмиры войска шли с ним в поход на Балх, увеличил им икта и жалованье и «каждого обнадежил своими милостями и дарами»[500].

Сюда же в Шахрисабз прибыл из Самарканда Мухаммед-Рахим-бий юз аталык. Хан перенес свою ставку в крепость Хузар. Здесь он снова собрал эмиров на совещание по вопросу о походе на Балх. Эмиры посоветовали хану вначале выступить походом на Карши, чтобы отомстить «мятежникам». Но на этот раз хан не послушал их[501]. Тем временем полновластным правителем Балха при помощи кочевых узбекских племен катаганов и кураминцев стал Махмуд-бий аталык.

Многие начальники узбекских кочевых племен смотрели на этот поход как на источник грабежа и обогащения. Еще до переправы через Амударью поступило прошение от предводителя племени минг Адил-аталыка, правителя Шибиргана, который сообщал, что он и Хошхал-диванбеги минг хотят присоединиться к походу, собравши войско из узбекских племен районов Чичекту, Меймене, Сари-Пуля, Гурзавана и Шибиргана, «которые все готовы к войне»[502]. Глава кулябских катаганов Бури-бий заявил, что он, «забравши роды и улусы кулябского племени катаган, направится на Кундуз (юрт Махмуд-бий аталыка. — *М. А.*), предаст его потоку огня и разграблению и не оставит там ни одного обитателя, прогнав их до самой Балхской крепости»[503].

Бухарское войско переправилось через Келифскую пере-

---

[498] Убайдулла-наме, л. 90а—б; стр. 103.

[499] Там же, л. 91б, стр. 104. Ак-Сарай (Белый дворец) — великолепный дворец Тимура, построенный им на своей родине в г. Кеше (затем переименован в Шахрисабз), стоивший больших трудов и средств, строился в течение нескольких лет и не был окончен до смерти Тимура; теперь сохранились его руины.

[500] Убайдулла-наме, л. 89а. جمهور امرا و سپاهرا بمزيد اقطاع و مرسومات سرافراز گردانيد

[501] Там же, л. 93а.

[502] Там же, л. 95б.

[503] Там же, л. 95б—96а.

праву на судах и лодках, а также на плотах из губсаров[504] и плотах, связанных из камыша. Во время переправы бухарские эмиры снова хотели отложить поход на Балх. Они говорили, что достаточно переправить войска через Амударью, а самому хану не следует лично участвовать в походе. В нем большую роль играла личная гвардия хана из калмыков.

В местности Адине-мечеть (пятничная мечеть), что лежит вблизи Балха, где предстояла остановка, Убайдулла-хан дал приказание войскам, чтобы они «невытаптывали своими конями посевов населения и не причиняли бы никому вреда и ущерба, [предупредив, что если] кто совершит противное сему [в такой мере], что выдернет из земли [хотя бы] один колос, урожай его жизни погибнет под серпом смерти»[505]. За Амударьей к бухарским войскам примкнули большие отряды племени правого и левого крыла.

Бухарцы свой лагерь и ханскую ставку разбили подле Балха — в селении Узун-шах. Здесь заслуживает внимания следующее распоряжение хана. «С одобрения эмиров..., — пишет Мир Мухаммед Амини Бухари, — государь повелел выдать из казны жителям этого селения в возмещение убытков за вытоптанный войсковыми лошадьми танап ячменя соответствующую сумму золотом»[506].

Из-под Балха Убайдулла-хан, по совету эмиров, послал в разбойничий набег на Кундузскую область отряд бухарских катаганов из-за их родственных связей с катаганами Махмуд-бий аталыка и отряд племен правого и левого крыла (всего около четырех тысяч человек) из-за их поддержки в прошлом Махмуд-бий аталыка, чтобы они в Балхе не перешли на его сторону. Сам же хан с оставшимися войсками осадил все ворота крепости[507].

Что касается отряда племен правого и левого крыльев, который был послан для набега на Кундуз, то он туда не пошел. Отделившись от ханского лагеря, они «бросились в разные стороны и, метнув огонь жестокости и несправедливости в гумно спокойствия мусульман, стали вытаптывать посевы правоверных лошадьми и верблюдами, не переставая изби-

---

[504] Убайдулла-наме, л. 99а گوبسر Губсар (иначе сангоч)—баранья шкура, очищенная от шерсти, мягкой выделки и плотно сшитая в форме бурдюка; она надувается воздухом, и человек может пуститься на ней вплавь, работая руками и ногами. Для переправы большого количества людей несколько губсаров связываются вместе и на них настилается камыш.

[505] Убайдулла-наме, л. 103а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 117—118.

[506] Там же, л. 105а; стр. 120.

[507] Там же, л. 108б; стр. 124.

вать, вязать и ранить [население]»[508]. Другой отряд кочевых узбеков из племени кенегес, покинувший лагерь Убайдуллы еще до переправы через Амударью в местности Карлук (недалеко от Термеза), теперь собирался оказать помощь мятежнику Махмуд-бий аталыку, что очень беспокоило бухарцев.

Убайдулла послал отряд из племени минг в район Кампирек и Шахрек Муминабадского[509] округа, чтобы воспрепятствовать движению отряда кенегесов[510].

Мир Мухаммед Амини Бухари был очевидцем всех этих событий. Он находился среди мятежников племен правого и левого крыла, затем перешел в лагерь Убайдулла-хана[511].

Во время осады города население Балха и его окрестностей переживало тяжелые дни. Как повествует наш источник, Убайдулла-хан велел одному из представителей племен правого и левого крыла Узи Тимур-бий-диванбеги мангыту и Худаяр-парваначи мангыту со своими отрядами расположиться в сел. Асия-йи-ригак и, действуя осмотрительно, осаждать ворота Ходжа-Аккаш, Уштур и Хар. Но эти эмиры и их отряд «со сборищем катаган и [племен] правого и левого крыла, подобно муравьям и саранче, погнали [своих] коней к воротам Балха и искусно захватили и угнали часть овец и коров, которые паслись в окрестностях крепости в районе города. Разбивши в ту же ночь свою ставку в Асия-йи-ригаке, они (Узи Тимур-бий мангыт и Худаяр-парваначи мангыт) совершили набег на окрестности Балха и захватили все то, что было пощажено и оставлено нерасхищенным ханским войском»[512]. Когда же хан потребовал, чтобы эти отряды присоединились непосредственно к ханским войскам, то большая группа — в количестве около двух тысяч пятисот человек, — перейдя арык Исфахан, ушла в западный район Балха, чтобы присоединиться к Махмуд-бию аталыку[513].

Мы видим, что междоусобицы и неповиновение военно-кочевой знати верховной ханской власти не прекращались даже во время походов за пределами Мавераннахра.

Наконец, после длительной осады бухарским войскам в начале лета 1707 г. удалось овладеть Балхом, и Убайдулла-хан по традиции сел на престол Балха. Махмуд-бий аталык

---

[508] Убайдулла-наме, л. 109а; стр. 124.

[509] Муминабад лежит на пути от Куляба в Сарай, недалеко от Амударьи.

[510] Убайдулла-наме, л. 109б.

[511] Там же, л. 110а.

[512] Там же, л. 113б; русский перевод А. А. Семенова стр. 129.

[513] Там же, л. 114б; стр. 130. Арык Исфан — один из рукавов Балхдарьи, орошавшей западные районы Балха.

бежал, «то пеший, то конный, обозленный, покончивший со всем..., он через ворота Хиябан направился в пустыню»[514]. Для населения Балха наступило тяжелое время грабежа и насилия. «Отряды солдат, — говорит Мир Мухаммед Амини Бухари, — войдя в город, приложили руки к грабежу и расхищению: все, что они находили, забирали... Для населения Балха тот день стал днем страшного суда и смятением второго пришествия, и оно воочию увидело ужасы кончины мира на этой земле... Крики мужчин, вопли женщин и плач детей доносились до небосвода... [Военные] столько награбили [всякого] имущества из караван-сараев и домов богачей и индусов [что им не было счета]. Некоторые женщины и дочери мусульман были забраны, как пленницы. Это недостойное дело, этот безобразный поступок были для бухарцев злополучными: среди них возникла моровая язва, и большинство их стало пленниками смерти и добычею Азраила»[515].

После взятия Балха Убайдулла-хан, в знак вознаграждения за участие в походе, назначил влиятельных представителей военно-кочевой знати на высокие должности, а иных даже правителями областей. Так, Адил-бий минг был возведен в звание верховного аталыка (аталык-и кулл) Балхской области, Хошхал-бий, сын Яр-Мухаммед аталыка, получил должность диванбеги Балхской области, Ибадулла-бий Тилау был сделан парваначием[516]. Из представителей бухарских военачальников Фархад-бий утарчи получил в управление Шахрисабзскую область. Как мы уже знаем, эта область являлась как бы юртом узбекских кочевых племен правого и левого крыльев, и поэтому вновь назначенному правителю надо было ее завоевать у них. Как сообщает источник, эти племена считали Шахрисабз «своим могильным склепом»[157]. Другой представитель бухарской военной знати, Мухаммед-Рахим-бий дурман, сын Алла-Яра-аталыка, получил в управление Карши; ханский приближенный Не'матулла-бий найман назначен дадхой г. Бухары. Должность вазира и важный государственный пост, связанный с управлением провинциями Балха, Убайдулла предоставил Мулле Абдар-Рахману. Далее в «Убайдулла-наме» сообщается, что секретарство (منشی گری — мунши-гари) с присоединением к нему секретарства по Балху получил Мулла Мир Мухаммед Мунши.

---

[514] Подробнее см.: Убайдулла-наме, л. 114б—120а.

[515] Там же, л. 121а—122а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 138—139.

[516] Убайдулла-наме, л. 124а—126а.

[517] Там же, л. 125а.

В 1707 г. Убайдулла-хан, завоевав Балх, вернулся в Бухару. Совершая переход за переходом, бухарское войско остановилось в Андхуде, где к этому времени туркменские племена, кочевавшие в пределах Андхуда, подняли мятеж под начальством Назара туркмена, перед этим назначенного исполняющим обязанности дадхи по Балху. Мятеж был подавлен, а Назара «забили палками насмерть»[518]. Убайдулла назначил правителем Андхуда Арслан-бакаул туркмена и дал ему множество наставлений относительно сохранения крепости и охраны путей[519].

Даже победа в Балхе и большие уступки вождям узбекской кочевой знати не смогли остановить все усиливающегося распада страны. Самыми опасными и самыми странными с точки зрения правящей верхушки были события 1709 г. в Самарканде.

Поводом для самаркандских событий послужило движение кочевников присырдарьинских степей, связанное с нашествием калмыков, которые нанесли поражение казахам и киргизам, образовав сильное кочевое государство с центром в долине Или. Движение калмыков вызвало бегство казахов и каракалпаков к Ташкенту — сильной крепости, которая, как и г. Туркестан с его районами и Сайрам, несколько лет назад находилась под властью Мухаммед-Рахим-бий юза аталыка[520]. В изучаемый период Ташкент, возможно, принадлежал казахам, как это утверждают авторы первого тома «Истории Узбекской ССР»[521]. Возникли серьезные опасения, что калмыки могут появиться и в Самарканде. Об этой угрозе Убайдулла-хану в Бухару сообщил правитель Самарканда Хошхаль катаган[522].

Поскольку Самарканд «являлся столицей государей..., где они в счастливый и добрый час садились на серый камень»[523], Убайдулла-хан 22 числа месяца сафара 1121 (13 мая 1709) г. выступил походом в Самарканд, занимаясь по дороге охотою[524]. По-видимому, к началу XVIII в. некоторые кварталы Самарканда превратились в развалины, в том числе и

---

[518] См.: Убайдулла-наме, л. 130а—б.

[519] Там же, л. 131б.

[520] Убайдулла-наме, л. 14а; ср.: Материалы по истории каракалпаков, Труды ИВ АН УзССР, т. VII, М.—Л., 1935, стр. 153.

[521] История Узбекской ССР, т. I, книга первая, стр. 414—415.

[522] Убайдулла-наме, л. 143а—б.

[523] Там же, л. 145а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 163. Все узбекские государи по традиции Тимуридов при вступлении на престол садились на «серый камень» Тимура в Самарканде; затем их по обычаю монголов поднимали на белом войлоке.

[524] Там же, л. 145а—б.

арка, поэтому «последовало повеление [хана], чтобы установили ставку в местности Чакар, где находятся жилища великих ходжей Самарканда. Эмиры и войско расположились каждые в определенном месте»[525].

Тем временем от ходжей Ташкентского района (Соуба-и Ташканд) пришло известие, что калмыки после опустошения и разграбления казахских аулов вернулись в свои становища[526]. Здесь нельзя не отметить ту роль, какую сыграли в казахской среде представители так называемых ходжей и сейидов. Мир Мухаммед Амини Бухари пишет, что Убайдулла-хан, «пообещав звание накиба... двора Абд ар-Рахим ходже, брату Кара-Бахадура Сейид-ата-и, которого казахские племена признавали своим пиром и питали к нему полнейшее расположение, приказал ему ехать в Ташкент; казахским ханам и ташкентским ходжам с названным ходжою отправили милостивые [ханские] письма, халаты надлежащей ценности и арабских лошадей, дав срок двенадцать дней и обнадеживши ходжу своими [последующими] милостями»[527].

Все бы хорошо кончилось в Самарканде, если бы не неожиданное побоище племенами сараев и найманов, которые входили в состав ханского войска. В это же столкновение оказались вовлечены эмиры — начальники племен. Сараи настойчиво требовали удаления эмира найманов — Не'матуллы-дадхи. Бухарские эмиры были недовольны его заносчивостью и высокомерием. Он был «молодой, дерзкий... и недолго думая, подстрекнув и уговорив отряды кунгратов и найманов вступить в бой с сараями, приказал им вооружиться и в конном строю выступить против последних в отмщение за пролитую кровь своих»[528]. Эмиры прочих племен бухарского войска приписывали действия Не'матуллы покровительству, оказываемому ему ханом, У Ма' сум-аталыка, главы племен сараев и «войска, было такое убеждение, что дерзостям дадхи (Не'матуллы) во всем способствовал [сам] государь. Затеялось серьезное дело, потому что эмиры и войска стали подозревать [хана]. В [ближайший] пятничный день эмиры войска не пошли на поклон (куруниш) к государю, как это было до сих пор принято»[529]. Это был серьезный протест эмиров и глав узбекских племен. Обстановка осложнилась еще и тем, что

---

[525] Убайдулла-наме, л. 146а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 165.
[526] Там же, л. 147б; стр. 166.
[527] Там же, л. 147б.
[528] Там же, л. 148б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 167.
[529] Там же, л. 151б; стр. 170.

Не'матулла, вооружив свое племя, расположился в Самаркандском арке, где находился и Убайдулла-хан. Войска и эмиры лишний раз убедились в том, что расположение хана на стороне найманов. «По этой причине между государем и войском возникли большие [взаимные] опасения и страхи, и они стали подозревать [друг друга] в коварных замыслах. И днем и ночью старались принять меры предосторожности [друг против друга]... Высоко взвилось знамя мятежа»[530].

Страх и волнения охватили и Бухару. О событиях, происшедших в Самарканде, Убайдулла-хан написал письмо в Бухару своей матери и отправил его со скороходом[531]. Самаркандские события с прибытием в Бухару скорохода получили широкую огласку, и «народ заговорил о них во всеуслышание и приводил в пользу их [свои] доводы»[532]. Волнения начались и в столице. Предводитель отряда ополчения узбекских кочевых племен правого и левого крыла Худаяр-парваначи мангыт[533], оставленный в Бухаре наместником, опасаясь народного восстания, вызвал из Каракуля правителя этой области Мухаммед-яр-эшик-ака-баши дурмана во главе военного отряда кочевников[534]. Мухаммед-яр-эшик-ака-баши разбил свой лагерь в центре города у ворот арка. Горожане заподозрили Худаяра в намерении совершить государственный переворот[535]. Против прибытия кочевников восстали все — и знатные, и простые горожане. Они предполагали, что письмо хана к его матери было написано ради указания убить Абулфайз-султана. «Веским доводом в пользу этого было то, что у государя, в его... голове мелькнуло

---

530 Убайдулла-наме, л. 152а—б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 171.

531 Там же, л. 152б. См. также: Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, стр. 21, 30; Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане, СПб., 1889, стр. 454.

532 Убайдулла-наме, л. 152б.

533 خدایار پروانچی منغیت که سر آمد فرقهٔ اونك و سول آست Он же дед будущего основателя новой династии. См.: Убайдулла-наме, л. 153а.

534 Эшик-ака-баши ایشیك آقا باشی главный хранитель высокого порога, на обязанности которого лежал надзор за тем, чтобы в бытность хана в г. Бухаре никто не мог выехать верхом из арки; вместе с тем это лицо управляло и туманом Каракуль. Еще ранее ему поручалось управление туманом Шапурком и заведывание его оросительной системой. А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 150; Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, стр. 60.

535 О. Д. Чехович. К истории Узбекистана в XVIII в., Труды ИВ АН УзССР, вып. III, стр. 67.

опасение: не дай бог, если Худаяр-парваначи по указанию эмиров и войска произведет в Бухаре [переворот] и посадит на царственный престол Абулфайз-султана... По этой причине к смуте в Самарканде прибавилось еще смятение и волнение населения Бухары»[536].

Источник сообщает: «Видя палатки кочевников на улицах города, старшины горожан тоже обнажили оружие для того, чтобы охранять башни и укрепить крепости, а охрану ворот поручили бдительным часовым. Сельское население (фукарайи-сахро. — *М. А.*)[537] при виде этого тоже испугалось и стало с семьями переселяться в город. Жителям Бухары пришлось испытать ужасное смятение... Чернь и подонки общества [رنود و اوباش — рунуд ва аубаш] воспользовались этим долгожданным случаем и стали грабить имущество [богатых] мусульман. Чтобы увеличить испуг жителей, эти лжецы распустили слух, якобы к Бухаре приближаются ургенчцы. Это удвоило смятение в городе, а они, пользуясь им, творили свои дела»[538].

Смуты в Самарканде прекратились после активного вмешательства представителей дервишского ордена Накшбенди и прямых потомков известного Ходжи Ахрара. Автор «Убайдулла-наме» особо подчеркивает инициативу в ликвидации смуты Султан-Ходжа Накшбенди, сопровождавшего Убайдуллу в его походе на Самарканд, и Ходжи Абдар-Расуля Ахрара Самарканди, которые являлись муршидами[539] Убайдулла-хана и многих эмиров государства Аштарханидов. По словам Мир Мухаммед Амини Бухари, Султан-ходжа Накшбенди явился в обитель ходжи Абдар-Расуля Самарканди от потомков Ходжи Ахрара и сказал, что «мы и вы считаем себя старцами [-наставниками] и духовными руководителями государя и эмиров (пир ва муршид-и падишах ва умора). В настоящее время, когда мятеж и смута между государем, эмирами и войском стали очевидны..., [нам] необходимо со [всею энергией преданных] рабов... стереть с чела

---

[536] Убайдулла-наме, л. 153б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 172.

[537] فقرای صحرا — букв. податное население степи, но здесь под этим термином подразумевается податное сельское население в противоположность населению города (مردم شهر).

[538] Убайдулла-наме, л. 153б—154а; русский перевод О. Д. Чеховича, указ. статья, стр. 67.

[539] Муршид — то же самое, что и пир, шейх и руководитель; см.: Мухаммед ибн Ал-Мунавара Мейхени. Асрар ат-тавхид фи Макамат шейх, Аби Са'ид; Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 347; П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 54.

государя пыль смятения и страха, которая насела на него со стороны эмиров и войска»[540]. Вышеуказанные ходжи призывали эмиров перед лицом опасности со стороны внешнего врага повиноваться хану. Они явились к эмирам и сказали: «В такое время, когда известие о приходе неверных калмыков, получив огласку, стало бы причиною [паники и] беспорядков населения, будет ли, о люди, с чем-либо сообразно, что вы, проявивши дерзость в отношении своего государя, увеличите [тем самым] смуту в государстве? Вытащив ногу из круга покорности [своему господину], неужели вы осмелитесь провозгласить призыв к бунту? За милости и благодеяния государя ваши обязательства велики. Подчиняясь обязательному религиозному предписанию, чтобы благорасположение к государю исходило от чистого сердца, служите ему от всей души и от всего сердца и поставьте себе целью идти по неуклонному пути повиновения ему»[541]. Эмиры вняли словам ходжей, но, в свою очередь, они во главе с Ма'сум-аталык сараем изъявили недовольство поведением приближенного хана — главы найманов Не'матулла-дадхи. Поэтому ходжам пришлось уговорить хана, чтобы он удалил из своей свиты этого эмира, хотя бы назначил его правителем Термеза и отослал туда[542]. Эмиры говорили ходжам: «Ведь, в конце концов, он [Не'матулла] тоже один из узбеков, так почему бы ему кичиться перед нами своим превосходством? Какую великую службу он исполнил, что государь, привлекший его в лоно своего расположения, час от часу [все больше] удостаивает его своих царственных милостей?»[543].

Представители дервишских орденов, используя свое влияние среди разных слоев населения, во многом помогли хану в ликвидации смут в Самарканде. Например, Ходжа Абд ар-Расул Ахрари, как глава суфийского ордена, имевший слепо преданных ему мюридов как среди феодальной знати, так и среди трудящихся масс предлагал с их помощью уничтожить непокорных эмиров. Он говорил хану: «Если [вам угодно] будет, то я сделаю распоряжение всем ходжам, сейидам, всем ремесленникам и обитателям этой области, чтобы они в короткое время прихлопнули это упорное сословие камнями и палками»[544]. О. Д. Чехович на основании вышеприведенного сообщения источника приходит к выводу, что Ходжа Абд ар-

[540] Убайдулла-наме, л. 154; русский перевод А. А. Семенова, стр. 173—174.
[541] Убайдулла-наме, л. 155б; стр. 174.
[542] Там же, л. 157а—б.
[543] Там же, л. 156а—б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 175.
[544] Там же, л. 158а; стр. 176—177.

Расул Ахрари выступал здесь как решительный сторонник централизации государства, причем с этой целью он обещал использовать влияние шейхов на горожан[545].

Но представители дервишских орденов выступали против мятежа и феодальной междоусобицы в поддержку верховной власти лишь тогда, когда это отвечало их интересам. Были случаи, когда шейхи явно не ладили с носителем верховной власти[546]. Так, через несколько лет после самаркандских смут, уже при Абулфайз-хане (1711—1747), джуйбарские шейхи во главе с Яхья-Ходжой, занимавшим должность шейх аль-ислама, вели борьбу против ханской власти, выступая на стороне главного врага Абулфайз-хана — Ибрагим-аталыка из узбекского племени кенегес[547]. Даже в самаркандских событиях некоторые представители дервишеских орденов действовали в лагере мятежников. Убайдулла-хан угрожал, например, Ядгар-Ходже вычеркнуть его имя из круга ходжей за то, что он действовал на стороне эмиров-мятежников[548].

Таким образом, поддержка представителями духовенства верховной ханской власти или же наоборот борьба против нее всегда были связаны с конкретными историческими условиями.

После самаркандских событий Убайдулла-хан предпринял ряд мер для подавления сепаратистских выступлений как военно-кочевой знати, так и крупных оседлых феодалов. Однако эти мероприятия никак не могли предотвратить все усиливающийся политический распад государства Аштарханидов.

Убайдулла-хан боялся в чем-нибудь ограничить эмиров, принимавших участие в мятеже. Наоборот, он искал компромисса с ними. Так, Ма'сум-аталык, предводитель племени сараев, который стоял во главе мятежных эмиров, добился для Кутлук сарая управления вилайетом Карши. Должности дадхи, в обязанности которого в изучаемый период входил прием к хану просителей, обращающихся с жалобами, и сообщение им ханских решений, добивались несколько человек из военной знати, действовавшие в дни мятежа заодно с Ма'сум-аталыком. Поскольку единства не было в среде самих этих военачальников, то хан, воспользовавшись этим, должность дадхи пожаловал не участвовавшему в междоусобице

---

[545] О. Д. Чехович. К истории Узбекистана в XVIII в., стр. 68.

[546] Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, № 80, л. 199б—200а, 218а—б.

[547] Гульшан ал-мулук, ркп. ИВ АН СССР, С 1141, л. 149б, 192а.

[548] Убайдулла-наме, л. 160а—б.

Бек оглы бахрину. Это решение было принято еще в Самарканде до возвращения Убайдулла-хана в Бухару[549].

Самаркандские события 1709 г. имели далеко идущие последствия. Они дали повод к последующим выступлениям военно-кочевой знати против ханской власти. Мир Мухаммед Амини Бухари пишет: «В 1121 г., соответствующему году барса [т. е. в 1709 г. н. э.], вследствие тех огорчений, которые были пережиты в Самарканде государем..., упорствующие в неповиновении государственной власти и бунтовщики страны от этого бедствия возликовали»[550]. Первым против бухарского хана выступил Махмуд-бий аталык катаган. Он направился походом в плодородную область Гури, которая находилась в обладании узбекских племен кырк и алчин[551].

После долгих споров с эмирами Убайдулла-хану удалось снарядить войско против Балха. Начальниками бухарских войск были назначены Мухаммед Ма'сум-аталык, «бывший хорошим старейшиной государства», совместно с Абдуллою кушбеги, «тоже принадлежавшим к ханским приближенным». Впоследствии хан распорядился, чтобы в поход выступили и другие военачальники — Фархад-бий парваначи-утарчи, Мухаммед-Рахим-парваначи, Ибрагим-мирахур кенегес и Ходжакули-бий катаган[552].

20 октября 1709 г. бухарские войска выступили в поход, остановились они в Несефе (Карши) «ради сбора войска в этой области»[553]. Но уже здесь обнаружились разногласия среди эмиров бухарских войск. Например, в Карши от войска отделился Ибрагим-мирахур якобы с целью привести войска правого и левого крыла в Шахрисабз. По образному выражению автора «Убайдулла-наме», «в ожидании его эмиры все дни пересчитали». В Карши же было получено повеление хана, чтобы Ма'сум-аталык не препятствовал присоединению к походу начальника ополчения [чирик][554] племен найман и кунграт Не'матулла-дадхи[555].

В свою очередь разногласия усилились и среди балхской знати. Одни требовали, чтобы в Балх прибыл во главе бухарских войск сам Убайдулла-хан, а другие, вспоминая

---

[549] Убайдулла-наме, л. 161б — 152а.

[550] Убайдулла-наме, л. 170а — б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 191.

[551] Там же, л. 170б; см. также: Бурхануддин хан Кушкеки. Каттаган и Бадахшан, стр. 40—43.

[552] Убайдулла-наме, л. 172б—173а.

[553] Там же, л. 173а—б.

[554] چریك نیمان و قنگرات

[555] Убайдулла-наме, л. 174а—б.

грабежи и бесчинства бухарских войск, советовали вооружить «все балхские войска и всех узбеков и таджиков этой страны, ибо отражение злобного бунтовщика (Махмуд-бий аталыка.— *М. А.*) необходимо всем, и постараемся сами одолеть этого заблудившегося»[556]. Тем самым они хотели предотвратить приход бухарцев.

Вскоре Мухаммед Са'ид-Ходжа выступил во главе войска против Махмуд-бий аталыка, который все еще продолжал опустошать область Гури. Но Махмуд-бий опередил ходжу, написав письмо с выражением покорности ему и государю.

Балхские эмиры решили сообщить эмирам бухарских войск, которые все еще стояли в Карши, о примирении с Махмуд-бий аталыком и, между прочим, «попутно упомянуть в письме о неуместности прибытия в Балх из Бухары войск, ибо это явилось бы причиною беспорядков среди местного населения»[557]. Бухарские эмиры, в свою очередь, сообщили об этом Убайдулла-хану в Бухару.

Несмотря на это, бухарские войска переправились через Амударью, через Келифскую переправу, а кунграты и найманы переправились у Термеза. Ма'сум-аталык со своими отрядами расположился вне города — в квартале Шершер, прочие эмиры — поблизости от него. Абдулла-кошбеги избрал себе местопребывание внутри города. Не'матулла-дадха, переправившись у Термеза, расположился в окрестностях Муминабада. На его запрос, когда ему можно войти в город со своими войсками, Ма'сум-аталык ответил, что «город Балх не может вынести такого количества войска», что это очень дорого и тяжело обойдется населению города, и поэтому советовал ему пока оставаться в окрестности Муминабада.

Тяжесть военных походов как всегда ложилась тяжелым бременем на население. Все довольствие принимавших участие в походе войск обеспечивалось за счет грабежа населения, при этом очень часто войска в местах своих временных стоянок и при движениях походным порядком вели себя так, как будто они были в неприятельской стране, чиня не только грабеж и насилие, но и убийства.

Из дальнейшего сообщения источника видно, что как сам Убайдулла-хан, так и эмиры и все сановники государства, не надеясь одолеть Махмуд-бия, искали повод, чтобы помириться с ним, и поэтому хан написал ему письмо, в котором полностью амнистировал мятежного эмира. Разумеется, бухарские войска вернулись назад.

---

[556] Убайдулла-наме, л. 176а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 196.
[557] Убайдулла-наме, л. 178а; стр. 199.

Беспрерывные феодальные войны, разорение и грабеж во время походов населения деревень и городов еще более ухудшили в начале XVIII в. материальное положение трудящихся масс, что приводило к восстаниям крестьян и городской бедноты. Большое замешательство среди правящей верхушки вызвало восстание в Бухаре в 1120 (1708—1709) г., связанное с денежной реформой.

Автор «Убайдулла-наме» при всей своей преданности дому Аштарханидов не скрывает всеобщего недовольства политикой Убайдулла-хана, вызванной введением новых монет. «Так что до сих пор мехтеры... двора и финансово-податные чиновники, — пишет он, — подражая гнусному постановлению того неблагодарного мехтера [Шафи'], хвалятся и гордятся этим непохвальным делом и, по своему убеждению, считают [его вполне] законным»[558].

Говоря о финансовых затруднениях в государстве Аштарханидов, следует подчеркнуть, что оно так же, как и государство Шейбанидов, не имело твердого бюджета, годовых приходно-расходных росписей, так как казна хана была неотделима от государственной и считалась собственностью ханской семьи[559].

Мы говорили выше, что планы Убайдулла-хана о создании централизованного монархического государства разбивались о сепаратистские стремления военно-кочевой знати. Убайдулла-хан, после того как почувствовал свое бессилие в борьбе с феодальной верхушкой, хотел, по-видимому, с помощью денежной реформы, опираясь на «верных» ему эмиров, вроде Балту-и сарая, мехтера Шафи', Туракули-кошбеги и других, подорвать экономическую мощь своих противников. Это мероприятие послужило серьезной причиной того, что феодальная верхушка, торговые люди, эмиры и войска окончательно отвернулись от него. Не случайно в 1711 г., когда был подготовлен заговор против Убайдулла-хана, были убиты Балту-и сарай и мехтер Шафи' — инициаторы денежной реформы[560].

Наряду с основными причинами упадка государства Аштарханидов автор «Убайдулла-наме» указывает еще как бы «второстепенные», связанные с отрицательной ролью «гаремных людей» — ханских жен и их слуг. У хана большим влиянием пользовалась его жена Биби-Падиша, которой он ни в чем не отказывал. Говоря о ней, Мир Мухаммед Амини Бухари пишет, что «ее калмыки и слуги больше всего чини-

---

[558] Убайдулла-наме, л. 141а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 159.
[559] См.: Тарих-и Муким-хани; русский перевод А. А. Семенова, стр. 11.
[560] Тарих Абулфайз-хан, л. 116.

ли в государстве бесчинств, все городское и сельское (букв. степное; в противоположность городскому населению сельские жители в источниках часто называются степными. — сахра-и. — *М. А.*) население пришло в изнеможение от насилий и притеснений служащих (букв. рабов Биби-Падиши. — *М. А.*)»[561].

Не менее возмущало эмиров и военных поведение матери хана. Эта женщина требовала, чтобы они в праздничные дни ийд и в день арафа[562] являлись к ней «на салам»[563]. «Она начала вмешиваться в дела управления государством и входить в подробности сего, полагая по незнанию своему, что ее осведомленность в дворцовых делах дает ей право решать важные дела всего государства... Она делала все, что хотела, и ни у кого не было силы [противиться ей]»[564].

Вскоре феодальная знать, недовольная поведением Убайдулла-хана и его окружения, составила против него заговор. Они «держали на уме, как бы прекратить жизнь (хана. — *М. А.*)... Однажды [Убайдулла-хан] на прогулке в цветниках Ханабада расстелил ковер удовольствия... В тот вечер группа бесчестных людей... прибыла [к ханскому] дворцу с целью убить его. [Убайдулла-хан], в тот же вечер узнав об этом, опоясался шашкой отваги и стал на страже [своего] дворца. Та [группа] бежала, но не было известно, сколько [в ней] было людей»[565]. Но эмиры и войско, «поневоле подчинившись власти и распоряжениям [Туракули]», ждали удобного случая, чтобы покончить с Убайдулла-ханом. «Когда насилия и притеснения [дворцовых] слуг и распоряжения женщин в этом государстве достигли крайних пределов, а очевидная немилость государя относительно эмиров и войска дошла до последней степени, т. к. [хану все] вспоминались самаркандские события, то сколько ни говорилось ему о доброжелательности [к нему] эмиров и о благорасположении войска, он совершенно не верил и даже предпринял твердые

---

[561] Убайдулла-наме, л. 204б—205а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 228.

[562] Девятый день месяца зуль-хиджжа (12-й месяц мусульманского летоисчисления). В этот день паломники в Мекке останавливаются у горы Арафат и совершают полагающийся по культовому ритуалу обход этой горы. Этот день является канупом праздника ийда.

[563] «На салам» к ханам и эмирам сановники являлись обычно ежедневно, утром и вечером. Церемония эта состояла в том, что они проходили и кланялись хану, произнося традиционное «салам-алайкум».

[564] Убайдулла-наме, л. 205б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 228—229.

[565] Тарих Абулфайз-хан, л. 3б—4б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 16.

шаги к разрушению устоев некоторых из эмиров, приняв во внимание сообразные со временем обстоятельства»[566].

Заговор осуществился в ночь на 27 мухаррема 1123 (17 марта 1711) г., когда Убайдулла-хан был покинут всеми эмирами и дворцовыми слугами, представителями феодальной знати. Он остался с немногочисленными слугами из числа калмыкских и русских пленных рабов, да и последние в критический момент изменили ему. Хан был убит. Заговорщики бросили клич: «Кто воспользуется имуществом Убайдулла-хана, никаких неприятностей за это тому человеку не причинится»[567].

Почти тотчас же после убийства хана заговорщики бросились в «гарем и ставку хана и предались там самому дикому грабежу, насилиям и убийствам»[568]. Они грабили дворец и казну. Автор «Убайдулла-наме» так описывает сцену грабежа: «Они бросились в казну, и казна была предана на поток и разграбление. Они кинулись на обитательниц гарема..., сорвали с них платья и унесли с собой все, что нашли в ханской ставке и его гареме из ковров, покрывал из золота, серебра и других материй, вытащили из ушей матери (Убайдулла-хана. — *М. А.*) и [его жены] Биби-Падиша серьги, стащили у них с ног обувь; так же поступили и с другими обитательницами гарема... «Грубая чернь и подонки общества», обратив в свою добычу гаремных служанок и рабынь, а также высших и благородных обитательниц гарема, посадили их, простоволосых и босых, на крупы лошадей [позади себя] и увезли на самую грубую потеху»[569].

Для государства Аштарханидов наступил самый критический момент как в политическом, так и в экономическом отношении. Участники переворота, как рядовые, так и командный состав[570] войска, потребовали от Абулфайза, нового хана (1711—1747), чтобы он пожаловал их подарками. Для удовлетворения своих требований они предприняли новый грабеж дворцовых слуг и особенно главного евнуха покойного хана.

После убийства Убайдуллы-хана и истребления его сторонников в Бухарском ханстве всесильным правителем стал Джаушан-калмык, который «занял должность верховного кошбеги и инака»[571]. В связи с переворотом он страшно обо-

---

[566] Убайдулла-наме, л. 207б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 231.
[567] Убайдулла-наме, л. 240а—б.
[568] Там же, л. 243б—244а.
[569] Там же, л. 243а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 271—272; ср. Тарих Абулфайз-хан, л. 16б.
[570] Убайдулла-наме, л. 246б—247а.
[571] Тарих Абулфайз-хан, л. 31б; Убайдулла-наме, л. 247б.

гатился. «Его высокомерие и надменность достигли такой степени, что эмиры и войско боялись его сурового вида, и ему пришла мысль..., следуя Махмуд-бий аталыку, [самому] сделаться ханом»[572]. Однако Джаушану, как в свое время Махмуд-бий аталыку, помешало осуществить эту цель то обстоятельство, что он не был кровными узами связан с ханской династией. Он даже не принадлежал к узбекской кочевой аристократии.

Новый государь Абулфайз-хан не имел никакой реальной власти, она не только не распространялась за пределы Бухары, но даже в Бухаре новый кошбеги Джаушан «не считался с ним и никого знать не хотел, кроме себя; власти [Абулфайз-хана] не придавал [никакого] веса и с его приказаниями не считался; себя он сделал кошбеги-йи кулл (т. е. главою правительства), а своих... детей и близких возвел на разные высокие посты»[573].

Но тирания Джаушана длилась недолго. По истечении четырех месяцев со дня, когда он стал верховным кошбеги, составился против него заговор, инициатором был Ма'сум-аталык сарай. Сначала Джаушан подвергся пыткам в зиндане, дабы выяснить, где находятся деньги и вещи, взятые им из личной казны Убайдулла-хана. Затем в 1123 (1711) г. он был убит[574].

После умерщвления Джаушана власть Абулфайза была ограничена другими эмирами, и все его правление проходило в бесконечных феодальных войнах, которые в какой-то мере утихли лишь после падения династии Аштарханидов.

ПАДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА АШТАРХАНИДОВ. ВОЦАРЕНИЕ МАНГЫТОВ

Феодальные междоусобицы и смуты, раздиравшие Бухарское ханство, продолжались на протяжении всего царствования Аштарханидов — с конца XVI в. до 50-х годов XVIII в. Междоусобицы подрывали политическую и экономическую мощь страны. Наряду с другими факторами (господство издольщины, оторванность от больших мировых торговых центров, отсутствие прогресса в технике производства), феодаль-

[572] Убайдулла-наме, л. 255б; русский перевод А. А. Семенова, стр. 285—286.

[573] Убайдулла-наме, л. 256а; стр. 286.

[574] Убайдулла-наме, л. 257б; перевод А. А. Семенова, стр. 286—287; Тарих Абулфайз-хан, указ. ркп., л. 32б—33а; перевод А. А. Семенова, стр. 37. Убийство Джаушан-калмыка и его братьев было организовано Ма'сум-аталыком, которому якобы жаловался Абулфайз-хан на своеволие своего верховного кошбеги.

ная раздробленность и отсутствие централизованной власти были главными причинами отсталости среднеазиатского феодального общества. Политическая оппозиция кочевой знати по отношению к верховной власти и независимость отдельных племен и их влиятельных предводителей в известной степени были ликвидированы во второй половине XVIII — начале XIX в. при Мангытах.

В источниках содержится богатый фактический материал о феодальных междоусобицах, подробное изложение которых заняло бы слишком много места; поэтому мы остановимся лишь на некоторых характерных эпизодах.

Один из иранских путешественников по имени Андалиб, посетивший Мавераннахр во время царствования Надир-Мухаммед-хана (1642—1645), впоследствии говорил, что «прославленная Бухара и области Мавераннахра больше 200 лет[575] находятся под властью орды узбеков, которые в течение всего этого времени старались об опустошении и разрушении этих стран, как стараются они и теперь, и тем не менее, эти страны до сих пор все еще цветущи и населены»[576].

Безотрадную картину политических неурядиц и междоусобиц в стране нарисовал поэт Турды. Он с горечью пишет о беках, которые все время воевали друг с другом, разоряя народ.

«О, беки, что для вас народ и отчий край?
Нет родины у вас, есть караван-сарай,
Куда пришли поесть вы по дороге в рай.
Ну, что же, бек пришел и в путь ушел: «Прощай».
Но вечно будет жить народ в стране родной»[577].

Турды мечтает о ликвидации междоусобиц, разорительных для народных масс, и об объединении всех узбекских племен в одно целое государство.

«Кочевник-бек, что к нам идет с
мечом, огнем, с кнутом,
Не верит ни во что, давно мы убедились в том.
Какая вера разрешит терзать свою страну,
Родную землю осквернять, бесчестить отчий дом.
Иной и в Мекку на поклон ходил, но он дикарь:
Осел, откуда б ни пришел, останется ослом!

---

[575] Эта дата, приведенная автором «Убайдулла-наме», не соответствует действительности. Шейбаниды завоевали северную часть государства Тимуридов в 1500—1501 гг. Значит, ко времени царствования Надир-Мухаммед-хана господство узбеков продолжалось не более 150 лет.

[576] Убайдулла-наме, л. 164а; перевод А. А. Семенова, стр. 183.

[577] Турды. Избранные произведения, стр. 26.

[578] Там же, стр. 33, 41.

Где ваша совесть, беки: хоть народ наш разобщен,
Но ведь это все узбеки девяноста двух племен.
Называемся мы разно, — кровь у всех у нас одна —
Мы один народ, и должен быть у нас один закон.
Полы, рукава и ворот — это все один халат.
Так един народ узбекский, да пребудет в мире он»[578].

При Абулфайз-хане междоусобицы достигли своего апогея. Авторы, характеризуют его самого крайне отрицательно. «Что касается Абулфайз-хана, — пишет Мирза Абдал-Азим Сами, — то, за отсутствием у него здравого ума и способностей, он был склонен к плотским вожделениям, стремился к обществу прекрасных юношей и женщин и не занимался ничем, кроме питья алого вина, приятного препровождения времени с юношами да музыкой. [Поэтому] государственные дела неизбежно пришли в расстройство, и законы шариата не выполнялись. Все домогались главенства, и каждый добивался начальствования. Сверх того, упомянутый хан старался истребить старинные семейства и проливать кровь высоких эмиров[579]. Он казнил нескольких эмиров и главарей и твердо решил бесчестить знатных и благородных людей государства. Где бы он ни услышал о красивом юноше и миловидной женщине, он силой и принуждением уводил [их] из домов и овладевал [ими]. Поскольку его безобразные деяния и самовластие сошли с пути, на коем покоится божеская милость, то со стороны всемогущего [Аллаха] подул ветер отмщения, и [Абулфайз-хан] стал мишенью стрел, взыскивающих и наказующих»[580].

В условиях политической неурядицы, последовавшей за убийством Убайдулла-хана и возведением на ханский престол Абулфайз-хана, крупные феодалы и предводители некоторых узбекских племен почувствовали себя совершенно не связанными с центральной властью. Следствием антинародной политики феодальной верхушки было крайнее разорение трудящихся масс, расстройство оросительной системы, запустение пахотных полей, сокращение численности жителей ханства.

Митрополит Хрисанф Неопатрасский, посетивший Бухару и Самарканд в 1793 г., писал: «Малолюдство сие есть следствие междоусобных их (кочевых узбеков) браней, на коих немалое число ежедневно почти лишается жизни»[581].

---

[579] Имеются в виду главы узбекских кочевых и полукочевых племен.

[580] Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 55б—56б. Можно думать, что Сами изложил это место по Мухаммед Вефа-йи-Керминеги. См.: Тухфат ал-хани ркп. ИВ АН УзССР, № 16, л. 16а и сл.

[581] Хрисанф, митрополит Неопатрасский. О странах Средней Азии, посещенных им в 1790-х годах. Издал с введением объяснений В. В. Григорьев, М., 1861, стр. 9.

О царившей феодальной анархии и тяжелом положении народных масс автор «Тарих Абулфайз-хан» пишет: «Фархад-бию парваначи-утарчи предоставили управление Самаркандом, а он, проявив [по отношению к населению насилие и вражду], зажег огнем [тирании] дома подданных, так что вести о его несправедливости достигли [до хана], но это нисколько не помогло [прекращению его своеволия], и в Мавераннахре возникла анархия»[582].

Сила центральной власти была парализована феодальными междоусобицами и народными восстаниями. Абулфайз-хан и правящая верхушка находились в Бухаре фактически на положении осажденных. В 1714 г. начался мятеж в среде правящей верхушки и военачальников Бухары. Феодальная анархия, охватив все основные районы ханства — Самарканд, Шахрисабз, Термез, Миянкал, Балх и др., — продолжалась на протяжении всего царствования Абулфайз-хана[583]. В результате Бухарское ханство Аштарханидов раздробилось на мелкие феодальные владения, почти не связанные друг с другом. Из сообщения Абд ар-Рахмана Даулета и посла Петра I Флорио Беневени мы впервые узнаем причины и подробности образования в 1135 (1722/23) г. самостоятельного Самаркандского ханства во главе с хорезмским царевичем Раджаб-султаном[584], выделившимся из владений Аштарханидов. Это событие и нашествие Надир-шаха (40-е годы XVIII в.) были серьезными причинами падения государства Аштарханидов, поэтому на них остановимся подробнее.

Абд ар-Рахман Даулет отмечает, что «Авез-токсаба и Каплан-эшик-ага-баши с братьями в 1135 г. х. ...отправились в Шахрисабз и стали говорить [правителю] Ибрахим-бию-кенегес: «Пока мы не взыщем кровь Фархад-бия»[585], враги ханских слуг чего доброго еще больше обнаглеют, и тебе нужно быть с нами [в этом деле] заодно»[586]. Ибрахим-бий присоединился к вышеназванным эмирам. Они прибыли в Самарканд и стали намечать планы дальнейших действий. Вскоре к ним присоединился правитель Кермине Абд-ал-Ке-

---

[582] Тарих Абулфайз-хан, л. 33б; перевод А. А. Семенова, стр. 37.

[583] Подробнее см.: Тарих Абулфайз-хан, л. 31—100 и сл., перевод А. А. Семенова, стр. 36—50 и сл.

[584] Тарих Абулфайз-хан, л. 123б и сл.; Ф. Беневени. Реляции из Бухары 4 марта 1723 г., в кн.: А. Н. Попов. Сношения России с Хивою и Бухарою, стр. 383.

[585] Фархад-бий из племени утарчи при Абулфайз-хане был парваначи и два года аталыком. Главы нескольких узбекских племен, договорившись между собой, убили его в Намазгахе в 1133 (1721/1722) г. См.: Тарих Абулфайз-хан, л. 122а.

[586] Там же, л. 123б.; перевод А. А. Семенова, стр. 68.

рим-эшик-ага-баши-бахрин, и «они все вместе [остановили свой выбор] на Раджаб-султане, который происходил из рода ургенчских царей»[587]. По существующим обычаям, они провозгласили названного султана ханом, посадив на серый камень (кок-таш). Далее наш источник повествует о том, что мятежные эмиры, «насильно приведя всех великих и благородных людей, простой народ и ученых того владения (Самарканда. — *М. А.*), ... [вместе с ними] принесли [Раджаб-хану] поздравление с восшествием на престол, завершив [этим самым] столь отвратительное дело»[588]. Очевидно, мятежные эмиры в своей борьбе против центральной ханской власти прибегали к поддержке крестьян и городского населения. Абд ар-Рахман Даулет, говоря о присоединении правителя Кермине Абд-ал-Керима к самаркандским мятежным эмирам, пишет, что «он привязал веревкою дружбы и нитью братства к себе всю неимущую чернь и врага [государства] Ибрахима, сына Рустама»[589]. Абд ал-Керим требовал себе от Абулфайз-хана должность аталыка, а для своего сына должность туксаба»[590].

Союзник Абд ал-Керима Ибрахим-бий, сын Рустам-аталыка, был ярым противником Хаким-бий аталыка, который забрал в государстве всю власть в свои руки. По образному выражению Мухаммеда Вефа-йи Керминеги, «Ибрахим-бий кенегес, правитель Шахрисабза, на арене [борьбы] из-за власти выступил соперником опоры эмиров [Хаким-бия] и поднял знамя своих притязаний, на почве соперничества с ним, до высоты голубого небесного свода. Водрузив знамя обмана, как значок восходящего солнца на вращающемся небе, он сеял на нивах [людских сердец] семена злобы [к упомянутому эмиру], пока дело не закончилось тем, что в 1134 (1721/22) г. он провозгласил в богохранимом Самарканде ханом одного из принцев Турана по имени Раджаб»[591].

Вышеупомянутый Абд ал-Керим, будучи союзником самаркандских мятежников, действовал от имени Раджаб-хана и тем самым добился большого успеха. Об Абд ал-Кериме и о семи китай-кипчакских родах (етти уруг) Миянкаля как о союзниках Раджаб-хана подробно говорит как Абд ар-Рахман Даулет, так и Мухаммед Вефа-йи Керминеги. Отряд

---

[587] Тарих Абулфайз-хан, л. 123б. Согласно сообщениям Флорио Беневени, Раджаб-султан был двоюродным братом хивинского хана Шир Гази (1127/1715—1140/1728); А. Н. Попов. Сношения России с Хивою и Бухарою, стр. 383.

[588] Тарих Абулфайз-хан, л. 43б; перевод А. А. Семенова, стр. 69.

[589] Там же, л. 48б; стр. 73.

[590] Тарих Абулфайз-хан, л. 50б—51а.

[591] Тухфат ал-хани, ркп. ИВ АН УзССР, № 16, л. 18а.

Абд ал-Керима начал производить набеги непосредственно на бухарские туманы до самого Ваганзи и Гиждувана[592].

Войска враждующих сторон занимались грабежом населения и мародерством. Наш автор, описывая борьбу между войсками Абулфайз-хана и Абд ал-Керима за крепость Узулишкент[593], подчеркивает, что «Узулишкент был взят, и бухарцы предали все в нем потоку и разграблению, несмотря на приказания [Абулфайз-хана]..., чтобы никто не смел трогать тамошнее население... Однако мародерам это не понравилось, и потому они разграбили все вещи и все имущество населения»[594].

Наконец, сам Абулфайз-хан во главе бухарского войска совершил поход на Кермине — резиденцию союзника Раджаб-хана, Абд ал-Керима. Поход этот кончился неудачно. Как в Кермине, так и под Гиждуваном в нескольких крупных сражениях бухарские войска потерпели поражение[595].

Продолжительная междоусобная война и феодальная раздробленность весьма отрицательно сказывались на экономической жизни Бухарского ханства. В стесненном положении находилось не только трудящееся население деревень и городов, но и военное сословие и даже сам хан. «Причиною стеснения, — пишет Абд ар-Рахман Даулет, — средств для жизни, которая породила поток смут [во всех] концах и районах [Бухары], было уменьшение доходов и жалованья военного сословия, а несправедливые [главари] узбекских племен, которые считали пограничные районы своими наследственными, от предков доставшимися владениями, кроме харадж-ных сборов, ничего не давали [в государственную казну], а в нужных для них случаях выпускавшуюся с монетного двора монету новой чеканки в подавляющем количестве забирали [себе]»[596].

Сторонники Раджаб-хана серьезно готовились к свержению Абулфайз-хана. «Новый хан [Раджаб], — сообщает Ф. Бе-

---

[592] Тарих Абулфайз-хан, 52б.

[593] Селение того же названия лежит в 2,5 верстах к западу от Хазара, на правом берегу Зарафшана.

[594] Тарих Абулфайз-хан, л. 65б; перевод А. А. Семенова, стр. 87.

[595] Там же, л. 125а, 133б.

[596] Тарих Абулфайз-хан, л. 134б; перевод А. А. Семенова, стр. 118. Золото и серебро в монете стоило на рынке гораздо дороже, чем в слитках. В Бухаре в дореволюционное время кружок серебра для теньги стоил копеек 11 золотом, а теньга по номинальному правительственному курсу до 1901 г. равна была 20 коп. золотом (после 1901 г.—15 коп.). Поэтому узбекские влиятельные феодалы в описываемую эпоху привозили свои запасы серебра на монетный двор, где превращали их в монеты с правительственным штампом, таким образом неимоверно обогащались (стр. 163, прим. 276).

невени, — по сию пору в Самарканде и ждет пока в силе станут лошади, чтоб к Бухарам поход восприяти, что все, конечно, сбудется, ежели некоторые узбеки из Самаркандских гор оному помехи не учинят; на которых сей хан великую имеет надежду»[597]. Метод управления в Бухарском ханстве Ф. Беневени называет «непостоянным»[598]. Действительно, в Бухаре каждый государственный сановник исходил из своих личных интересов[599]. Узбекская феодальная верхушка, смотря по обстановке, поддерживала то Абулфайз-хана, то его противников. Ко времени отъезда Ф. Беневени из Бухары Раджаб-хан все еще представлял большую угрозу для столицы ханства. В своей реляции от 16 марта 1725 г. Ф. Беневени писал: «Ведомость получена, что Раджеп-хан вновь поднялся из Самарканда и едет сюда в город [Бухару] атаковать, что весьма сбылось бы, не случись ему несчастье, ибо, не доезжая до сего места, некоторые при нем узбеки изменили и перешли на сторону (Абулфайз-хана. — *М. А.*), то хан [Раджаб] с такой причины назад ретировался, а то сей город готов был сдаться и так оробел было... Народ здешний жил в непрестанном страхе дней с двадцать. Хан [Абулфайз] сам намерен был из города бежать и переправиться через Аму-реку в Чарджову, городку пограничному»[600].

В смутные годы страна была разорена, как никогда. В указанной реляции Ф. Беневени писал: «Бухарское владение в крайнем обретается разорении. Проезд весьма опасен и труден; везде разбои и везде бунты»[601]. Внутренняя и внешняя торговля была подорвана. На караванных торговых дорогах процветал грабеж. Бухара оскудела съестными припасами. Наступил страшный голод. Даже сам Абулфайз-хан терпел серьезную нужду в продовольствии. Ф. Беневени сообщает, что «хан [Абулфайз] сам большую половину верблюдов, лошадей и иного скота потерял и такую нужду претерпел в провианте, понеже опасался по своим деревням посылать, дабы и остальные верблюды узбекам в руки не попались»[602].

По мере продолжавшейся междоусобицы военные силы центрального правительства таяли, а силы сторонников Раджаб-хана росли. Абд ар-Рахман Даулет сообщает такой характерный факт: «В Вабкенте же произошло несколько других битв [с неприятелем]. Неприятельское войско ежеднев-

---

[597] А. Н. Попов. Указ. соч., стр. 384.
[598] Там же, стр. 393.
[599] Там же, стр. 384.
[600] Там же, стр. 393—394.
[601] Там же, стр. 393
[602] Там же, стр. 371, 380—381.

но насчитывало до 30 тысяч, число же правительственных войск определялось в 6 тысяч человек. Около двадцати дней эти два войска простояли друг против друга подле Вабкента»[603]. Далее автор говорит, что якобы близкие сторонники Раджаб-хана были взяты в плен и убиты[604]. Абд ар-Рахман Даулет с горечью подчеркивает, что «мятеж этот и волнение прекратились, унеся с собой множество запасов продовольствия и всякого добра»[605].

Мухаммед Вефа-йи Керминеги сообщает о Раджаб-хане следующее: «Один из потомков туранских султанов, по имени Раджаб, возведен был в ханское достоинство в Самарканде. Он собрал вокруг себя мятежные и свободолюбивые роды из окрестностей бухарского государства, так что через некоторое время имел возможность сформировать войско в 70 000 человек, хорошо вооруженных и на конях. Задавшись завоевательными целями, он направил это войско первоначально на Кермине. Ввиду этого достаточно сильная крепость Кермине была еще основательнее укреплена. Когда навстречу врагам выступило бухарское войско, то мятежники успели уже укрепиться в крепости Хазара. Над бухарским войском начальствовал Хаким-бий аталык, который приказал окружить Хазару и начать осаду. В дело употреблены были пушки для разрушения стен и передвижные арбы, на которых были устроены возвышенные, закрытые помещения для стрелков (тир-андазан). В продолжение 22 дней производилась постоянная осада[606]. Наконец, враги принуждены были сделать вылазку. Многие из них попали в плен и были перебиты. Но к этому времени со стороны Кермине подошло многочисленное мятежное войско. Произошло жестокое сражение, мятежники были разбиты и бежали в беспорядке.

Между тем, весною стало известно, что Раджаб-хан и его эмир эмиров Ибрахим-бий кенегес идут к Кермине. Поэтому Хаким-бий послал в Бухару известить об этом Абулфайз-хана. Последний выступил с большим войском на помощь Хаким-бию. Неприятельское войско в это время, пройдя долиной Миянкаля, произвело набег на бухарские туманы от возвышенности Баба-Дуги до Гиждувана. Хаким-бий с 1000 человек... переправился через Зарафшан и остановился в селении Девкент. Затем был переправлен через реку бухар-

[603] Тарих Абулфайз-хан, л. 156б—158б; перевод А. А. Семенова, стр. 133—136.

[604] Тарих Абулфайз-хан, л. 160а—б.

[605] Там же.

[606] Согласно Абд ар-Рахману Даулету, осада крепости Хазара продолжалась месяц и двадцать дней. Тарих Абулфайз-хан, л. 66б—67а.

ский хан с войском, которое остановилось лагерем в селении Айши. Произошла горячая битва. Бухарцы потерпели поражение и бежали в Бухару. Неприятель гнал их до самого города. Через некоторое время в Бухаре было собрано новое войско, с которым Хаким-бий переправился на правый берег Зарафшана. На этот раз благодаря раздорам и несогласиям в мятежном войске бухарцы выиграли победу, и неприятель рассеялся, оставив победителям все свое награбленное добро. Много мятежников на этот раз было перебито и много погибло их от голода[607]. Бухарское войско с победой возвратилось в Бухару. Однако на следующий год мятежное войско, собранное в количестве 30 000 чел.[608], произвело набег на Бухару, ограбило окрестные туманы и благополучно вернулось обратно. В это время произошло такое обстоятельство. Мятежники пригласили себе на подмогу казахов, кочевавших в Дешт-и кипчаке (Казахских степях). Последние, совершенно справедливо предполагая встретить в бухарской стране богатую для себя добычу, перекочевали сюда со всем своим скотом и имуществом и рассеялись по всей долине Миянкаля почти до окрестностей Бухары, грабя и разоряя население. В течение семи лет царствовали насилие и грабеж. Люди ограблялись беспощадно, уводились в плен; пашни, сады и огороды скармливались скоту и вытаптывались стадами. Наступила страшная дороговизна, голод и смертность. Народ стал бежать из местности, от Самарканда до Бухары, но большая часть его, не достигнув цели своих желаний — лучших мест, погибла от голода. Страна опустела, как после потопа. Наконец, Раджаб-хан погиб, и казахи укоротили руки насилия и тиранства в Бухарском вилайете. Бухарский хан и Хаким-бий аталык принялись за восстановление в стране благоустройства и земледелия. Но понадобилось много лет, чтобы страна хоть сколько-нибудь благоустроилась»[609].

В это время политического хаоса и экономического упадка страны началось вторжение войск Надир-шаха иранского (сначала его сына, а затем его самого), которое ускорило окончательное падение государства Аштарханидов и подготовило возвышение Мангытов. Это событие подробно освещено в сочинениях Мухаммед Вефа-йи Керминеги, Мир Абд ал-Керима Бухари, Мирза Абд-ал-Азима Сами и др.

В 1736—1737 гг. сын Надир-шаха, Ризакули-хан, подчинив

---

[607] Ср. Тарих Абулфайз-хан, л. 159б—160а.

[608] Ср. Тарих Абулфайз-хан. л. 156б.

[609] Тухфат ал-хани, ркп. ИВ АН УзССР, № 16, л. 11б—17б; сокращенный пересказ см.: Самария, перевод В. Л. Вяткина, стр. 237—239 (примечание).

узбекские племена, проживавшие в бывшем Балхском владении Бухарского ханства, по повелению своего отца переправился на правый берег Амударьи с двенадцатитысячным войском и направился в Карши (Несеф)[610].

Нашествие Ризакули-хана заставило военачальников временно забыть о своих внутренних разногласиях. Правитель Карши Хаким-бий аталык поспешно ввел в город отряд мангытов — своих соплеменников — и другие племена, мобилизовал все население города и его окрестностей для отражения неприятеля. Ризакули-хан прежде всего распорядился послать отряды в прилегающие к Карши районы для изъятия у населения всех запасов хлеба, после чего приступил к осаде города. Правитель Хазара Баба-хан перешел на сторону врага с трехтысячным отрядом узбеков и тем усилил его войско[611].

Оказавшись в затруднительном положении в осаде, Хаким-бий аталык послал к Абулфайз-хану гонца с просьбой о помощи. В Бухаре стали поспешно собирать войска. Абулфайз-хан двинулся на помощь осажденным в Карши. По дороге к нему присоединились правитель Самарканда Адинакули-бий с 6-тысячным отрядом, в Миянкале — Гайбулла-бий с отрядом етти-уруг[612]. Эти отряды во главе с Абулфайз-ханом соединились с войском Хаким-бий аталыка, вышедшим из осажденного города. Бухарское войско в четыре раза превосходило войско кызылбашей, которое было, однако, хорошо вооружено, имело артиллерию европейского типа. Бухарское войско в беспорядке отступило в Карши. Ризакули установил у стен города осадные машины и баллисты[613]. Но на пятнадцатый день осады Ризакули-хан узнал о прибытии на помощь бухарцам хорезмского хана Ильбарса. Последнее обстоятельство заставило Ризакули-хана заключить с бухарцами мир и переправиться на левый берег Амударьи — в Балх.

Абулфайз-хан вернулся в Бухару, а Хаким-бий аталык по-прежнему остался правителем Карши. Ильбарс-хан, возвратился восвояси[614].

После поражения своего сына, в начале 1152 (1740) г.[615],

---

[610] Тухфат ал-хани, л. 25б—26а.

[611] Там же, л. 24а — 26а. Содержание этих листов кратко излагается в «Истории народов Узбекистана», т. II, стр. 118—119.

[612] Етти-уруг — семь родов или семь племен — родовое объединение зарафшанских (миянкальских) узбеков.

[613] Тухфат ал-хани, л. 26а—30а.

[614] Там же, л. 30а—31б.

[615] По Сами, Надир-шах совершил поход в 1155 (1742—1743) г., что неверно. См.: Тарих-и салатин-и мангитийа, указ. ркп., л. 56. 1152/1740 г. указан у Мухаммед Вефа-йи Керминеги; Тухфат ал-хани, л. 41б—43а.

Надир-шах сам совершил поход на Мавераннахр. Сначала он подошел к Балху. Отправив приготовленный здесь по его распоряжению провиант и артиллерию на барках вниз по Амударье, он сам в начале месяца раджаб 1153 (в начале сентября 1740) г. близ Чарджоу переправился по понтонному мосту на бухарский берег Амударьи[616].

Сын Хаким-бий аталыка, крайне корыстолюбивый, молодой и энергичный Мухаммед-Рахим-бий, услышав о переправе Надир-шаха, прибыл для встречи его в Керки. По сообщению Мухаммед Вефа-йи Керминеги, Мухаммед-Рахим-бий явился сюда со своей матерью, которая и рекомендовала его на службу к шаху. Рахим-бий был принят с радушием и оставлен при шахской ставке[617]. По сообщению Мир Абд ал-Керима Бухари, Рахим-бий был послан с богатыми подарками для встречи Надира самим Абулфайз-ханом[618]. На самом деле, Мухаммед-Рахим-бий поехал из Карши в ставку шаха с ведома и одобрения своего отца Хаким-бий аталыка[619]. Чтобы подчеркнуть полную вассальную зависимость Хаким-бия и его сына от Надир-шаха, Рахим-бий был объявлен старшим сыном Ризакули-хана, сына Надир-шаха.

Хаким-бий аталык мангыт смотрел на поход кызылбашей как на удобный момент для захвата власти в стране в свои руки. Говоря о его поведении, Мухаммед Вефа-йи Керминеги подчеркивает, что Хаким-бий аталык считал нашествие Надир-шаха «счастьем»[620]. Сами же писал, что Хаким-бий аталык, «уставший от непристойных поступков хана и удрученный недостойным поведением его, в страхе [подвергнуться] казни, постоянно искал [для себя] удобного случая. Приход Надир-шаха он воспринял, как небесную милость, тотчас же написал шаху любезное и радушное письмо и выразил готовность повиноваться [ему]. Сына своего Рахим-бия он отправил к Надир-шаху с достойными подарками и подношениями и побуждал [шаха] прибыть в Бухару[621].

Бухарская правящая верхушка для достижения своих честолюбивых целей предала родину иноземному захватчику. Феодальной знати были чужды интересы страны и ее населения. Но зато народные массы — все раийя, простонародье (фукара), ремесленники и все неплатящие податей (برايا) восприняли нашествие Надира как величайшее бедствие[622].

[616] Тухфат ал-хани, л. 31б — 34б; Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 44—46.
[617] Тухфат ал-хани, л. 35а—36а.
[618] Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 46.
[619] История народов Узбекистана, т. II, стр. 119.
[620] Тухфат ал-хани, л. 39б.
[621] Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 56а.
[622] Тухфат ал-хани, л. 39б—40а.

После переправы через Амударью, продвигаясь к Бухаре, Надир-шах остановился в Чарджоу. Узнав о продвижении Надир-шаха, Абулфайз-хан растерялся и, поняв, что не сможет организовать отпор, спешно вызвал из Карши Мухаммед-Хаким-бий аталыка, послал его с несколькими другими сановниками и джуйбарскими ходжами в лагерь Надир-шаха с богатыми подарками[623]. В своем письме на имя шаха Абулфайз-хан писал, что он является доброжелателем шаха, готовым оказать ему гостеприимство, если тот пожелает прибыть в Бухару. Такой поворот дела вполне устраивал Надира[624].

Хаким-бий аталык был принят Надир-шахом с большими почестями. Он, Хаким-бий аталык, обрисовал внутреннее положение в государстве; описал в очень непривлекательных чертах правление Абулфайз-хана, недовольство населения и выразил со своей стороны полную готовность служить шаху, действуя в Бухаре в его интересах. Снабженный грамотой Надир-шаха, дававшей ему большие полномочия, Мухаммед-Хаким-бий выехал в Бухару уже не как возвращающийся из шахского лагеря посол Абулфайз-хана, а как представитель самого шаха.

Надир-шах, выехав из Чарджоу с войском, прибыл в Каракуль, а оттуда двинулся на Бухару[625]. Приближение Надир-шаха вызвало замешательство в столице ханства. Все семьи, их имущество оказались под угрозой: «Как будто бы столица государства вымирала»[626]. Прибыв в столицу, Мухаммед-Хаким-бий аталык заверил все население — купцов, ремесленников, все податное сословие (раийа) и др. — что им не грозит никакая опасность со стороны кызылбашей, что их шах имеет хорошие намерения. В то же время Хаким-бий счел небезопасным явиться к Абулфайз-хану и выбрал себе резиденцией медресе Мир-Араб, окружив его воинским отрядом. На иранский манер теперь Мухаммед-Хаким-бий стал называться эмир-и кабир («великий эмир»)[627]. По всем базарам, улицам и мечетям через разосланных глашатаев (джарчи) было возвещено, что если у кого возникают какие-либо просьбы относительно личной и имущественной безопасности, связанные с приближением шахского войска, то пусть все идут к великому эмиру для получения надлежащего разъяс-

---

[623] Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 46.
[624] Там же, стр. 44, 46; ср. Тухфат ал-хани, л. 39а—40б.
[625] Тухфат ал-хани, л. 39 и сл.; Мир Абд ал-Керим, Бухари, стр. 46.
[626] Там же, л. 39б.
[627] Там же, л. 39б—40а.

нения[628]. Все категории населения шли в Мир-Араб для выяснения своего положения. Среди городского населения авторитет аталыка возрос.

Было решено созвать совещание в арке в присутствии хана, Хаким-бий аталыка и правителей вилайетов. Но Мухаммед-Хаким-бий, предвидя расправу, к ханскому дворцу. не явился. Тогда было принято решение, что сам хан с несколькими вооруженными людьми поедет в медресе Мир-Араб, и когда аталык выйдет навстречу хану, то он будет окружен и убит. Но аталык вместо торжественной встречи приказал своему вооруженному отряду открыть стрельбу по свите хана[629]. Абулфайз-хан вернулся во дворец совершенно растерянным. Тем временем Надир уже подошел к Бухаре, остановился в местности Чахар-Бакр, расположенной в четверти фарсахах от города на северном берегу Кухака (Зарафшана) и раскинул там свои сарпарда[630]. Вместе с Надир-шахом был и сын Хаким-бия — Рахим-бий[631].

Абулфайз-хан со свитою из сановников и конвоем в 200 человек выехал навстречу шаху из ворот Талипач, а вслед за ним через ворота Намазгах туда же выехал со своей свитой и конвоем и Хаким-бий аталык. На полпути хан и аталык соединились. При их встрече была соблюдена внешняя вежливость и покорность со стороны аталыка, «царственное внимание и милость» со стороны хана. В Чахар-Бакр они прибыли вместе[632].

Абулфайз-хан преподнес Надир-шаху дорогие подарки[633]. При встрече Надир-шах поклонился Абулфайз-хану, благосклонно отнесся к нему и признал за ним его права хана, однако в качестве своего вассала. Надир-шах надел на Абулфайз-хана почетный халат, а на голову корону, украшенную драгоценными камнями, и поручил ему управление Туркестаном[634].

По словам Мухаммед Вефа-йи Керминеги, Абулфайз-хан был задержан более чем на двадцать дней, а согласно Мир Абд ал-Кериму Бухари, он в первый же день вернулся в

---

628 Тухфат ал-хани, л. 39б — 40а.

629 Тухфат ал-хани, л. 40а и сл.

630 Сарпарда — завесы, протягивавшиеся на столбах четырехугольником, внутри которых разбивается шатер хана и палатки его сановников. См.: Убайдулла-наме, русский перевод А. А. Семенова, стр. 120, прим. 1.

631 Тухфат ал-хани, л. 41б—42а; Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 46; Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 56а.

632 Тухфат ал-хани, л. 43а—б; Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 46.

633 Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 46.

634 Там же.

Бухару»[635]. Надир-шах породнился с Абулфайз-ханом, женившись на одной из его дочерей; на другой его дочери женился племянник шаха — Аликули-хан.

С администрацией и населением Бухары Надир-шах поддерживал связь исключительно через Хаким-бий аталыка, которому он полностью доверял. Из бухарского войска было отобрано 10 тыс. всадников для пополнения шахского войска[636]. Рассказывая об этом, Мирза Абд ал-Азим Сами писал: «Когда пришло время Надир-шаху возвращаться, он, по установленному им правилу, решил принудительно переселить [часть людей] бухарских племен. Абулфайз-хан, таивший в сердце обиду на эмиров племен и вельмож Бухары за их самоуправство и особенно сердившийся на Рахим-бия за его дурное отношение и осуждение [хана], тайно сообщил Надир-шаху имена нескольких лиц и очень просил отправить их тоже в числе переселяемых людей, чтобы государство очистилось от смутьянов. Надир-шах снизошел к просьбе хана и переселил двенадцать тысяч знатных людей страны и зачинщиков смуты среди племен. Наладив свои дела в Бухаре, Надир-шах выступил походом на Хорезм[637].

Из Бухары кызылбаши увезли много добычи и зерна[638]. В 1156/1743 г. умер всесильный аталык Хаким-бий. Мухаммед-Рахим-бий с разрешения Надир-шаха отправился в Бухару для исполнения траурного обряда по отцу. Вскоре он возвратился к Надиру[639].

Окончательный приезд Мухаммед-Рахим-бия в Бухару был связан с усилением междоусобицы и восстанием Ибадуллы-китая в 1158/1745 г. Рахим-бий, став знаменитостью, многих мятежных эмиров выслал в Несеф, Шахрисабз и другие места. Его меры по укреплению государственной власти были поддержаны военными силами. «Таким образом, страх перед Рахим-бием поселился в сердцах людей, и с ним стали считаться»[640].. Абулфайз-хан пожаловал Нухаммед Рахим-бию звание эмира эмиров (амир ул-умара).

Летом 1160 (1747 г.) в Мешхеде, в местности Хабушан, был убит Надир-шах своим племянником Али-ханом, который вступил на престол под именем Адил-шаха (справедли-

---

[635] Тухфат ал-хани, л. 44б—45а; Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 46.
[636] Тухфат ал-хани, л. 49а—б; по Абд ал-Кериму Бухари — 6000 всадников, см. стр. 46, а по Сами — 12 тыс. человек, см.: Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 56б.
[637] Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 45а—47а; Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 47.
[638] Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 48а—б.
[639] Там же, л. 52б.
[640] Там же, л. 59а — 73б.

вого царя). Убийство Надира Мухаммед-Рахим-хан сохранил втайне. В то же время он решил убрать со своего пути все еще мешавшего ему Абулфайз-хана.

Рахим-бий приказал схватить Абулфайз-хана, но последнему удалось бежать из арка и спрятаться в квартале джуйбарских ходжей-шейхов. Перепуганный хан оставался у джуйбарских ходжей до наступления темноты. Ночью он через ворота Намазгах вышел за город и стал жить в каландархане (в общежитии каландаров — дервишей-отшельников).

Он через посредников попросил Рахим-бия снабдить его скромными средствами, чтобы отправиться в Мекку. Как раз в это время из Самарканда в Бухару поступило известие, что иранские военные отряды под начальством Хасан-хана и Бехбуди-хана подавили мятеж Ибадулла-хитая и что последний убит. Тогда же Рахим-бий приказал схватить проживавшего в каландархане Абулфайз-хана. Хан был схвачен и заточен в медресе Мир-Араб.

Иранцы и сторонники Абулфайз-хана, узнав об этом поступке Рахим-бия, готовились к восстанию, чтобы освободить хана Чингизида и тестя иранского шаха. Иранские отряды, бывшие в Бухаре, как и те, которые прибыли из Самарканда, окружили столицу. Однако Рахим-бию удалось привлечь на свою сторону афганцев, бывших в числе войска Ирана. Он пустил их в город через ворота Киблагах и одновременно объявил им об убийстве Надира. И ночью, в воскресенье 17 джумади II 1160/1747 г., он осуществил убийство Абдулфайз-хана в медресе Мир-Араб. Когда кызылбашские отряды обнаружили, что афганцы изменили, шах и хан убиты, им ничего не оставалось, как заключить с Рахим-бием мир. Кроме того, Рахим-бий объявил им, что если они подобру-поздорову не заключат мир и не уйдут из Бухары, он организует против них священную войну — джихад узбекских племен. Кызылбаши заключили мир и свои лучшие палатки и артиллерию оставили Мухаммед-Рахим-бию. Сами они, снабженные нужными припасами Рахим-бием, ушли в Балх, а оттуда часть — в Андхуд, часть — в Мешхед и Нишапур[641].

В Бухарском ханстве фактически полновластным государем стал теперь Мухаммед-Рахим-бий. Однако он не решился принять ханский титул, не будучи Чингизидом. Для узаконения своей власти Рахим-бий посадил на престол подставного хана, малолетнего (по одним данным двенадцать лет[642],

[641] Подробнее см.: Тухфат ал-хани, л. 73б, 110а—116б; Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 50—52; Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 57—58б (по Сами, убийства Надир-шаха и Абулфайз-хана случились в одну ночь).

[642] Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 52.

а по другим — девять[643]) сына Абулфайз-хана — Абд ал-Мумин хана. В. Вяткин считает, что он сделал это еще за день до убийства Абулфайз-хана[644].

Мухаммед Рахим-бий стал вполне самостоятельно управлять страной[645]. Себя он скромно именовал эмиром. Вскоре Рахим-бий связал Абд ал-Мумин-хана узами брака со своей дочерью, а через год (1161/1748 г.) по навету дочери убил Абд ал-Мумин-хана[646], бросив его в колодец.

По сообщению Сами, преемником убитого хана, т. е. подставным ханом, Мухаммед-Рахим-бий назначил брата Абд ал-Мумин-хана — Убайдулла-султана, который находился еще в колыбели. Вскоре Рахим-бий устранил и его и «громко забил в барабан единовластия и независимости»[647].

Следует подчеркнуть, что, начиная со времени монгольского владычества, титул хана могли носить только Чингизиды, а все остальные государи в Средней Азии, какими могущественными они бы ни были, не имели права именовать себя ханами. Власть же Рахим-бия была настолько сильна, что источники называют его ханом, абсолютным монархом, прибравшим бразды правления во всем Туркестане[648].

Таким образом, основателем новой правящей династии Бухары — Мангытов — был Мухаммед-Рахим-бий.

Другим довольно энергичным представителем племени мангытов был Даниял-бий, сын Худаяр-бия, дядя Рахим-бия. Даниял-бий во время похода Надир-шаха на Афганистан перешел на его сторону. После покорения Бухарского ханства Надир-шахом он был назначен правителем Кермине[649]. Завоевав власть, Мухаммед-Рахим-бий назначил своего дядю Даниял-бия правителем Миянкаля[650].

Под властью Бухарского ханства при Рахим-бие находились Бухара, Самарканд, Миянкаль, Кермине, Карши, Хузар, Керки, Чарджоу, Шахрисабз, Хисар и Ташкент оставались самостоятельными владениями.

В правительстве Мухаммед-Рахим-бия большим влиянием пользовались иранцы. Самую высокую должность в государстве — кошбеги — занимал Даулат-бий, происходивший

---

[643] Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 57б.

[644] В. Вяткин. Из области истории, «Туркестанские ведомости», 1899, № 32.

[645] Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 52.

[646] Там же; Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 58б.

[647] Тарих-и салатин-и мангитийа, 58б.

[648] Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 52; Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 58б—59а.

[649] История народов Узбекистана, т. II, стр. 120.

[650] Мир Абдал-Керим Бухари, стр. 52.

из иранских рабов[651]. Все административные и финансовые дела государства находились в его распоряжении. Верховным казием Мухаммед-Рахим-бий назначил Сейид Низамад-дина. Тех иранцев, которые остались в Бухаре после ухода иранских воинских отрядов, он назначал на разные должности, а тех из них, которые служили в войске, определял в должности пятисотников (пансад-баши), сотников (юзбаши), пятидесятников (панджахбаши) и десятников (дахбаши). Им он назначал земельные мульки и жалованье[652].

Женился Мухаммед-Рахим-бий на дочери Абулфайз-хана. У них не было сыновей, поэтому перед смертью преемником престола он назначил своего дядю Данийал-бия. Умер Мухаммед-Рахим-бий в 1758 г.

После его смерти чиновничьей знатью и самим Данийал-бием на ханской престол был номинально возведен внук Рахим-бия Фазил-тюра, а Данийал-бий стал управлять государством в звании аталыка[653]. Правил он с 1758 по 1785 г.[654]

Известие о смерти Мухаммед-Рахим-бия немедленно вызвало восстание областных правителей против центральной власти. Вспыхнули, но вскоре были подавлены серьезные восстания хакимов (правителей вилайетов): в Нурата — Ядгара-баркута, в Кермине — Мухаммед-Амин-ходжи накиба. Восстали хакимы Хазара и Уратепа. В долине Зарафшана подняли мятеж племена «семи родов». Одновременно начали воевать друг против друга областные правители. Вся территория ханства от Миянкаля до Шахрисабза, Хазара, Байсуна, Ширабада и Хисара была охвачена междоусобицами. Глава племени юз Фазил-бий, выступив из Ходжента в Уратепа, захватил после осады Самарканд и взял в плен самаркандского правителя, брата Данийал-бия, Барат-султана со всеми его родными и близкими. От Самарканда юзы двинулись на Миянкаль, где к ним присоединились китай-кипчаки «семи родов». Местные эмиры и главы кочевых племен побуждали Фазил-бия идти походом на Бухару и захватить верховную власть в свои руки. Данийал-бий выступил с войсками против мятежников и, дойдя до Кермине, вступил в переговоры с ними. Восставшие выразили готовность подчиниться при условии удаления малолетнего хана Фазил-тюры. «Вот если бы сам аталык, посягнувший на управление госу-

---

[651] Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 53.
[652] Там же, стр. 52—54.
[653] Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 60б.
[654] История народов Узбекистана, т. II, стр. 121.

дарственными делами, вступил на престол, то этим создал бы себе у народа доброе имя»[655].

Сами вкладывает в уста восставших свое мнение, так как восставшие против Мангытов не могли бы сами требовать, чтобы Данийал-бий взял управление государством в свои руки.

Мы видим, что кочевая знать при Мангытах, так же как и при Аштарханидах, не прекращала борьбу против центральной власти. Некоторые влиятельные племена и при Мангытах сумели сохранить свою полную политическую самостоятельность. Например, племя кенегесов с родовым юртом в Шахрисабзе было совершенно самостоятельным. Больше того, кенегесы постоянно угрожали Бухарскому эмирату. Только по присоединении Средней Азии к России Бухарскому эмирату удалось подчинить Шахрисабз Бухаре[656].

Когда Данийал-бий, намереваясь свергнуть Фазил-тюру с ханского престола, возвратился в Бухару, «Нарбута-бий, отец Фазил-тюры, который вместе со своим сыном находился в бухарской арке по легкомыслию и необдуманности запер ворота арки перед эмиром Данийалом и не дал ему возможности войти. В то время, как эмир Данийал пребывал в недоумении от этого поступка, подошел Давлет-кошбеги и доложил, что Нарбута-бий — легкомысленный и невежественный человек. Он совершил этот неподобающий поступок по подстрекательству и наущению двух-трех окружающих его неразумных гулямов и осуществил это непохвальное дело [только] по своей простоте и невежеству. Пусть [эмир] Данийал остановится в добрый час в максуре[657] [мечети] Джами' Пайанде-аталыка[658], немного подождет, а [Нарбута-бий тем временем] опомнится, откроет ворота и выйдет. Эмир Данийал, по совету упомянутого кошбеги, сошел с коня и вошел в мечеть. Не прошло и немного времени, как Нарбута-бий передумал, раскаялся в своем поступке: открыл ворота и, взяв в руки Фазил-тюру, выехал к эмиру Данийалу, с мольбой и смирением попросил прощения за свой поступок. Эмир Данийал был человеком мягким, умным и терпеливым. Список безобразных деяний Нарбута-бия он смыл водой прощения и ничего не сказал. Когда Данийал въехал в арку, он тотчас

---

[655] Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 59а, 60б; История народов Узбекистана, т. II, стр. 121—122.

[656] Подробнее см.: Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 103б и сл.

[657] Максура — особое помещение в мечети, где во время богослужения и произнесения хутбы находился правитель (см.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 205, прим. 4).

[658] Джами' Пайанде-бий аталык — одна из восьми соборных мечетей Бухары. Находилась на Регистане, под стенами арка.

же назначил Фазил-тюру хакимом в Карши и отправил его в Несеф вместе с Нарбута-бием и его приближенными»[659].

Данийал-бий вместо свергнутого царевича Фазил-тюры провозгласил другого царевича Абулгази-хана (Чингизида, 1750—1785), при котором сам Данийал-бий в звании аталыка был по-прежнему фактическим правителем государства.

В. Л. Вяткин отрицает принадлежность Абулгази-хана к Аштарханидам[660]. Однако сообщения местных источников не оставляют сомнения в том, что Абулгази-хан был одним из аштарханидских царевичей[661]. Более подробное сообщение о нем имеется у Сами. Он писал: «Вместо свергнутого Фазил-тюры, Данийал привез Абдулгази-хана, внука от одной из дочерей Абулфайз-хана, который в тумане Харкан занимался земледелием, и под именем государя возвел его [на престол]. Он провозгласил на его имя хутбу, стал чеканить монету с его именем, построил для него дом и дворец и предоставил средства для жизни, как ему было положено по праву, а сам остался в той же должности аталыка и распоряжался административными и финансовыми делами... Абулгази-хан довольствовался ханским титулом, куском хлеба и приятно проводил жизнь. Эмир Данийал также старался всякими способами поддержать в нем хорошее настроение и оказывал ему почести»[662].

Любопытные данные об Абулгази-хане рассказывает автор «Мунтахаб ат-таварих» Хаджи Мухаммед Хаким-хан, сын Сейид Ма'сум хана[663]. По его рассказам, Абулгази-хан без согласия Данийал-бий аталыка не смел выходить из дома. Все обязанности его заключались в том, что по пятницам его одевали в пышное ханское платье и сажали на трон в зале для аудиенции (куриниш-хана), где к нему являлись на праздничный поклон (салям) все сановники, начиная с Данийал-бия. По окончании церемонии с хана снимали парадное платье и в сопровождении одного стремянного отправляли запросто по бухарским улицам в его усадьбу (он даже не жил в ханском дворце — арке)[664]. По словам другого, более позднего современника, Абулгази-хан жил под Бухарой в

---

[659] Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 60б—61а.

[660] В. Л. Вяткин. Из области истории, «Туркестанские ведомости», 1899, № 32.

[661] Д. Г. Вороновский. «Гульшан ал-мулук» Мухаммеда Я'куба Бухари (кандидатская диссертация), стр. 261; Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 61 а.

[662] Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 61а—б.

[663] Мунтахаб ат-таварих, ркп. ИВ АН УзССР, № 592.

[664] Там же.

одной деревне в кругу своей семьи под надзором, и на содержание его выделялась небольшая денежная сумма[665].

Данийал-бий благосклонно относился не только к наемному войску и ополчению, но и к духовенству и влиятельным суфийским шейхам. Для войска он не жалел издержек: командный состав был обеспечен доходами с рент земельных пожалований. О размерах доходов с рент пожалованных земель сообщает Филипп Ефремов, который был рабом у Данийал-бия и выслужился до чина сотника (юзбаши). Он был наделен землею, «с которой собиралось в год до 300 червонных, кои в России меняются по три рубля». Принимая во внимание тогдашнюю сравнительную дешевизну бухарской жизни, нельзя не признать более чем достойной оплату службы армейского капитана, к которому Ефремов приравнивал чин юзбаши.

Еще при жизни Данийал-бия началась деятельность его сына Шах-Мурада, который вначале в одежде бедняка, кающегося грешника, занимался переноской вьюков для людей на своей спине (хаммал)[666]. В одежде дервиша-суфия и кающегося грешника (каялся «за грехи отца»), повесив на шею шашку, ходил по базарам, громко плача и прося у всех прощения за бедствия, причиненные населению его отцом Данийалом. Он отказался от своей доли наследства после смерти отца и роздал ее в виде милостыни беднякам и дервишам. «Пусть они (лица, которым была поручена раздача) вознаградят тех, из кого это было выжато, ибо я не могу запачкать своих рук средствами, несправедливо явившимися в дом»[667]. Он утолял свой голод самой скудной пищей. Затем он, удалившись в соборную мечеть г. Бухары, целый год провел там, прекратив почти всякую связь с внешним миром. Однако дервишский образ жизни не помешал ему, еще будучи царевичем, умертвить Даулет-бия кошбеги и верховного казия столицы Сейид Низамад-дина-ходжу.

Ревностный поборник идей суфизма, отличавшийся ханжеством и внешним благочестием, соединенным с жестоко-

---

[665] Т. Бурнашев. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1796 г., Сибирский вестник, ч. II, СПб., 1818, стр. 58.

[666] Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 54.

لباسهای اذنارا پوشید در بازارها حمالی و خدمت میکرد

[667] Подробнее см.: Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 54—55; Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 61б; А. А. Семенов. Надпись на могильной плите бухарского эмира Шах-Мурад Ма'сума 1200—1215/1785—1800 гг., Эпиграфика Востока, VII, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 41—44; История народов Узбекистана, т. II, стр. 128.

стью и коварством, Шах-Мурад стремился привлечь на свою сторону дервишские братства и находившиеся под влиянием дервишей народные массы.

Шах-Мурад при жизни отца был назначен правителем Самарканда. Он сумел вскоре создать себе популярность воздержанием, заботами о поддержании порядка в городе и его вилайете и мерами по восстановлению нарушенной феодальными междоусобицами культурно-экономической жизни края.

Восстановление экономической жизни в Самарканде началось еще при жизни Мухаммед-Рахим-бия. В 1161/1748 г. он, желая подчинить Бухаре неспокойных жителей Пянджикентских и Ургутских гор, отправил в Самарканд специальных лиц заготовить провиант и помещения. Собрано было в Миянкале 7000 харваров зерна, которое ссыпано было в громадные помещения медресе Самарканда, пустовавшие в это время. После покорения горцев Мухаммед-Рахим-бий приказал восстановить плотину арыка Даргама на Зарафшане, которая всегда была предметом особой заботы самаркандских правителей. По восстановлении Даргамской плотины Самарканд с окрестностями снова стал получать воду для орошения полей и садов.

Однако развитию земледелия мешали набеги кочевников. Шах-Мурад старался отражать эти набеги и отстаивать город[668]. Оросительными работами, выполненными по распоряжению Шах-Мурада в Самаркандском вилайете, воспользовались узбеки, занявшие земли, покинутые прежними владельцами в предшествующий смутный период. Впоследствии Шах-Мурадом были восстановлены также оросительные системы по Амударье и Кашкадарье.

В 1199/1785 г. умер Данийал-бий. Подавив мятеж своих младших братьев, Шах-Мурад, старший сын Данийал-бия, вступил на престол. Правил он с 1199/1785 по 1215/1800 г. Этот «нищенствующий властитель» (шах-гадой), которого народ называл эмиром Ма'сумом («безгрешным»), скоро твердой рукой навел порядок в государстве. Он восстановил давно забытую должность раис аш-шариат (мухтасиба средневекового Востока), этого строгого смотрителя на рынках за правильностью мер веса и длины и вместе с тем блюстителя нравственности в духе шариата[669]. Удачные походы Шах-Мурада против Ирана и Афганистана обеспечили ему безопасность на южных границах.

---

[668] Самария, перевод В. Л. Вяткина, прим. 56; История народов Узбекистана, т. II, стр. 122.

[669] Сочинения муллы Ибадуллы и муллы Мухаммед Шарифа, ркп. № 1836, л. 8а.

Укрепив свое государство, наведя в нем порядок, восстановив после страшного разорения его экономическое благосостояние, эмир Ма'сум остался верен себе в повседневной жизни. Он тратил на себя в день по одной теньге (20 коп. серебром), беря эти деньги только из суммы, получаемой из податных поступлений (джизйя) с «неверных» — евреев, индусов и других, но не с «правоверного» населения; он одевался в самое простое и ветхое платье, в походах ночевал под старой рваной палаткой, ел самую скудную пищу, вроде вареной ярмы (толченые хлебные зерна), ни у кого из знати не бывал на пирах; категорически запретил устраивать в честь его торжественные пиры и празднества, ни от кого из подданных не принимал никаких подарков. Духовенство, знать и чиновничество не жаловали эмира, а боялись его. Быть может, поэтому, по предположению проф. А. А. Семенова, никто из бухарских историков, обычно принадлежавших к служилому сословию, не написал специальной прозаической истории этого эмира и его эпохи, хотя всем другим Мангытам они посвящали свои исторические сочинения.

Мы считаем небезынтересным привести здесь рассказ одного из персидских (хорасанских) чиновников, приехавшего послом ко двору Шах-Мурада. Он рассказывает: «Проехавши несколько, мы (вместе с сановниками Шах-Мурада. — *М. А.*) остановились около палатки об одном столбе, которую, по малому объему ее и дурному виду, принял я за помещение каких-нибудь кашеваров или водоносов. Под тенью ее сидел на траве человек пожилых лет. Мы все спешились и пошли к этому человеку, на котором была зеленая, но очень засаленная одежда. Приблизившись, все сложили руки на груди и приветствовали его почтительнейшим образом. Он каждому из нас отдал привет и пригласил сесть насупротив его. Потом только догадался я, что замарашка этот сам Шах-Мурад..., вошел в палатку его повар, низенький, подслеповатый человек. «Что же ты не подумаешь об обеде», — обратился к нему Шах-Мурад, — ведь скоро час молитвы». Повар тотчас же притащил закопченный чугунный котел, сделал очаг из нескольких камней, положил в котел разных сортов четырех-пяти зерен и немного вяленого мяса, залил это водою и оставил кипятиться, пока приготовлял посуду — деревянные блюда, какие употребляет самый простой народ. Принеся три таких блюда, он поставил их на землю и снял с огня свое варево. Шах-Мурад посматривал на него тем временем, и видно было, что повар по глазам господина понимал, сколько надо положить на каждое блюдо. Когда все было готово, он постлал на землю какую-то грязную тряпицу и принес

кусок засохшего ячменного хлеба, который, Аллаху известно, в каком году хиджры был испечен. Шах-Мурад, чтобы размягчить его, обмакнул в воду. Первое блюдо подано было владыке узбеков, второе поставлено между Ишан-накибом и мною, третье взял себе повар и уселся с ним насупротив своего господина. Я уже был пообедавши, и потому только отведал с блюда: ужас, что это такое было — говядина почти совсем прогнившая»[670].

По вступлении на престол Шах-Мурад низложил Абулгази-хана[671] и первым из мангытских правителей принял титул эмира. Время правления его по справедливости считается наиболее благоприятным периодом в развитии экономики и устойчивым в политическом отношении[672].

Наметившийся сдвиг в экономической жизни страны и процесс укрепления государственной власти получил дальнейшее развитие в начале XIX в., в период правления сына и преемника Шах-Мурада, эмира Хайдара (1800—1826). Написаны сочинения, в которых излагается подробная история периода царствования этого государя[673], и работы, освещающие отдельные вопросы хозяйственной и политической жизни Бухарского ханства периода правления эмира Хайдара[674], поэтому мы ограничимся только краткой характеристикой этого периода.

---

[670] Хрисанф, митрополит Неопатрасский, стр. 20—24. Примечание 20 (В. В. Григорьева). S. Malcolm. The History of Persia, vol. II, London, 1835, стр. 256 и сл.

[671] Потомки Абулгази-хана упоминаются в письмах эмира Хайдара. См. письмо № 489.

[672] Подробноо см.: Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 56 и сл.; Тарих-и эмир Хайдар, л. 8а—9а; Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 62а—63б; The History of Persia by S. Y. Malcolm, London, 1835, II, стр. 256—260. В. В. Григорьев. О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре, Записки Мирзы-Шемса Бухари, Казань, 1861, стр. 41—53, прим. 1 и стр. 115—119; А. А. Семенов. Надпись на могильной плите бухарского эмира Шах-Мурад Ма'сума 1200—1215/1785—1800 гг., Эпиграфика Востока, VII, стр. 41—44; История народов Узбекистана, т. II, стр. 122—124.

[673] См.: Гульшан ал-мулук, Соч. Мухаммед Я'куба Бухари, ркп. № 1836 ИВ АН УзССР, № 12; Тарих-и эмир Хайдар, ркп. ИВ АН УзССР, № 1836.

[674] См.: П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков, стр. 13—32; История народов Узбекистана, т. II, стр. 162—166; А. А. Семенов. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, Изд-во АН Таджикской ССР, Сталинабад, 1954, стр. 3; М. А. Абдурашмов. Некоторые предварительные соображения о письмах эмира Хайдара, Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1959, № 9, стр. 23—30; Он же. Позднейшие упоминания о сойюр-

По женской линии эмир Хайдар восходил к Аштарханидам. Его мать была дочерью Абулфайз-хана. Сначала на ней женился Мухаммед-Рахим-бий, а после его смерти — Шах-Мурад.

Эмир Хайдар, как государь и полководец, не отличался особым талантом. Он увлекался изучением схоластического богословия и слыл большим ученым в этой области. Бухарское духовенство поэтому после смерти дало ему прозвище Са'ид, т. е. счастливый. При дворцовой мечети в арке он открыл медресе и сам был одним из преподавателей. По каждой богословской дисциплине эмир имел до 500 учеников[675].

Но этот облеченный в платье смиренного мударриса эмир в личной жизни резко отличался от своего покойного отца: он был женолюбом. Постоянно в браке с ним состояло по четыре жены. Когда он брал новую жену, одной из четырех жен давал развод, сделав ее суфи (благочестивой). Каждый месяц он брал одну девушку или из рабынь или же из свободных. Если от рабынь не было потомства, то он их отдавал в виде подарка ученым или военным лицам[676].

Период царствования эмира Хайдара богат событиями. Ему пришлось несколько раз подавлять мятежи китай-кипчаков на Миянкале, кенегесов в Шахрисабзе, горцев в Хисаре и т. д.[677]. Но, как известно, шахрисабзские кенегесы сумели сохранить свою самостоятельность до установления над Бухарой русского протектората.

Особенно беспокоили эмира Хайдара восстания туркменских племен кзыл-оёк, адак и аджи, обитавших в местностях Халадж, Улугтепа и Гунаш (в районе Керки). Для подавления восстания этих туркменских племен в 1216 (1801/1802) г. эмир обращался к многим военачальникам, чиновникам и духовным лицам. Беспокойство эмира этими восстаниями выражено в нескольких его письмах[678].

Эмир Хайдар часто воевал с Кокандским (из-за Уратепа и других районов) и Хивинским ханствами. Как для подав-

---

гале, Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 2, стр. 40—46; Он же. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдары. Опыт краткого исследования источника, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961.

[675] Мир Абд ал-Керим Бухари, стр. 76.

[676] Там же.

[677] См.: Письма эмира Хайдара, письма № 62, 63, 255, 722; Тарих-и салатин-и мангитийа, л. 63б; М. Абдураимов. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара, стр. 70.

[678] Письма эмира Хайдара; письма № 8, 9, 10, 11; М. Абдураимов. Вопросы землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара, стр. 63.

ления внутренних мятежей и восстаний, так и для войны с соседними ханствами бухарскому правительству пришлось мобилизовать не только большие людские резервы в армию, но и увеличить налоги, в том числе чрезвычайные подати, вроде джу'л. Бесконечные войны, междоусобицы и налоги легли чрезвычайно тяжелым бременем на плечи народных масс. Очень короткая, но исчерпывающая характеристика налогового обременения населения при эмире Хайдаре дана в сочинении его историографа Мухаммед Я'куба Бухари. По его словам, доходы эмира Хайдара превосходили больше чем вдвое доходы его отца, но его расходы превосходили больше чем вдвое его доходы[679].

При Мангытах аграрные отношения в основном оставались такими же, что и при Аштарханидах. Но теперь (начиная со второй половины XVIII в.) социально-политическая жизнь Бухарского ханства претерпела некоторые существенные изменения. Например, удельная система внутри Бухарского ханства (эмирата), сепаратистская оппозиция кочевой знати по отношению к центральной власти, независимость отдельных племен и их влиятельных предводителей были ликвидированы. Это способствовало переходу к оседлости узбекских кочевых и полукочевых племен. В новых условиях роль кочевой знати, лишенной своих родовых юртов и вооруженного ополчения, была отодвинута назад, а роль центральной государственной власти и ее чиновников стала ведущей. Вместо феодального ополчения была создана наемная армия.

С ликвидацией самостоятельности юртов огромные площади орошаемых земель и пастбища перешли в государственный фонд. Тем самым увеличился фонд государственных земель (амляк), а огромная масса осевших на землю племен стала издольщиками этих земель. Совершенно очевидно, что феодальная знать, лишенная своих родо-племенных юртов, теперь стала феодальным эксплуататором крестьян-издольщиков. Кроме того, эта же знать владела огромными фондами собственных земель — мульками. В новых условиях организации обработки государственных земель, в обложении и сборе ренты (налога) особенно возросла роль амлякдара.

Сравнительно устойчивая политическая жизнь при Мангытах благоприятствовала развитию экономики, в первую очередь земледелия, восстановлению орошения.

---

[679] Гульшан ал-мулук, ркп. ИВ АН УзССР, № 12, л. 157б.

Глава II

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕХНИКИ

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КУЛЬТУРЫ И ИХ РАЗМЕЩЕНИЕ

Завоевание Средней Азии Шейбанидами в начале XVI в. нанесло большой урон земледельческой культуре Мавераннахра. Бесконечные феодальные войны и междоусобицы привели к упадку земледелия и орошения во многих плодородных районах Зарафшана. Особенно крупный ущерб причиняли набеги кочевников-казахов[1].

Что же касается узбекских племен, вторгшихся в Мавераннахр в составе шейбанидских войск, то они не должны рассматриваться только как кочевники, которым была чужда земледельческая культура. Во-первых, некоторые узбекские племена пришли из низовьев Сырдарьи в земледельческие оазисы Средней Азии как земледельцы, и они во многом отличались от узбекских кочевников-скотоводов. Во-вторых, кочевые племена располагали орошаемыми землями. В земледельческий сезон они располагались в районе посевов, а на зиму перекочевывали в свои селения. О таком специфическом способе ведения хозяйства свидетельствуют и данные источников. В одном из них говорится, что узбеки долины Зарафшана «лето проводят в юртах, а на зиму собираются в города и деревни»[2]. В Миянкале же узбеки «живут селениями и кочуют так же»[3]. Эта бытовая специфи-

[1] Вмешательства казахов во внутренние дела Мавераннахра наблюдались в XVI—XVIII вв. и в начале XIX в., в период восстания китай-кипчаков. Подробнее об этом см.: Мехман-наме-йи Бухара, ркп. ИВ АН УзССР, № 1414, л. 40а—б, 93а—94а; Искендер Мунши. Тарих-и аламарай-и Аббаси, литографированное издание персидского текста, Тегеран, 1314 (1896/97)г., стр. 404, и сл.; В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование, ч. 2, стр. 342—343.

[2] Г. Спасский. Новейшее описание Великой Бухарии, Азиатский вестник, кн. 5, СПб., 1825, стр. 305.

[3] Известия об издании подлинника истории монголов и татар Абулгази-Бахадур-хана, Азиатский вестник, кн. 4, СПб., 1824, стр. 237.

ка узбекских земледельческих племен XVI—XVII вв. должна быть учтена нами и не должна вводить в заблуждение при характеристике хозяйства и экономики Бухары и других среднеазиатских ханств периода позднего феодализма.

Вместе с тем, с завоеванием страны Шейбанидами наблюдался временный хозяйственный упадок и обезлюдение плодородных оазисов. Сложившееся феодальное землевладение оседлых районов Средней Азии оказало сильное влияние в начале XVI в. на социальный строй шейбанидских узбеков, который, как отмечает П. П. Иванов, был в основном тем же, что и у господствующего тюрко-монгольского (чагатайского) кочевого и полукочевого населения тимуридских владений. Поэтому говорить о разрыве со старыми феодальными традициями после прихода шейбанидских узбеков не приходится[4].

Близкий хозяйственный контакт между земледельческим населением оазисов и полуоседлым скотоводческо-земледельческим населением периферийных районов наблюдается с давних пор[5].

Овладев верховной политической властью в Средней Азии, господствующая военная верхушка узбекских племен, и ранее не чуждая культуре коренного населения Мавераннахра, стала приспосабливаться к существующим в Средней Азии феодальным производственным отношениям. Об этом, в частности, свидетельствует следующее изречение, приписываемое Шейбани-хану: «Знай, что я добр ко всем; сообразен со всем населением [Мавераннахра]. Пусть чагатайцы не считают меня узбеком[6] [и] напрасно не думают [о] неприятностях, хотя я [и] есть из узбекского племени (اوبیك ایلیدین دورمن), но я благожелатель всех племен"[7].

Завоевав Мавераннахр, шейбанидские государи не могли не видеть упадка земледелия и в своих интересах должны

---

[4] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 35.
См.: Шейбани-наме, соч. Бенаи, ркп. ИВ АН УзССР, № 1632, л. 41 и сл.

[5] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., ИВЛ, 1962, стр. 284.

[6] Понятие „узбек" было связано тогда с кочевыми народами Дешт-и Кипчака и казахских степей, совершающими набеги на культурные земледельческие районы. Поэтому отношение оседлого населения земледельческих оазисов к узбекам-кочевникам было отрицательным.

[7] Мухаммед Салих. Шейбани-наме, с предисловием А. Е. Самойловича, СПб., 1908, стр. 75. Термин аснаф (اصناف ед. ч. صنف) означает в переводе классы. Но здесь под этим термином подразумевается кочевое и оседлое население страны.

были проявить заботу об его возрождении в Мавераннахре. Об этом свидетельствует, в частности, личное руководство Шейбани-ханом постройками водораздела на Зарафшане в 908 (1502) г.[8] и принятие им мер к возделыванию заброшенных прежними владельцами так называемых «бесхозных имений» (маджхул ал-мульк»)[9]. Шейбанидские ханы всячески поощряли также деятельность шейхов Джуйбари по развитию земледелия в различных областях ханства[10].

Уже в XVI—XVII вв. мы наблюдаем сооружение больших оросительных каналов в Хорезме: Шахабад, Ярмиш, Газиабад, Янгиарык, Ургенч, Арна и др.[11]

Однако беспрерывные феодальные войны и усобицы тормозили развитие сельского хозяйства. Путешественники, посетившие Среднюю Азию в XVII в., отмечают сравнительно незначительные размеры посевов зерновых в Мавераннахре. Русский посол Борис Пазухин (1669—1670) писал, например, что «хлеба в Бухарах и Балху и в Хиве сеют небольшие и за годом у них хлеба остается мало в коих домах»[12]. Но все же в XVI — начале XIX в. происходит рост феодального землевладения. Земледельцы — тюркоязычное и ираноязычное (таджики) население Средней Азии — обрабатывали поля, поддерживали и расширяли ирригационную сеть и несли основную тяжесть феодальной эксплуатации, т. е. были плательщиками податей и повинностей.

Что же касается кочевников-скотоводов, то в основной своей массе они принадлежали к кочевым узбекским племенам, вторгшимся в Мавераннахр в начале XVI в. и занявшим богатые пастбища на юге, в долине Зарафшана и в направлении к Амударье.

Об огромной массе полуоседлых земледельческих и скотоводческих племен, населявших долины Зарафшана, свидетельствуют данные и более поздних нарративных источников. Так, Абд ал-Керим Бухари (начало XIX в.) указывает, что в районе Миянкаля и Самарканда кочевников

---

[8] См.: Шейбани-наме, соч. Бенаи, ркп. ИВ АН УзССР, № 1632, л. 41 и сл.

[9] Михман-наме-йи Бухара, ркп. ИВ АН УзССР, № 5885, л. 209б.

[10] Об этом свидетельствует богатый фактический материал, приведенный в двух капитальных трудах, посвященных хозяйству джуйбарских шейхов: Равзат ар-ризван ва хадикат ал-гилман, ркп. ИВ АН УзССР, № 2094 и Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, № 80.

[11] Истории орошения Хорезма посвящены специальные труды: Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта.

[12] Наказ Пазухиным, стр. 61.

живет столько же, сколько оседлых[13]. Автор другого источника отмечает, что из общего количества в 2,5 млн. населения Бухарского ханства около одного миллиона ведут кочевой образ жизни[14].

Процесс перехода к оседлости кочевников тянулся долго, что видно из вышеназванных источников, относящихся к более позднему времени. Переход большой массы кочевников к оседлости относится ко второй половине XVIII в., к периоду царствования Мангытов.

Вместе с искони жившими здесь кочевыми племенами тюрко-монгольского (чагатайского) происхождения, близкими им по укладу жизни, кочевые узбеки, несомненно, вносили известные изменения в землевладение и водопользование оседлого населения, стесняя и нарушая его права, эксплуатируя (в лице своей феодальной верхушки) оседлых землевладельцев и временами совершая набеги на районы земледельческой культуры. Однако большая часть тюрко-монгольских племен Средней Азии осела на землю задолго до прихода в Мавераннахр Шейбанидов, и это обстоятельство играло важную роль в растворении большей части шейбанидских узбеков в среде местного земледельческого населения.

Новые условия жизни в XVI—XVII вв. нарушили экономический уклад кочевого скотоводческого хозяйства, и многочисленное кочевое население, не находившее в скотоводстве удовлетворения всех своих потребностей стремилось восполнить их продуктами земледелия. Это осуществлялось не только переходом отдельных кочевых племен к оседлому земледелию, но и внеэкономическим путем — набегами на оседлые земледельческие районы и грабежом караванов на торговых путях, что усугубляло хозяйственный упадок Мавераннахра и разорение его населения[15].

Необходимость приспособления к существующей хозяйственной жизни ощущалась тем более, что кочевое скотоводческое хозяйство шейбанидских узбеков и связанные с ним производственные отношения должны были под влиянием недостатка пастбищ постепенно исчезнуть. В то время как основная масса узбеков все еще продолжала вести кочевое скотоводческое хозяйство, у кочевой знати в качестве основного средства производства начинает выступать орошаемая пахотная земля, на захват которой теперь и

---

[13] Mir Abdoul Kerim Boukhary, стр. 77.
[14] G. Meyendorff, стр. 197.
[15] История народов Узбекистана, т. II, стр. 72 и сл.

направляется энергия господствующей верхушки кочевых узбеков.

Многие страницы сочинения «Наставления к посевам в [области] науки о земледелии» (XVI в.), написанного, правда, в Хорасане, содержат стихи и изречения различных святых во славу земледелия[16]. В другом трактате неизвестного автора и с неизвестной датой составления[17] говорится (в предисловии) о пользе земледелия для жизни людей, о том, что земледелие потерпело большой ущерб в результате несчастья, вызванного нашествиями монголов (اشوبی مغل), поэтому возрождение его является делом благотворным[18].

Увеличение контингента кочевников и почти непрерывные феодальные междоусобицы, особенно усилившиеся в конце XVI в. (после смерти Абдулла-хана), сдерживали восстановление и развитие земледелия. Но уже в XVII—XVIII вв. мы видим широкое распространение сельскохозяйственных культур в главных земледельческих районах Бухарского ханства. Наряду с зерновым хозяйством, бахчеводством и садоводством появляются и технические культуры. Теперь основными предметами питания населения становятся продукты сельского хозяйства.

Ведущей отраслью сельскохозяйственного производства являлось хлебное зерноводство. Источники XVI—XVIII вв. уделяют большое внимание зерновому хозяйству. Так, например, в третьей и четвертой главах «Трактата по агротехнике» подробно описываются посевы зерновых культур и сбор их урожая[19].

В „Наставлениях к посевам в [области] науки о земледелии" перечисляются около двадцати видов зерновых: زعفرانی — заъфарани с шафрановым (желтого цвета);

---

[16] ارشاد الزراعه فی علم الحراثه ркп. ИВ АН УзССР, № 565/II, л. 33а, 49а. Рукопись дефектная, отсутствуют 4—7 главы. Далее цитирую: ارشاد الزراعه Подробнее исследование об этом сочинении см.: И. П. Петрушевский. Из истории орошения и техники сельского хозяйства в Иране в XIII—XIV вв., Ученые записки ЛГУ, № 179, серия востоковедческих наук, вып. 4, 1954, стр. 175 и сл.; О н ж е. Земледелие, стр. 26—27 и сл.

[17] Имеется дата переписки: 1197/1783 гг.

[18] فن کشف و زراعت (название условное), ркп. ИВ АН УзССР, № 561/I, 1—3 главы.

[19] فن کشف و زراعت ркп. ИВ АН УзССР, к. 565/II, л. 5а-11б.

سفیدچه — сафедче (беловатый); مکّهٔ — мекка-и, меккинский (кукуруза); سرخك بهاری — сурхек-и бахори (яровая красная пшеница); نسك سیستانی — нассак сеистани (сеистанская чечевица); استور دندان — уштур дандан (пшеница с крупными зернами — верблюжьи зубы); کنب گندم — канаб гандум (конопляная пшеница); گله گندم — гала гандум (одна сторона зерна этой пшеницы белая, другая — красная), دانهٔ وی یکنصفی سرخ و یکنصفی سفید است گل گندم — гуль гандум (растет в предгорьях, морозоустойчивая, для нее достаточно атмосферной влаги); پنگ گندم — пунг гандум (разновидность сафедче); آن در برابر سفیدچه است — сиёх доне (с зернами темного оттенка); سرخ خوشه از جنسی سفیدچه — сурх хуше (из семейства сафедче); شنگ — шинг (один из видов озимой пшеницы); کاوی или کعجم каъхм или гау-и (вероятно, дикорастущая культура, пригодная на корм животным); عدس — адас (чечевица); ارزان و جاورس — арзан ва джаварс (сеют его весною и осенью) и др[20].

Главным земледельческим районом Бухарского ханства была Зарафшанская долина.

Еще Бабур-мирза восхищался высокой культурой земледелия и садоводства долины Зарафшана, Бухары, Карши, Каракуля, Кермине, Хузара и отдельных туманов Самаркандского вилайета.

«В вилайете Самарканда, — пишет Бабур, — есть хорошие туманы. К ним принадлежит Сугудский туман и туманы, примыкающие к Сугуду. Начало их в Яр-Яйлаке, конец — в Бухаре. Нет ни одного ягача[21] пути, где бы ни было селения или возделанных земель. Они настолько знамениты, что слова Тимурбека (эмира Тимура. — *М. А.*): «У меня есть сад, который тянется тридцать ягачей», — видимо, относятся к этим туманам.

Еще один туман — Шавдар. Он примыкает одной стороной к горам, возвышающимся между Самаркандом и Шах-

---

[20] ارشاد الزراعه л. 26б-30а.

[21] Ягач — неопределенная мера расстояния, около восьми верст.

рисабзом, и большинство селений лежит у подножия этих гор, а с другой стороны — к реке Кухак (Зарафшан). Это очень хороший туман, с превосходным воздухом, полный приятности; воды там много и блага земные дешевы. Путешественники, видавшие Миср и Шам, не могут указать [другого] такого здорового места»[22].

Известный историограф Шейбанидов Хафиз-и Таныш Бухари, описывая Миянкаль, с восхищением отмечал, что здесь превосходный климат, обилие оросительных вод, благочестивое население — земледельцы[23].

При Аштарханидах Афаринкент (или Ним-Сугуд), как лучшее селение в Миянкале, продолжал служить местопребыванием правителя (хакима) и войскового казия[24].

Автор позднейшего источника отмечал, что климат Самарканда, прекрасный и умеренный, совершенно не „является причиною предрасположения к болезням и смерти. Весна в Самарканде по прелести и чистоте воздуха представляет как бы образец, полученный из рая. По этой причине Самарканд носит название „Фирдаус мананд" (فردوس مانند) — раю подобный. Весною площадь каждого поля становится раю подобной и каждый клочок каждой степи обращается

---

[22] بابر نامه ркп. ИВ АН УзССР, № 13, л. 49б—50а.

[23] В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета, Справочная книга Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 58.

[24] В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 58—59; О Миянкале см.: В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 13; А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 145. В позднейшем источнике по истории Бухары المطالع الفاخره و المطالب الظاهره („Великолепные восходы и ясные цели"), Сочинение муллы Абд ар-Рахмана Тамкина Бухари, написанном в Бухаре в 1338/1919 г., многие разделы посвящены описаниям десяти бухарских туманов. В сочинении муллы Абд ар-Рахмана Тамкина о Миянкале говорится следующее: „В древности между Бухарою и Самаркандом соорудили стену на протяжении 12 фарсангов; местность здесь была отлично возделана и орошена, имела множество селений и городов, вроде Хатырчи, Пенджшембе, Кала'-йи Дабусия и др. Путь от Бухары до Самарканда в этих степях совершали пешком в течение восьми дней; эту территорию называли „Миян-Калят" (میانقلات). См. ркп. ИВ АН УзССР, № 8245, л. 207б. А. А. Семенов это географическое название объясняет так: „По-видимому, арабская форма от староперсидского Миян — средина и каль — место, т. е. место посредине (стен). В позднейшее время термин Миянкаль прилагался к долине Зарафшана между Самаркандом и Хатырчи; в Хатырчи два рукава Зарафшана — Акдарья и Карадарья — соединяются вместе. См.: А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 145.

в цветник Ирама (земной рай). На лугах каждой степи столистная зелень и райханы (ریحان—базилик) в объятиях полян. Летнее время года в Самарканде относительно жары и холода считается умеренным. Дующий со всех сторон приятный, тихий ветерок умножает радость и душевное спокойствие. Осеннее время склонно к холоду. Со стороны восточных гор несколько дней дуют резкие ветры. Большая же часть зимы отличается холодом"[25].

Описанию климатических условий, растительности отдельных районов Средней Азии, в частности Самаркандского вилайета, Шахрисабза и др., посвящены отдельные главы географо-биографического сочинения „Семь климатов" (هفت اقلیم), составленного в конце XVI в. Труд этот принадлежит Амин ибн Ахмед Рази. Наибольший интерес представляют 4—6 главы, в которых описываются отдельные районы Средней Азии[26].

Вопросы земледелия, садоводства, орошения в оазисах Бухары, Самарканда, Карши и климатические условия этих районов освещаются в ценном источнике XVI в.—„Записки бухарского гостя" (مهمان نامهٔ بخارا) Фазлаллаха ибн Рузбехана Исфахани[27]. Описывая Каршинский дворец Шейбанихана, он с восхищением говорит об обработке полей (مزارع) вилайета Несеф, развитии там земледелия, о посевах различных культур (زراعت متکاثر) и изобилии оросительных вод[28].

Ценные сведения о земледельческих районах Бухарского ханства (Байсун, Дербенд, Керки, Гиждуван, Миянкаль, Карши и др.) сообщает автор المطالع الفاخره المطالب الظاهره („Великолепные восходы и ясные цели") мулла Абдар-Рахман Тамкин Бухари[29].

---

[25] Самария, соч. Абу Тахира ходжи, перевод В. Л. Вяткина, Справочная кн. Самаркандской области на 1898 г., вып. VI, Самарканд, 1899, стр. 60—61.

[26] هفت اقلیم ркп. ИВ АН УзССР, № 617, л.492, 617 и др.

[27] مهمان‌نامهٔ بخارا ркп. ИВ АН УзССР, № 5885, л.147, 196, 219.

[28] بدایع الوقایع ркп. ИВ АН УзССР № 5885, л.219а—б.

[29] المطالع الفاخره المطالب الظاهره ркп. ИВ АН УзССР, № 8245, л. 93а, 225а—б, 236б—237а, 267б—267а, 387б—389а.

Интересные географические сведения о Средней Азии и Балхе, входившем (хотя и номинально) в период правления Шейбанидов и Аштарханидов в состав Бухарского ханства, имеются в сочинении Султан Мухаммеда ибн Дервиша Мухаммед ал-Муфти ал-Балхи مجمع الغرايب (Собрание чудес, XVI в.)[30].

Подробное описание Балхской земли, ее географии, растений, а также вилайетов Самарканда и Ферганы дано в малоизвестном в востоковедческой литературе сочинении Сейид Мухаммед Тахира ибн Абд ал-Касима عجايب الطبقات (Чудеса разрядов [земли]. Труд составлен в XVII в. в период царствования Аштарханида Надир-Мухаммед-хана. Дата окончания труда 1056/1646 г.)[31].

Небезынтересные сведения о Ташкентском оазисе, его садах, оросительных водах и горных зерноводческих районах имеются в важном для истории Средней Азии произведении Зайнаддина Махмуда Васифи, Бадаи' ал-вакаи' „Чудеса происшествий"[32].

О возделывании полей и разнообразных посевов, о цветущих садах Самарканда и Карши сообщает автор XVIII в. Мирза Хусейн в своем труде حديقة الاقالم („Цветник поясов земли")[33].

В долине Кашкадарьи к числу развитых земледельческих районов Бабур относит Карши и его окрестности: «Весна там прекрасная. Хлеба и дыни хороши»[34].

Известные тимуридские историографы Мирхонд и Хондамир в своем сочинении «Равзат-ас-Сафа» писали о богатстве Самаркандского вилайета сельскохозяйственными культурами. «Самарканд, столица городов Мавераннахра, расположен к югу от Сугуда (Зарафшана)[35]. Среди города много текущей воды, обилие фруктовых деревьев и садов. Отсюда вывозится прекрасная айва и большей частью на зерновой хлеб стоят низкие цены. Самарканд представлял

---

30 مجمع الغرايب ркп. ИВ АН УзССР, 29/II, л. 116а—187б.

31 عجايب الطبقات ркп. ИВ АН УзССР, № 411/I, л.52, 58 и др.

32 بدايع الوقايع ркп. ИВ АН УзССР, № 3344, л.157б—158а, 160, 163, 500.

33 حديقة الاقالم Лакнау, 1879, стр, 423—424.

34 بابر نامه ркп. ИВ АН УзССР, № 13, л. 49б.

35 Ср. сообщения позднейшего источника, Самария, стр. 162.

собрание людей благородных и средоточие ученых. В эпоху эмира Тимура-гургана город достиг чрезвычайно цветущего состояния, так что превзошел большинство городов всего мира по количеству зданий и населения и явился среди них исключением»[36].

Важные сведения о горных земледельческих районах Бухарского ханства (Хутталяне и о больших селениях этой области) сообщает Худайберди ибн Кушмухаммед Хорезмий, живший в начале XIX в., в своей книге غرايب دل („Размышление о диковинках")[37].

По сведениям более ранних источников, Кубадиян, самый большой район в Хутталяне, был обилен водами[38], в нем имелись цветущие сады и посевы[39]. Земли Кубадияна, кроме того, орошались водами горных рек Кафирнигана и Пянджа[40].

Отдельные, отрывочные сведения о культуре земледелия в Бухарском ханстве встречаются в нарративных источниках по истории Шейбанидов и Аштарханидов.

В связи с указаниями источников на существование более развитого земледелия в Самаркандском вилайете, чем в других вилайетах Бухарского ханства, небезынтересно дать более подробную характеристику туманов Самаркандского вилайета, о которых ранее в литературе сообщалось в общих чертах.

Самаркандских туманов как при Тимуридах (по сообщению ибн Арабшаха), так и в XVIII в.[41] было всего семь: Шавдарский, Анхарский, Ним-Сугудский, или Афаринкент-

---

[36] Там же, стр. 220, прим. 11.

[37] غرايب دل ркп. ИВ АН УзССР, № 3335, л. 183а—б.

[38] Только на одной горе было 44 родника. См. غرايب دل л. 183а.

[39] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. I Тексты, СПб., 1898, стр. 63—64.

[40] См. подробнее: М. М. Дьяконов. Перспективы археологического изучения Таджикистана, Труды ТаджФАН СССР, т. XXIX, 1951, стр. 28; Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т.I, М.—Л., 1950, стр. 111, 183, 184.

[41] В. Л. Вяткин. Самаркандский вилайет (перевод из «Рисала», составленной узбеком из рода кырк Мухаммед Салихом, сыном Мухаммед Кутлыка. Описание относится ко второй половине правления династии Аштарханидов (1006—1197/1597—1784), Справочная книга Самаркандской области, вып. V, 1897, стр. 240—244.

ский[42], Сагарджский[43], Сугуди-Калянский, Ширазский и Яр-Яйлакский[44]. Они занимали гораздо более значительную территорию, чем прежние 12 рустаков[45]. Из старых рустаков только один Шавдар передал свое наименование туману, расположенному от Зарафшана до гор и от рабата Ходжа до Самарканда.

Все перечисленные туманы Самаркандского вилайета, расположенные в долине Зарафшана, обладали благоприятными условиями для развития сельского хозяйства.

Из зерновых культур в самаркандских туманах засевались пшеница (яровая и озимая), ячмень, джугара, просо, кунак, рис, лен, кунджут, нидау, чакчак (бобы) и др.[46]

Различные виды сельскохозяйственных культур и зоны их распространения в разных районах Бухарского ханства (долины Зарафшана, Амударьи, Кашкадарьи, Сурхандарьи, Мургаба, горные районы и оазисы Ташкента и Самарканда) были перечислены и отмечены русскими путешественниками (агрономами, геодезистами, землемерами, почвоведами), посетившими Среднюю Азию в XVI—XIX вв., а затем русскими ориенталистами, знавшими язык, культуру и быт среднеазиатских народностей.

В записках А. Л. Куна, посетившего в 60—70-х годах XIX в. долину Зарафшана, освещены многие вопросы сельского хозяйства и даны этнографические исследования.

В первые годы присоединения Средней Азии к России общественный строй Бухарского ханства, состояние сельского хозяйства, а также сельскохозяйственная техника оставались такими же, какими были в предыдущие столетия. Поэтому сведения русских ориенталистов, описавших со-

---

[42] Ним-Сугудский (Полу-Сугудский) туман назывался также Сугуди хурдским, т. е. малосугудским; потом он, судя по вакуфным документам, был разделен на два: «верхний стал называться Афаринкентским, а нижний — Сугудихурдским». См.: Самария, стр. 226.

[43] Сагарджский туман согласно сообщению кн. «Ансаб-наме» ранее назывался Аштархан (اشترخان); в достоверности этого сообщения исследователи сомневаются. См.: Самария, стр. 252. Сагардж со времени Аштарханидов под названием Сагарджского тумана, а позднее — Душамба Курганского тумана входил в административном отношении в состав Самаркандского вилайета.

[44] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 113; В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 24 и сл.

[45] Рустаком (в более поздних персидских текстах «Руста») называлась в Хорасане и Средней Азии в VII—XI вв. совокупность деревень, составляющая определенное административное целое; в отличие от города, рустаком называлась также сельская местность вообще, см.: Материалы по истории Туркмении и туркмен, т. I, стр. 66, прим. 10; В. В. Бартольд. Орошение, стр. 112.

[46] Самария, стр. 162.

стояние сельского хозяйства в середине XIX в., представляют, несомненно, большой интерес.

О Шахрисабзе А. Л. Кун писал, что его население, за весьма ограниченным числом некоторых узбекских родов, ведет оседлую жизнь. Главное занятие его составляет земледелие. Далее указывалось, какие именно хлебные, бобовые, масличные, технические и кормовые культуры возделывают шахрисабзцы[47].

А. Л. Кун подчеркивал, что вся Зарафшанская долина была возделана под зерновые, масличные и технические культуры и покрыта фруктовыми садами.

Другой известный русский ориенталист Н. Ханыков, побывавший в Бухаре в первой половине XIX в., отмечал, что в «Бухаре хлеб высевается пяти родов, а именно: пшеница, сорочинское пшено, ячмень, просо и джугара. Пшеница бывает озимая и яровая». Говоря о плодородной почве Миянкаля, расположенного между рукавами Зарафшана к северо-западу от Самарканда, Н. Ханыков сообщает, что близость реки, низкие берега Зарафшана и хорошие качества земли представляют возможность заниматься здесь земледелием прибыльнее, чем в других районах. Все значение этой части ханства видно из того, что она удовлетворяет «биринджӗм (рисом) своим не только народонаселение ханства, но и производит его в таком излишке, что это составляет предмет вывоза в Россию, а в особенности в Мешхед»[48].

Автор позднейшего источника (начало XIX в.), посвященного описанию древностей и мусульманских святынь, Абу-Тахир Ходжа писал, что на полях Самаркандского вилайета «из зерновых растений сеют: пшеницу, ячмень, джугару, просо, кунак, рис, лен, кунджут, индау, чакчак (бобовые) и др.»[49]

Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что развитое земледелие в долинах Зарафшана, Кашкадарьи, Сурхандарьи и в отдельных горных районах, в известной степени пострадавшее от нашествия кочевников, было затем восстановлено в период правления Шейбанидов и Аштарханидов.

---

[47] А. Л. Кун. Очерки Шахрисабзского бекства, Записки РГО по отделению этнографии, том шестой, СПб, 1880, стр. 219—220; Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, СПб., 1911, стр. 98.

[48] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 145—148.

[49] Самария, стр, 162; таджикский текст см.: Самария, соч. Абу-Тахир Ходжи, СПб., 1904, стр. 41.

О том, что зерновые культуры в Самаркандском оазисе засевались в достатке, свидетельствуют данные источников периода последних Тимуридов. Так, автор «Рашахат'айн ал-хайат» («Капли источника жизни»), биографического труда, посвященного деятельности реакционного ишана Убайдуллаха Ходжа Ахрара, Али ибн Хусейн аль-Ва'из ал-Кашифи, известный под литературным псевдонимом ас-Сафи, пишет следующее. «Однажды святой ишан в беседе сказал: «В качестве 'ушра (подать в размере 1/10 урожая. — *М. А.*) со своих самаркандских полей я вношу ежегодно в диван (казну) Султана Ахмеда Мирзы[50] 80 000 самаркандских манов зерна»[51]. И далее: «Всевышний бог ниспослал свою благодать на мое имущество, так что каждое (мое) гумно, которое опытными оценщиками оценивается в тысячу манов зерна, при взвешивании дает тысячу четыреста — тысячу пятьсот манов»[52].

Автор «Рашахат» пишет; «Один из приближенных [ишана], имевший в своем ведении некоторые из амбаров святого ишана, рассказывал, что иногда расход зерна был больше чем приход, однако, в конце года все же оставался большой излишек зерна»[53].

Интересные данные о состоянии земледелия, производстве зерновых и масличных культур в самаркандских туманах имеются в «Рисала». Сведения, сообщаемые в «Рисала», относятся ко второй половине XVII в., ко времени правления Аштарханида Абд ал-Азиз-хана (1645—1680). Мухаммед Салих, описывая каждый Самаркандский туман в отдельности, перечисляет культивируемые в нем злаки. Ввиду важности этих описаний, приведем полностью отдельные отрывки из «Рисала».

«Шавдарский туман, раскинувшийся в длину на четыре фарсаха, имеет с южной стороны хребет гор с массою ключевой воды и пастбищами. Южный склон гор в месяце

---

[50] Султан Ахмед Мирза Тимурид, правитель Мавераннахра (1469—1494).

[51] از مزارعهای خاصه سمرقند هشتاد من غله بسنکی سمرقند عشر محصول خود بدیوان سلطان احمد میررا جواب میگویم Рашахат'айн ал-хайат, Ташкентская литография, 1323 г. х., стр 228, русский перевод цит. по: П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 11.

[52] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 11.

[53] Там же.

джауза (май) представляет прекрасный вид, а северный бывает покрыт густою зеленою травою.

В этом тумане находится местность, называемая Ургут, представляющая возвышенность с отличным климатом, большим количеством родниковых вод и пастбищ. Здесь много прекрасных садов и полей. Земля очень плодородна. Имеются здесь цветники, фруктовые сады и виноградники.

Ширазский туман имеет в длину три фарсаха, а в ширину два. Земля здесь представляет отчасти обработанное пространство и отчасти прекрасные пастбища с отличным подножным кормом. Земледелие в этом тумане доведено до высокой степени совершенства. Почва плодородная, климат приятный. Виноград отличается прекрасным вкусом. В правление Абд ал-Азиз-хана туман этот находился в очень культурном состоянии. Здесь насчитывалось до пяти тысяч садов и люцерновых участков и до тридцати тысяч семейств оседлого населения.

Алиабадский туман. Земля здесь плодороднее даже, чем в Ширазском тумане. В правлении Абд ал-Азиз-бахадир-хана туман этот был значительно культурнее, чем позже. Население его достигало восьми тысяч семейств и имело около трех тысяч садов и участков люцерновых полей.

Анхарский туман. Он превосходен относительно садов и виноградников, орошается арыками Нахр-и-рабат-и-Ходжа и Даргамом, выведенными из Зарафшана и несущими в этот туман воды на сто мельниц. Если исключить арыки, образовавшиеся из родников, то город Самарканд и весь Анхарский туман культурны только благодаря многоводному Даргаму. Кроме Даргама, Анхарский туман имеет арыки, образовавшиеся из родников местности Яссы-тепа и Кундузак, несущие воды приблизительно на пятьдесят мельниц. Один из этих арыков называется Сиоб, а другой — Об-и-махшат. Воды их расходуются главным образом на орошение рисовых полей. Почва тумана плодородна, и земледелие здесь процветает. Арык Даргам заселен по обоим берегам от начала до самого впадения его в Зарафшан, куда он несет избыток своих вод.

Яр-Яйлакский туман. Он самый лучший из всех Самаркандских туманов. По восточной и южной сторонам его идут горные хребты, из которых вытекает немалое число речек. Вода употребляется жителями на орошение полей. Здесь много обширных пастбищ с очень питательною, сочною травою. Летом совершенно не бывает гармсилей (теплый ветер, вредный для растений), дуют постоянно умеренные, прохладные ветры. Климат отличный и почва плодородная.

Жители большую часть года ходят в шубах. В правление Абд ал-Азиз-хана в этом тумане было не менее десяти тысяч семейств населения и пять — десять многолюдных и благоустроенных селений. Пшеница и ячмень дают хорошие урожаи, но рису сеют очень мало. Из Зарафшана эмир Тимур провел арык, именуемый Туя-тартар, третья часть воды которого расходуется на орошение посевов в Яр-Яйлакском тумане.

Сугуди-Калянский туман. Он занимает площадь длиною в три фарсаха и шириною в два. Климат здесь довольно умеренный, ровный, воды избыток, трав много, в особенности в летнее время. Земля плодородная. Большую часть года здесь сидит много кочевых узбеков, для которых пастбищ в этом тумане вполне достаточно. Туман пересекает арык, называемый Мирза-арык, несущий воды на пять — десять мельниц. Вода из него расходуется населением на нужды орошения. Кроме того, в тумане находится много более мелких арыков, образовавшихся из родниковых вод. Служа целям орошения, арыки эти в то же время используются для приведения в движение расположенных на них мельниц. Рис, просо, кунджут, ячмень, пшеница растут хорошо.

Афаринкентский туман. Он относительно воды, трав и земледелия, а в особенности охоты на степную и водную дичь, относится к лучшим самаркандским туманам... Садов и фруктовых деревьев очень мало. Почва, больше наносная с примесью песка, прекрасно производит рис, просо, кунджут и всякие другие растения. Арык, выведенный из Аксу (Акдарья) и несущий воды на пять — десять мельниц, разбирается весь по селениям на орошение полей в этом тумане. Здесь же имеется еще пять малых арыков, расходуемых для той же цели.

В правление Абд ал-Азиз-хана все эти самаркандские туманы были густо заселены и находились в обработанном состоянии, как видно из приведенного описания... Но [впоследствии] они пришли в упадок, и жители начали разбегаться в разные места»[54].

Вышеизложенные отрывки из «Рисала» дают полное и ясное представление о благоприятных условиях самаркандских туманов для широкого развития многих отраслей земледелия.

---

[54] «Рисала» Мухаммед Салиха, перевод В. Л. Вяткина, Справочная книжка Самаркандской области на 1897 г., вып. V, Самарканд, 1897, стр. 240—244.

Этот же источник сообщает, что в самаркандских туманах земледелие сочеталось со скотоводством, кочевой образ жизни — с оседлым.

О пастбищах в пределах культурных земель свидетельствуют сообщения Мухаммед Салиха, автора «Шейбани-наме»[55], и позднейших авторов. Например, об арабах, живущих в разных районах Бухарского ханства (к северо-западу от Бухары, вблизи Варданзи), даже в позднейших сочинениях говорится, что они вели полуоседлую жизнь[56].

Посевам зерновых культур, выбору их семян, а также уборке урожая хлебов посвящены третья и четвертая главы „Трактата по агротехнике“ فن كشف و زراعت (название условное.—*М. А.*), автор которого и время составления не известны[57]. Экземпляр, имеющийся в рукописных фондах Института востоковедения, был переписан в 1197/1783 г. в Шапуркаме Рахматуллой ибн Абд ар-Рахманом. Литографическое издание в Кагане в 1324/1906 г. известно под названием فن كشت و زراعت („Наука о посевах и земледелии“)[58].

Данные перечисленных источников дают основание заключить, что на территории Бухарского ханства имелись посевы всех видов зерновых культур — хлебных, масличных, крупяных и кормовых.

Хотя первоисточники точно не указывают названий посевов и географические районы их распространения, в научных трудах, опубликованных в 60—70-х годах XIX в. и ныне ставших библиографической редкостью, районы распространения отдельных культур определены.

Это обстоятельство позволяет нам уточнить данные о посевах различных культур и их размещении. В труде Л. Н. Соболева «Географические и статистические сведения о Зарафшанском округе»[59] тщательно и подробно освещены вопросы географии, агротехники, этнографии, сельского

---

[55] Мухаммед Салих. Шейбани-наме, СПб., 1908, стр. 191—192.

[56] См.: Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 118 и сл., Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зарафшанском округе с приложением списка населенных мест округа, Записки РГО по отделению статистики, т. IV, СПб., 1874, стр. 302—303 (Далее цитирую: Л. С. Соболев. Заравшанский округ).

[57] Ркп. ИВ АН УзССР, № 565/II, л. 9б—14а.

[58] См.: Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. I, Ташкент, 1952, стр. 314.

[59] Записки РГО по отделению статистики, т. IV, 1874.

хозяйства (виды землевладения, орошения, налогов, сельскохозяйственных культур и т. д.).

Личные наблюдения автора и использование им огромного количества вакфных документов и нарративных источников позволили создать ценный во многих отношениях труд, не утративший своего научного значения до настоящего времени. Сообщения Л. Н. Соболева подтверждаются и дополняются этнографическими исследованиями, проведенными нами в долине Зарафшана. Мы зафиксировали сообщения людей старшего поколения (в возрасте 70—90), имевших непосредственное отношение к сельскому хозяйству[60].

Среди наших информаторов были бывшие крестьяне, крупные землевладельцы, сельские должностные лица (амины, аксакалы, мирабы и т. д.).

Как данные источников, так и наши этнографические записи убеждают в том, что зерновые культуры, которые требуют обильного орошения в летние месяцы—рис, просо, лен, маш, горох,—в бухарских туманах Рамитан или Самджен (سامجان)[61], в Пешку, Вабкенте (назывался раньше Комот или Камат), в окрестностях самой Бухары, в Джандаре, а также и во всех 7,5 туманах Каракуля не засевались[62]. Масличные растения, просо, просянка, горох, маш выращивались в туманах, расположенных в верховьях оросительных каналов—Кам-и-Абу-Муслим (или Ваганзи), Шапуркам (или Кишлок-и Калон), Хутфар (или Зандани),—а также по берегам каналов и больших арыков—Джуй-и Маити, Султанабад, Пирмас, Ками-чарх, Кумушкент, Дуоба[63] и т. д.

Таким образом, в бухарских туманах (исключение составляет Кермине, где в незначительном количестве засевался рис) главными культурами были пшеница, ячмень и

---

[60] Эти данные имеются в «Этнографических записках автора».

[61] О нем см.: В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 166—169; Л. Зимин. Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью. Протоколы заседания и сообщений членов кружка любителей археологии, т. XX, Ташкент, 1915, стр. 13а.

[62] Этнографические записи автора за 1957—1919 гг.

[63] Этнографические записи автора за 1957—1958 гг. Дуоба или Банд-и-дуоба (بند دوآبه) находится ниже селения Ваганзи (وغانزی), где большое русло Зарафшана—Каракульдарья делится на два рукава: один идет на Каракуль, а второй, так называемый Шахруд (شهرود),—в Бухару.

джугара (макка-йи)[64]). Рис, горох, лен, индау, просо, маш на бухарские базары привозились из Миянкаля, Шахрисабза и из долин Мургаба и Мерва[65].

В Бухарском ханстве решающее значение имело орошаемое земледелие, хотя удельный вес неорошаемых земель и, следовательно, посевов на таких землях в XVI—XVIII вв. был довольно значительным.

В одном из казийских документов говорится, что самаркандский казий Абдул-Вахид имел 13 тыс. танапов орошаемой земли и 400 танапов бахори кори (ляльми кори), т. е. неорошаемой земли с посевами под дождь[66].

В числе земельных участков джуйбарских шейхов также видную роль играли их «бесчисленные» бахори кори (неполивные земли), расположенные, по-видимому, в обеспеченных осадками районах предгорий и не требовавшие поэтому искусственного орошения. Очевидно, в предгорных же районах, но менее обеспеченных естественными осадками, существовала кяризная система (о ней ниже) орошения, о которой имеются указания в источниках[67].

Автор «Самарии» Абу Тахир Ходжа также говорит о степных, неорошаемых землях в горных районах Зарафшанской долины. Он пишет, что земли, находящиеся к северу от реки Зарафшан, по характеру своему делятся на две части — орошаемые и степные. Орошаемые земли раскинулись по всей долине реки и находятся в смежных с нею местностях. Земли эти делятся на две половины — восточная носит название тумана Сугуди-Калян, а западная — Афаринкент. Степная местность, примыкающая к северным горам, называется тумен Кабуд (Ширазский.— *М. А.*)[68].

---

[64] Подробности о бухарских туманах см. المطالع الفاخره المطالب الظاهره ркп. ИВ АН УзССР, № 8245, л. 208 и сл.; О зерновых, бобовых, масличных и др. растениях ср.: Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан; Акад Н. И. Вавилов, Избранные труды в пяти томах, т. I М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 213—302.

[65] Этнографические записи автора за 1958 г.

[66] См.: Казийские документы XVI в., подготовленные к изданию проф. Р. Фитратом и Б. С. Сергеевым, Ташкент, 1937, стр. 36, 37.

[67] مطالب الطالبين, ркп. ИВ АН УзССР, 80, л. 111б—112б. ایشان ما... کاریزهای بسیار و از زراعت اللّمّی بشمارا داشتند П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 72.

[68] Самария, 162. Кабудский или Ширазский туман получивший название от селений Кабуд и Шираз, простирался вверх по правому берегу Зарафшана от Сугуд-и Калянского тумана до гор.

Интересное описание горных селений, жители которых занимались хлебопашеством на неорошаемых землях, дал В. В. Радлов, посетивший во второй половине XIX в. Зарафшанскую долину. Подобные сведения в известных нам среднеазиатских источниках отсутствуют, поэтому мы позволим себе более подробно изложить материал, приведенный В. В. Радловым.

Он писал, что тогда как Зарафшанская долина наполнена частыми рядами селений, на террасах окружающих ее гор селения встречаются редко и незначительны сами по себе. На путешественника эти деревни производят самое неприятное впечатление. Дома того же самого серого цвета, что и окружающая их степь, а отсутствие садов лишает их характера оазиса (речь идет о местностях, расположенных между Самаркандом и Каттакурганом. — *М. А.*).

Малое количество воды, которой едва хватает для жителей на питье, не допускает роскоши (оазисов). Зато широкие волны террас покрыты бесчисленными пашнями, которые здесь не нуждаются в искусственном орошении. Удивительно, как может родиться хлеб на этой сухой почве. Это не хлебные поля, покрытые густым золотым морем колосьев; здесь редеют лишь коротенькие стебельки, а сквозь них везде видна однообразная серая почва, так что издали поля ничем не отличаются от самой степи. Урожай здесь очень незначительный и редко бывает выше, чем сам-четверт и сам-пят.

К северу от Зарафшана притоки воды гораздо значительнее, поэтому там находятся довольно густые плантации и луга.

Вообще селения между Актагом и Зарафшанской долиной отличаются от селений призарафшанских только тем, что группы садов и домов разбросаны длинными полосками по берегам водных источников. И здесь многие из террас засеяны пшеницей.

Говоря о Нурата и окружающих его горных кишлаках, В. В. Радлов пишет, что люди занимаются земледелием на полях, расположенных на возвышенных местах, где почва не нуждается в искусственном орошении. Садоводство здесь незначительно, а рис и хлопок не разводятся. Скотоводство также не очень распространено, потому что голая степь не дает необходимого корма для скота[69].

О горных селениях, земледелие в которых было основано на атмосферных осадках, а родниковые воды использовались для садоводства и овощеводства, сообщает и Абу Тахир-ход-

[69] В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина, стр. 50—52; ср. А. Л. Кун. Очерки Шахрисябзского бекства, стр. 219.

жа. Он упоминает, что расположенные по восточной границе Самаркандского вилайета горы также населены и благоустроены. Между южными и восточными горами протекает и выходит в долину р. Кухак, по обеим сторонам которой, по склонам обеих гор, жители построили дворы и дома и живут здесь. Все же растения и животные, которые имеются в южных горах, встречаются также и в восточных горах вилайета[70].

Горы, «расположенные по северной окраине Самаркандского вилайета, называются Кух-и-худ-дин (горы самозародившейся веры). По преданиям, в начале ислама жители этих гор сами по себе стали мусульманами. Во время возмущений неверных татар они окружили свои горы стеною и бились с ними. По этой причине земли Сугуди-Калянского тумана и окрестности северных гор есть 'ушри, и исламские правители берут в подать с урожая этих земель одну часть из десяти частей»[71].

На Юго-Западном Тянь-Шане, в узбекских и таджикских селениях, расположенных на северо-востоке от Ташкента, где достаточно атмосферных осадков, зерновое хозяйство ведется тоже под дождь. Воды ручьев и родников расходуются на клеверные, бахчевые поля и сады[72].

Указания на развитое хлебопашество и другие отрасли земледелия в горных местностях имеются в источниках XVI—XIX вв.[73]

Орошаемая земля в Бухарском ханстве использовалась настолько эффективно, что на ней получали в год два и даже три урожая. Например, после уборки ячменя и озимой пшеницы освободившиеся поля засевали просом, просянкой, машем, джугарой (сорго, дурра)[74], дынями, арбузами, морковью и другими овощами. После уборки проса, просянки и даже джугары эти же поля (в третий раз) засевают поздними

---

[70] Самария, стр. 163.

[71] Там же стр. 164.

[72] См.: М. Абдураимов. Пережитки сельской общины в узбекском кишлаке Хумсан, Советская этнография, 1959, № 4, стр. 43 и сл.

[73] بابر نامه, ркп. ИВ АН УзССР, № 13, л.2—3, 4, 58—62 и сл.; دل عرايب, ркп. ИВ АН УзССР, № 3335, л. 180 и сл.; خديقه الاقالم Лакнов, 1879, стр. 424. ркп. ИВ АН УзССР, № 3444, л. 160—163; بدايع الوقايع

[74] ذرّت — сорго.

початками сорго на корм скоту, редькой, репой и луком. Иногда поля после уборки кукурузы удобряют и обильно орошают, и тогда из корня сорго снова появляются зеленые ростки, которые идут на корм скоту; иногда же между рядками сорго сеяли маш, горох и лубия (бобовые).

Эти материалы подтверждают ценность орошаемой земли в Бухарском ханстве и высокую интенсивность ее использования[75].

Садоводство. Бахчеводство. Овощеводство. Различные садовые культуры издавна культивировались на территории Средней Азии. Жаркий климат и орошение создали благоприятные условия для выращивания многих сортов винограда, яблок, персиков, абрикосов и других фруктовых деревьев. Часто представители господствующего класса создавали сады с цветниками. Например, это было хорошей традицией Тимуридов, начало которой положили сам Тимур и его приближенные.

В нарративных и документальных источниках[76] сохранилось описание семи «раеподобных» садов Тимура, из которых Баг-и-шималь (северный сад) располагался к северу от Самарканда, на восток от города находились Баг-и бихшт (райский сад) и Баг-и чинар (чинаровый сад), а Баг-и дильхуше (сад, радующий сердце) лежал к югу от местности Кан-и гиль[77]. Баг-и заган (باغ زاغان — сад воронов) находился в Шавдарском, а Баг-и джахан-наме (باغ جهان‌نما — сад, показывающий вселенную)[78], — в Анхарском туманах близ южных гор[79]. Все эти сады закладывались по заранее продуманному плану (طرح چهارباغ). Об одном из таких красиво расположенных садов времен Тимуридов, принадлежавших Дервиш Мухаммед-тархану, сообщает Бабур: „Во

---

[75] Этнографические записи автора за 1957—1959 гг.

[76] Подробные описания тимуровских садов даны у автора „Зафар-наме" Шереф ад-дина Али Йезди, см.: Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, 1902, стр. 27—34 (перевод В. Л. Вяткина). Бабур-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 13, л. 58б — 62б; Самария, Соч. Абу Тахир-ходжи, СПб., 1904, стр. 5—6 (таджикский текст).

[77] کان گل В этом месте находится месторождение известняка (букв. рудник глины). Кан-и гиль с трех сторон окаймляет возвышенность Кухак.

[78] У Бабура „Накши джахан" (نقش جهان) — Картина мира. См. بابر نامه л. 58б.

[79] См.: Самария, стр. 162—163.

времена Султан Ахмад Мирзы [1469—1494] беки, великие и малые, тоже разбивали в Самарканде множество садов и садиков (باغچه). Среди садов немного есть с таким чистым, приятным воздухом и обширным видом, как сад Дервиш Мухаммед-тархана. Он разбил сад ниже сада Баг-и мейдан (сад Улугбека. — *М. А.*) на возвышенности, над поляной (اولانگ) Кулбе; вся поляна лежит под этим садом. В саду разбили правильно расположенные ступенчатые площадки и посадили прекрасные карагачи, кипарисы и белые тополя. Это превосходное место; недостаток его в том, что там нет большого ручья"[80].

Некоторые из садов Тимура находились в цветущем состоянии еще в XVI—XVII вв. Так, рядом с землями селения Хиндуван, которое после завоевания русскими было переименовано в Дунги, сохранился знаменитый сад Дилькуше с расположенными в нем зданиями, описанный Шереф ад-дином Али Йезди и упоминаемый Бабуром. Сохранился сад, расположенный западнее Карадарьи у селения Йылкычи, где проходила дорога на Кан-и гиль, т. е. на Чупан-ата, и сад Баг-и баланд, о котором имеются сообщения в позднейших вакфных документах.

В раби' II 1097/1686 г. должностными лицами г. Самарканда был произведен осмотр вакфных земель двух самаркандских медресе Ялангтуш-бий аталыка, и в том числе участка земли при сел. Хиндуван, Шавдарского тумана. Из акта осмотра видно, что участок этот с запада ограничивался арыком Чукур и рвом, окружающим сад Дилькуше. С севера шла дорога в Бахши-тепа, а с востока примыкали земли сел. Наккашан и ворота сада Баг-и баланд. С юга протекал арык Кутарма и находился ров, окружавший сад Баг-и баланд.

В начале XX в. этот вакфный участок, площадью более 160 десятин, замыкался смежными кишлаками — Дунги, Карачуры и Урта, образовавшимися в начале XIX в. при эмире Хайдаре. По этим данным, сад Дилькуше находился между кишлаками Карачуры и Урта и западнее от них.

Сады Тимура Баг-и чинар, Баг-и баланд и Баг-и мейдан также располагались в Шавдарском тумане[81].

Один из лучших садов Тимура, Баг-и баланд, разбитый на возвышенности, оканчивающейся к Зарафшану обрывом, с которого открывается вид на долину этой реки, спустя более полутора веков после смерти своего основателя, в

---

[80] بابر نامه, л. 62б.

[81] В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 32—34.

973/1565 г., еще пребывал в цветущем состоянии и принадлежал в это время некоему Тангри-Кули-бий аталыку. В этом же году сад Баг-и баланд с другими смежными землями был куплен какой-то принцессой. Часть колоссальной глинобитной стены, когда-то окружавшей этот сад, можно было видеть еще в конце XIX—начале XX в. На месте сада Баг-и баланд находится теперь селение того же наименования, а на месте садов Баг- и мейдан и Баг-и чинар — сел. Баг-и мейдан, время образования которого неизвестно[82]. И другие крупные имения, сады и виноградники времен Тимуридов существовали до недавнего времени (начало XX в.). Так, селение Камангаран, известное под этим названием еще при Тимуридах, расположено было в четырех верстах западнее Ургута, у подножия Шавдарских гор, при входе в ущелье на берегу горной речки. Оно отличалось здоровым климатом и служило дачным местом Ходже Ахрару, который здесь и умер (1490 г.) Ходжой Ахраром приобретено было у разных лиц из камангаранских и близлежащих земель много пахотных участков и садов, обращенных в вакф построенного им в Самарканде медресе. Границы этих участков на востоке доходили до земель сел. Андака, вблизи Ургута, а на севере до арыка Аббаса, который, кажется, служил северной границей камангаранских земель[83]. Селение это как в то время, так и позднее (начало XX в.) отличалось обилием виноградников.

Высокая культурная традиция времен Тимуридов в области земледелия и садоводства была воспринята и продолжена во времена господства Шейбанидов и Аштарханидов.

В источниках периода господства узбеков встречается множество упоминаний о садах и виноградниках, различные термины из области садоводства. В объяснении двух встречающихся рядом терминов «чахарбаг» и «баг» в исторической литературе существуют разные мнения.

П. П. Иванов считал, что под чарбагами, или чахарбагами, «следует, по-видимому, понимать поместья бухарских феодалов, как светских, так и духовных»[84]. В. Л. Вяткин объяснял их просто как «сад»[85].

Не возражая против этих мнений, мы попытаемся внести некоторые уточнения для лучшего понимания данных терминов.

---

[82] В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 34. О садах Тимура см. ркп. ИВ АН УзССР, № 13, л. 58—59.

[83] В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 26.

[84] П. П. Иванов. «Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана хивинского (1856—1865), Записки ИВ АН СССР, VI, 1937, стр. 45.

[85] В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 33.

Этнографические исследования, проведенные нами в различных районах Бухарского оазиса, позволили выяснить следующее: под термином «баг» (باغ) в Бухаре подразумевается виноградник. Старые опытные крестьяне объясняют, что «виноградник не любит других деревьев», т. е. виноградник хорошо развивается и дает обильный урожай под солнцем, а в саду, где имеются другие деревья, виноградник развивается плохо: подвергается болезням, и урожай бывает низкий[86].

Под названием „чахарбаг, чарбаг" (چهار باغ چار باغ—) понимаются сады со всеми фруктовыми деревьями и виноградниками. В оазисах Ташкента и Ферганы „баг" (сад) также отделяется от „виноградника" („узумзор", „токзор"). Но вместе с тем как в Бухаре, так и в других районах есть сады, где фруктовые деревья перемежаются с виноградником, строительными деревьями и декоративными растениями. Такие комплексные сады называются тоже „баг" (сад)[88].

То, что термины „сад" (بـــاغ) и „фруктовый сад" (چهار باغ) отличны друг от друга, освещено в дореволюционной этнографической литературе. Так, еще А. Л. Кун писал, что „сады Шахрисябза, как и вообще во всей Средней Азии, делятся на баг, чарбаг и чакалак. Первым называются сады, состоящие из одного вида фруктовых деревьев, и по преимуществу этим словом определяются виноградные сады, вторым—сады с деревьями разных фруктов; третьим же, чакалак, называются сады без фруктовых деревьев, с одним строевым лесом, искусственно разведенным"[89].

Вышеописанные сады Тимура, по-видимому, были комплексными садами. В источниках они названы «багом»[90], поэтому перевод их как «сад» нам кажется правильным[91]. Такие комплексные сады со свободной площадью под бахчевыми и овощными культурами в Ташкенте и его северо-восточных районах называются «мейданом»[92]. Часто в таких

---

[86] Этнографические записи автора за 1958 г.
[87] Там же.
[88] Там же.
[89] А. Л. Кун. Очерки Шахрисябзского бекства, стр. 221.
[90] См., например, بابر نامه л. 58а—б; Самария, СПб., 1905, стр. 5—6 (таджикский текст).
باغهای که تمور بنا و ترتیب داده در سمرقند هفت باغ است
[91] В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 33.
[92] Этнографические записи автора за 1959 г.

комплексных садах воздвигались прекрасные замки (قصر بديع) и другие жилые помещения.

Описание «редкостного замка» Шейбани-хана в Каршинском чахарбаге приводится в «Михман-наме-йи Бухара»[93].

Понятие «чахарбага» (в отличие от «баг») раскрыто в одном из документов из архива джуйбарских шейхов. Документ этот представляет собою дарственную грамоту Абдулла-хана, выданную в 978 (1570/1571) г. на имя джуйбарского шейха Ходжи Са'да в связи с пожалованием последнему трех чахарбагов с прилегающими к ним угодьями:

«...Подарил я (Абдулла-хан.—*М. А.*)... Ходже Са'ду, известному под именем ходжи Калян-ходжи, сыну... ходжи Мухаммед Ислама, известного под именем ходжи Джуйбари..., целиком и полностью три чахарбага, состоящие из плодоносных и неплодоносных деревьев и многих высоких зданий и трех участков под виноградником и одного участка земли, состоящего из сорока танабов[94] [под бахчой и огородом], и трех других земельных участков, на которых растет клевер, причем все они смежны с разграниченным владением и расположены в местности Фашун тумана Руд-и Шахр-и Бухара»[95].

Подробное изложение планировки (طرح چهار باغ) чахарбага для эпохи Аштарханидов мы видим в «Убайдулла-наме» в разделе «О закладке чахарбага Ханабада... на западной стороне города [Бухары]...».

Весною 1121/1709 г. Убайдулла-хану «пришла мысль раз-

---

[93] مهمان‌نامهٔ بخارا, ркп. ИВ АН УзССР, № 5885, л. 219а—б. С восхищением о каршинских садах пишет и автор „Ал-Матла' ал-Фахире", л. 225а—б.

[94] Танаб (собственно веревка) — мера для измерения земли. Размеры танаба были различны, в зависимости от местности и эпохи. Танаб шариатский равнялся джарибу, который состоял из 60 × 60 (3 600 кв. гязов), но так как гяз в одних случаях приравнивался к локтю (10,5—11 вершков), а в других — к метру, то и размеры танаба были различны. К моменту завоевания Средней Азии русским царизмом танаб был равен в Бухаре (вместе с Самаркандским районом) 600—625 кв. саж., в Ташкентском (Кураминском) округе 600 кв. саж., в Хивинском оазисе — 900 кв. саж., причем там, наряду с этим повседневным хозяйственным танабом, существовал также танаб в 40 кв. саж., о котором упоминается еще раз в начале 70-х годов XIX в. См.: А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 151—152; Л. Н. Соболев. Заравшанский округ, стр. 322; М. И. Бродовский. Заметки о земледелии в Самаркандском районе, Русский Туркестан, вып. 2, М., 1872, стр. 240; Военный сборник, 1874, № 9, стр. 135.

[95] Переводы документов „Из архива шейхов Джуйбари", документ 120; П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 164—165.

бить чахарбаг, который был бы произведением его рук»[96]. «То, что у него по сему поводу было в сердце, он открыл Ходже Балту-и Сарайи, бывшему кутвалом[97] небовидного дворца его величества». Указанный кутвал приступил к «сему делу с полной готовностью и усердием. Было решено разбить чахарбаг на западной стороне города, вблизи ворот Талипач». Опытные архитекторы[98] и строители[99] из Балха и Мавераннахра, искусные и талантливые зодчие были собраны из всех областей и стран. Они «приступили, в силу высочайшего повеления, в том месте к работам по устройству чахарбага. Они очертили квадрат, каждая сторона которого была равна 1 500 шариатским зар'ам[100], [эта площадь] состояла из нескольких садов, прилегавших друг к другу. Посредине каждой [стороны] возвели ворота из четырех высоких колонн»[101]. Работа по сооружению чахарбага до зимы не прекращалась ни на один день.

С весны следующего года работа возобновилась снова. „Площадь сада геометрическим порядком разбили на квадратные кварталы, шестиугольные и трехугольные лужайки и обсадили проходы (گذر و اطراف) и [все] стороны сада молодыми тополями; шестиугольники и треугольники по сторонам украсили плодовыми деревьями".

„Когда закончили посадку деревьев, последовало благословенное повеление построить среди чахарбага усадьбу

---

[96] دست کشت مبارکش باشد

[97] کتوال Им в Бухаре называлось лицо, производившее (ханские) постройки за счет ханских средств и по указанию хана. Эти функции кутвала сохранялись еще в XIX в. См.: Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 186. Для более раннего периода об обязанностях кутвала см. А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 147—150. Первоначально индийский термин „кутвал" означал „начальник крепости".

[98] مهندسان کاردان

[99] مربع طرح

[100] زرع شرعی — зар' (арабск.) — мера длины, равная одному гязу (около 1 *м*).

[101] مربع طرح انداختند هر صنعی هزار و پانصد زرع شرعی مشتمل بر چند باغ که پید است یکدیگر و درمیان هریك از آن ارکان اربعه دروازه محالی کشادند.

(каср)[102]. Опытные строители (کاردان), приложив к сему руки, воздвигли чрезвычайно красивую усадьбу и пленительный дом увеселения, начертив его план[103] пером глубокого знания на скрижали искусства таким образом, что он превышал все границы и меры возможного. Занимались постройкою и днем и ночью".

«Ходжа Балту-и все время был [безотлучно] прикреплен к сему делу, и ему не было дано передышки даже на день». Сам Убайдулла-хан в течение трех месяцев лично наблюдал за ходом стройки. «Когда эмиры увидели такое устремление благородных мыслей государя мира, то каждый из них исполнил долг службы, приведя работников из местностей, являвшихся их собственными имениями».

«Все четыре стороны усадьбы украсили зеленью, а его лужайки — разного рода цветами; во все стороны бежали большие и малые оросительные арыки, по которым неслась весьма чистая и приятная вода». В конце описания приводится в стихах «та'рих» (дата закладки сада и зданий) — 1121/1709[104].

В «Абдулла-наме» имеется сообщение о чахарбаге в Ташкенте, в районе Кайкауса, который служил летней резиденцией правителей Ташкента. Предание связывает происхождение сада-резиденции с именем Шейбанида Суюнич (Суюнчук)-хана (1510)[105]. В 987 (1579/1580) г. Абдулла-хан в свою бытность в Ташкенте останавливался в этом чахарбаге[106]. Хафиз-и Таныш (Хафиз-и Тыныш) же сообщает о заложении чахарбага в Бухаре Абдулла-ханом в 966 (1558/1559) г.[107].

Наряду со светскими феодалами, ханами и эмирами, сады-резиденции или сады-имения разводили представители

---

[102] قصری در میان چهار باغ بناکنند

[103] طرح (тарх.). Это техническое выражение можно понять и в буквальном смысле, ибо среднеазиатские архитекторы чертили на бумаге свои планы со всеми расчетами и деталями. Несколько таких планов прошлых времен хранится в ИВ АН УзССР.

[104] تاریخ اوبهشت نشان т. е. „отмеченный признаками рая". Подробное изложение закладки „чахарбага" см.: Убайдулла-наме, л. 165а—169а; русский перевод А. А. Семенова, стр. 184—189.

[105] Знаменитый персидский поэт начала XVI в. Васифий, проживший в Ташкенте ряд лет, в нескольких местах своего сочинения восхваляет чахарбаг Суюнич-хана. См. بدایع الوقائع ркп. ИВ АН УзССР, № 3344, л. 160 и сл.

[106] عبداللهنامه ркп. ИВ АН УзССР, № 5363, л. 492.

[107] Там же, л. 218.

духовенства. Сады шейхов Джуйбари не уступали загородным садам Ходжа Ахрара в Самарканде.

По сообщению Хафиз-и Таныша Бухари, Ходжа Мухаммед Ислам Джуйбари воздвиг медресе и мечеть у мазара своего деда Абу-Бекра Са'да и задумал разбить вокруг мазара чахарбаг. Для этой цели он, собрав «искусных архитекторов (مهندسان) и опытных строителей", начал строительство в 965/1558 г. Разбивка садов с великолепными зданиями продолжалось 10 лет. Были вырыты красивые водоемы (хаузы); по многим арыкам журчали проточные воды. В саду были цветники, аллеи декоративных деревьев (ива, кипарис, арча, горный кипарис, عرعر — тоже род арчи, чинара и др.) и почти все виды фруктовых деревьев[108].

Количество садов у джуйбарских шейхов впоследствии увеличилось, судя по документальным источникам, за счет приобретения. Эти сады-чахарбаги разных размеров находились в различных районах Бухарского ханства. Даже земельный участок с пятью деревьями назван чахарбагом[109]. Но большинство чахарбагов были значительных размеров с хозяйственным инвентарем, жилыми и хозяйственными помещениями, арыками, хаузами (водоемами), земельными участками для бахчи и овощей, виноградниками.

В одном из документов «Из архива шейхов Джуйбари»[110] говорится: «Продал я (некий Маулана Дуст Мухаммед, сын Маулана ходжи. — *М. А.*) по доверенности продажей окончательной и нерасторжимой, законной, подлежащей исполнению... Велихану Мирзе, сыну... эмира Ак Са'ид-бия, целиком и полностью сукнийат сада (комплекс хозяйственного строения; подробнее об этом термине ниже), состоящего из плодоносных и неплодоносных деревьев, хауза и двора... моего доверителя, расположенные в селении Сумитан тумана Руд-и Шахр-и Бухара»[111].

Сады и виноградники огораживались дувалом-пахсой или дренажной канавой (завур). Вот пример: «Продал я лично (некий Мирек Али. — *М. А.*) и по доверенности продажей окончательной, нерасторжимой, законной, подлежащей испол-

---

[108] نامه عبدالله л. 216а—218б.

[109] См: Переводы документов „Из архива шейхов Джуйбари", док. 144, 200, 203, 211, 212, 248, 286; П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 213, 215, 220, 221, 239, 259.

[110] Переводы документов „Из архива шейхов Джуйбари", док. 211.

[111] Там же.

нению... ходже Мухаммед Исламу, известному под именем Ходжи Джуйбари..., целиком и полностью один огороженный участок, состоящий из шестидесяти виноградных лоз разного сорта, клеверного поля, гранатовых деревьев, фигового (инжирного) сада и неплодовых деревьев, принадлежащих мне и (моей) доверительнице, находящейся в местности Джуйбар-и Ариз»[112].

От фруктовых садов и виноградников шейхи Джуйбари получали весьма значительный доход. Бадр ад-дин Кашмири указывает, что во время нашествия кочевых узбеков цветущие древние сады Мавераннахра, в том числе сады в Джуйбаре (Сумитане), пришли в опустошение и погибли (چهارباغ قدیم که درفترات اوزبیك خراب و خشك کشته‌بود). Автор приписывает исключительную роль в возрождении садоводства в Бухаре, Карши, Балхе, под Мервом, в долине реки Вахша, в Хисаре, Кубадиане и других вилайетах шейхам Джуйбари. Сады и виноградники шейхи создавали по специально разработанному плану (بطرح خاصه و اختراع خلاصه پرداخته... ساخته). Автор отмечает, что в различных селениях под Бухарой шейхи Джуйбари разбили „райские сады" (ریاضی رضوان آراسته). Сады и виноградники украшались не только редкими деревьями и сортами винограда, но и редкостными декоративными растениями, горными кипарисами (عرعر), разнообразными цветами (گلهای رنگا رنگ). Только под Бухарой шейхи имели 260 танабов таких садов и виноградников.

Сады с четырех сторон ограждались высокими заборами. В них строились жилые и иные помещения. Выполнение этих работ по указу Абдулла-хана возлагалось на кутвала «высокого дворца»[113].

В документах, где описываются фруктовые сады и виноградники, определяется размер площади, наряду с термином «танаб», употребляется термин «данг» (دانگ). В документе № 144[114] говорится, что «участок земли составляет приблизительно пять танабов и четыре данга» (данг составляет 1/6 танаба). Термин «данг» применяется по отношению к дорогостоящим, обильно орошаемым землям, чахарбагам и клеверникам.

---

[112] Переводы документов «Из архива шейхов Джуйбари», док. 248.
[113] Подробнее см. Равзат ар-ризван, л. 265а — 301б, 316б.
[114] Переводы документов «Из архива шейхов Джуйбари», док. № 144.

Для определения размера больших площадей малоорошаемых и неорошаемых земель в Бухарском оазисе существует другой термин «дан» (دان). Один дан равен 1000 танабам земли. При бухарских ханах обычно даном определялись земли Каракульских вилайетов и Бухарских вилайетов Вабкента, Рамитана и Джандара[115].

Разумеется, чахарбаги и виноградники разводили не только правители и высшее духовенство. Все земледельцы, особенно богатые крестьяне, исключая, конечно, деревенскую бедноту, работающую по найму, имели свои чахарбаги и виноградники.

Городское население также имело сады в пригородах. У народов Средней Азии долгое время существовала традиция откочевывать летом из селений и городов в сады, виноградники и бахчи[116].

Средняя Азия, в частности Бухарское ханство, в средние века славилась своими изумительными фруктовыми садами. В садах Средней Азии произрастали все фрукты, включая цитрусовые.

Бабур-мирза, описывая оазис Самарканда, отметил: «Сады и пригороды и некоторые туманы Самарканда славятся водою Кухака (Зарафшана). Виноград, дыни, яблоки и гранаты и вообще все плоды Самарканда хорошие. [Особенно] два сорта самаркандских плодов славятся: самаркандские яблоки и самаркандский «сахиби»[117]. У народов Средней Азии большой славой как фрукт и лечебное средство пользуются гранаты.

Бабур восхищался бухарскими плодами и дынями.

«Плоды там изобильны и превосходны, очень хороши дыни. Нигде в Мавераннахре не бывает так много дынь и

---

[115] Этнографические записи автора за 1958 г.

[116] Этнографические записи автора за 1957—1959 гг.

[117] سمرقند نینك باغات و محلات ونچه تومانی آب کوهك سویی بیله مشهوردور سمرقند اوزومی وقاونی والماسی اناری بیله چمیع میوه‌سی خوب بولور یکی میوه سمرقند دین مشهور دور سیب سمرقند وصاحبی سمرقند مشهوردور بابر نامه

Ркп. ИВ АН УзССР, № 13, л. 58б—59а. Сахиби—широко распространенный в Средней Азии сорт винограда. Народное предание связывает происхождение сортов виноградника „сахиби" и „дара-и" с именем Алишера Навои. Согласно этим преданиям, у Навои в его гератских садах, был садовод по имени Сахиб-Дара, который выводил многие новые сорта фруктовых деревьев и винограда. В память своего знаменитого садовника Навои назвал два сорта винограда его именем—сахиби и дара-и.

таких отличных, как в Бухаре. Хотя в области Ферганы, в Ахси, есть сорт дынь, называемый Мир-и Тимури, которые слаще и нежнее бухарских, но в Бухаре много дынь всяких сортов, и они хороши. Бухарские сливы также знамениты; таких слив, как бухарские, нет нигде. Их очищают от кожицы, сушат и вывозят в качестве подарка из одной области в другую. Эти сливы прекрасное послабляющее лекарство. В Мавераннахре нет вин крепче, чем бухарские вина. Когда в Самарканде я в первый раз пил вино, то пил бухарское вино»[118]. Бабур хвалит также каршинские дыни и хлеб[119].

У автора «Самарии» мы читаем: «В Самарканде растут различные сорта плодов: дыни, арбузы, яблоки, абрикосы, персики, бухарские сливы, обыкновенные сливы, круглые сливы, винные ягоды, черешня, груши, айва, вишня, орехи, виноград разных сортов, боярышники»[120]. Автор приводит также множество названий декоративных кустарников и цветов[121].

Такие же красочные и подробные описания встречаются в «Статейных списках» русских путешественников, посетивших Средней Азию в XVI—XVIII вв. «Садов в Ташкенте множество, родятся виноград, персик, винные ягоды, яблоки и груши»[122], — писали Карл Миллер и геодезист Алексей Кошелев, сопровождавшие русский купеческий караван в Ташкент (1738—1739)[123].

Образное описание садов в Средней Азии, в частности, в Ташкенте, дает Филипп Назаров в своих «Записках»: «В сем месте (Ташкенте. — *М. А.*) самый лучший климат. Земля производит все то, что может удовлетворить вкусу и взору самого взыскательного человека. Проезжая владение сие, везде видишь виноградники и фруктовые сады, в коих гранатовые, персиковые и другие деревья сгибаются под тяжестью плодов своих, а беспрестанно встречаемые ключи, речки и искусственные водопроводы, осеняемые высокими тополями,

---

[118] بابر نامه

[119] Там же, л. 64а.

[120] Самария, стр. 161—162.

[121] Там же.

[122] И. И. Рычков. История Оренбургская, стр. 40, 44; Он же. Топография Оренбургская, стр. 32—34.

[123] См.: М. Абдураимов. Первый русский купеческий караван в Ташкент (1738—1739), Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1955, № 6, стр. 87—93.

кажется, призывают путешественника к прохладным струям»[124].

Другой русский путешественник, Бланкеннагель, посетивший Среднюю Азию в конце XVIII в., заметил разрозненность (оазисный характер) годных к земледелию земель в Бухарском ханстве, отмечая, что большую часть земли в Бухаре составляют бесплодные, гористые и пустынные почвы. Вместе с тем он отмечал наличие в Бухаре «плодоносных и водою обильных земель», заселенных земледельцами[125].

Н. В. Ханыков, побывавший в Бухаре в 40-х годах XIX в., писал, что «главная отрасль земледельческой промышленности — есть садоводство. Сады, кроме серебристого тополя, других нефруктовых деревьев не имеют. Фруктовые же деревья и кустарники таковы: виноградники, гранатовые деревья, смоковницы (инжир), персиковые деревья, яблони, грушевые деревья, вишни и, наконец, синджид или джида»[126].

Он же приводит названия 13 сортов винограда, культивировавшихся тогда в Бухаре: халили, халили сафид, хусейни, шакар-ангур, кишмиш, джаус, маска, ангур-и сафид, бихишти, сахиби, тайфи, шибиргани, ангури сийах[127]. Давнишними сортами винограда в Бухаре были чарас, катта-курган, дара-и нимранг[128].

«Из винограда бухарцы делают троякое употребление: 1) приготовляют род патоки, называемой ширни, 2) уксус, 3) изюм»[129].

Абрикосов насчитывает три сорта: «1) хасаки, 2) ширпайванд — дает всегда белые плоды и получается не иначе, как через прививку, 3) махмури — выводится из косточек ширпайванда, плоды их бывают несколько краснее и несколько менее предыдущих, и оба они поспевают в начале июля[130].

В то время в Бухаре насчитывалось восемь сортов яблок: 1) тальх-и сиб — большие круглые; 2) джау-назик — маленькие, желтые и сладкие; 3) ходжи-хани — белые, величиною с кулак; 4) рахш — бывают белые и красные; 5) сиби-турш — больше третьего сорта и желтоваты; 6) мушкин-сиб — вели-

---

[124] Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 гг., СПб., 1821, стр. 36—37.

[125] Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 гг. с примечаниями В. В. Григорьева, Вестник географического общества, т. XXII, 1858, стр. 100.

[126] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 120—121.

[127] Там же, стр. 121—122.

[128] Этнографические записи автора за 1958 г.

[129] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 123.

[130] Там же, стр. 128.

линою с кулак, желтоватый, ароматный; 7) мах-тоби — величиною с сиби-турш, но белого цвета; 8) сиб-и сурх — красные, не слишком велики. «Осенних яблок в Бухаре нет, поздно осенью и в начале зимы их привозят из Хивинского ханства, преимущественно же из Хазараспа»[131].

Кроме названных видов фруктовых деревьев, в садах Бухары были сливы, мурид (род груш) трех сортов (кандак, кадумурид и муруд); груши двух видов: нашботу нокан и нашботу гирамахи, поспевающие в конце октября (в Бухаре их продают всю зиму); айва двух сортов. Фрукт этот в сыром виде в пищу не употребляют, но довольно часто применяют в домашнем хозяйстве: семена его идут на лекарства, самый же фрукт кладут в суп, запекают в тыквах с говядиной и т. д. и, наконец, вареный употребляют как лекарство[132]. В Бухаре имелась также разных сортов вишня. Миндаль (бодам) поступал на базар в Бухару главным образом из Шахрисабза[133].

Н. Ханыков в своем «Описании», делая вывод, что садоводство приносит большую пользу ханству, вместе с тем упрекает бухарцев в том, что они мало пользуются выгодами, предоставленными им природой. Так, например, «дорогою ценою покупают они (бухарцы. — *М. А.*) у нас (в России. — *М. А.*) сахар. Между тем избыток винограда и тута (шелковица) так велик, что из него делают патоку»[134].

Сушеные фрукты составляли важный продукт в экспорте Бухары. Н. Ханыков отмечает, что «главные привозные статьи (бухарских купцов. — *М. А.*) к нам составляют: сушеные фрукты, рис[135].

«Абрикосы сушат и вывозят в Россию под именем урюка, базарная цена (в Бухаре. — *М. А.*) 1 сорта в начале 8 тенег, а потом опускается до 4 тенег за батман. Урюк продается в России в начале тенег по 15 за батман, а в конце цена его возрастает до 1 тилли. Продажная цена сухих слив от 2 до 1 $^1/_2$ тилли (за батман). Вывозят в большом количестве и высушенный виноград, который называется изюмом»[136].

Позднейшие исследователи, описывая флору Бухарского ханства, отмечали, что территория Бухары, обладая самою разнообразною растительностью, представляет, с одной стороны, местность, где на высоких горах произрастают многие

---

[131] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 129—130.
[132] Там же, стр. 132.
[133] Там же, стр. 129—135.
[134] Там же, стр. 136.
[135] Там же, стр. 128.
[136] Там же.

виды северной флоры, в то же время в закрытых долинах встречается южная растительность, причем не как редкость; по мере подъема на высоту гор можно увидеть постепенную смену растительности, присущую каждому данному климатическому поясу. В этих исследованиях названы следующие фруктовые и лечебные растения:

1) шиповник — на всех горах ханства. Ягоды служат потогонным средством;

2) боярышники — на всех горах ханства. Ягоды являются слабительным средством;

3) гранатовое дерево — в восточных районах ханства;

4) грушевое дерево — в садах западной части ханства; в диком виде растет в горных местностях. Имеются деревья нескольких видов;

5) яблоня — в горной Бухаре; разнообразием не отличается; в диком состоянии растет в Гиссарских и других горах;

6) вишня мелкая красная. Растет почти во всех садах, расположенных в долинах и на склонах гор;

7) черешня белая и черная растет во всех садах западной части ханства, встречается в закрытых долинах горной Бухары;

8) алу-бухари — мелкая бухарская слива, представляющая собою как бы переходный вид от вишни к сливе, черного и белого цвета. Растет в западной части ханства, а также в закрытых долинах восточной части;

9) алыча или кок-султан. Мелкая белая слива; растет во всем ханстве;

10) чернослив — крупная синяя слива; растет во всех садах ханства;

11) персиковое дерево. Имеется несколько разновидностей и встречается в ханстве повсюду, кроме возвышенных мест;

12) абрикосовое дерево (урюк). Имеет много разновидностей и встречается во всех садах ханства. Лучшие сорта распространены в Ходженте и Ашке;

13) грецкий орех. Растет в диком виде главным образом в восточных районах ханства;

14) миндальное дерево. Встречается во всех садах по Амударье, а также в закрытых долинах Бухары и в долине р. Зарафшан.

15) инжир — винная ягода. Растет, кроме высоких гор, во всем ханстве;

16) тутовое дерево — растет на всем пространстве ханства;

17) джида — низкорослое дерево, очень твердое, растет по долинам рек Амударьи, Зарафшана и их притокам значительными лесными участками;

18) кара-джида — то же, что и джида;

19) виноград разводится по всей территории ханства (в закрытых долинах), в особенности его много в долинах Зарафшана и Кашкадарьи; сорта разнообразны[137].

Садоводством занимались в Бухарском ханстве в каждом кишлаке, каждая семья. Фрукты, особенно сухие, играли значительную роль в экономике населения. В бедных семьях они заменяли пищу и сахар, а в богатых — сахар.

Славились виноградарством Керменинский, Хатырчинский, Шахрисабзский, Гузарский, Чиракчинский, Каршинский, Каттакурганский, Миянкальский районы, Каракульский и Бухарский туманы[138].

Помимо садовых деревьев, во многих местах Бухары встречались дикорастущие фруктовые деревья. Например, многие отроги гор были покрыты фисташковыми деревьями, дающими огромное количество фисташек, которые употреблялись местным населением и в значительном количестве вывозились на иностранные рынки, в первую очередь — в Россию[139].

В анонимном труде, условно названном فن كشف و زراعت („Трактат по агротехнике“)[140], многие страницы посвящены садоводству и агротехнике садоводства[141]. Так, в главе пятой говорится о посадке деревьев, в шестой—о посадке виноградных лоз и маслины, в седьмой—о посадке всех вообще деревьев и особых условиях, необходимых для каждого вида, восьмая говорит о прививках деревьев, а девятая—о сборе плодов и их применении[142].

В другом интересном труде по истории земледелия, составленном в Хорасане ارشاد الزراعه فى علم الحراثه („Наставление к посевам в [области] науки о земледелии“)‘

---

[137] Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. I, СПб., 1911, стр. 131—133; т. II, стр. 103.

[138] Там же, т. II, стр. 103—104.

[139] Там же, т. II, стр. 103.

[140] Ркп. ИВ АН УзССР, № 565/II. Этот труд переплетен вместе с другим трудом по истории агротехники — «Наставление к посевам».

[141] М. Абдураимов. Два среднеазиатских сочинения по истории агротехники, Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1966, № 6, стр. 105 и сл.

[142] Ркп. ИВ АН УзССР, № 565, л. 1б.

впервые введенном в научный обиход И. П. Петрушевским[143], большое внимание уделено садоводству, уходу за фруктовыми деревьями[144].

Согласно данным, содержащимся в вышеназванных источниках, выделяем следующие виды фруктовых деревьев, культивировавшихся в Средней Азии: абрикос (زردالو), миндаль (بادام), персик (شفتالو), гранаты (انار), айва (بهی), груша (امرود), два сорта яблок (سیب), вишня (الوبالو), черешня (گیلاس), инжир (انجیر), грецкий орех (جوز), винная ягода (инжир-смоковница), тутовник (توت), фисташка (پیسته), орех (فندق) и др.[145]

Помимо садоводства, довольно значительное место в земледелии Бухарского ханства занимали бахчевые и овощные культуры.

10-я и 12-я главы вышеназванного анонимного «Трактата по агротехнике» посвящены бахчевым и овощным культурам[146].

Большой научный и познавательный интерес представляет раздел источника, повествующий о полезности овощей для здоровья и укрепления организма человека. Овощи, — говорится там, — такие, как морковь, капуста (کرنوب), белая свекла, лук, чеснок, редис, редька и другие предохраняют организм человека от зуда и гнойных нарывов (харош), заболевания астмой (сина), кашля (сафра), икоты (фавак), водянки (истска) и опухолей. При этом различается, какие овощи надо кушать в сыром виде (редиска, редька, капуста, морковь, чеснок) и какие в вареном, и с чем их кушать. В большинстве случаев источник рекомендует кушать овощи с медом. Овощи, как отмечает «Фан кашф», особенно полезны для женщины, кормящей грудью[147]. Далее автор рекомендует зелень как приправу к кушаньям.

Абу Тахир Ходжа в «Самарии», писал, что в «Самарканде растут различные сорта дынь и арбузов. Из пахучих растений (зелени) произрастают: балянгу (род огурцов), занджа-

---

[143] И. П. Петрушевский. Из истории орошения и техники сельского хозяйства в Иране в XIII—XV вв., Ученые записки Ленинградского университета, № 179, История и филология стран Востока, Л., 1954, стр. 175 и сл. В Ташкентском списке отсутствуют 4—7 главы. Поэтому ссылаться на этот источник будем по работе И. П. Петрушевского.

[144] Ркп. ИВ АН УзССР, № 565, л. 31а (63а) и сл.

[145] Там же, л. 31а—35а (63а—67а).

[146] Там же, л. 31а—32а.

[147] Там же.

биль (имбирь), калямфур-и сурх (стручковый перец), кашниз (кориандр), шиват (укроп), райхан (базилик), бадиян (анис), зира (тмин), бадиян-и руми (сорт тмина)[148].

«Из растений, употребляемых в приправу к кушаниям (в Самарканде), растут: морковь, лук, репа, курнуб (капуста), редька, свекла и др.»[149].

Сообщения местных источников подтверждаются более обстоятельными и подробными сведениями русских источников, правда, относящимися к более позднему периоду, однако, вряд ли в первой половине XIX в. появились новые овощные растения, ранее не известные в Средней Азии.

«Вторая отрасль земледельческой промышленности, — пишет Н. Ханыков в своем «Описании», — весьма распространенная в Бухарском ханстве, есть огородничество. Огородные культуры, возделываемые в Бухаре, суть свекла, морковь, редька, капуста, лук, огурцы, горох, чечевица, бобы, дыня, арбузы и тыквы»[150]. Н. Ханыков указывает на два сорта бухарских прославленных дынь — ранних (ноган) и поздних (бигаи). Он приводит десять названий ранних сортов бухарских дынь с подробными описаниями их качества: кукча, ширази, кашкари, шекарпора, биг-зоти, загара-и сафид, загара-и сиах, бури-калласи, кара-киз и барганай. Шесть названий дынь поздних сортов: абинабат, зармитани, кара-кутр, чарджуи, кара-киз и шекар-пора[151]. Указаны также пять столовых сортов тыквы, которые употреблялись в пищу среднеазиатскими крестьянами: каду-и зард, каду-и сафид, каду-и ургенджи, дастаркаду, алапучак.

Кроме того, четыре сорта тыквы шли на изготовление различных сосудов: чилим-каду, сарахи, носкаду и чуп-каду[152].

Несмотря на изобилие сельскохозяйственных продуктов, пища населения Бухарского ханства, как и населения всей Средней Азии, по отзывам русских послов и путешественников XVII—XVIII вв., была крайне скудна[153].

Детальное описание пищи жителей Зарафшанской долины, чрезвычайно простой и неодинаковой у всех классов обще-

---

[148] Самария, стр. 161.

[149] Там же, стр. 162.

[150] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 137.

[151] Там же, стр. 138—139.

[152] Там же, стр. 140—141. Более подробные сведения о бахчевых и овощных культурах имеются в следующих этнографо-географических трудах: В. В. Радлов. Средняя Зарафшанская долина, стр. 15—16; А. Л. Кун. Очерки Шахрисябзского бекства, стр. 219—220; Л. Н. Соболев. Зарафшанский округ, стр. 260—265; Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, стр. 101—102.

[153] Флорио Беневени. Реляции из Бухары, стр. 237 и сл.

ства, дано В. В. Радловым для позднейшего периода. «Бедные и работники, — сообщает он, — большею частью питаются фруктами и хлебом... Дыни, которые в самом деле великолепны, во время позднего лета почти исключительной пищею служат бедным».

«Из вареных блюд общеупотребительное — пилав. В Бухаре называют его просто «аш» (пища). Другое кушанье, которое в большом употреблении, это — лапша, вареная на бульоне или на молоке. Нередко приготовляют баранину, жареную мелкими кусочками. Кушанья из молока, даже кислое вареное молоко (айран), редко встречаются. На базарах продают пельмени, вареные в ситах паром (манты. — *М. А.*): они очень жирны, но довольно вкусны.

Чай у богатых зеленый, в особенном употреблении. Его подают с миндалем, изюмом и сушеными фруктами.

Упомянутые блюда встретишь у богатого и бедного, и даже стол эмира не отличается другими переменами»[154]. Что касается упоминания о чае в Бухаре (и вообще в Средней Азии), следует заметить, что он появился здесь, очевидно, только в XIX в. Ранее в среднеазиатских (по крайней мере, нам известных) источниках он не упоминается.

В горных и степных районах в пищевом рационе населения преобладали продукты животноводства[155].

Дополнив сообщения источников более поздними данными этнографических исследований, определим примерный рацион населения Бухарского ханства: ярма аши (суп из толченной на зернотерке пшеничной или ячменной сечки-крупы — ярмы), ярма-бутка (каша из ярмы), кунак-аши (суп из просяной крупы), сок-аши (суп из пшена), маш-кавак (маш и тыква, сваренные вместе), талкан (толокно из любого зерна или сушеных фруктов), загара (лепешки из кукурузной муки), сикман (лапша, по форме напоминающая украинские галушки), кочи (тоже лапша), куча-аши (суп, приготовленный из очищенной от кожуры кукурузы или пшеницы, иногда из ячменя), атала (похлебка, изготовленная из любой муки), кулча-тай (лапша, нарезанная в форме четырехугольников), кайиш (та же самая лапша, но сваренная в мясном

---

[154] В. В. Радлов. Средняя Зарафшанская долина, стр. 80—81.

[155] Е. М. Пещерева. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи, Ташкент, 1927; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков, Л., 1936; Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, Душанбе, 1954; М. Абдурахимов. Пережитки сельской общины в узбекском кишлаке Хумсан, Советская этнография, 1959, № 4.

бульоне, считается пищей зажиточных семей, к ней прибавляют мясные и другие приправы). Плов готовился по четвергам и базарным дням только в состоятельных домах, бедные же семьи готовили его в году два раза: в большой праздник — ийд, следующий после уразы (поста) и в маленький — ийд-и хурд, празднуемый через два месяца после первого праздника[156].

Для бедняков обычной пищей служили кукурузные лепешки (загара) из муки сорго (джугары), маш и тыква. В Бухаре за лето успевали получать по 2 урожая джугары. У Н. Ханыкова читаем, что сорго «есть одно из полезнейших хлебных растений в Бухарском ханстве, оно по дешевизне своей и по сытости муки составляет главное продовольствие бедных»[157].

Сладостями для населения, пожалуй, во всей Средней Азии служили сухофрукты и патока (ширни) из тутовника, винограда и дынь.

Отголоски былой скудости экономической жизни народа сохранились в фольклорной песне и народных поговорках: «Ёргучоқ[158] тортмас эдим, ночорликдан тортаман. Мошқавақ экмас эдим, оч қолганимдан экаман».

(Не молол бы на ручной мельнице[159], но бедность заставляет; не сеял бы маш и тыкву, но голод заставляет).

Или «Олтин-кумуш тош бўлур, арпа-буғдой ош бўлур».

(Золото и серебро — суть камень, а ячмень и пшеница — суть пища); или «Зағара нонга қорним тўқ, хеч нарсадан гамим йўқ».

(Я доволен уж и тем, что сыт кукурузной лепешкой)[160].

ЦВЕТЫ И АРОМАТИЧЕСКИЕ РАСТЕНИЯ. ЛЕКАРСТВЕННЫЕ РАСТЕНИЯ.

Цветы и ароматические растения, являющиеся своеобразной отраслью земледелия как в Средней Азии, так и в сопредельных с нею странах, имели большое значение[161]. Их разводили в садах не только для декоративных целей, но и для

---

[156] Этнографические записи автора за 1958 г.

[157] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 149.

[158] Ёргучоқ (يارغوچاق)—ручная мельница.

[159] В Средней Азии, как и в других странах Востока, за молотьбу на водяных мельницах и рисорушках платили известную долю из привозимого зерна. Эта оплата называлась галла-и асиё, или хакк-и асиё, или же тегирмон хақи (по узб.).

[160] Этнографические записи автора за 1957—1958 гг.

[161] См.: И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 226—229.

изготовления различных лекарственных средств и предметов парфюмерии.

При планировке фруктовых садов выделялось специальное место для посадки цветов и декоративных растений. Так, 6 и 8 главы «Иршад» и 12 глава «Фан кашф ва зира'ат» посвящены описанию посадки цветов и деревьев в связи с планировкой фруктовых садов[162].

В трактате «Фан кашф ва зира'ат» приводятся названия пахучих роз, рассказывается об их значении для изменения окраски плодов отдельных деревьев (например, персика, граната и т. д.), подчеркивается их лечебное значение[163].

Автор «Убайдулла-наме», говоря о чахарбаге в Ханабаде, отмечает, что во всех четырех сторонах сада дворца были посажены разного рода «огненно-красные цветы»[164].

Абу Тахир Ходжа, описывая древности и мусульманские святыни Самарканда, сообщает, что в Самарканде и его окрестностях из декоративных цветов, которые высаживаются в садах и во дворах, растут следующие: «Гул-и сурх или вард (роза); гул-и настарин (кувшинка); аргуван (роза с ярко-красными цветами); лола-и на'ман (сорт тюльпана); бинафша (фиалка) голубая, красная и белая; гул-и кашгари красного, белого и голубого цветов; гул-и дауда желтого и белого цветов; гул-и чини (китайская роза) красного и белого цветов; гул-и шаб-буи (ночная красавица) белая и лиловая; гул-и назир-йи харам красного, белого и желтого цветов; гул-и сусан (ирис), гул-и ра'но (красная пахучая роза, шиповник); гул-и зебо (роза-красавица); гул-и хинди (бальзамин), простой и махровый, белый и красный; гул-и ханр (мальва), обыкновенная и махровая, белая, красная и черная; гул-и тугма, белая и красная; бостан афруз (петушиный гребень); хамиша бахор (бессмертники); гул-и ашик пичон (عاشق پیچان—вьюн); гул-и ашик мискин; гул-и зульф-и хубон (локон красавиц); гул-и нафармон; гул-и джа'фар (астра) и др. Все эти цветы прекрасного вида и пленительны"[165].

---

[162] См. ркп. ИВ АН УзССР, № 265/II и 561/I.

[163] См. فن کشف و زراعت Каганская литография, 1906, стр. 75 и сл.

[164] Убайдулла-наме, л. 169а.

[165] Самария, стр. 161; таджикский текст, стр. 5—6.

На отрогах гор и в оазисах Средней Азии произрастают ценнейшие лекарственные растения, которые привлекали к себе внимание европейских и русских специалистов[166].

Из лекарственных растений местными табибами (лекарями), а позднее и европейскими специалистами названы следующие: фисташка, инжир (смоковница), клещевник, гранаты (анар), айва, лавендуль, грецкий орех, миндаль, мак, полынь, конский щавель, одуванчик, водяной шпильник, гвоздичные, лен (зыгыр), тысячелетник, дурман, дымчатка, конопля, черная шелковица (шатут), мать и мачеха (байхалча), рябина, вишня и др.[167].

Посевы ак и кок. Небезынтересно остановиться на терминах „ак" и „кок", или „сафид-бари" (سفید بری) и „кабуд-бари" (کبود بری). Эти термины в свое время подверглись всестороннему исследованию П. П. Ивановым[168], но некоторые из них не совсем верно были разъяснены.

Изучение нами источников и наведение справок в разных районах Узбекистана в 1956—1958 гг. у людей старшего поколения, имеющих непосредственное отношение к земледелию, позволяют внести некоторую ясность в толкование этих терминов.

П. П. Иванов считал, что наиболее раннее упоминание терминов «сафид-бари» и «кабуд-бари» на территории Бухарского ханства встречается в письме эмира Насруллы (1827—1860), написанном в месяце мухарреме 1246 (июнь—июль 1830) г.[169].

Наши предварительные исследования свидетельствуют о том, что термины эти употреблялись еще раньше, в самом начале XIX в.[170], в письмах эмира Хайдара. Следовательно,

---

[166] См.: Н. А. Монтеверде и А. Ф. Гаммерман. Туркестанская коллекция лекарственных продуктов Музея Главного ботанического сада, Л., 1927; Б. А. Федченко. Растительность Туркестана, Пг., 1915.

[167] Подробнее см.: И. Краузе. Заметки о медицинских и некоторых промышленных растениях Средней Азии, Русский Туркестан, М., 1872, вып. 2, стр. 264—271. Ср. Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан в кн. акад. Н. И. Вавилова, Соч., т. I, стр. 353—359.

[168] П. П. Иванов. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, Известия АН СССР, отделение общественных наук, 1935, № 8.

[169] П. П. Иванов. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, стр. 751.

[170] См. مکاتیب امیر سید حیدر بهادرخان Ркп. ИВ АН УзССР, № 1961, письма № 66, 481, 711, 823. См.: М. Абдураимов. Некоторые предварительные соображения о письмах эмира Хайдара, Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1959, № 6.

нельзя утверждать, что эти термины не были в употреблении в Бухаре и в XVIII в.

Л. Н. Соболев относит к посевам ак озимые пшеницу, ячмень, лен (зыгыр) и кок нара (мак). Иными словами, к посевам ак относятся все осенние посевы, так называемые трамо-и. Посевы кок — это весенние и летние посевы риса, тарыка (просо), кунака (просянка), маша, нахуда (горох) и джугары (сорго)[171].

Таким образом, в понятия посевов «ак» и «кок» входят только зерновые культуры.

Из писем эмира Хайдара узнаем, что бухарские войска дважды в год получали плату за службу зерновым хлебом: после сбора урожая зерновых сафид-бари (ак) и кабуд-бари (кок).

Этот порядок выплаты жалования натурой и учета податей именно два раза в год сохранился в Бухарском ханстве до прихода русских[172]. А. Л. Кун писал, что «выдача служащим людям вознаграждения натурою производилась два раза в году: первая — в половине лета; она называлась сафид-бари. В это время выдавался ячмень и хлеб (пшеница. — *М. А.*). Вторая выдача производилась в конце осени и называлась кабуд-бари; она состояла из риса и джугары»[173].

А. Л. Кун в своих «Очерках», разделяя зерновые посевы на ак и кок, писал: «Это же подразделение в сельскохозяйственном отношении показывает, что по уборке пашни растений ак можно в том же году ту же пашню засеять и растением кок»[174].

Русский агроном М. Бродовский, как никто другой глубоко изучавший вопросы сельского хозяйства в долине Зарафшана, писал, что все посевные культуры, возделываемые на искусственно орошаемых землях, местным населением делятся на ак — белые и кок — зеленые. Автор определяет значение этих терминов понятиями раннего и позднего урожаев (применительно к России).

М. Бродовский объясняет, что «к посевам ак (ранним) принадлежат озимая пшеница, озимый ячмень, лен, чече-

---

[171] Л. Н. Соболев. Зарафшанский округ, приложение 6, стр. 9 и сл.

[172] См.: Письма эмира Хайдара, № 711.

[173] А. Л. Кун. Бухарские порядки. Заметки о порядке взимания поземельных податей, „Туркестанские ведомости", 1873 № 32.

[174] А. Л. Кун. Очерки Шахрисябзского бекства, стр. 220. Бухарским терминам ак и кок соответствуют арабские термины штави и сайфи (شتوی и صیفی), бытовавшие в средневековом Иране. См. И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 174—230.

вица и нахот (горох), которые поспевают в конце мая или в начале июня, а к посевам кок принадлежат все остальные растения, поздно поспевающие и еще зеленые в то время, как солома первых уже побелела»[175].

Деление сельскохозяйственных культур на осенние (озимые) и весенне-летние было принято во всей Средней Азии. В Фергане и Ташкенте осенние посевы (озимые) обозначались термином «кузги». К кузги относились, главным образом, пшеница и ячмень. Весенне-летние посевы назывались «бахари», «кок» или «кора экинлар»[176].

В Хорезме бытовали те же названия. Под посевами кок подразумевались все зерновые культуры, кроме пшеницы и ячменя.

Описывая один из походов хивинского хана Сейид Мухаммеда (1856—1865) против возмутившегося г. Кунграда (Арал) летом 1858 г., Агехи сообщает следующее:

«В это время (конец июня) в Аральской области пшеница и ячмень уже поспели и частью были сжаты и обмолочены, а посевы кок оставались еще на корнях, [хотя тоже] частью поспевали»[177].

В отношении терминов «сабзе-бари» и «кабуд-бари», которые П. П. Иванов отождествляет с ак и кок[178], следует сказать, что в Бухарском оазисе они применялись только к зерновым культурам, тогда как в долинах Зарафшана и Кашкадарьи относились только к овощным посевам и зелени (морковь, лук, репа, редька, укроп, петрушка и др.).

В Фергане для обозначения бахчевых с давних пор и посей день применяется термин «кора-экинлар» (букв. «черные посевы»). Это подтверждается наведенными нами справками у земледельцев старого поколения в различных районах Узбекистана[179].

Рента натурой из посевов сафид-бари и кабуд-бари взималась почти в одинаковых размерах. Эмир Хайдар в одном из своих предписаний[180] от 1231 (1815/16 г.) поручил Сейид Ахмед Ходже, чтобы тот повелел своим сборщикам податей

---

[175] М. Бродовский. Заметки о земледелии в Самаркандском районе, Русский Туркестан, вып. 2, М., 1872, стр. 259—260.

[176] Этнографические записи автора за 1958 г.; А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, СПб., 1882, стр. 259.

[177] Гулшен-и давлет, ркп. ИВ АН СССР, В, 1891, л. 192а.

[178] П. П. Иванов. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, стр. 750—751.

[179] Этнографические записи автора за 1957—1959 гг.

[180] См. письмо № 711.

взимать ренту и подать из посевов сафид-бари в размере $^3/_{10}$, а из кабуд-бари — $^1/_3$[181].

Между прочим, еще П. П. Иванов указывал, что мнение первого комментатора этих терминов А. А. Семенова[182] о том, что сафид-бари — «хлеб сжатый, убранный с поля», а кабуд-бари — «хлеб на корню, еще не созревший, а потому неубранный», является ошибочным[183].

Хлопководство. Археологическими исследованиями установлено, что культура хлопчатника в Средней Азии известна с первых веков нашей эры. Хлопок засевался почти во всех районах, за исключением горных местностей.

Но до последнего времени в исторической литературе возделывание культуры хлопчатника на современной территории Средней Азии относилось к VI—VII вв. н. э. В. В. Бартольд, ссылаясь на китайские источники, утверждал, что хлопчатник в Туркестане стал известен только в VI в. н. э.[184] О находке хлопчатника в Самарканде, которая была датирована археологами 720 г. н. э., сообщает А. М. Мальцев[185]. Упоминания о культуре хлопчатника в Ташкентском оазисе в VI—VIII вв. имеются в исследованиях А. И. Тереножкина[186]. Наличие хлопка в Хорезме в VI—VIII вв. было установлено и С. П. Толстовым при раскопках замка Тешик-кала[187].

Вместе с тем, археологические раскопки В. И. Спришевского в Чустском районе позволили ему на основании найденного хлопкового волокна датировать появление хлопчатника в Фергане в I—IV вв. н. э.[188] Данные В. И. Спришевского

---

[181] از زراعت سفید بری سه ده واز کبود بری سه یك مال گرفته

[182] См. образцы таджикских официальных документов. Собрал и снабдил словарем А. Семенов. Изд-во Туркестанского восточного института, учебная серия, Ташкент, 1923, стр. 5; Он же. Очерки, стр. 32—33.

[183] П. П. Иванов. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, стр. 751, прим. 1.

[184] См.: В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских; В. В. Бартольд. Соч., т. I, ч. I, стр. 437—438.

[185] А. М. Мальцев. Хлопководство в СССР и за границей, Ташкент, СоюзНИХИ, 1937, стр. 10.

[186] А. И. Тереножкин. Холм Актепа близ Ташкента, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 80.

[187] См.: С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948, стр. 142.

[188] В. И. Спришевский. Некоторые находки из Мугхона в собрании Музея истории, Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. III, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 71—73.

подтверждены лабораторным анализом акад. Е. П. Коровина и ботаника С. Ю. Рожановского[189]. Найденные В. И. Спришевским хлопковые волокна двухтысячелетней давности, являются интересным и весьма ценным вкладом в науку, в частности в историю хлопководства в Узбекистане.

Однако характерно, что до середины XIX в., до завершения присоединения Средней Азии к России, земледельцев, сеющих исключительно хлопок, не было. Обычно под хлопчатник отводилась незначительная часть поля, свободная от посевов культур первой необходимости — зерновых, бахчевых и фруктовых.

Хлопковое волокно использовалось прежде всего на удовлетворение нужд семьи в одежде и домашней утвари, а излишки его шли на продажу. На рынке хлопок скупали ремесленники, ткачи, реализовавшие его уже в виде изделий среди кочевников, а также купцы и скупщики, которые сбывали его на иностранные рынки.

С XVI—XVIII вв. среднеазиатский хлопок и изделия из него шли на русские рынки (особенно в Поволжье), Казахстан и Сибирь.

Изделия из хлопка и тканей (не только хлопчатобумажных) изготовлялись кустарным способом как в крупных центрах, так и отдельных промышленных селениях, от которых ткани получали иногда свое название и сохраняли его даже тогда, когда их выделкой занимались в других местах. Так, в самаркандском вилайете особенно славился своими тканями при Саманидах город (или селение) Ведар[190], в двух или четырех фарсахах к северо-западу от Самарканда[191]. Ведарийские ткани выделывались также в Миянкале, в г. Дабусия[192].

Бухара славилась какой-то тканью, для выделывания которой существовала особая мастерская между цитаделью и соборной мечетью. Об этом подробно рассказывает Мухаммед Наршахи, хотя и не сообщает, из какого материала изготовлялась ткань. «Не было царя, эмира, раиса, чиновника, — пишет Наршахи, — который не носил бы одежды из этой материи. Материи выделывались красного, белого и зеленого цветов»[193]. Далее он говорит: «Теперь более известна, чем

---

[189] В. И. Спришевский. Некоторые находки из Мугхона в собрании Музея истории, Труды Музея истории Узбекской ССР(вып. III, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 72.

[190] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Соч., т. I, стр. 144—146.

[191] В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии, Соч., т. II, ч. 1, стр. 441.

[192] Там же, прим. 22.

[193] См.: Тарих-и Наршахи, Новая Бухара, 1904, стр. 24.

та ткань во всех областях ткань занданичи»[194]. Об этой последней ткани, уже, несомненно, бумажной, говорится при описании существующего и в наши дни селения Занданы, к северу от Бухары.

Название «занданичи», по-видимому, сохранялось очень долго; среди товаров, привезенных через Астрахань и Казань в 1616 и 1619 гг. «бухарским и юргенскими тезиками», т. е. торговцами-таджиками из Бухары и торговцами из Хивы, упоминаются разного вида ткани под общим названием «зендень». Были зендени красные, цветные, узкие, широкие, семенди и др.[195]

К. А. Иностранцев в своей статье «Из истории старинных тканей ал-табас, дороги, зендень, миткал, мухьяр»[196] основательно доказал, что происхождение ткани зендень связано с селением Зандана. Ткани «зендень», «зендана», или «зендене» существовали до позднего времени и вывозились в большом количестве в Россию[197].

Мухаммед Наршахи, говоря о ткани «занданичи», писал: «Материя хороша и в то же время выделывается в большом количестве. Во многих селениях Бухары ткут такую же материю и называют также «занданичи», потому что раньше всех начали выделывать эту материю жители этого селения. Бумажные материи оттуда вывозят во все области: в Ирак, Фарс, Керман, Индустан и другие государства.

Все вельможи и цари шьют из нее себе одежды и покупают по той же цене, как парчу»[198].

Ткань занданичи хорошего качества, как сообщает Наршахи, вывозилась также из соседнего селения Варданзи (ныне Варданзи в Шапуркамском районе)[199]. Хлопок вывозился также из ремесленных (промышленных) селений Шарг (Джарг,

---

[194] Мухаммед Наршахи. Тарих-и Бухара, русский перевод Н. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897, стр. 29.

[195] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, под ред. Н. И. Веселовского, т. III, СПб., 1898, стр. 277, 641. Семенди, себенди — тройная зендень. См.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, стр. 453 (указатель).

[196] ЗВО, т. XIII, СПб., 1901, стр. 80.

[197] Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, стр. 453. Зендень (бухарск. Зендана, или Зендене — название местности) — бумажная ткань вроде миткаля, сделанная из более толстых нитей, чем киндяк; бывала разных цветов. Киндяк, килдяк — бумажная ткань довольно тонкая, одноцветная и без узоров; бывала разных цветов, окрашивалась после тканья, шла на подкладу; киндяк, окрашенный в красный цвет, назывался кумачом; от ткани это название позднее перешло на кафтан (русск.) особого покроя. Там же, стр. 454.

[198] Наршахи. История Бухары, стр. 23—24; Ср. К. А. Иностранцев. Торжественный выезд фатимидских халифов, ЗВО, т. XVII, стр. 97.

[199] Наршахи. История Бухары, стр. 23.

Чарг) и Искиджкет (Сикиджкет), расположенных к востоку от Бухары[200].

Наряду с самаркандским и бухарским хлопком и тканями из него, большим спросом пользовались и мервские хлопчатобумажные ткани.

Истахри говорит, что «собирается в Мерве самый мягкий «мервский» хлопок и выделываются хорошие «мервские ткани, которые вывозятся в разные страны»[201].

Происходившие в Туркестане политические события не могли не отразиться на условиях экономической жизни, в том числе на хлопководстве и хлопчатобумажной промышленности (ремесленной); в частности, не мог пройти бесследно такой факт, как разрушение оросительных каналов, опустошение оазисов в период монгольского нашествия и полное разрушение монголами в 1221—1223 гг. Мерва, остававшегося потом в развалинах до начала XV в.

Но в долине Зарафшана и в низовьях Амударьи никогда, по-видимому, не прекращались ни возделывание хлопчатника, ни приготовление хлопчатобумажных тканей. Отражались ли здесь на качестве и производстве тканей такие события, как захват Средней Азии кочевниками в XVI в., упадок караванной торговли через Среднюю Азию и ослабление вследствие этого культурных связей с другими странами, — трудно установить[202].

Крайне скудные сведения о хлопководстве и выделке бумажных тканей в Бухарском ханстве содержатся в «Описании Бухары» Н. Ханыкова и в других источниках. Местные источники почти ничего не сообщают о возделывании хлопчатника.

В эпоху Тимура в главный торговый центр Северо-Западной Персии Султанию привозили из Хорасана «много бумаги, пряденой и непряденой, а также бумажные ткани, окрашенные в разные цвета, которые изготовляются для одежды»[203].

В большом количестве хлопчатобумажные изделия вывозились в Московское государство. Туда среднеазиатские куп-

---

[200] Нершахи. История Бухары, стр. 21—23; См.: В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 150; Он же. К истории орошения Туркестана, стр. 120.

[201] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 174. Ибн Хаукаль говорит: «Хлопок, который во всех странах известен по имени его (Мерва) отличается крайней мягкостью». Цит. по статье В. В. Бартольда. Хлопководство в Средней Азии, Соч., т. II, ч. I, стр. 443; «Китаб месалик ал-мемалик» ал-Истахри, изд. De Goeje I, стр. 263. «Китаб ал-Месалик ва-л-мемалик» Ибн Хаукаля, изд. De Goeje (BGA., II, стр. 316); В. А. Жуковский. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва, СПб., 1884, стр. 20.

[202] В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии, Соч., т. II, ч. I, стр. 446.

[203] Клавихо, стр. 178.

цы привозили не только кумач, но и устраивали для своих тканей красильни в губерниях Астраханской, Казанской и Вятской.

Английские купцы Томпсон и Гогг, совершившие в 1740 г. с торговой целью путешествие из Петербурга в Хиву и Бухару[204], отмечают, что после прекращения торговли Казани и Астрахани с Бухарой и Хивой последние продолжали торговать только с Персией.

Из отчета английских купцов узнаем, что в XVIII в. производство хлопка в Хивинском и Бухарском ханствах существовало, но в Хиве было ничтожно[205]. По сведениям же русских авторов, в Хорезме хлопчатник засевался в довольно большом количестве.

Н. Ханыков в своем «Описании» подчеркивает, что главные привозные статьи бухарских купцов в Россию составляют «хлопчатая бумага, сушеные плоды, рис, сырец (шелк), крашеный шелк, кубовая краска, бязи крашеные и некрашеные, халаты шелковые, полушелковые и хлопчатобумажные, шапочки, известные на оренбургской линии под именем тюбетеек, шелковые пояса, бирюза, шали, меха и т. д. Но из всех предметов хлопчатая бумага занимает первое место и объемом ее привоза можно, пожалуй, измерять объем торговли России с узбекскими ханствами»[206].

Во второй половине XVIII в. цена хлопка-сырца была 10—15 коп., а в пряже 30—40 коп. за фунт[207]. Эта цена сохранилась и в позднейшее время. Например, после присоединения Средней Азии к России средняя цена фунта пряжи в Ташкенте была 40 коп.[208].

В середине XVIII в. почти вся среднеазиатская торговля с Россией сосредоточивалась в Оренбурге. П. И. Рычков в «Топографии» писал: «По нынешнее время вся оренбургская заграничная коммерция по большей части происходит с бухарцами, ташкентцами, хивинцами и кашгарцами. Они привозят простые бумажные, отчасти полушелковые, разных сортов парчицы, занавеси и полотно; известные бухарские серенькие и черные овчинки»[209].

---

[204] Краткий отчет об их путешествии был издан другим английским купцом Хэйнуэем в Лондоне в 1753 г.; J. Hanway. An historical account of the british trade over the Caspian Sea, стр. 174, 184.

[205] J. Hanway. Указ. соч., стр. 241.

[206] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 168.

[207] Академик П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 105

[208] А. Ф. Костенко. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа, т. III, СПб., 1880, стр. 35.

[209] П. И. Рычков. Топография Оренбургская, стр. 325, 326.

Бухарское и Хивинское ханства своими хлопчатобумажными изделиями обеспечивали также потребности кочевых народов Средней Азии и казахских степей.

До позднейшего времени бухарский хлопок ценился выше, чем хлопок других районов Средней Азии[210].

Вывоз хлопчатобумажных и иных тканей из Бухары в другие страны, в частности в Россию, отражен во многих документальных источниках XVI—XVIII вв.

В челобитной посла Абдулла-хана на имя русского царя Федора Ивановича от 1585 г. приведен список товаров, привезенных на русские рынки: «2000 зенденей всяким цветом, 200 мелей, 100 объяренных зенденей, 150 кушаков бумажных, 40 пудов краски»[211].

В других документах, также относящихся к концу XVI в., наряду с аналогичными названиями товаров встречаем новый предмет вывоза в Россию — пряжи-бумаги, окрашенной в синие цвета[212]. Вывозились в Россию и хлопчатобумажные одежды, сшитые в Бухаре для русского рынка.

Узбекские ханы сами принимали активное участие в торговле хлопчатобумажными изделиями[213]. Большую внешнюю и внутреннюю торговлю вели шейхи Джуйбари. Их торговые караваны ходили в соседние страны. Источники сообщают, что Ходжа Са'д имел под вьюком 60 кетаров[214] верблюдов. Бадр ад-дин Кашмири пишет, что при Ходже Исламе торговые караваны ишанов ездили в русские города, в том числе и в Москву. Автор сообщает, что русские власти отнеслись к торговым людям шейха с большим вниманием, назначили для них денежное довольствие, питание и даже вино[215].

Нельзя сомневаться в том, что шейхи Джуйбари производили в своем огромном феодальном хозяйстве в большом количестве хлопок. Хлопок и изделия из него составляли важную статью в торговле шейхов.

Несмотря на скудные сведения местных источников о хлопководстве, данные о ремесленных мастерских ткачей, лавках торговцев изделиями из хлопчатника дают нам право

---

[210] А. Ф. Костенко. Туркестанский край, т. III, стр. 33.

[211] Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, стр. 98.

[212] Там же, стр. 109.

[213] См. МИУТТ, стр. 141, 151, 153, 276—279.

[214] Матлаб ат-талибин, л. 78б. Кетар—цепь верблюдов, соединенных вместе и идущих друг за другом гуськом; число животных в одном кетаре колеблется от 10 до 100. См. „Мукимханская история", прим. 202.

[215] Равзат ар-ризван, л. 90а.

بر سبیل تجارت بولایت روس فرستادند چون بمسکاو رسیدم.

утверждать, что посевы хлопчатника в Средней Азии были значительны. Очевидно, он засевался во всех земледельческих районах, за исключением предгорных.

О посеве хлопчатника некоторые интересные сведения приведены в статейных списках и мемуарах русских путешественников. Так, самарский купец Данила Рукавкин, путешествовавший в Среднюю Азию в середине XVIII в., сообщает, что «хлопчатобумаги сеют довольно» (речь идет о Хорезме.— *М. А.)*[216].

Филипп Ефремов, который долгое время жил в Бухаре, пишет: «Особливо же здесь в великом количестве родится хлопчатой бумаги, из коей прядут пряжу, а из пряжи ткут чадры, широкий холст, с которого в России делаются полуситец, набойка, кисеи, пестряди, выбойки, фаты, бурметы, бязи и другие разные ткани»[217].

Н. В. Ханыков, посетивший Бухару в 40-х годах XIX в., когда еще порядки в земледелии, существовавшие со времени Шейбанидов и Аштарханидов, почти не подверглись изменениям, рассказывает следующее: «Весьма распространенными в ханстве являются три рода земледельческой деятельности, а именно: возделывание травчатой хлопчатой бумаги, табака[218] и люцерны. Хлопчатую бумагу разводит всякий и везде, она не требует особенно хорошей земли, высевают ее обыкновенно весной, она цветет в июле, плоды ее собирают в конце лета — в начале осени. По доброте хлопчатую бумагу разделяют на два сорта: первый называется гузан-сафид — это есть лучшая белая и чистая, второй называется гузан-макка — она несколько красна. Семя употребляется бухарцами для делания из него масла, и оно идет в пищу»[219].

---

[216] С. Руссов. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 г. с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен до ныне, журн. Министерства внутренних дел, кн. 12, 1839, стр. 377.

[217] Ф. Ефремов. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, девятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим, СПб., 1786.

[218] Табак появился в Средней Азии, очевидно, не ранее XVI в. В известных нам среднеазиатских источниках упоминание о табаке отсутствует. Возделывание его в сопредельных со Средней Азией странах упоминается в трудах ботаников. См.: Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан, стр. 307; Д. Н. Логофет отмечал, что употребление населением табака для курения и для жевания в значительной степени развивало табаководство (XIX в.), и табак засевался на всем пространстве ханства, почти каждым земледельцем, причем урожай его был обилен, и он был одной из выгодных культур. См.: Д. Н. Логофет. Соч., т. II, стр. 98.

[219] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 142—143.

Хлопчатник как культура, требующая малого орошения, в долине Зарафшана (в верхней ее части) засевался незначительно[220]. Вода этой части реки шла главным образом на орошение зерновых культур, особенно шалы и джугары.

Л. Н. Соболев в 70-х годах XIX в. писал о хлопчатнике: «Продукт этот не требует хорошего орошения, а потому и засевается там, где вообще бывает мало воды». Далее он сообщает: «В Зарафшанском округе гуза сеется в незначительных количествах, в гораздо меньших, чем пшеница, джугара и шала. Много сеется ее в туменах Каракульских и в довольно значительном количество в Бухарском туменах. Зависит это главным образом от орошения этих туменов, а также и от того, что на базарах бухарских на гузу всегда значительный спрос. На танаб сеют до 15 фунтов, засевают в апреле (саура). Поливают до трех раз. На местах низменных, каковы Каракульские тумены, где в подпочве много влажности, хлопчатник требует самого незначительного орошения. Уборка начинается в сентябре (мизан). Главные условия для хорошего произрастания заключаются, во-первых, в том, чтобы апрель был нехолоден и несыр, во-вторых, чтобы в июне и в июле не было быстрых колебаний в состоянии влажности атмосферы, и в-третьих, чтобы в октябре, когда производится главный сбор, не было мороза»[221].

Посевы хлопчатника производились в большом количестве в долинах Кашкадарьи, Сурхандарьи, в районах Яккабага, Китаба, Чиракчи, Карши, Шахрисабза, Гузара, Термеза и др.[222].

Производство изделий из хлопка в XVI—XVIII вв. занимало весьма значительное место в хозяйстве феодалов, связанных с торговым капиталом и ремесленным производством[223].

С укреплением связей между Среднеазиатскими ханствами и Россией (со второй половины XVI по XIX в.) хлопководству уделялось значительно большее внимание в связи с возросшим спросом на хлопок и повышением цен на него на международном рынке[224].

---

[220] А. Л. Кун. Очерки Шахрисябзского бекства, стр. 219; В. В. Радлов. Средняя Зарафшанская долина, стр. 16, 18; Д. Н. Логофет. Соч., т. II, стр. 97.

[221] Л. Н. Соболев. Зарафшанский округ, стр. 263—264.

[222] Д. Н. Логофет. Соч., т. II, стр. 96—117. Любопытные сведения о хлопководстве в Бухарском ханстве имеются у А. А. Хорошхина. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 162 (таблица); у Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане (1874—1889), СПб., 1889, стр. 333.

[223] См.: П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 63—64.

[224] В. И. Масальский. Хлопковое дело в Средней Азии, стр. 15.

Шелководство. Старинной отраслью хозяйства в Средней Азии является шелководство. О происхождении шелковичных червей в Средней Азии говорится в преданиях, «житиях пророков» (Касас ал-анбийе), широко распространенных в Средней Азии в дореволюционный период.

По преданиям, среднеазиатские ремесленники распределялись на тридцать два цеха или корпорации (касаба); каждый цех имел своего легендарного родоначальника, родоначальником же шелководческого ремесла в Средней Азии шелководы считают пророка Аюба (Иова). Это предание свидетельствует о древности культуры шелководства в Средней Азии.

О существовании тридцати двух ремесленных цехов или промыслов (уттиз икки касаба) имеются сведения и в позднейших источниках о ренте-подати, хотя число цехов в период позднего феодализма, разумеется, превышало указанную цифру.

В Бухарском ханстве в числе взимаемых податей упоминается подать «سی ودو عمل» („Си-у-ду'амал"). Термин этот соответствует понятию „промысловых налогов" в России[225].

О древности культуры шелка в Средней Азии свидетельствуют также огромное количество тутовых деревьев разных сортов, растущих по берегам оросительных арыков, тутовые сады и тутовые аллеи на больших дорогах оазисов Бухары и Самарканда, разведение шелковичных червей почти в каждом хозяйстве, хотя бы в небольшом количестве[226].

Трудно допустить, что в рассказе Наршахи о ткацком заведении в Бухаре речь идет только о выделывании хлопчатобумажной ткани. В бухарской мастерской «ткали ковры, занавесы, ткань йезд[227], подушки, подстилки для молитвы (джайнамаз) и ткани для покрытия пола во дворце халифа. Все эти ткани выделывались такого высокого качества, что за один занавес можно было отдать всю поземельную подать Бухары. Из Багдада ежегодно приезжал сборщик податей, и все подати Бухары получал сотканными там одеждами»[228].

---

[225] А. А. Семенов. Очерки, стр. 7; М. Ф. Гаврилов. Рисаля сартовских ремесленников, Ташкент, 1912, стр. 6—7; И. А. Беляев. Материалы для изучения среднеазиатской палеографии по юридическим актам XVII—XVIII столетий. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XI, стр. 45—48. Этот автор перевел выражение سی و دو عمل буквально «Тридцать две обязанности».

[226] А. Вамбери. Очерки Средней Азии, М., 1868, стр. 227.

[227] Йезд — оазис и город в Центральном Иране.

[228] Наршахи. История Бухары, стр. 29.

О развитии шелководства в XVI—XVII вв. свидетельствуют и косвенные сведения источников. Например, в документах «Из архива шейхов Джуйбари» имеются сведения о купле-продаже мелких земельных участков, размером от 1 до 3-х танабов, где на каждом танабе имеется до 70 тутовых деревьев[229].

Характерно, что владельцами таких земель выступают в документах ремесленники. Очевидно, 70 тутовых деревьев на одном танабе были выращены не только ради плодов. Скорее всего они были необходимы для кормления шелковичных червей.

В документах «Из архива шейхов Джуйбари»[230] в числе специальных мастерских, купленных Ходжой Са'дом, упоминаются прядильные (лавваф), красильные (рангризи) мастерские, где разматываются шелковые коконы (куданг-куби).

Интересные сведения о шелководстве и шелкопряде встречаем и в русских источниках, где главным производителем и продавцом шелка выступает Бухара.

Русский посол Иван Матвеевич Федотьев, посетивший Хиву в 1669—1670 гг.[231], сообщает о незначительности производства шелка-сырца, дороговизне его в Хорезме и о привозе шелковых изделий из Бухары. Иван Федотьев, пишет, что «шелк-сырец мастеровые люди делают на год пудов по 100 и больше, а купят шелк (коконы. — *М. А.*) дорогой ценой». Федотьев побывал на базарах Ханки и Хазараспа для «проведывания торгов и товаров, и в тех де городах юргенские и хивинские великих чинов люди меж собой торгуют зенденами и вбойкой и бумагою хлопчатою и пестредьми и шелком-сырцом; а купят де шелку-сырцу пуд по 60 рублей».

Иван Федотьев советует русским торговым людям не покупать шелка и шелковых изделий в Хорезме, так как он там слишком дорог, а в «Астрахани тот товар купят немногим больше сорока рублей».

Один русский очевидец, живший в Бухаре длительное время и «приметивший» все важные дела и занятия бухарцев, пишет, что в Бухаре во многом количестве растут тутовые деревья, на которых бывают ягоды двух родов, наподобие ежевики: белые сладкие и черные сладкие же и кисловатые; листом того дерева кормятся шелковые черви, кои производят множество шелку, из коего ткут парчи полосатые с золотыми

---

[229] Переводы документов «Из архива шейхов Джуйбари», док. 102, 138, 310, в кн. П. П. Иванов «Хозяйство джуйбарских шейхов».

[230] Там же, док. 40, 283, 285.

[231] Н. И. Веселовский. Посольство в Хиву Ивана Матвеева Федотьева и его статейный список пребывания в Хиве в 1669—1670 гг., «Туркестанские ведомости», 1882, № 20.

и серебряными узорами, атласы, бархат, магрематы (?), кутни полосатые с золотыми мелкими травками и всякие другие парчицы»[232].

Филипп Назаров, посетивший Среднюю Азию, на несколько десятилетий позже Ефремова, более подробно сообщает о разведении шелковичных червей. Правда, данные Филиппа Назарова относятся к Ферганской долине, но скупщиком и потребителем ферганского шелка является Бухара. «Маргеланцы занимаются изделием хлопчатой бумаги, — сообщает он, — и разведением шелковичных червей. Кокан [Коканд] и все Коканское государство изобильно хлопчатою бумагою и шелковичными деревами....

Когда мы вступили в город, — пишет далее Филипп Назаров,— то все базары наполнены были коробами с яйцами шелковичных червей. Для меня странным казалось, каким образом коканцы разводят шелковичных червей. Женщины, покупая яйца сии, завертывают их в мокрую тряпку и носят для доставления им испарения под грудями 12 суток; когда черви начнут показываться из яиц; то их кладут под мокрую же тряпку в корзину и выставляют на солнце. К ним туда кладут для питания лист дерева, называемого тутом.

Шелковичных червей сих такое изобилие, что, несмотря на вывоз шелков в Бухарию и на выделку из оных множества различных парчей для киргизских орд, шелка сии остаются с избытком до новых»[233].

Некоторые исследователи шелководства в Средней Азии связывают его развитие в долине Зарафшана во второй половине XVIII в. с переселением эмиром Шах-Мурадом (1785—1800) в Бухару населения Мерва[234].

По свидетельству Мир Абд ал-Керима Бухари, эмир Шах-Мурад в 1785 г., в первый год своего правления, захватив Мерв и разрушив его плотину, переселил около 15 тыс. мервцев в Бухару, в районы, где было много тутовых деревьев[235].

---

[232] Филипп Ефремов. Девятилетнее странствование, стр. 25—26. Кутня, куртня (бухарск. хутне; арабск. кутин) — полушелковая ткань, вроде атласа, по большей части полосатая, имевшая разные названия по месту происхождения (бухарская, индийская, кызылбашская). См.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, стр. 455.

[233] Филипп Назаров. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 гг., СПб., 1821, стр. 62, 74—75.

[234] Н. Ф. Петровский. Шелководство и шелкомотание в Средней Азии, стр. 2.

[235] Mir Abdoul Kerim Boukhary, стр. 57—64.

Известный английский путешественник, описывая в своем «Путешествии в Бухару» изготовление дорогой материи адрас, утверждал, что ее ткут мервцы, переселившиеся в Бухару[236].

Мервцы за свое мастерство в области шелководства были освобождены Шах-Мурадом от многих повинностей[237].

В Самарканде и в его окрестностях мервцы окончательно перешли на оседлость при эмире Насрулла-хане (1826—1860), поселившем их в кишлаке Баг-и шамал. С тех пор искусство шелководства, — по утверждению Н. Ф. Петровского, — начало быстро развиваться во многих туманах Зарафшанской долины[238].

Мы не можем согласиться с утверждением первых русских и других исследователей о перенесении культуры шелка в Среднюю Азию из Ирана.

Несомненно, переселение мервцев, которые издавна были искусными шелководами, способствовало в какой-то мере наступившему в Бухарском ханстве расцвету шелководства. Но согласиться с мыслью[239], что шелководство в предыдущие годы было забыто и возродилось только при Шах-Мураде, нельзя. Очевидно, на шелководстве, как и на других отраслях сельского хозяйства, пагубно сказывались междоусобицы в годы правления Аштарханидов, возможно, временно замедлившие его развитие.

Согласно археологическим данным, в Восточном Туркестане шелководство появилось в IV и V вв. Еще до VI в. н. э. оно проникло в Мервский оазис и далее в Гурлен у юго-восточного берега Каспийского моря[240].

Главным условием для существования и развития шелководства является наличие тутовых деревьев. Тутовое дерево (шелковица) — одно из самых распространенных растений в странах Средней Азии. В Бухарском оазисе, Зарафшанской долине, Фергане были местности, в которых тутовое дерево преобладало над всеми другими деревьями.

Тутовые деревья высаживаются на землях, искусственно орошаемых арыками. Земля, предназначенная под посев тутов-

---

[236] А. Борнс. Путешествие в Бухару. Рассказ о плавании по Инду до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию Высшего правительства Индии в 1831, 32 и 33 гг. лейтенантом остиндской службы А. Борнсом, ч. III, М., 1848—1849, стр. 572.

[237] См.: Мир Абд ал-Керим Бухари, Указ. соч., стр. 64—65.

[238] Н. Ф. Петровский. Шелководство и шелкомотание в Средней Азии, стр. 3.

[239] Там же, стр. 1—2.

[240] И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 165; М. Е. Массон. Фрагмент из истории распространения в древности шелконряда, сб. «Белек» в честь С. Е. Малова, Фрунзе, 1946, стр. 47—51.

ника, так же как и огородные бахчевые земли, унавоживается и приготавливается с весны.

Районы распространения шелководства в Средней Азии к моменту присоединения ее к России перечисляются Н. Ф. Петровским, тщательно изучившим вопросы шелководства в Средней Азии[241]. Границы распространения шелковой промышленности в Средней Азии от Амударьи до Джети-жара (в Кашгаре) можно определить так: начинаясь у г. Чарджуя на Амударье, шелководство распространяется, с одной стороны, вдоль этой реки до самого Хивинского ханства, для местного потребления[242], а с другой — преимущественно к Бухаре, — охватывая все ее пригородные кишлаки и расширяясь к северу почти до Гиждувана. На юг от Бухары в Каршинской степи шелководства нет, но в самом г. Карши и его кишлаках оно существует в очень скромных размерах[243]. От Бухары шелководство тянется вдоль р. Зарафшана и с небольшими перерывами доходит до Каттакургана и Самарканда, где образует большой шелковичный район, распространяющийся на несколько десятков верст к северу и заходящий далеко к югу в Шахрисабз и Гиссар. На восток и северо-восток от сказанного района, от Пянджикента к верховьям Зарафшана и от каменного моста (арка над Зарафшаном, сооружение XVI в.) к Сырдарье; затем шелководством не занимаются до Ура-Тюбе, где в незначительных размерах оно вновь появляется и, постепенно увеличиваясь, расходится по всему Ходжентскому уезду и Кокандскому ханству, особенно в округах Наманганском, Маргиланском и Андижанском. Уже в Джети-жаре оно встречается в малом объеме, несколько большем в Яркенде и в весьма значительном в Хотане, древнейшем приюте шелководства в Средней Азии, обрабатывающем шелк-сырец не только для местной продажи, но и для вывоза в Коканд, Ташкент и Афганистан[244].

Развитие шелководства лишь в отдельных районах Средней Азии объясняется нерентабельностью этой отрасли в условиях феодального хозяйства. Шелководы Средней Азии, как и все ремесленники шелковых изделий, оставались прежде всего земледельцами, получающими удовлетворение материальных благ продуктами земледелия.

Шелководство носило подсобный характер, что подтверждается еще и тем, что в Средней Азии шелководством занима-

---

[241] Н. Ф. Петровский. Шелководство, стр. 8—9.

[242] См.: А. Борис. Путешествие в Бухару, ч. III, стр. 256—257.

[243] См.: Н. Петровский. Моя поездка в Бухару, Вестник Европы, март 1873 г.

[244] М. Колесников. Записки о торговле Джети-жара, Труды общества для содействия русской промышленности и торговле, ч. 2, стр. 134.

лись главным образом женщины. Если мужчины, и то младшие члены семьи, занимались уходом за шелковичными червями, то их участие ограничивалось доставкой листьев, подготовкой помещения для червей. Этот обычай, за некоторым исключением, существовал еще до недавнего прошлого.

ОРУДИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ТРУДА, ИРРИГАЦИЯ И АГРОТЕХНИКА

Несовершенные, примитивные сельскохозяйственные орудия среднеазиатских крестьян почти не изменялись на всем протяжении господства феодализма. Найденный в годы строительства Фархадской ГЭС лемех от омача, относящийся к X—XII вв.[245], ничем не отличался от лемеха начала XX в. Вместе с тем некоторые исследователи отмечают приспособленность сельскохозяйственных орудий к трудным климатическим условиям Средней Азии. Так, Мейендорфф пишет: «Сельскохозяйственные орудия основательны и хорошо устроены: борона представляет собою большую доску шириною примерно в два фута, через которую проткнуты толстые гвозди, слегка загнутыми остриями; плуг, обычно запрягаемый быками, состоит только из дышла, прикрепленного к куску дерева, конец которого образован куском железа в форме сердца (лемехом. — *М. А.*), иногда литьем и очень широким»[246].

Н. В. Ханыков, посетивший Бухару спустя 20 лет после Мейендорффа, также обратил внимание на сельскохозяйственные орудия. Он сообщает, что «главную заботу бухарского хлебопашца составляет приготовление земли. Для этого он предварительно ее несколько раз вспахивает вдоль и поперек. Пашут обыкновенно быками и даже коровами, коих впрягают 2 и употребляют для этого весьма неуклюжий плуг, заступ которого большей частью чугунный приделывается к длинному шесту, который прикрепляется веревками к ярму; человек держится во время пахания за ручку заступа и направляет таким образом шествие быков и правильность борозды. Железные заступы употребляют только тогда, когда под хлеб распахивают землю, бывшую прежде под садом, т. е. когда можно ожидать, что в земле попадутся корни, о которые чугунный заступ скоро сломается. Вспашка производится довольно медленно, в жар почти не пашут, а начинают работу эту в полночь и продолжают часов до девяти; если коровы или быки сильны, то в этот промежуток времени успе-

---

[245] Этот лемех хранится в Музее истории АН УзССР.

[246] Meyendorff, Voyage d'Orenbourg à Boukhara, стр. 143 (неопубликованный русский перевод Е. К. Бетгера).

вают вспахать один танаб. Бороны их (бухарцев. — *М. А.*) всегда с деревянными зубцами, в них впрягают также два быка или две коровы и обыкновенно два человека становятся на такую борону и ездят сначала вдоль пашни, а потом поперек оной, далее, смотря по земле, ограничиваются этим или еще продолжают боронить»[247].

Из описания Н. В. Ханыкова видно, что лемех бывал чугунный и железный. Борона (мала) также была с железными и деревянными зубцами. В горных районах Бухарского ханства существовали бороны плетеные, из прутьев. При бороновании для тяжести на нее садились люди и укладывались большие комья земли[248].

Омач изготовляли из крепких пород древесины: тутовника, урючины и боярышника. Дышла (ўқ) к омачу делались из карагача и вяза. Ярмо же везде делалось только из тополя.

В известных нам среднеазиатских источниках описание сельскохозяйственных орудий не встречается. Но в знаменитом памятнике древнетюркских языков «Диван лугат ат-турк» под термином «сабан» (سبن) подразумевается упряжка волов (двух) и все принадлежности вспашки (омач, ярмо и др.); дается и другое значение термина «сабан»: пахать землю на паре волов[249]. От этого слова, по-видимому, происходит татарское «сабан-туй», весенний праздник, предшествующий началу сельскохозяйственных работ.

Под термином «асбаб», встречающемся в источниках XV—XVI вв., следует понимать, прежде всего, сельскохозяйственный инвентарь, тем более, что термин «асбаб» употребляется всегда в связи с термином «амляк»[250].

П. П. Иванов отмечал при анализе документов из архива джуйбарских шейхов, относящихся к купле-продаже земель, что только в одном документе зафиксирован факт продажи земли вместе с сельскохозяйственным инвентарем[251]. Речь идет о продаже Мир Абд ал-Куддус ибн аль-Хусейном ал-Кермани Ходже Исламу Джуйбари «целиком и полностью мулькового

---

[247] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 145—146.

[248] Этнографические записи автора за 1957—1959 гг.

[249] سبن فلاحة الارض ايضًا ديوان لغت الترك اسلامبول 1914 (изд. احمد رفعت), стр. 327.

[250] См. «Рашахат», Ташкентская литография, стр. 228; Матлаб ат-талибин, л. 215б; О термине «амляк» см. Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 117—119; П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг., Труды ИВ АН СССР, т. XXVIII, М.—Л., 1939, стр. 34—35.

[251] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 43—44.

селения Мудан, состоящего из многочисленных пригодных к земледелию и благоприятных для посева земель и всходов десяти манов семян проса, дважды политых водою, и плодоносных и неплодоносных деревьев, расположенных в вилайете Несеф... со всеми правами и выгодами, целиком две пары рабочих волов, из которых два чернопегие (ола), приблизительно восьми лет; один — черной масти, семи лет и один — рыжей масти, около семи лет; и целиком сельскохозяйственные орудия[252], состоящие из двух исправных общеупотребительных ярем из тополя, двух исправных общеупотребительных сох (омач) из тутового дерева, двух исправных общеупотребительных железных лемехов (сошников. — *М. А.*) и четырех исправных общеупотребительных железных лопат за сумму в две тысячи триста новых теньга чистого серебра [чеканенных] в один мискаль»[253].

Позднее некоторые из русских административных деятелей считали омач сельскохозяйственным орудием, вполне приспособленным для почв Туркестана, и приводили факты получения высокого урожая[254], а другие, наоборот, удивлялись примитивности «туземного» инвентаря[255].

Средневековый сельскохозяйственный инвентарь, не претерпевший, как уже говорилось, никаких изменений, подробно описан для этнографического альбома А. Л. Куна М. И. Бродовским[256].

«Местное землепахотное орудие омач составляет ближайший и непосредственный переход от употреблявшегося в первобытные времена для обработки земли заостренного кола, к которому прилагалась сила рабочего скота. Отвала, даже в незначительной форме, у омача не существует, и, влекомый парою волов, он, при огромной трате движущей силы, взрывает землю, не переворачивая ее. Только отсутствием отвала можно объяснить признанную необходимость многочисленных, следующих одна за другою вспашек поля перед каждым посевом. В Самаркандском районе, например, ни под одно из культурных растений земля не пашется менее четырех, один вслед за другим раз перед посевом, причем, каждый последующий раз пашется поперек борозд предшествовавшего. Под

---

[252] اسباب و املاك

[253] Переводы документов «Из архива шейхов Джуйбари», док. № 375 (в кн. П. И. Иванова. Хозяйство джуйбарских шейхов).

[254] Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане, стр. 332—334.

[255] А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 160—161.

[256] М. И. Бродовский. Технические производства в Туркестанском крае, стр. 71—72; ср. А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 161.

посев же большинства возделываемых растений земля приготовляется не менее шестикратной вспашкой, а под некоторые посевы, как хлопчатника, табака и марены (руян), даже десятикратной перепашкой»[257].

Другой знаток среднеазиатского земледелия Н. Ф. Петровский[258] также замечал, что «омач не переворачивает пласта, а только разрыхляет; борона, с зубцами и без зубцов, скорее уравнивает вспаханное поле, чем обрабатывает».

Омач снабжен чугунным лемехом, который не прикрепляется наглухо, но его надевают на полоз только при вспахивании слежавшейся окрепшей земли. При перепахивании раз вспаханной земли лемех большей частью не надевается на полоз.

Глубина пашни при помощи омача становится до четырех и более вершков в зависимости от почвы. Регулируют глубину пахания посредством перемещения точки прикрепления грядиля (дышла) к ярму, для чего в грядиле сделано несколько дыр, в одну из которых вставляется нагел (кулок), удерживающий петлю (тиркиш)[259], посредством которой грядиль соединяется с ярмом[260].

Как замечал Н. В. Ханыков, один пахарь на паре волов вспахивает омачом один танаб (1/6 десятины) земли до обеда. Но более танаба на одной паре волов в день не пашут, так как пахота омачом очень утомляет рабочий скот[261].

Следующим неотъемлемым орудием среднеазиатского крестьянина является кетмень (род мотыги с широким лезвием), имеющий в Средней Азии весьма обширное применение в различного рода полевых, землекопных и домашних работах. Самая ранняя находка кетменя на территории Средней Азии относится к IX—X вв. Нашел его в 30-х годах археолог Турды Миргиязов в районе Аулиеата[262]. Среднеазиатские крестьяне искусно владеют кетменем. Он заменяет им заступ при копании арыков, рытье прудов, причем вырытая земля, захватываемая широкою плоскостью кетменя, легко выбрасывается. При копании кетменем употребляемая сила увеличивается ударом, от чего работа идет производительнее, чем с заступом, при котором прилагаемая сила действует

---

257 М. И. Бродовский. Технические производства в Туркестанском крае, стр. 71.

258 Н. Ф. Петровский. Шелководство, стр. 44, а также прим. 1.

259 Тиркиш (петля) плетется из кожи или из прутьев тутовника, вишни и др.

260 Подробное описание всех земледельческих орудий см. в Справочной книжке Самаркандской области, вып. 1, Самарканд, 1893, 38—40.

261 Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 146; М. И. Бродовский. Технические производства, стр. 72.

262 Этот кетмень экспонирован нами в Музее истории АН УзССР.

только нажимом. В полевых работах кетмень употребляется при проведении борозды (жуяк) под бахчевые и другие сельскохозяйственные культуры. Он является единственным орудием при обработке земли перевалом, необходимым орудием при подъеме поля, бывшего под многолетней люцерной (джунушкою). Широта лезвия и вес кетменя в различных районах были различны, в зависимости от почвы. Например, в Бухаре употребляют легкий кетмень с широким лезвием, а в Ташкенте — более тяжелый с узким лезвием[263].

В земледельческих работах, правда, не так широко, как кетмень, применялась железная лопата (бель, темир курак)[264]. В Хорезме и Туркмении вместо кетменя пользовались заступами с широкими лезвиями и длинными рукоятками.

Для уборки хлеба и травы главным орудием служит серп (урак) без зазубрин, действующий при работе, как нож. Древний металлический урак, найденный на территории Средней Азии, датирован IX—X вв. и экспонирован нами в Музее истории АН УзССР. Урак — наиболее древнее орудие. Так, в коллекции Музея истории АН УзССР имеются каменные серпы 300-тысячелетней давности.

Молотьба зерна производится на приготовленном в поле току (хирмане). Несколько быков и бычков плотно привязывались рядом друг к другу веревкой за шею. Крайнего быка с левой стороны приучали медленно поворачиваться на одном месте справа налево. Крайнего быка с правой стороны гоняли быстрее. Гонка быков на гумне была обязанностью подростков и юношей, а в богатых хозяйствах — карали[265]. Всех этих запряженных животных называли «гала хоп», а быка с левой стороны — хоптур[266].

Существовал и другой способ молотьбы — волокушей: запряженные волы или лошади тащили по гумну плетеный щит с грузом. Этот последний способ назывался «мале-хоп». При гонке волов ворошат обмолачиваемые снопы двурогими деревянными вилами или пятирогими вилами, связанными из

---

[263] Н. Ф. Петровский. Шелководство, стр. 44; М. Н. Бродовский. Технические производства, стр. 73.

[264] Переводы документов «Из архива шейхов Джуйбари», док. № 375. Бель (железная лопата) упоминается в письмах эмира Хайдара; М. Абдураимов. Некоторые предварительные соображения о письмах эмира Хайдара, Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1959, № 6, стр. 28.

[265] Карали — батраки, главным образом из числа юношей и подростков, которых нанимали на целый год или с ранней весны до зимы за определенное количество зерна, реже — других продуктов или скота. См. М. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 48.

[266] В древнетюркском языке (например, в диалекте племени аргу или яргу) привязанные друг к другу быки при молотьбе называются «уб».

строганых палочек. Когда зерно обмолачивалось, оно отделялось от соломы, которая затем измельчивалась. Все собирали в кучу и веяли по ветру, подбрасывая вверх деревянными вилами. Ветер уносил солому на другой конец гумна, а зерно оставалось. После предварительной очистки зерна от соломы гоняли хон во второй раз, причем запрягали уже меньшее количество быков. Второй хон в отличие от первого называется пайхон (измельчение). Пайхон гоняли медленно и долго, чтобы все зерно отделилось от колосьев. Во время пайхона морды быков завязывали веревкой, чтобы животные не поели зерно. После пайхона зерно очищали от мелкой соломы и пыли на ветру уже не вилами, а деревянной лопатой (курак): очистка зерна от мякины (чар, тўпан) производилась через большое решето (чаш галвир). Мякина, оставшаяся в решете, шла на корм животным, как и солома. Окончив молотьбу, крестьяне устраивали торжество, называемое «поднятие гумна» («хирман кутариш»). Очертив кучу зерна кончиком лопаты, крестьянин делил ее крест-накрест на четыре части. Затем прочитывалась молитва, содержащая просьбу к аллаху о ниспослании изобилия (барака). Богатые при этом приносили в жертву животных (барана или козу). Когда ток готов, приезжали сборщики податей (амилан-и харадж) и амлякдар (если земля амляковая) и определяли следуемый харадж или установленный шариатом налог — ушр. Далее хозяин садился с восточной стороны тока, набирал большим решетом зерно и подавал одному из присутствующих, тот ссыпал его поверх линии, которую провел хозяин. Сам хозяин при этом приговаривал: «О боже, ниспошли изобилие»[267].

Деление собранного в кучу хлеба на четыре части крест-накрест формально означало, что одна часть зерна предназначается на семена, другая — для питания на целый год, третья — для уплаты податей, расчета с ремесленниками, служителями религии и т. п.[268], а четвертая часть — доля кошчиев[269]. Церемония кончалась тем, что одно большое решето зерна — «хак-и аллах» — «доля аллаха» откладывали в сторону, отдавая кому-нибудь из беднейших жителей кишлака. Только после этого хлеб складывали в мешки, переносили в

---

[267] Обычно говорилось так: «Аллах акбар (букв. — Бог велик). Худайа барака ато кил!» (Боже! Ниспошли изобилие).

[268] М. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 51.

[269] Кошчи (букв. погонщик пары волов) — издольщики с ранней весны до поздней осени (до сбора урожая и посева озимых) работающие в богатых крестьянских хозяйствах за 1/4 часть урожая. См.: М. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 48.

амбары хозяина. Кошчи получал свою долю зерна тут же на хирмане и отвозил домой[270].

В Средней Азии большое количество зерна хранили в амбарах, но чаще всего в глубоких, обшитых камышом ямах и больших глиняных сосудах.

Все вопросы жатвы и хранения зерна детально описаны в «Фан кашф ва зираат» («Трактат по агротехнике»)[271]. В этом труде говорится, что во время жатвы не следует упускать момента поспевания пшеницы и ячменя[272], допускать перезрелости колосьев во избежание потери зерна. Жатву нужно начинать в то время, когда зерна немного не дозрели, тогда, во-первых, не будет потерь и, во-вторых, вкус хлеба будет приятным. Больше того, солома непереспелого стебля — полезный корм для животных. Гумно должно быть расположено на возвышенности, открытой северному ветру, подальше от дома, зеленых посевов, бахчевых и фруктовых садов и виноградников, потому что пыль от гумна вредна для фруктовых деревьев и плодов, урожая бахчевых и зеленых культур. Солнце же должно падать на ток с юга, что ускоряет высыхание скошенного зерна (пшеницы и ячменя). Поблизости от тока не должно быть ни муравейника, ни птиц.

Особое внимание источник уделяет устройству амбаров. Зернохранилище должно быть далеко от места свалки мусора, конюшни, воды, кухонных очагов и кожевенных мастерских. Чтобы сохранить зерно от мышей, помещение прежде, чем туда засыпают хлеб, должно быть оштукатурено глиной с примесью золы. Перечисляются меры для защиты зерна от насекомых. Для сохранения нормальной температуры рекомендуется оставить с севера, запада и востока маленькие отверстия в стенах. С юга же отверстий быть не должно, потому что от солнца хлеб может испортиться.

Автор «Фан кашф ва зира'ат» советует также крестьянам хранить зерно в ямах. Но при этом зерно должно находиться от стены ямы на пядь, заполненную камышом. Сверху между зерном и землей прокладывается солома на глубину до одного

---

[270] См.: М. И. Бродовский. Технические производства, стр. 74—75; М. Гаврилов. Рисала, стр. 56—57; М. А. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 48.

[271] См. ркп. ИВ АН УзССР, № 565, л. 9б—10а.

[272] Здесь имеется в виду период уборки так называемых «белых культур», к которым главным образом относятся пшеница и ячмень. См.: П. П. Иванов. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, ИАН ООН, 1935, стр. 75 и сл.; М. Абдураимов. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара, стр. 73—75.

гяза[273]. При соблюдении всех этих мер пшеницу можно было хранить в яме до 50 лет[274].

Указанные меры по хранению зерна в Средней Азии и Иране предпринимались, очевидно, и в более ранние периоды[275].

Амбары как зернохранилища упоминаются в источниках XV—XVII вв. Так, в «Рашахат» говорится об амбарах Ходжи Ахрара[276]. Большие амбары имели и шейхи Джуйбари. Абу-л-Аббас Мухаммед Талиб рассказывает, что в местах, где находились поля Ходжи Са'да, выстроены большие амбары, в которых хранилось зерно. В Бухарском вилайете такие амбары были расположены в селениях Джуйбар, Саррафан, Пай-Минар и Сумитан. В каждом из названных амбаров вмещалось по сто тысяч манов «большого бухарского веса»[277]. В Балхском вилайете, где Ходжа Са'д имел большие имения (амляк), унаследованные от своей матери[278], было наибольшее количество амбаров. На каждые десять файкалов[279] (пайкалов) орошаемых земель в Балхе насчитывалось около 120 амбаров, в которых, кроме пшеницы, хранилось также другое различного рода имущество[280]. Об амбарах, как зернохранилищах и кладовых, имеются сведения и в документах «Из архива джуйбарских шейхов»[281].

---

[273] Этнографические записи автора за 1958—1959 гг.; гяз — мера длины, иногда приравнивался к локтю (10,5—11 вершков), а иногда — к метру в зависимости от местности и эпохи.

[274] فن کشف و زراعت л. 10 б. См. также литографию этого труда: فن کشت و زراعت стр. 27—28.

[275] И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 156—157.

[276] Рашахат, Ташкентская литография, стр, 228, انبار غلات حضرت در انبار خانه ایشان „Зерновые амбары его святейшества ишана" غله بسیار باقی می بود „В амбаре оставалось много зерна", см.: И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 156, прим. 12.

[277] Матлаб ат-талибин, л. 77б. درهریك از این انبارها صد هزار من بود بوزن بزرگ بخارا Мера веса ман большого бухарского веса в XIX в. была равна 8 пудам или 64 чайрекам, точнее 7 пудам 32 фунтам 48 мисκалям (золотникам).

[278] Там же: املاك بلخ که مورث ازوالده معظمه است

[279] Термин „файкал" (пайкал) (فیکل)— массив или участок земли в основном на орошаемых землях (подробнее см. ниже).

[280] См.: Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, № 80, л. 77б; Тарих-и Муким-хани, л. 40б; П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 61—62.

[281] Переводы документов «Из архива шейхов Джуйбари», в кн.: П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, док. № 11, 99.

Помимо амбаров, по сообщению автора Матлаб ат-талибин, зерно хранилось и в ямах, (чах)[282], которые выкапывались в поле на сухих почвах[283].

Следует отметить широкое распространение в Средней Азии и живучесть различных ритуальных обрядов, связанных с древними языческими поверьями, в период сельскохозяйственных работ .Например, каждый хозяин весной перед первым выходом в поле устраивал кош оши (угощение), состоявшее из вареной тыквы, редко плова. Рога волов мазались льняным маслом, дабы предохранить их от разных болезней[284].

Еще в дидактическом памятнике XI в. «Кабус-наме», который был широко распространен в Средней Азии и в XIX в., о рабочих быках сказано следующее: «Держи наготове орудие и упряжку волов. Волов покупай хороших и хорошенько корми сеном. И нужно, чтобы у тебя в стаде всегда была запасная хорошая упряжка волов, чтобы не сорвалась у тебя работа и не прошел срок твоего посева, если у вола приключится какой-нибудь недуг»[285].

В фольклоре быки воспеваются как выходцы из рая. Крестьянин называл себя нукером (слугой) и чапаром (ходоком) быка. При молотьбе крестьянин обещал волам солому и хороший уход после окончания работ[286].

Как в Иране, так и в Средней Азии быки были главным рабочим скотом на пахоте, молотьбе, а также при колодезном орошении, использовались нередко для перевозки удобрений, зерна, плодов и т. д.[287]

Упряжка волов — джуфт- и гав[288] (по-таджикски) и кошхукуз (по-узбекски) — в Средней Азии, так же как и в Иране, служила единицей измерения плужного участка (площадь, обрабатываемая в течение сезона упряжкой быков, различная в разных местностях) и единицей податного обложения земельных участков.

---

[282] Матлаб ат-талибин, л. 77б.

[283] Этнографические записи автора за 1958 г.

[284] См.: М. Гаврилов. Рисала, стр. 10; М. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 49, прим. 16.

[285] Кабус-наме, второе издание, перевод, статья и примечания Е. Э. Бертельса, М., 1958, стр. 243.

[286] Этнографические записи автора за 1958 г.

[287] Подробнее см.: И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., стр. 145—154.

[288] См.: И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 145. Согласно данным, содержавшимся в письмах эмира Хайдара, площадь земли, обрабатываемая упряжкой волов (джуфт-и гав), в Бухаре приблизительно равна 50 танабам (پنج جفت گاو زمین تخمینا دو صد پنجاه طناب) См.: Письма эмира Хайдара, ркп. ИВ АН УзССР, № 1961, письмо № 489.

Для перевозок грузов во всех земледельческих районах Средней Азии основным вьючным животным служил осел. Ослиный вьюк служил также определенной мерой размеров сыпучих тел (зерна)[289]. Лошади редко использовались на полевых работах. Они в основном служили для перевозки грузов на арбах (повозках) в равнинных районах.

Зерно размалывалось на водяных мельницах (тегирман или асиё). Их было очень много, несколько в каждом селении, если только там протекал арык с водой, имеющий достаточную силу для того, чтобы двигать мельницу.

На одном и том же арыке иногда устраивалось несколько мельниц. Например, в селении Гала-асиё под Бухарой (букв. группа мельниц) на арыке Дуоба были десятки мельниц[290]. В горном узбекском кишлаке Хумсане, на северо-восток от Ташкента, на одном арыке было 8 мельниц[291].

Водяная мельница, помимо прямого назначения, служила в орошении мерой воды. В отдельных районах вода для орошения полей определялась в размере, равном потоку, вращающему одну мельницу[292].

Наряду с водяными мельницами в Бухаре были так называемые «действующие мульковые мельницы», приводимые в движение животными[293], равно и мельницы-толчеи (маленькие мельницы)[294]. В кишлаках Средней Азии имелась и ручная мельница.

В феодальном хозяйстве Средней Азии мельницы служили важнейшим источником дохода. Автор «Матлаб ат-талибин», говоря о важнейших хозяйственных постройках Ходжи Са'да-Джуйбари в Бухаре, Балхе, Карши (Несеф), Чарджуе, Мерве и других городах Средней Азии, упоминал о его водяных мельницах (асиё) и мельницах-толчеях (харас)[295].

Мельница наряду с землей и другими объектами была предметом феодального пожалования в виде танха и 'алафа или улуфе (кормовых). Так, в одном из писем эмира Хайдара

---

[289] См.: Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, № 80, л. 84б—85а. В Ташкенте, Самарканде и Бухаре ослиный вьюк равен 5—6 пудам. Ослиный вьюк определяется термином «харвар» (в таджикских районах) и «бир эшак юк» (в узбекских районах). Этнографические записи автора за 1958 г.

[290] Этнографические записи автора за 1958 г.

[291] Этнографические записи автора за 1957 г.

[292] Это обозначалось терминами «таш», «тегирман» и «кош».

[293] Перевод документов «Из архива шейхов Джуйбари», док. 8, 11.

[294] Матлаб ат-талибин, л. 79а.

[295] Матлаб ат-талибин, л. 79а. Термин «харас» (خراس) очень древний употребляется также для обозначения мельниц, приводимых в движение силой животных. Этот таджикский термин образовался из двух слов — хар (осел) и ас (асиё — мельница). См.: Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, стр. 121.

Сейид Ахмед-ходже узнаем о пожаловании последнему податей танабане, денежных податей, сборов натурой с посевов сафид-бари и кабуд-бари из селений, расположенных на канале Файзабад (под Бухарой), равно и всех мельниц (разумеется, доходы с мельниц — иджара-йи асиёги), расположенных на указанном канале[296].

В другом письме эмир Хайдар велел этому же Сейид Ахмед-ходже, когда тот был правителем Кермине, составить именной список нукеров вилайета, указав отдельно лиц, довольствующихся доходами от пожалованных им в танха мельниц или 'алафа и т. д. [297]

Актовые документы свидетельствуют, что мельницы, как и другое недвижимое имущество, были предметом купли-продажи[298].

Переработка шалы на рис, проса и просянки на крупу производилась толчением зерен в ручной деревянной ступе (ўгур) или в водяной толчее (об-джуваз).

Об-джувазы устраивались на арыке и состояли из горизонтального вала, на одном конце которого прикреплялись крестообразные четыре доски, образующие водяное колесо, вращаемое напором воды арыка. В середине вала находились четыре кулака, которые при вращении вала поднимали песты толчей, задевая за рычаги, на которых они укреплены. Рычаги эти движутся на оси (ўк) подобно коромыслу, на длинном плече которого укреплен под прямым углом пест, а на коротком — задеваемый кулак вала. Поднятый коромыслом пест падает в деревянную ступу, наполняемую зерном.

Зерно, обрабатываемое на крупу, толчется несколько раз (рис — до пяти раз, просо — до четырех), а после каждого толчения провевается на веялке (шамал-паррак), которая состоит из вентилятора, четырехкрылого колеса, покрытого кожухом, и ковша для засыпки провеваемого зерна. Медленно и равномерно высыпающееся из ковша толченое зерно провевается воздухом, который гонит крылья вентилятора, и падает в находящийся под веялкой ящик, а мякина (кепак) уносится воздухом в открытый конец кожуха[299]. Об-джувазы в Средней Азии бытовали до 40-х годов XX в.[300]

В больших городах Средней Азии существовали хлебопекарни (нанвои-хана). Как и в других ремеслах, здесь были

---

[296] Письма эмира Хайдара, письмо № 66; См.: М. И. Бродовский. Заметки о земледелии в Самаркандском районе, Русский Туркестан, вып. 2, 1872, стр. 235.

[297] Письма эмира Хайдара, письмо № 692.

[298] Перевод документов «Из архива шейхов Джуйбари», док. 8, 11.

[299] М. И. Бродовский. Технические производства, стр. 76—77.

[300] Этнографические записи автора за 1957 г.

мастера (уста) и их ученики. Занятие хлебопечением считалось почетным делом[301].

Издревле известны также среднеазиатские маслобойные установки[302]. Маслобойки (май джуваз) по нескольку штук имелись в каждом оседлом кишлаке, а в Ташкенте во второй половине XIX в. их было около 500[303].

Примитивные средства производства и отсталость производительных сил свидетельствуют о преобладании в Средней Азии замкнутого натурального хозяйства. В некоторых районах вплоть до начала XX в. сохранились сельские общины и пережитки патриархально-родовых отношений[304].

Главной причиной длительного сохранения натурального хозяйства и пережитков сельской общины была отсталость среднеазиатского феодального общества, оторванность от больших торговых центров, отсталость системы ведения сельского хозяйства, а также в слабом развитии товарно-денежных отношений.

Аналогичные среднеазиатским сельские общины существовали в XIX в. в некоторых провинциях Индии (Бенгалия, Мадрас), где в период колонизации страны англичанами не только леса и пастбища продолжали быть нераздельной собственностью всех семейств, входивших в общину, но и пашни и луга считались общими после уборки хлеба и сена. В Мадрасе большие земельные массивы находились во владении общины[305].

Марксизм-ленинизм объясняет устойчивость патриархально-родовых отношений экономической отсталостью общества. «Чем меньше развит еще труд, — пишет Ф. Энгельс, — чем ограниченнее сумма его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем более господствующее влияние на общественный строй оказывают отношения родства»[306].

С развитием крупного землевладения в Средней Азии патриархально-родовые отношения и сельские общины подвергались сильным изменениям, но полный переворот в феодальном обществе Средней Азии произошел с победой Великой Октябрьской революции.

---

[301] Матлаб ат-талибин, л. 77б; М. Гаврилов. Рисола, стр. 42—53.

[302] Переводы документов «Из архива шейхов Джуйбари», док. 11.

[303] М. И. Бродовский. Технические производства, стр. 82; М. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 53.

[304] В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 15, 63, 74, 83; М. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 53—54.

[305] М. Ковалевский. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения, ч. 1, М., 1879, стр. 168—169.

[306] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Партиздат, 1934, стр. 19—20.

Орошение. Классическое определение исторической обусловленности и роли ирригации в странах Востока, данное Ф. Энгельсом, полностью относится и к странам Средней Азии. «Земледелие здесь (на Востоке. — *М. А.*), — писал Ф. Энгельс, — построено на искусственном орошении, а это орошение является уже делом общины, области или центральной власти»[307].

В статье «Британское владычество в Индии» К. Маркс подчеркивал: «Эта элементарная необходимость экономного и совместного использования воды... повелительно требовала вмешательства централизующей силы правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организатора публичных работ»[308].

Сельская община на определенном этапе была существенным условием процветания ирригационного хозяйства, а в связи с этим и земледелия в странах Востока. Исследования советских историков-востоковедов привели к выводу, что в древности сельские общины стран Востока, как и возвышавшаяся над ними централизованная восточная деспотия, базировались на общинно-рабовладельческом строе, являвшемся восточным вариантом античного рабовладельческого строя[309].

В отдельных районах пережитки сельской общины сохранялись еще до середины XIX в.[310], а в некоторых — вплоть до начала XX в.[311] Организация общественных работ, связанных с орошением, являлась важнейшей заботой сельской общины.

Ирригационная техника Средней Азии, как и различные оросительные сооружения, своими корнями уходит в глубокую древность, в период рабовладельческого общества. Как показали археологические исследования в Средней Азии (М. Е. Массон, С. П. Толстов, А. Ю. Якубовский, В. А. Шишкин, Я. Г. Гулямов, А. И. Тереножкин, М. М. Дьяконов, В. М. Массон и др.), объем орошаемого земледелия в эпоху рабовладельческой формации был значителен.

Археологические исследования, проведенные (и проводимые ныне) в широком масштабе в Средней Азии, доказали ошибочность утверждения акад. В. В. Бартольда о неизменности соотношения в течение средних веков между орошенной и неорошенной или обработанной и необработанной площадью в Средней Азии. Он писал, что «арабы... застали здесь ту же

---

[307] Письмо Ф. Энгельса к К. Марксу 6 июня 1853 г., К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, стр. 494.
[308] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX, стр. 9.
[309] И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 114.
[310] А. Л. Кун. Очерки Шахрисябзского бекства, стр. 229.
[311] М. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 45.

ирригационную систему, которая потом сохранялась без существенных изменений до русского завоевания»[312]. В условиях среднеазиатского феодализма ирригационная система совершенствуется, хотя в отдельных районах размеры орошаемых земель сокращаются (в связи с феодальными войнами, нашествием кочевников и т. д.).

К. Маркс в своей работе «Британское владычество в Индии» писал: «Эта система искусственного оплодотворения почвы, зависевшая от центрального правительства и приходившая немедленно в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, объясняет тот необъяснимый иначе факт, что мы видим теперь бесплодными и пустынными целые территории, некогда бывшие прекрасно обработанными, как например, Пальмиру Петру, развалины Йемена и обширные провинции Египта, Персии и Индостана. Этим также объясняется тот факт, что одна разорительная война оказалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации»[313].

В свете этих высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса советские археологи С. П. Толстов и Я. Г. Гулямов в Хорезме, М. Е. Массон в бассейне Сурхандарьи, В. А. Шишкин и Я. Г. Гулямов в долине Зарафшана, подробно исследовав историю ирригации, пришли к выводу, что на протяжении феодальной эпохи ирригационная сеть постепенно сокращалась, особенно в IV—V вв., XIII—XIV вв. (монгольское завоевание) и в XV в. Резкое сокращение орошаемой площади мы наблюдаем и в XVI—XVIII вв., в период династий Шейбанидов и Аштарханидов, когда почти не прекращались феодальные междоусобицы и войны с соседними ханствами и сопредельными странами (с Ираном и Индией)[314]. Поездки в составе Бухарской археологической экспедиции дали нам возможность установить наличие издавна (XVI—XVIII вв.) заброшенных полей Бухары, граничивших с кочевниками и соседними ханствами. Развалин кишлаков и превратившихся в степь культурных земель особенно много в районах Каракуля (например, крепость Нуртай), Шапуркама, Рамитана, Пешку и др.[315]

Предпосылки упадка ирригационной культуры С. П. Толстов видит в «разрушении трех устоев древней ирригационной культуры — общины, рабства, централизованной деспотии»[316].

---

[312] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 13—14.

[313] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX, стр. 348.

[314] См., например, Тухфат ал-хани, ркп. ИВ АН УзССР, № 16, л. 11б—17б.

[315] Богатый археологический материал Бухарской археологической экспедиции, возглавляемой Я. Г. Гулямовым, за последние десять лет еще не опубликован.

[316] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 50.

Постепенный рост феодальной раздробленности и опустошительные нашествия варваров-кочевников довершили упадок древней ирригации в Хорезме — одной из древнейших стран ирригационной культуры[317].

По мере археологических раскопок в местностях с различными физико-географическими условиями выявляются исторические параллели в развитии земледелия в Бухарском оазисе и других областях Средней Азии. Этому способствовали археологические исследования М. Е. Массона, С. П. Толстова, Я. Г. Гулямова, В. А. Шишкина в вышеназванных районах, равно как и работы Б. А. Латынина в Ферганской долине, А. И. Тереножкина в Ташкенте, В. А. Григорьева в Согдиане.

Богатый археологический материал, собранный в год сооружения Большого Ферганского канала[318], свидетельствует о значительном развитии оросительной сети в Фергане в период Кушанского владычества. Большой интерес представляет история освоения в Ферганской долине мощных естественных горных потоков — саев. Еще во II в. до н. э. в поймах (рудхане) горных рек, в частности р. Гавы, сеяли просо и люцерну[319]. В древних китайских источниках подчеркивается, что «даванцы (ферганцы. — *М. А.*) ведут оседлую жизнь, занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу»[320].

В кушанский период отмечается рациональное регулирование саев, а также расширение системы арыков, доведенных до многих кушанских городов и поселений, расположенных вдали от Сырдарьи[321].

Ирригационное хозяйство в низовьях р. Зарафшана, в западной части Бухарского оазиса, как установил В. А. Шишкин, было развито еще до походов Александра Македонского[322]. В связи с созданием ирригационной сети здесь возникают и развиваются большие и малые земледельческие поселения.

---

[317] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 43—54.

[318] Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951; М. Е. Массон. Экспедиция археологического надзора на строительстве БФК, КСИИМК, т. V, Сообщение китайских источников о Фергане см.: Н. Я. Бичурин (Иакинф, Собрание сведений о народах, обитающих в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 147—168.

[319] В. И. Спришевский. Некоторые находки из Мугхона в собрании Музея истории, Труды Музея истории АН УзССР, вып. III, стр. 59.

[320] Н. Я. Бичурин (Иакинф), т. III, стр. 149, 151. В китайских источниках Фергана названа «Давань». Это название состоит из двух слов: китайского *да* — большой и *вань* — собственного имени владения на неизвестном языке, см. там же, стр. 147.

[321] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, стр. 106—107.

[322] В. А. Шишкин. Археологические работы в 1937 г. в западной части Бухарского оазиса, Ташкент, 1940, стр. 42.

Основные археологические работы в Верхнем Согде за последние годы были сосредоточены главным образом на городище Афрасиаб[323] и в окрестностях Самарканда — Тали-Барзу, Кафир-кала и др. Исторические сведения о Самарканде и его районе в период греко-македонского завоевания не оставляют сомнения в значительном развитии искусственного орошения и вообще земледельческой культуры в так называемом «сердце Согда».

В 1945 г. А. И. Тереножкин обнаружил за южными стенами Афрасиаба остатки большого сводчатого сооружения из крупных клинчатых жженых кирпичей. Материал и местоположение этого сооружения дали А. И. Тереножкину основание рассматривать его как остатки известного по письменным источникам древнего водопроводного сооружения, называемого «джуй-и арзиз» («свинцовый проток»)[324]. Археологические работы В. Л. Вяткина и А. И. Тереножкина подтверждают, что Афрасиаб мог получать воду только с юга и только посредством водопровода. «Джуй-и арзиз» просуществовал вплоть до монгольского нашествия (1220)[325].

Археологические находки А. И. Тереножкина в свою очередь позволяют предположить, что водоснабжение Афрасиаба было создано в кушанский период, так как быстрый рост территории города в это время безусловно связан был с решением проблемы обеспечения его водой.

Результаты работ Г. В. Григорьева на городище Тали-Барзу дают весьма ценный материал, характеризующий развитие искусственного орошения Согда в глубокой античности, особенно в кушанский период[326].

---

[323] Археологический отряд под руководством В. А. Шишкина в 1959 г. приступил к раскопкам на Афрасиабе, рассчитанным на многие годы.

[324] А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации Самарканда, ВДИ, 1947, № 4. Вода по «свинцовому протоку» была проведена в древний Самарканд (Афрасиаб) из древнего домусульманского канала Даргама. На поддержание канала в исправности расходовались доходы с участков, находившихся вдоль его берегов. Охранять его как и, разумеется, «свинцовый проток», зимой и летом были обязаны местные «маджусы», т. е. маги, последователи религии Зороастра, освобожденные за это от подушной подати. См.: В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 106. Подробнее см.: В. Л. Вяткин. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 г., СПб., 1908. Приписывание в отдельных работах проведения Даргама Ходже Ахрару не соответствует исторической действительности. См.: Л. Н. Соболев. Зарафшанский округ, стр. 236 (схема); В. В. Крестовский. В гостях у эмира бухарского, СПб., 1887, стр. 11.

[325] В. В. Бартольд. Орошение, стр. 107.

[326] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу, труды отдела Востока, т. I, Л., 1939.

Работами Термезской комплексной археологической экспедиции в 1936—1938 гг. под руководством акад. М. Е. Массона в районе древнего Термеза установлена культура эпохи греко-бактрийского царства, ко времени которого относится и возникновение самого г. Термеза[327].

М. Е. Массон подчеркивает то обстоятельство, что культурные остатки поселений кушанского периода расположены по руслам древних арыков и на месте главного водораздела. В этом он видел подтверждение существования основной ирригационной системы в низовьях Сурхандарьи, созданной с применением рабского труда около двух тысяч лет назад, в период господства общинно-родовой аристократии[328].

К этому же периоду относится широкое распространение орошаемого земледелия на высоких предгорных бугристых полосах долины Санзара и по Нуратинскому хребту. В это время, по-видимому, впервые были отведены далеко по косогору на богарные (неполивные) площадки для орошения посевов зерновых культур родниковые ручьи.

Таким образом, результаты археологических исследований в разных областях Узбекистана позволяют сделать вывод, что наибольший расцвет ирригационной сети, а значит и рост числа городов, земледельческих поселений и пограничных крепостей, относится именно к I—II вв. н. э. — периоду расцвета рабовладельческого строя, когда Кушанская империя объединила под своей властью огромную территорию, включавшую Среднюю Азию, Восточный Туркестан, современный Афганистан и Северную Индию[329].

Как мы уже отмечали выше, новейшие исследования[330] показали постепенное сокращение орошаемой и обрабатываемой площадей в странах Средней Азии и Ирана в эпоху средневековья.

В известных нам источниках XVI—XVIII вв., за редким исключением, мы почти не встречаем сообщений о постройке новых ирригационных сооружений, если не считать ремонта старых каналов (нахр) и арыков (джуй). Исключение составляет деятельность шейхов Джуйбари, обводнивших много заброшенных земель.

Официальный историк Абдулла-хана Хафиз-и Таныш из всех оросительных работ, произведенных по повелению Абдул-

---

[327] М. Е. Массон. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ), М.—Л., 1940, стр. 114 и сл.

[328] М. Е. Массон. Термезская археологическая экспедиция, т. II, История и археология, Труды АН УзССР, серия I, Ташкент, 1945, стр. 5.

[329] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, стр. 107.

[330] И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 115.

ла-хана, упоминает только о Нуратинской плотине. Искендер Мунши автор «Тарих-и аламарай-и 'Аббаси», также подтверждает сооружение хауза (Хан-банди — плотина хана) этим ханом около кушка (замка)[331].

Хан-банди, о котором сообщает Искендер Мунши, в действительности есть так называемая Ахчабская плотина, которая находится на южном склоне Нуратинского хребта. Но не следует эту плотину путать со знаменитым Хан-банди, также приписываемым Абдулла-хану. На самом же деле, как показывают археологические исследования, плотина эта была сооружена более чем за 600 лет до Абдулла-хана[332]. Возможно, что при Абдулла-хане производилась очистка этой плотины.

В «Тарих-и Ракими» сообщается об известном мосте через Зарафшан, вблизи Кермине, построенном Абдулла-ханом в 1582 г.[333]. Но в этом труде, излагающем важные события в хронологической последовательности, не упоминается об оросительных работах Абдулла-хана.

Интересные сведения о постройке Шейбани-ханом на Кухаке (Зарафшане) близ Самарканда водораспределяющей плотины (رواق), направляющей воды Зарафшана по Акдарье и Карадарье, сообщает автор «Шейбани-наме» Бенаи. При этой плотине струенаправляющая арка служила и мостом. Таких арок, распределявших воду, на всем протяжении Зарафшана было 21[334].

По рассказам Бенаи, Шейбани-хан использовал на сооружении плотины своих воинов, а жителей селений, расположенных в окрестностях Самарканда, мобилизовал на строительство плотины в порядке бегар (натуральная повинность). Согласно сообщению Бенаи, на работу были привлечены опытные мастера и искусные инженеры. Вместе с населением были мобилизованы и вьючные животные, привозившие хворост, камни и другие строительные материалы, из которых свивали огромные навала[335]. Их спускали в воду с двух берегов, суживая, таким образом, русло реки. Постройкой руководил лично сам хан.

В результате огромной работы в течение одного месяца было закончено (1 ноября 1502 г.)[336] сооружение знаменитой плотины.

---

[331] Цит. по В. В. Бартольду. К истории орошения Туркестана, стр. 23.
[332] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, стр. 58—59.
[333] В. В. Бартольд. Орошение, стр. 23.
[334] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 145.
[335] Навала служили для перекрытия головы канала.
[336] شیبانی نامه ркп. ИВ АН УзССР, № 844, л. 103а—105б.

Как мы говорили выше, исключительную инициативу по освоению разоренных в результате нашествия монгольских и тюркских кочевых племен и заброшенных земель, а также по проведению оросительных каналов (نهرها) и арыков (جويبارها) проявили шейхи Джуйбари, особенно Ходжа Ислам и его сын и преемник Ходжа Са'д.

Богатый фактический материал о хозяйственной деятельности джуйбарских шейхов, в первую очередь в области землевладения, имеется в ценном первоисточнике «Равзат ар-ризван» Бадр ад-дина Кашмири.

Деятельность шейхов Джуйбари по строительству новых и ремонту старых оросительных каналов рассматривается в источнике как благородное дело. Шейхи сооружали каналы во всех «городах, пустынях и горах». Многократно разоренные и опустошенные земли и местности вновь превращались в культурные и благоустроенные районы.

Бадр ад-дин Кашмири рассказывает, что в 964 (1556/57) г. Ходжа Ислам проложил в степь Сабанджук (под Бухарой) отводной канал от магистрального Руд-и шахр Бухара. По словам автора, степь Сабанджук со времен Мирзы Улугбека до правления Абдулла-хана лежала заброшенной[337].

В 967 (1559/60) г. по веленню Ходжи Ислама некий Ходжа Касым руководил проведением из р. Зарафшан оросительного канала в сел. Афшина, расположенное к западу от Бухары[338]. Благодаря этому земли Афшины, заброшенные со времен Исмаила Самани, были орошены и благоустроены. За короткий срок на вновь оживленных землях были созданы фруктовые сады, виноградники и др.[339].

В 976 (1568/69) г. Ходжа Са'д непосредственно руководил сооружением канала из Амударьи. Воды нового канала были направлены в обширные степные и пустынные земли под Чахар-джуйи, пребывавшие в разорении еще с времен Сельджукидов. Под его же руководством в 985 (1577/78) г. от магистрального канала Рамитан был проложен отводной канал в степь и целинные земли в низовьях сел. Сундж. Эти местности вообще были впервые орошены только при шейхах Джуйбари[340].

В 979 (1568/69) г. шейхи Джуйбари провели большой оросительный канал из р. Мургаб и обводнили степные и заброшенные земли под Мервом. Здесь, наряду с возделанными

[337] Равзат ар-ризван, л. 302б.
[338] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I, М., ИВЛ, 1963, стр. 171.
[339] Равзат ар-ризван, л. 302б.
[340] Там же, л. 303а.

полями, появились прекрасные фруктовые сады. По словам Бадр ад-дина Кашмири, вновь оживленные земли лежали в запустении более чем триста лет, со времени нашествия Хулагу-хана (1256 г.), когда большинство населения этой местности было истреблено монголами[341].

Ходжа Са'д в 987 (1579/80) г. предпринял строительство большого канала на р. Вахш (в вилайете Вахш Хисара). Инициатива шейха была поддержана лично Абдулла-ханом, издавшим специальный указ (987/1579—1580 г.), который предписывал владетельным особам, старостам городов, подданным Хисара, Дех-и нау, Куба ди ан и кочевым племенам смешанного происхождения с «получением [настоящего указа]» выделить десять тысяч мардикаров для сооружения канала, предпринятого Ходжа Са'дом[342]. В результате проведения этого канала, как отмечает Бадр ад-дин Кашмири, «почти десять опустошенных [и разоренных] селений превратились в благоустроенные цветущими садами [и возделанными] огородами и бахчевыми»[343].

Натуральные повинности, связанные с проведением и ремонтом каналов шейхами Джуйбари, ложились тяжелым бременем на плечи трудового народа. Нередко ханская власть брала на себя обеспечение строительства даровой рабочей силой путем мардикарства и хашара[344].

Так, Абдулла-хан в 993/1585 г. поручил Ахмад Али-аталыку руководить ремонтом канала Ходжи Са'да на Вахше, предписав мобилизовать для этого население Хисара в мардикары. При этом хан предупреждал, чтобы аталык не проявлял мягкости при мобилизации мардикаров, ибо к нам «расположено лучезарное внимание его величества [ишана]».

В 991/1583 г. шейхи Джуйбари взяли на себя ремонт большого канала Заг-арык, бравшего начало на северо-востоке от Ташкента (немного ниже населенного пункта Искандер) и орошавшего огромную территорию к востоку и северо-востоку от города. Вместе с тем Заг-арык служил границей между казахской кочевой степью и земледельческим оазисом Ташкента. Ремонтом его занималось большое количество рабов, принадлежавших шейхам.

По окончании ремонта канала шейхи Джуйбари, согласно специальному указу правителя Ташкента Шейбанида Абд

---

[341] Равзат ар-ризван, л. 303а—б.

[342] В указе вместо имени Ходжа Са'да написано: قطب الا قطابی خوجه دام т. е. „знаменитейший из суфиев ходжа, да продлится [его жизнь]".

[343] Равзат ар-ризван, л. 304а—б.

[344] Там же, л. 316а.

ал-Куддус Султана, присоединили к своим владениям огромную площадь орошенных земель, где были разбиты фруктовые сады и возделывались бахчевые и огородные культуры[345].

Мирабам предписывалось, чтобы они отпускали на поля шейхов Джуйбари соответствующую долю воды и не мобилизовывали их людей на хашар и мардикарские работы. И пусть мирабы «не составляют никаких документов и пусть [они в этом деле] не преступают высочайшего указа и каждый год не требуют новых ярлыков и указов»[346].

Бадр ад-дин Кашмири о деятельности Ходжи Са'да по проведению оросительных каналов и обводнению ранее заброшенных земель (йабисат) писал, что, «начиная от истоков Сабрана и Туркестана до пределов Хорасана, нет никакого города, никакой пустыни и никаких гор, где [Ходжа Са'д] в течение жизни одного поколения не соорудил бы сотни каналов [и арыков]»[347].

Путем орошения ранее заброшенных и освоения новых целинных земель джуйбарские шейхи приобрели огромную территорию. По словам Бадр ад-дина Кашмири, в областях Мавераннахра, Мерва, Туркестана, Ахсикета, Балха, Бадахшана, Герата и Хорасана Ходжа Ислам и Ходжа Са'д заложили посевы на площади 2000 джуфт-и гав, или 100 тыс. танабов земли. Орошаемые земли ишанов давали обильные урожаи, и в каждом селении и городе у них были склады и хранилища, наполненные зерном.

В период царствования Имамкули-хана Аштарханида был построен канал в кишлаке Кош-Курган в 1043(1633/34) г. Сообщение об этом приводится в «Тарих-и Ракими». Автор этого источника рассказывает, что гнев царя победил гнев реки; ее воды в результате постройки канала усилиями населения Мавераннахра потекли на посевы подданных. Окончание постройки канала автор сравнивает с наступлением весны[348].

Селения с названием Кош-Курган в Мавераннахре встречаются в нескольких местах[349], но кишлак Кош-Курган, расположенный на одноименном арыке, находился в Нимсугудском или Афаринкентском тумане. Арык был выведен из Акдарьи[350].

Другое важное сообщение о проведении канала в Каршинскую степь из Кашкадарьи в 1023 (1614/1615) г. при Имамкули-хане имеется в вакф-наме Паенде-бий аталыка туркмена[351].

---

345 Равзат ар-ризван, л. 304а—б.
346 Там же, л. 304б—305а.
347 Там же, л. 305а—б.
348 Тарих-и Ракими, ркп. ИВ АН УзССР, № 7711, л. 249а—б.
349 В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 55, 63.
350 Там же, стр. 59.
351 ЦИГА, ф. 323, оп. 1, д. 144..

В документе говорится, что оросительные арыки этих мест (селения Касан, Халим и Тюре) давно высохли (абе-сухте): прошло 80 лет с тех пор, как перестали течь оросительные воды в названной местности.

Согласно источнику, после проведения оросительного канала эти прежде мертвые земли были возделаны, благоустроены и засеяны. Паенде-бий аталык завещал их в вакф построенной им мечети в Бухаре[352].

Сведения о заброшенных каналах и арыках, которые трудно было содержать в исправности в результате феодальных междоусобиц и политических неурядиц, а также в связи с усилившейся феодальной эксплуатацией, можно проследить по многим документам. Только в нагорных районах Зарафшанской долины (в районе Самарканда—Пенджикента) оставшиеся необработанными поля в результате разрушения оросительных сооружений составляли 278 370 танабов[353].

О заброшенных арыках и селениях по каналу Туятартар в районе Самарканда и Джизака сообщает В. В. Радлов, проезжавший по этим местам в 70-х годах прошлого столетия.

Богатый фактический материал по данному вопросу содержится в вакфных документах.

Уже в первой половине и середине XVI в. сел. Миср, расположенное в низовьях арыков Аббас и Караунас, позднее Казан-арык, утратило свой былой культурный облик. Такая же участь постигла лежащее вблизи Мисра сел. Даргати-Давлети-Тимур, получавшее воду для орошения из арыков Кабутархана и Наср-абад. В окрестностях Мисра на большом расстоянии встречается множество сухих лож заброшенных арыков и следы разрушенных селений (Даргамская степь)[354].

Следов заброшенных арыков, выведенных с левой стороны канала Даргам в послетимуридский период, особенно много в Анхарском тумане. Обеднение района населенными пунктами, а следовательно, и оседлыми жителями, происходило последовательно. В начале царствования Мангытов (середина XVIII в.) это была уже совершенно разоренная, пустынная местность, по которой не решались проезжать путешественники, купцы и даже представители власти, конвоируемые отрядами, несмотря на кратчайшую дорогу из Самарканда в Бухару, пересекавшую Анхарский туман через селение Куча-и Малик (царская дорога). Уже при Шейбаниде Абдулла-хане, по сообщениям нарративных и документальных источников,

[352] Мечеть Паенде-бий аталыка находилась к юго-западу от арка. См.: Тарих Абулфайз-хан, русский перевод А. А. Семенова, стр. 152, прим. 122.

[353] Г. Арандаренко. Заметка об ирригации в нагорных туменах Зарафшанского тумена, «Туркестанские ведомости», 1876, № 51.

[354] В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 27—28.

главная дорога шла по Кермине, близ современного Каттакургана, и по берегу Карадарьи — в Самарканд[355].

История последнего заселения западной и южной части Даргама относится к самому недавнему времени — только при последних Мангытах здесь стали оседать пришельцы из соседних местностей и кочевые узбеки. Небольшому количеству людей оказалось, однако, не под силу поднять до уровня голов старых отводных арыков воду Даргама, протекавшего здесь в глубоком овраге. Поэтому и в начале XX в. население Анхарского района не могло достичь прежнего числа[356].

Природные условия Бухарского ханства, недостаток атмосферных осадков, за исключением горных и предгорных районов, делают невозможным ведение сельского хозяйства без искусственного орошения.

Основными водными артериями Бухарского ханства являлись реки Зарафшан, Кашкадарья, Сурхандарья, Вахш, Кафирниган, а также многочисленные горные речки, родники и подпочвенные воды, которые выводились на поверхность земли кяризным путем. Но главным водным источником Бухарского и Самаркандского оазисов служила р. Зарафшан. В. Л. Вяткин, на основании изучения вакфных документов и письменных источников, выяснил время появления названия реки «Зарафшан». При Тимуридах и даже раньше, а затем почти до половины XIX в. в литературе и разного рода документах Зарафшан именовался Кухаком по названию возвышенности Кухак (горка), ныне Чупаната, лежащей восточнее Самарканда, которую река омывает с одной стороны. Современное название реки, насколько известно, в первый раз встречается у Сеид-Ракима в его известном труде по истории Средней Азии, написанном около 1113(1702) г.[357] Около названной возвышенности река посредством плотины делилась на два рукава, правый назывался Дарья-и Сафид (по-таджикски) или Акдарья (по-узбекски), а левый — Сиях-аб, Сиоб (по-таджикски) или Карасу (по-узбекски). Последний рукав, несомненно, представляет собою лишь арык, выведенный из Зарафшана, а первый, хотя и значительно меньший, — основное ложе реки. На это, с одной стороны, указывает плотина, поднимающая воду в левый рукав, преграждая доступ ее в правый, а с другой — и самое название первого рукава Акдарья, которое относится к горным рекам, в противополож-

---

[355] В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 43—44.

[356] Там же, стр. 43, 44, 48, 57.

[357] Несколько списков этого сочинения имеется в хранилищах ИВ АН УзССР. Мы пользовались списком под инв. № 7711.

ность названиям Сноб, Карасу, относящимся к ключам, арыкам и речкам[358].

Автор «Самарии», описывая природу окрестностей Самарканда, говорит, что «река Зарафшан, иначе называемая Кухак, частью вытекает из ключей Искандер, образующих озеро Искандеркуль, и частью из Ягнобских гор. Другая половина реки вытекает с границ Масчо, называемой Ходжа Муса Аш'ари[359]. После соединения и впадения в Зарафшан других источников и речек образуется река, достигающая земель Бухары и Каракуля (озеро), где она кончается»[360].

Названия каналов и арыков Самаркандского оазиса приведены в вакфных документах и отдельных фундаментальных исследованиях прошлого столетия[361]. Названия древних каналов (их всего 12), выведенных в Бухарском оазисе и за его пределами, приводит Наршахи[362].

Археологическими и этнографическими исследованиями установлено, что первобытное орошаемое земледелие в Средней Азии появилось и развивалось в двух основных физико-географических зонах.

Первая из них — предгорные и горные районы, где скопление селевых потоков и концевые лиманы горных ручьев способствовали развитию оседлого земледелия. Исследования

---

[358] В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 28. Соображение автора относительно Акдарья и Карасу необходимо выяснить.

[359] Ходжа Муса Аш'ари — святой, мазар которого находится в верховьях Зарафшана. Он отождествляется с Абу аль-Аш'ар, который был правителем Куфы при третьем халифе Усмане; Самария, стр. 228, прим. 28.

[360] Самария, стр. 164—165. По преданиям, в древние времена воды Зарафшана иногда доходили до Амударьи, но с развитием земледельческой культуры в среднем течении реки стал ощущаться недостаток воды даже в Бухаре.

Бабур по этому поводу пишет следующее: «Река Кухак течет к северу [от Самарканда], от Кухака до Самарканда будет два куруха (курух — около двух верст). Между этой рекой и Самаркандом находится холм, называемый Кухак; так как река течет под этим холмом, то ее называют река Кухак. От реки Кухак отвели большой канал, верней маленькую речку, ее называют Даргам. Она течет южнее Самарканда в одном шер'и (шер'и вБухаре равен двум верстам) от него. Сады и пригороды Самарканда, а также некоторые его туманы орошаются этой рекою». А арык Даргам, один из древнейших в Самарканде, служил главным оросительным каналом как для Шавдарского, так и для старого Анхарского туманов, и при Тимуридах, и во все последующее время, сохранив это значение и доныне (См.: В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 29). «Все [пространство] до Бухары и Каракуля, то есть около тридцати-сорока ягачей (ягач равен фарсаху — 6—8 верст) земли, орошается и возделывается благодаря реке Кухак. В такой большой реке совсем не остается воды сверх орошения и поливки; летом по три-четыре месяца воды для Бухары даже не хватает». Ркп. ИВ АН УзССР, № 13, л. 58а-б, русский перевод М. А. Салье, стр. 60; Ср.: Самария, стр. 164—165.

[361] Л. Н. Соболев. Зарафшанский округ, стр. 234—248.

[362] Наршахи. История Бухары, стр. 43—44.

аллювиальных равнин по северным склонам Копет-Дага в Туркмении, Нуратинского хребта и западных склонов Тянь-Шаня в Узбекистане, примыкавших к пустыням Каракумы и Кызылкумы показали, что в этих местах, где первобытные люди занимались охотой и собирательством, впоследствии возникло и развивалось земледелие, основанное на скоплении естественной влаги в лиманах. Лиманы зачастую создавались искусственно: обвалом отдельных участков на пути распространения эпизодических селевых потоков.

Вторая зона, более обширная и перспективная в физико-географическом отношении, — это долины и низовья равнинных рек, районы их дельтовых протоков. Помимо обеспечения условий для охоты, рыболовства и собирательства, разливы этих рек благоприятствовали возникновению и развитию хозяйства первобытных земледельцев. К этой зоне могут быть отнесены долины и низовья Амударьи, Сырдарьи, Зарафшана, Мургаба, Теджена и ряда постоянно действующих речек и саев[363].

Результаты археологических работ, проведенных в Средней Азии за последние десятилетия, позволяют нам утверждать, что первобытная культура народов Средней Азии, в том числе и земледельческая, возникла не по основным руслам рек, а в бассейнах их боковых протоков, заходящих далеко в зоны окраин соседних пустынь и степей.

Традиционная практика использования лиманов для задержания разливов в старых руслах широко сохранялась в средние века и применяется еще в настоящее время. Подтверждают это исследования С. П. Толстова и Я. Г. Гулямова, обнаруживших остатки планированных посевных участков внутри русла Узбоя, ныне сухого озера Сарыкамыш, поперечные невысокие валы внутри старых русел на периферии восточной части дельты Амударьи, в ее сухом русле ниже Куня-Ургенча, в сухом русле Махандарьи, на нижнем течении Зарафшана и т. д.[364]

В Средней Азии (Хорезм и Бухара) в терминологическом отношении между лиманами и озерами не делается разницы, оба названия обозначаются одним словом «куль» (озеро).

Специалисты считают, что именно лиманный способ орошения и был прототипом всей современной ирригации[365]. Многолетние археологические исследования в Хорезме С. П. Толсто-

---

[363] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, гл. II.

[364] Материалы Махандарьинского археологического отряда, возглавляемого Я. Г. Гулямовым, еще не опубликованы.

[365] Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области, стр. 110. Ср.: Б. А. Латынин. Работа в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне в Фергане, Изв. ГАИМК, вып. 110, Л., 1935.

ва и Я. Г. Гулямова[366] позволили установить, что к середине первого тысячелетия до н. э. мелкие земледельческие общины, число которых неизменно росло, переходили к несколько более устойчивому образу жизни, задерживаясь на прежних местах обитания, регулируя разливы, подводя их к обжитым ими участкам. Наконец, усиление земледельческих общин привело к тому, что общинники стали постепенно отводить мелкие канавы от протоков рек и, передвигая головы каналов все выше и выше вверх по протоку, добрались до его истока, т. е. до самой реки.

Во избежание прорыва реки в канал, образования там русла или большого протока и затопления в Хорезме функционировали самотечные каналы, носящие в ирригационной технике название «паводковые». Функционирование паводковых каналов зависело от полноводья рек[367]. Поэтому древние ирригаторы, добиваясь эффективности водостока в канале, избегали расширения и углубления его истока, а также практиковали многоголовное питание, т. е. на протяжении нескольких километров канал имел несколько самостоятельных голов питания с различными уклонами. Каждая голова, взятая в отдельности, была маломощна, и хотя поддавалась регулированию, но не в состоянии была обеспечить полного эффекта водостока в канале. Общее же действие этих голов, которые находились в разных пунктах верхнего участка канала, давало необходимый эффект.

Каждая голова канала функционировала только в вегетационный период, а на зиму в большинстве случаев закрывалась. Население страны в зимний период пользовалось прудами и хаузами (водоемами), заполняемыми на зиму[368].

Нам кажется небезынтересным остановиться на способах перекрытия головы каналов, протоков и на устройстве плотин, которые на тех или иных реках издревле возводились различными способами. В низовьях Амударьи, а также на Зарафшане, на саях Ферганской долины применялись фашины, которые в Хорезме называют навард, на Зарафшане — навала[369] (иногда вард), кара-буйрак, а в Фергане — улук[370].

[366] См., например, С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 104; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, стр. 102—103.

[367] См., например, С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 104; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, стр. 237 и сл.

[368] Там же, стр. 101 и сл.; см. также неопубликованные материалы Махандарьинской (Бухарской) археологической экспедиции и этнографические записи автора.

[369] См. выражение نوالە پچیدن „скручивание навала" شیبانی نامه ркп. ИВ АН УзССР, № 844, л. 105а.

[370] Автор настоящих строк, будучи в составе археологической экспедиции Я. Г. Гулямова, подробно записал эти способы у бывших мирабов, аминов, аксакалов и пейкаров, ведавших делами орошения.

В исторических источниках имеются описания наварда (навала). На ровном месте расстилают хворост и камыш. Сверху покрывают их дерном и галькой и завертывают в подстилку из хвороста и камыша, обвязывая получающийся цилиндр поперечными поясами из жгута[371]. Навала бывают различных размеров, их подкатывают к берегу канала и спускают в воду с двух противоположных берегов один за другим до тех пор, пока не сомкнется перемычка. По словам известных мирабов, историков Мунис и Баяни, хивинский хан Мухаммед-Рахим, чтобы наказать непокорных аральцев, отвел три протока Амударьи — Чуманай, Чанглибасу и Терс-акар — от района г. Кунграда. В протоки спустили наварда. Длина наварда была до 60 гязов (66 *м*), окружность около 20—30 гязов (32 *м*). Все три протока были прегражденны в течение восьми дней. Ширина прегражденного Чуманая была более 200 *м*, а глубина — около 10 *м*, ширина Чанглибасу — около 180 *м*, а глубина — около 11 *м*, ширина Терс-акара — 33 *м*, глубина — около 6 *м*[372]. Этот способ практиковался и в долине Зарафшана.

В головах некоторых каналов на Зарафшане (в районе Каракуля) перекрытия производились землей и дерном, которыми наполнялись мешочки (халта), спускавшиеся также с противоположных берегов[373].

Бухарские ханы, подобно хорезмским, лишали воды районы, лежавшие в низовьях каналов и рек. Например, Каракульдарья в местности Азизабад (ниже селения Зармитан) разделялась на два канала. Голова канала носила название «Дуобэ» (букв. две воды, два арыка). Отсюда один канал шел в Джандар, Пейкенд (ныне Сайат) и Каракуль, а другой — в Бухару и его пригороды под названием Шахруд. Нередки случаи, когда бухарские ханы по тем или иным причинам лишали воды земледельцев Джандара, Пейкенда и Каракуля, особенно в маловодные годы[374].

Пейкенд и Каракуль служили для Бухары водосбросом во время многоводья. Сама Бухара по отношению к Самарканду и Миянкалю тоже была водосбросом. О водосбросе Пейкенда писал еще Наршахи: «Там (в Пейкенде. — *М. А.*) протекает канал Харамкам. Рядом с Пейкендом находятся заросли камыша и большие водоемы, которые носят название «Бар-

---

[371] См.: Бенан. Шейбани-наме, л. 104б—105а; В. В. Цинзерлинг. Орошение на Амударье, М., 1927, стр. 568.

[372] Баяни, شجرهٔ خوارزم شاهی, ркп. ИВ АН УзССР, № 9596, л. 158б. Цит. по Я. Г. Гулямову. История орошения Хорезма, стр. 260.

[373] Этнографические записи автора за 1958 г.

[374] Там же.

гини-фарах» или «Каракуль». Я слышал от заслуживающих доверия людей, что они простираются на 20 фарсахов. В книге «Масалик-ва-мамалик» говорится, что это место называлось озером Самчан, что и вода, остающаяся в избытке от орошения Бухары, стекает туда же»[375].

В Бухаре, на Зарафшане, для поддержания в исправности головных частей канала и предохранения от прорывов, кроме наварда и земляных плотин, существовали сооружения, носившие название курбанд (или чавак), — из хвороста, дерна и, если они имелись, — из валунов и булыжника.

В отличие от наварда курбанд сооружался прямо в воде. Запруживание производилось от одного берега. Сначала в реку сбрасывали хворост, затем валуны, булыжники и дерн. Курбанды имеются и по сей день в головных частях ныне существующих каналов на Зарафшане — Харканруде, Султанабаде, Пирмасте и др. Это довольно мощные сооружения[376], строительство которых было связано с большими трудностями.

Поддержание в исправности каналов требовало большого количества рабочей силы. В этом отношении характерен рассказ автора «Матлаб ат-талибин» об орошении мулькового сел. Ходжи Тадж ад-дина в Бухарском районе — Хасанабада. На территории Хасанабада было расположено несколько чахарбагов и деревень[377], дававших ежегодно около 1000 манов зерна. Поля Хасанабада орошались посредством канала, выведенного из Зарафшана. По словам автора, в случае повреждения или разрушения плотины сюда приводилось до 1000 и более человек мардикаров из числа крестьян ближайших селений и привозилось до 10 тыс. ослиных вьюков хвороста[378].

Абу-л-Аббас Мухаммед Талиб не скрывает, что содержание в исправности этой плотины ложилось чрезвычайно тяжелым бременем на окрестное крестьянское население[379].

Расширение площади орошаемых земель производилось исключительно путем поднятия уровня воды в реке или протоке с помощью дамб[380], которые издревле сооружались различными способами, в зависимости от характера течения, от возможности заготовки устойчивого строительного материала. На мелководных горных реках незаменимым материалом служили скатившиеся вниз камни, из которых с помощью редких

[375] Наршахи. История Бухары, стр. 28.
[376] Этнографические записи автора за 1958 г.
[377] Автор говорит о девяти деревнях.
[378] Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, № 80, л. 111б.
[379] Там же.
[380] Нами в 1958 г. составлено описание дамбы на Зарафшане со слов старых мирабов Хатама Хантова (92 года), Ислама Кудратова (75 лет) и других.

рядов деревянных устоев воздвигали плотины. Такие плотины устраивались поперек течения, иногда под прямым углом, а чаще по диагонали против течения или по течению; последний способ применялся при сооружении сплошных плотин. Уже в глубокой древности сооружались подпорные плотины грандиозных размеров.

Вывод упомянутого у Наршахи канала Хитфар, или Хутфар (Вабкентдарьи), из р. Зарафшан, по археологическим данным[381], относится к началу нашей эры. Этот канал забирал больше половины воды Зарафшана на участке Хархур. Для того чтобы обеспечить водосток по Хитфару, русло Зарафшана на водоразделе Хархур было поднято на 3 *м*. Плотина была сооружена из бревен, хвороста, дерна и сена. В течение веков круглый год ежедневно земледельческое население Бухары по очереди обслуживало эту плотину[382]. Подобная плотина из бревен и досок была известна еще в X в. под столицей Хорезма — Гургенджем (Ургенчем)[383].

На маленьких каналах плотина для подъема уровня воды сооружалась настиланием дерна и хвороста в несколько рядов, а сверху забивались двурогие колья (айри) преимущественно из тутовника, а иногда и из другой крепкой породы дерева. Расстояние между кольями — 1—3 *м*. Зачастую такие примитивные плотины не могли устоять против высоких паводковых вод и прорывались ими, несмотря на постоянные защитные предохранительные мероприятия.

Возникновение некоторых поверий в области водопользования связано с этими бедствиями. Например, во время паводков и прорывов на канале Хитфар, чтобы предотвратить бедствие, приносили в жертву животных, чаще ишаков, отсюда и позднейшее название головного канала — хархур (букв. «пожирающий осла»). Такие жертвоприношения производились и в других районах Средней Азии[384].

Плотины типа шлюза сооружались также и для регулирования распределения воды. В русле устанавливали треноги из бревен (сепаи), на которых укреплялись горизонтальные балки. На этот каркас накладывались хворост и камни. Поступление воды в каналы регулировалось путем закрытия и открытия просвета между балками каркаса исключительно ручным способом. В низовьях Зарафшана сепаи существуют и по сей день.

---

[381] Из неопубликованных материалов Махандарьинской (Бухарской) археологической экспедиции.

[382] Этнографические записи автора за 1958 г.

[383] Макдиси, изд. De Goeje, BGA., т. III, стр. 260.

[384] Этнографические записи автора за 1956—1957 гг.

При отводе воды от магистральных каналов по боковым каналам и арыкам применялось сооружение, называемое юги. На дне канала, на грунте, забивали порог из толстых круглых бревен, с двух противоположных сторон канала на стенах устанавливали стойки (гульдаста), соединенные балками. Затем сверху перпендикулярно забивались балки-колья. Промежутки между ними заполнялись хворостом, камышом и дерном[385].

При проведении каналов и арыков большое значение имел народный опыт в области нивелировки русла каналов. На этот опыт обратил внимание еще Г. Мейендорфф. «Оросительные каналы,— писал Г. Мейендорфф,— без помощи которых земли были бы неплодородными, выведены из рек. Во всех местах, куда нельзя провести каналы, земля остается невозделанной. Чтобы оросить поля, недостаточно выкопать каналы: нужно сочетать их ширину и глубину с расстоянием, на какое желают провести воду, с высотой района, где канал кончается, с массою воды, необходимою для орошения земель на всем их протяжении. Вот почему в Бухарии существуют глубокие каналы, глубиною более сажени, и другие на половину менее глубокие; прочие выводятся из последних, и некоторые из них имеют всего два фута глубины. Эти каналы легко затягиваются песком или глиною, тогда нужно выгребать. Вынутую из них глину свозят на слишком низко расположенные поля. При этом заботятся, чтобы сохранялся полагающийся уровень между полями и каналами»[386].

В местной ирригационной технике важное значение имел способ нивелировки оросительных каналов. Народные мастера ирригации всегда стремились дать такой уклон трассировке каналов, чтобы обеспечить наибольшую самотечность их конечной сети. Способы нивелировки в разных районах были разными.

Оригинальный способ применяли мирабы Хорезма. Народный опыт хорезмийцев был зафиксирован Я. Г. Гулямовым[387]. Мирабы Хорезма вели нивелировку каналов по уровню грунтовых вод. При нивелировке трассу проектируемого канала по всей ее длине разбивали на квадраты площадью 40 × 40 кулачей[388]. В каждом квадрате закладывали в шахматном порядке шурфы до грунтовых вод. Во время периодических летних паводков в шурфах отмечали изменения уровня грунтовых вод.

---

[385] Этнографические записи автора за 1958 г.

[386] Мейендорфф. Путешествие, русский перевод Е. К. Бетгера (рукопись), стр. 141—142.

[387] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, стр. 266.

[388] Кулач — мера длины, равная размаху рук (сажень).

Рытье ям в шахматном порядке на трассе канала было, по-видимому, разведкой перед его трассировкой. Математические расчеты трассировки были разработаны уже давно, как это устанавливается по исследованию Хорезми, однако ими владели только грамотные специалисты водного дела, прежде всего верховные мирабы ханства[389].

В Государственном архиве УзССР имеются интересные данные. Учредитель «Общества введения искусственного орошения на юге России» барон А. Ф. Герздорф в июне 1877 г. обратился к генерал-губернатору Туркестанского края Кауфману с официальным письмом, в котором он просил ответить на ряд вопросов по ирригационному делу. Отдельные вопросы касались нивелировки новых каналов. По поручению Кауфмана, инженер-ирригатор Ульянов собрал сведения о народной нивелировке, чтобы ответить на вопросы Герздорфа. Согласно этим сведениям, в окрестностях Ташкента и Ферганской долине применяли остроумный способ нивелировки. У предполагаемой головы нового канала вбивали кол, к которому привязывали шнур; другой конец шнура натягивали по намечаемой линии, подавая вправо или влево до тех пор, пока не находили точку, на которой вода, налитая до краев в чашку, привязанную поддоном к натянутому шнуру, не будет проливаться ни в ту, ни в другую сторону.

Тогда в эту точку вбивали второй кол, к которому снова привязывали шнур и переходили на следующую точку и т. д. Расстояние между кольями колебалось от двух до четырех саженей. Как видно из этого описания, при таком нивелировании должна была получиться горизонталь без падения, поэтому, чтобы дать необходимый уклон каналу, пропустив несколько протянутых горизонтально шнуров, делали приступок (уклон) на один палец. Количество пройденных шнуров до той точки, где давали уклон, зависело от размеров предполагаемого канала. Обычно давали уклон через три шнура, а если канал был больших размеров, то через 6 шнуров[390].

Народные мастера ирригационного дела передавали от поколения к поколению выработанные правила ирригационной техники. Народный опыт, приобретенный в продолжение целых столетий, дал возможность устроить такую искусственную систему орошения, с помощью которой удавалось наименьшим количеством воды орошать большие площади.

Правильно нивелировать оросительную сеть было весьма трудно в Зарафшанской долине, имеющей очень незначитель-

---

[389] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, стр. 266.
[390] ЦГА УзССР, ф. Р-1, оп. 14, д. 227, л. 3.

ный уклон. Здесь надо было искусственным образом дать полям различный уровень и устроить сеть пересекающихся в различных изгибах каналов, которые то разносили бы воду по маленьким ходам, то вновь собирали ее для дальнейшего употребления. Благодаря высокому искусству земледельческого населения воды Зарафшана и других рек расходовались на орошение до последней капли[391].

Чтобы уменьшить испарение воды в местах, орошаемых маленькими речками, проводились коротенькие арыки, перерезывающие длинные и узкие полосы посевов.

Главной водной артерией Бухарского и Самаркандского оазисов была р. Зарафшан. Весь водный баланс ее ниже Самарканда распределялся по оросительным каналам при помощи арок (равак), которые служили мерой в распределении воды по магистральным каналам от реки. Каждая единица (ара) рассчитывалась на орошение 100 000 танабов земли[392]

Характерно, что управление водами р. Зарафшан поручалось самому высшему чину в ханстве — аталыку[393]. Приведенные в источнике данные и терминология из области орошения представляют большой интерес, поэтому мы позволим себе привести их полностью: «Опора государства», которою является великий аталык, во время половодья (Зарафшана) или во время маловодья пропускает воду против Кермине через 21 струенаправляющую арку (равак)[394], [одна арка] или больше того воды доставляется [им] от Самарканда до Кермине, сообразно законной (для каждого общества) доле с воды во время половодья в таком же размере, что и при малости воды; каждая из этой 21 струенаправляющей арки несет воду в количестве, достаточном для орошения приблизительно 100 тыс. танабов земли; 5/8 воды, [пропускаемой через одну арку], аталык должен дать в соответствующей части Хазара[395], что ниже

---

[391] В. В. Радлов. Средняя Зарафшанская долина, стр. 7—8.

[392] О сооружении равака (арка) на Зарафшане близ Самарканда Шейбани-ханом см. «Шейбани-наме» Бенаи, ркп. ИВ АН УзССР, № 844, л. 103а—105б.

[393] А. А. Семенов. Бухарский трактат, стр. 145—147.

[394] Слово равак означает арку, сооружаемую под кирпичным мостом или дамбою поперек реки в целях пуска речных вод в определенном направлении. Эти струенаправляющие арки с верхним мостовым настилом для конного и пешего движения до сих пор сохранились кое-где в долине Зарафшана и некоторыми исследователями ошибочно принимаются за развалины мостов.

[395] По поводу термина «хазара» сказано следующее. «Если же был бы отделен [от магистрального канала] отводный оросительный арык, и он оросил бы пятьдесят тысяч танабов земли, то местность станет [тогда] называться Хазара, потому что с пятидесяти тысяч танабов земли до-

Кермине, с Ташрабатом и восточнее его до подножия предгорья с Узлишкентом, Чаргау и прочими [местами][396]. Один равак с четвертью воды другого равака он (аталык. — *М. А.*) должен дать туману Шапуркам с Амирабадом так, чтобы 3/5 того количества выделить шапуркамскому населению, а 2/5 — амирабадскому[397]. Один равак воды [аталык] должен дать в Харкад-руд, а два равака воды дать в должных частях туманам Комот (Камат) и Хутфар[398], упомянутым образом, но чтобы 2/5 всей воды получило население Камата, а 3/5— население Хутфара. Один равак воды с 1/8 частью другого равака он должен дать туману Кам-и-Абу Муслим[399], причем так, чтобы входящие в состав этого тумана землепашцы взяли бы воды каждый по выделенной ему определенной части, сообразно заселенной ими земле. Три равака воды забирает Шах-

---

статочно получается [доходов для одной тысячи] газиев», ркп. ИВ АН УзССР, № 2463, л. 6б.

Термин «газы» означает конного воина, сражающегося за мусульманскую веру. См.: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, соч., т. I, стр. 273; А. Ю. Якубовский. Махмуд Газневи, в сб. «Фердовси», Л., 1934, стр. 63—64.

[396] Все эти места существуют и теперь: сел. Хазара лежит на запад от Кермине, на левом берегу Зарафшана; Узлишкент и Чаргауз — на том же берегу Зарафшана на юго-восток и юго-запад от Ташрабата.

[397] Шапуркам или Шафурком (по-бухарски), ныне районный центр. Шапуркам — название одного из древнейших каналов Бухары, сооруженного, согласно преданиям, сасанидским царевичем. По имени этого канала и туман назван Шапуркамом, а простой народ Бухары, как писал Наршахи, называет его Шафуркам. Наршахи. Бухарская литография, стр. 39. По словам Наршахи, в позднейшее время Шапуркам назывался Вардана (см. Наршахи, стр. 24, русский перевод). Ср. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, соч., т. I, стр. 165; Варданзи-тепа — развалины дворца Вардан-худатов. Эти развалины еще не исследованы археологами. Однако Мулла Абд-ар-Рахман Тамкин говорит о Шапуркаме, как о тумане, существовавшем в 1333 (1914/15) г., и добавляет, что его называют Кишлок-и калон, т. е. большое селение (см. ркп. № 8245, л. 203б). Селение Варданзи находится в километрах 60 к северу от г. Бухары. Амирабад (на картах Амир-рават) лежит ближе к железнодорожной линии (на запад от нее), чем сел. Варданзи, в 40 *км* на северо-восток от Бухары.

[398] Туманом Камат (Комот) назывался нынешний Вабкентский район, расположенный в 20—25 *км* к северо-востоку от г. Бухары. Туман Хутфар — нынешний водораздельный участок Хархур, расположенный в Гиждуванском районе. Этнографические записи автора за 1958 г. Туман Хутфар позднее назывался Зандани, а также Пешку (см. ркп. ИВ АН УзССР, № 8245, л. 208б, Л. Н. Соболев. Зарафшанский округ, стр. 254). Нынешний районный центр Пешку лежит в километрах 40 к северу от г. Бухары. Этнографические записи автора за 1958 г.

[399] Кам-и-Абу Муслим (канал Абу Муслима) в последнее время назывался Ваганзи. Это селение лежит по левую сторону Зарафшана. Нынешний Кызылтепинский район Бухарской области орошается арыком Кам-и-Абу Муслим. Этнографические записи автора за 1958 г.

руд. Однако туман Феравиз[400] и орошение земель по арыку Сан'ан входит в оросительную систему (Шахруда), поэтому 5/8 воды одного равака забирает туман Феравиз, как свою часть, из того, что выделено Шахруду. После чего одиннадцать остальных раваков воды пропускаются через мост Пул-и Михтер Касим; каждый равак запирается в целях наиболее правильного распределения воды[401]. Один равак с 1/4 воды (целого равака) выделяется туману Самджен[402], 5/8 воды одного равака дается половине хазара Калта[403], что (в округе) Вагнази, с того времени, как вода дойдет до Дехмуна и Ушава[404]. Два равака с 1/8 частью воды третьего равака должны быть даны туменам Хайрабад и Тараб[405]. После пропуска семи раваков остальной воды через мост Пул-и Чахар-Минар, 3/4 воды целого равака должны быть даны Хазара Шахр-и Ислам, один равак с 1/4 воды целого равака получают Махан (дарья. — *М. А.*) одной местности и Кул-и калан, поделивши воду по 1/3 части [между собою]. За это время остается пять раваков воды, которые проходят через равак Пул-и Джандар[406] и делятся [между населением] района Каракуль. Такой порядок [водопользования] был в обычае у прежних амилей и правителей областей и содержится в дефтерных записях древних государей»[407].

За распределением воды Зарафшана ниже Самарканда по 21 равакам на все Бухарские и Каракульские туманы следило

---

[400] В древности существовали два Феравиза (Фераваз) — верхний и нижний, находившиеся внутри великой стены Бухарского оазиса (см. В. В. Бартольд. Туркестан, соч., т. I, стр. 166, 168), о котором из них идет здесь речь — неизвестно.

[401] Т. е. все его струенаправляющие арки, снабженные поднимающимися и опускающимися затворами, должны быть всегда заперты, открываясь лишь на время пропуска положенной доли воды.

[402] Туман Самджен (سمجان) то же, что и Рамитан. Оба эти названия в Бухаре употребляются и в наши дни.

[403] Сел. Калта (كلته) расположено на левом берегу Зарафшана, в 14 *км* к северу от г. Бухары.

[404] Эти две деревни расположены недалеко от Бухары по дороге в Пейкенд (Байкенд), см.: В. В. Бартольд. Туркестан, соч., т. I, стр. 166.

[405] Сел. Хайрабад лежит между Каракульдарья и Шахрудом, к юго-востоку от сел. Ваганзи. Тараб—позднейший Охугир (см. مطالع الفاخر л. 208б).

[406] Сел. Джандар — ныне Свердловский район Бухарской области, по дороге в Бейкенд и Каракуль.

[407] См.: Г. Арандаренко. Заметка об ирригации в нагорных туменах Зарафшанского тумена, «Туркестанские ведомости», 1876, № 51.

самое высокое должностное лицо при Аштарханидах — великий аталык.

Для сооружения плотины в обязательном порядке приглашались специалисты, которых называли «варк бандами» и «палванами»[408]. На Зарафшане по сей день ходит народная молва о ныне глубоких стариках, а в прошлом знаменитых палванах Хатаме Хаитове, Исламе Кудратове и др.[409]

Важную роль в орошении играли водоподъемные сооружения. Исследованиями Я. Г. Гулямова установлено, что эффективность действия искусственных каналов в глубокой древности зависела от периодических паводков в реках. Каналы были мелкими и широкими, что обеспечивало самотек в их низовьях и по распределительной сети, так как отсутствие водоподъемной техники в низовьях не позволяло углублять ложе канала для обеспечения в нем постоянного водостока. Такая водоподъемная техника была создана на заре феодализма, когда были изобретены водяная мельница и водоподъемное колесо, называемое «чикири» — в Хорезме, «сакия» — в Египте, «чарх» — в Индии и Бухаре[410].

В Хорезме до 30-х годов действовало более 40 000 чикирей. Кроме них, на больших каналах и на самой Амударье функционировало множество водоподъемных колес — сув чикир (водный чикир). В некоторых оазисах Средней Азии был распространен именно такой водоподъемник — сув чикир (в Бухаре, Ташкенте и Фергане он известен под названием «чарх»)[411].

Древние ирригаторы всех народов Востока прибегали к различным способам использования родниковых и кяризных вод, особенно к идее создания водохранилищ для рационального использования природных запасов воды, тем более в засушливых районах[412].

О сооружении при Шейбанидах двух внушительных по размерам кяризов недалеко от Сабрана сообщает в своих мемуарах Васифи. Согласно сообщению этого автора, при сооружении этих кяризов работали двести рабов. По словам Васифи,

---

[408] «Варк банд» — букв. останавливающий поток воды. «Палван» — букв. силач.

[409] Этнографические записи автора за 1958 г.

[410] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, гл. VIII; М. Громов и В. Баранов. Чигир как водоподъемная машина и как привод, Ташкент, 1931.

Кроме того, это сооружение в Бухаре известно также под названием «дулаб» (دولاب), См. Этнографические записи автора за 1958 г.

[411] М. И. Бродовский. Заметки о земледелии в Самаркандском районе, стр. 233; Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, стр. 99.

[412] В. В. Струве. История Древнего Востока, М.—Л., 1941, стр. 49—56; В. И. Авдиев. История Древнего Востока, М., 1948, стр. 39.

возле этих кяризов были построены крепость и сардабе (водоем, помещение с бассейном для воды). Вода из кяризов подавалась на поверхность земли чикирами (с прикрепленными к ним водолеями — далу), вращаемыми при помощи животных (быков).

Благодаря этим кяризам были оживлены ранее мертвые земли (мават). Они были орошены и возделаны. Здесь разбили фруктовые сады и виноградники. Благодаря орошению и обработке полей на ранее не населенных местах возникли благоустроенные населенные пункты. Орошаемые земли этих местностей отдавались на обработки крестьянам-издольщикам (аккарам)[413].

Северо-восточные районы Ташкентской области (особенно западные склоны Тянь-Шаня) изобилуют большими и малыми родниками. Из этих родников и саев были выведены силами сельской общины оросительные арыки, протяженностью более 25 верст[414].

При разложении сельской общины в XIX — начале XX вв. богатые семьи в первую очередь захватывали те земли, где были родниковые воды. В селе Хумсане и поныне сохранилось более тридцати больших фруктовых садов, разведенных на землях, орошаемых такими водами. Здесь разводили цветущие сады и высевали разнообразные поливные культуры, тогда как принадлежавшие другим дехканам соседние земли засевались только богарными зерновыми культурами. Среди освоивших эти земли под сады не было ни одной бедной семьи. Для скапливания воды владельцы родников сооружали возле них большие водоемы, называвшиеся «думба» (дамба). Техника устройства таких водоемов (разных размеров) была очень проста: они сооружались в форме круглого цилиндра, на пологом месте возле родников или надпойменной террасой. Стены высотой до 2—2,5 *м* складывались из каменных глыб с прокладкой дерна. Дамба обычно располагалась ниже родника таким образом, что вода из него стекала в водоем, который имел только один впуск в верхней части и одно отверстие для выпуска воды. Регулировалась вода длинным деревянным шестом, к одному концу которого привязывались старые тряпки, обычно кусок старого ватного халата. Чтобы закрыть дамбу, отверстие затыкали концом шеста. Во время полива шест вытаскивали[415].

В настоящее время можно наблюдать несколько действующих дамб и множество их остатков в горных районах. Дамбы

---

[413] Васифи, т. I, ст. 348—355.
[414] М. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 47.
[415] Там же.

составляли собственность землевладельцев. Их владельцы не давали соседям воды для орошения, разрешали лишь поить скот и брать воду для питья. Для подхода скота и людей к водоему владельцы дамбы оставляли тропинки (в Хумсане такие тропинки существуют и поныне; они называются «ёлгиз оёк йўл», т. е. дорожками, по которым можно ходить лишь пешком и поодиночке), а остальной участок огораживали колючим кустарником. Отгороженная земля называлась «кура» или «курук»[416]. Только в тех случаях, когда вода была в избытке, ее владелец отпускал излишки соседям за определенное вознаграждение; чаще всего он отрезал за это часть соседней земли[417]. Сведения такого порядка имеются в источниках периода царствования Шейбанидов, например, в ярлыке Абдуллахана от 1006/1958 г.[418]

Автор начала XIX в. Худайберды бин Кушмахаммед Хорезмий в своем сочинении «دل عرايب» („Мышление чужестранца") говорит о 44 родниках в Кубадиане, цветущих садах, бахчевых посевах и чудесном воздухе в этом горном районе[419].

Родниковые воды использовались для орошения на склонах Нуратинских гор. Этот район изобилует большими и малыми саями родникового происхождения, образовавшимися внутри горных ущелий. Самым значительным водохранилищем здесь является плотина Хан-банди, сооруженная при Саманидах[420]. В X в. в период развитого феодализма осваиваются большие земельные массивы. Именно в это время появляются огромные

---

[416] Кура — тюркско-монгольский термин, означающий ограду из камыша или из прутьев, внутри которой ставились палатки на зимовье. «Для могущественного Тимура и славных царевичей устроили кура из тростника, внутри их воздвигали высокие шатры и палатки» (Шереф ад-дин Али Йезди, Зафар-наме, Калькуттское издание 1887—1888 гг., стр. 381). Тюркское «курук» означает запретное, заповедное место. «Близ Шамсабада Малик Шамс уль-мульк отвел пастбища для царских лошадей и назвал это место гурук. Он огородил это место крепкими стенами» (Наршахи. История Бухары, стр. 40); см.: А. Л. Троицкая. Заповедники курук кокандского хана Худаяра, Сборник Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, вып. III, Л., 1955, стр. 126 и сл.

[417] М. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 47. По свидетельству документов начала XIX в., собственностью считались и отдельные большие оросительные арыки. См. ркп. ИВ АН УзССР, № 1961/II, письмо № 239.

[418] П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков. Материалы по истории каракалпаков, М.—Л., 1935, стр. 34—35.

[419] دل عرايب ркп. ИВ АН УзССР, № 3335 л. 183а—б. Ср. А. П. Хорошунин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 160 и сл.; Г. Арандаренко. Заметки об ирригации в нагорных туменах Зарафшанского тумена, «Туркестанские ведомости», 1876, № 51.

[420] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, стр. 57—59.

водохранилища длиною до 700 *м* и шириною до 50 *м* в районе Нуратинских саев[421].

Воды горных источников и ручьев широко использовались для орошения полей различных районов Ирана, где также вода накапливалась в водоемах-цистернах[422]. В Бухаре как в средние века, так и теперь в садах и усадьбах имеются хаузы-водоемы, которые летом периодически наполняются водою для питья[423].

В Средней Азии существовала система орошения подземными каналами — кяризами. Истахри, описывая Мервскую цитадель (Кухендиз), рассказывает, что она находится на возвышенности, и, «несмотря на возвышение, в нее проведены подземные каналы, вода по которым течет до наших дней; на ней (на возвышенности. — *М. А.*) иногда разводятся бахчи, огороды и прочее»[424].

В книге «Мафатиф ал-улум» имеется термин «казаим», которому дано следующее объяснение: «воды, текущие под землей, вроде куни»[425]. В источниках изучаемого нами периода термины «казаим» и «куни» не встречаются.

По свидетельству вакуфных документов, часть земель (сел. Актам и Касатараш), пожертвованных Ходжи Ахраром в вакф в районе Пенджикента, лежащие на востоке р. Магиандарья или Джадуруд, еще в позднее время орошались арыком, выведенным из Магиандарьи. Этот арык переходил на значительном протяжении в толще лесса целую систему кяризов[426].

Подобно родниковым водам, подземные водные сооружения — кяризы — в исследуемый нами период находились в мульковой собственности[427].

В исторической литературе XIX в. имеется более подробное описание кяризов. Кяризы — подземные каналы для выведения на поверхность земли грунтовых вод[428].

Для выброса земли при прорытии каналов и для их очистки в дальнейшем рылись колодцы на расстоянии 7—10 *м* друг от друга, так что создавалось впечатление, что кяризы — это

---

[421] Материалы Бухарской археологической экспедиции (рукопись).
[422] И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 116.
[423] Этнографические записи автора за 1959 г.
[424] Истархи, МИТ, т. I, стр. 172.
[425] В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 24—25.
[426] Мафатих ал-улум, МИТТ, т. I, стр. 28.
[427] Переводы документов «Из архива шейхов Джуйбари», док. № 230, 330. О древности мулькового права на оросительные сооружения, в том числе кяризы, см.: В. В. Бартольд. О феодализме в Иране, Новый Восток, М., 1931, № 28, стр. 10.
[428] Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане, стр. 162; В. В. Радлов. Средняя Зарафшанская долина, стр. 9.

система колодцев, соединенных подземной галереей, причем иногда на значительной глубине. Однако в предгорьях Средней Азии имеются кяризы и другого характера. Это подземные каналы-тоннели с выходящими наружу колодцами. Каналы эти прорывались не для выведения подземных вод, а для передачи воды из реки в равнинное место через какую-нибудь возвышенность. Таковы тоннели долин Мургаба (в Мерве) и Магиандарьи[429]. Кяризная система орошения существовала еще в XIX в. недалеко от Магиандарьи — в Кштуте[430].

Как уже говорилось, кяризы связывались между собою галереями, при помощи которых подпочвенные воды выводились на поверхность земли. Например, в местности Багаджат, между Каратагом и Актагом (долина Зарафшана), были выкопаны (XIX в.) на склоне горы рядом около 8 колодцев, соединенных между собой глубоко под землей. Из последнего колодца вытекала струя воды, которая использовалась для орошения окрестных полей и садов[431].

Как видно из сообщения автора «Матлаб ат-талибин», кяризная система орошения существовала в предгорных районах, менее обеспеченных естественными осадками. В обеспеченных же осадками предгорных районах развивалось богарное, неполивное земледелие (ляльми)[432]. Подземные каналы, кяризы, будучи собственностью отдельных лиц, служили предметом купли-продажи. В одном из документов из архива джуйбарских шейхов идет речь о приобретении Ходжи Са'дом в районе Нурата за 3400 серебряных теньга одного высохшего и одного действующего кяриза, при которых находились пригодные к обработке земли[433].

Профессиональные мастера, сооружавшие кяризы, назывались кяризгарами[434]. На пересеченной местности, через овраги и канавы вода проводилась по деревянным желобам (нау, тарнау). Так было орошено несколько селений в дашти кази, земля фалгарцев на левом берегу Зарафшана и т. д.[435]

Дехкане, получавшие воду с помощью желобов, всегда терпели лишения, особенно в маловодные годы. В Бухаре существует даже пословица: «Нау гузара киз берма» («Не от-

---

[429] Истахри, МИИТ, т. I, стр. 172—173; В. Л. Вяткин. Материалы, стр. 25.

[430] Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане, стр. 162.

[431] В. В. Радлов. Средняя Зарафшанская долина стр. 9.

[432] Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, № 80, л. 112б.

[433] Переводы документов «Из архива шейхов Джуйбари», док. 371.

[434] Там же, док. № 10, 268.

[435] Г. Арандаренко. Заметка об ирригации в нагорных туменах Зарафшанского тумена, «Туркестанские ведомости», 1876, № 51.

давай свою дочь замуж туда, куда вода проведена по желобам»)[436].

Излишки воды поступали в водосброс, называемый обпортаб, апортау. Самым большим водосбросом Зарафшана являлась Махандарья, сухое русло которой сохранилось до наших дней. Озеро Маханкуль, образованное из притока Каракульдарьи (Махандарья — приток этой реки), и сейчас служит водосбросом.

Все арыки Зарафшана, выйдя из реки, за редким исключением, не вливаются в нее, а, разделяемые на мелкие ручейки, полностью используются на орошение. Незначительное количество воды, которое бухарцы называют сизоб, впитывается в грунт.

Мелкие водосбросы — опартау — можно наблюдать в низовьях многих арыков и каналов. Но в Бухаре говорят, что сама Бухара служит водосбросом Самарканда, а Каракуль — водосбросом Бухары[437].

В средние века размеры озер, куда стекали сбросные воды, были значительно больше. На этот счет имеются интересные сообщения у Наршахи. Он пишет: «Рядом с Бейкендом находятся заросли камыша и большие водоемы, которые носят название Баргин-и ферах» или «Каракуль»[438]..., оно (оз. Каракуль.— *М. А.*) простирается на 20 фарсахов. В книге «Месалик-ва-мамалик»[439] говорится, что это место называлось озером Самган (правильнее Самджен.— *М. А.*), что и вода, остающаяся в избытке от орошения Бухары, стекает туда же»[440].

Под названием Самджен (позднее Харамкам) ранее был известен оросительный арык, протекавший в 4-х фарсахах от Бухары[441].

Кстати надо сказать, что Пейкенд, а также селения вокруг него — Шарг, или Джарг (еще точнее Чарг)[442] и Искиджкет,

---

[436] М. Абдураимов. Некоторые предварительные сообщения о письмах эмира Хайдара, Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1959, № 6, стр. 28.

[437] Этнографические записи автора за 1958 г.: Материалы Махандарьинской археологической экспедиции; А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 156—158; Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, стр. 77—81.

[438] О водоеме Баргин-и ферах или Каракуль подробнее см.: В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 166, 170.

[439] В данном случае, очевидно, имеется в виду сочинение Истахри.

[440] Наршахи. История Бухары, стр. 28.

[441] В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 150, 170.

[442] По словам позднейших исследователей, на арыке Пейкенд было 9 небольших селений, а в 3 верстах от них «на приподнятой местности сохранились развалины укрепления в виде прямоугольного четырехугольника и развалины жилых построек». Н. Ф. Ситняковский. Сообщение на заседании ТКЛА, 11 декабря 1896 г., стр. 20.

или Сикиджкет,— расположенные в низовьях Зарафшана, были обеспечены оросительной водою очень плохо. Около Пейкенда протекал арык Харамкам, не всегда доходивший до города; от Пейкенда до Фараба простиралась песчаная степь, занимавшая пространство около 12 фарсахов.

Пейкенд считался еще в домусульманскую эпоху крупным торговым центром. Подобно Рамитану и Фарахше (Варахше) он был древнее Бухары. Местные купцы вели торговлю с Китаем и даже «морскую торговлю» с прикаспийскими городами.

После падения государства Саманидов город Пейкенд, подобно многим другим, пришел в упадок. В начале XII в. Караханид Арсланхан, который более всех прочих Караханидов известен своими постройками, сделал попытку восстановить его, даже построил здесь для себя дворец и хотел прорыть для города новый арык. Город был расположен на горе, хан велел прорыть ее, чтобы провести воду. Оказалось, что гора состояла из крепкой каменистой породы, и после тщательной попытки, поглотившей уйму денег и стоившей жизни множеству людей, эта затея была оставлена[443].

Общинное и частное водопользование. В Средней Азии пользование водой на правах полной личной собственности допускалось при условии, если земледелец проведет из реки, ручья или родников канал (арык) лично и за свой счет, произведет расчистку его также сам, без участия кого бы то ни было из соседних землевладельцев. Личной собственностью считались также родниковые воды в отдельных районах. Хозяином их становился тот, кто раньше успел освоить близлежащие земли[444].

Но основным видом водопользования являлось общинное. Почти все арыки и каналы в Бухарском ханстве проводились общественными силами и лишь в очень редких случаях за счет правительства, которое обычно выступало организатором общественных работ по орошению.

Следует подчеркнуть, однако, что общинное водопользование являлось формальной, юридической фикцией, так как община сохранилась формально. Среди членов общины сильно было развито классовое расслоение. На общественные работы по ирригации мобилизовались все члены общества, но бедные

---

[443] См.: Наршахи, изд. Шефера, стр. 17; В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 152, 155, 161—162, 169, 170, 382.

[444] См.: Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, стр. 82; А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 159; Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области, вып. I, стр. 183; М. Абдурашмов. Пережитки сельской общины, стр. 46—47.

и малоземельные крестьяне фактически были лишены водопользования и в нередких случаях вынуждены были оставлять свои земли.

Общинное пользование водою возникло еще в древности. Оно связано с большими трудностями устройства ирригационной системы и содержания ее в полном порядке путем постоянной расчистки всех каналов и возобновления плотин. Эти грандиозные работы были совершенно не под силу отдельным лицам, а поэтому выполнялись целыми общинами, каждый член которой получал право пользования водой, получаемой из такой ирригационной сети или магистрального канала.

Обычай пользования водой на общинном праве сохранялся в большинстве кишлаков вплоть до XIX—XX вв.[445]

Как уже говорилось, главным организатором ирригационных работ выступала верховная феодальная власть, поэтому по адату (обычному праву) собственником воды считался владыка страны. Это и породило известную юридическую формулу: «Земля принадлежит богу, а вода — султану, владыке страны[446].

Чрезвычайно интересные факты общинного водопользования зафиксированы Г. А. Арандаренко в «Биографическом очерке», посвященном жизни и деятельности крестьянина по происхождению Халифы Хасана, жившего в предгорных районах Зарафшанской долины. Халифа Хасан прожил чрезвычайно долгую жизнь. Родился он в 1702 г. в Каратегине, а умер в 1865 г. в возрасте 163 лет, при правлении эмира Музаффара (1860—1885) пользовался покровительством эмиров Мухаммед Рахим-хана, Шамурада (эмира Ма'сума), Хайдара, Насруллы и Музаффара. Он был крупным ученым и медиком, деятельным ирригатором. В начале XIX в. Хасан восстановил в районе Кштутдарьи (впадает в Зарафшан) заброшенный древний арык и основал кишлак Тагоби-халк. Но независимый магиано-кштутский бек Аллаяр-инак, поддерживая ходатайство кочевых узбеков оставить Дешт-и гусар (на левом берегу Зарафшана) для пастьбы скота, запретил заниматься землепашеством на восстановленном Халифой Хасаном арыке, и жители кишлака Тагоби-халк вернулись в Кштутское ущелье (Тагоби), где возник кишлак Шашкет.

---

[445] См.: Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области, вып. I, стр. 181—192; А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 159, 160; Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, стр. 82—83.

[446] М. Абдурахимов. Пережитки сельской общины, стр. 46.

Однако первая неудача, стоившая больших затрат, не смутила Халифу Хасана, и через двадцать лет он заложил в той же долине на левом берегу Зарафшана Гусар-арык. Арык этот начинался выше кишлака Гусар кяризом (подземным каналом) протяженностью 390 сажень и орошал 800 танабов земли, обрабатываемой поселившимися здесь 50 семействами узбекского племени барлас. Но после смерти Халифы Хасана, в холерную эпидемию в 1865 г., большинство жителей кишлака переселилось в Гисар, и в 70-х годах XIX в. от этой ранее оседлой местности на берегу Зарафшана остались одни развалины, а посевные поля превратились в пастбища[447].

Халифа Хасан обратил также внимание на горные районы Фальгара и Пенджикента, на огромную пустынную долину, тянувшуюся от устья р. Кштут по Зарафшану до земель кишлака Суджина на западе. Он получил разрешение у местных властей на орошение пустынных берегов Зарафшана за Пенджикентом. Поощренный согласием и небольшой денежной поддержкой правителя вилайета и эмира Хайдара, Хасан открыл сначала ирригационные работы на юго-западе от Пенджикента и искусно выведенными каналами из горной речки Кыркарча оросил площадь в 2760 танабов (460 десятин), где поселилось узбекское племя туяклы, основавшее кишлаки Шурнов, Ялокджар, Урта-кишлак, Камар-кишлак и Чимкурган.

Весьма удачное и довольно быстрое орошение лощины Кыркарча подняло авторитет Хасана среди местного населения настолько, что он без труда составил в 1820 г. небольшую общину для проведения арыка от западного берега горной реки Минданасу, впадающей справа в Зарафшан. Эта трудная работа, потребовавшая вести арык по склону горы на протяжении двух верст, в обход частых горных расщелин, была окончена за два года, при содействии фальгарцев, рассчитывавших получить здесь долю орошаемой земли. Благодаря постройке арыка была орошена равнина Чокарон площадью в 3000 танабов (500 десятин). Здесь поселились 200 семейств, получивших наделы в постоянное полное пользование, частью на правах издольщиков общины, частью выкупив у общины землю стоимостью от 80 коп. до 2 руб. за танаб.

Недолго, однако, пользовались арыком из Минданасу. Русло арыка при всех усилиях искусственного поддержания его желобами (нау) год от года разрушалось, и в 1833 г. его пришлось окончательно забросить. Таким образом, арык служил

---

[447] Г. Арандаренко. Заметка об ирригации в нагорных туменах Зарафшанского тумена, «Туркестанские ведомости», 1872, № 51; Он же. Досуги в Туркестане, стр. 160—163.

общине всего 13 лет, за которые едва окупили издержки за его проведение.

Удачным было предпринятое Халифой Хасаном в 1828 г. проведение арыка из небольшой горной речки (в Туркестанском кряже) Уйбадам, вливающейся в Зарафшан справа, несколько выше Пенджикента.

Община, составленная из привлеченных к проведению арыка каратегинцев, матчинцев и частью киштутцев, воспользовалась открытой, довольно обширной равниной по берегам р. Уйбадам и в три лета оросила ее четырьмя небольшими арыками: с правого берега Шинган, Дашт-и варвар для орошения полей и чарбагов, а с левого — арыками Миёна (средний) и Чарбаг для орошения садов.

Всю землю в количестве 600 танабов, орошенную арыками, выведенными из Уйбадама, Халифа Хасан получил от эмира Насруллы (1826—1860) в потомственную, освобожденную от податей собственность (мульк-и халис); на этом же праве он завещал ее в вакф своему потомству (вакф-и авлод) и открытому им в Пенджикенте медресе Чубин.

Оставшиеся с тех пор на берегу Зарафшана, при впадении в него многоводной р. Уйбадам, дехкане, наделенные Халифой Хасаном землей, составили кишлак Ходжапандж.

В конце XIX в. в кишлаке Ходжапандж, уютно расположившемся на высоком берегу Зарафшана и картинно окаймленном роскошными садами, насчитывалось 36 домов с 80 семействами, данниками вакфа Халифы Хасана.

Местность эта чрезвычайно богата разнообразными дикорастущими фруктовыми деревьями (орех, миндаль, яблоки, фисташки и др.). Тучная подгорная черноземная почва привлекала внимание населения близлежащих районов, поэтому цена на эту землю была чрезвычайно высокой: 60—80 руб. за танаб.

В Самарканде, против Чопан-Ата, Халифа Хасан провел арык Оби-рахмат, на котором возник кишлак Ишан. Земли, орошаемые этим арыком, Халифа Хасан также завещал в вакф медресе Чубин, построенному им самим в 1821 г. в Самарканде, в квартале Ходжа-Зумрат[448].

Общественные мероприятия, связанные с сооружением каналов, плотин и содержанием их в исправности, ложились тяжелым бременем на плечи крестьянской массы. На эти работы население мобилизовывалось в порядке хашара и бегара. Натуральная повинность населения была настолько тяжела, что иногда сопровождалась многочисленными жертвами. В этом

[448] Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане, стр. 158—163; Туркестанские ведомости, 1876, № 51.

отношении характерен следующий рассказ Наршахи. По его словам, Караханид Арслан-хан Мухаммад ибн Сулейман хотел провести отдельный канал из Амударьи на Бейкенд, так как вода канала Харамкам (из Каракульдарьи) иногда не доходила до г. Бейкенда[449].

«Бейкенд,— рассказывает Наршахи,— стоит на горе, но гора эта невысока. Хакан приказал провести воду на гору, и когда принялись рыть арык, почва оказалась очень крепкой каменистой породы, без всяких трещин. Рабочие встретили затруднение при исполнении этой работы и, чтобы размягчить камень, истратили очень много сала и уксуса, но все-таки не могли вырыть больше одного фарсаха. Очень много погибло здесь людей, много потрачено было усилий и средств, но все-таки пришлось оставить это дело за невозможностью выполнить работу»[450].

Бенаи сообщает о мобилизации населения окрестных кишлаков Самарканда в 908 (1502/03) г. в порядке бегара при сооружении арки-вододелителя на р. Кухак близ Самарканда[451].

Интересные сообщения из области землевладения, водопользования и сбора натуральных и денежных податей имеются в «Переписках, образцах писем и грамот»[452], составленных при Аштарханидах и Мангытах.

В одном из писем предписывается населению не противиться амлякдару, когда он мобилизует ра'ийатов на хашар и бегар[453].

Исследователи терминов «хашар» и «бегар» не установили четкого различия между ними. Ранее, кроме натуральной повинности, термин «хашар» имел еще и военное значение[454].

Бегар в XVI—XVIII вв. также означал трудовую (натуральную) повинность населения[455]. В отдельных документальных источниках термины «хашар» и «бегар» употребляются как синонимы[456]. Выражение «хашар ва бегар-и калъа» в ярлыке Аб-

---

[449] تاريخ نرشخى Бухарская литография, 1904, стр. 23.

[450] Наршахи. История Бухары, стр. 28 (русский перевод).

[451] Ркп. ИВ АН УзССР, № 5385, л. 105а.

[452] Там же, л. 289.

[453] Там же, л. 190.

[454] До монгольского завоевания Средней Азии арабский термин «хашар» встречался здесь редко. Очевидно, под этим термином тогда подразумевали крестьянское ополчение (см.: «Тарих-и Бейхаки» Абу-л-Фазл Бейхаки, МИТТ, т. I, стр. 236; Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда. 1030—1041. Вступительная статья, перевод и примечания А. К. Арендса, Ташкент, 1962, стр. 132, 261.

[455] А. А. Молчанов. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои, сб. «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940, стр. 161—169.

[456] О. Д. Чехович. Документы, стр. 99.

дулла-хана от 978 (1570/71) г., выданном на имя Ходжи Са'да Джуйбари[457], означает натуральную повинность, связанную с участием населения в сооружении крепости (кал'а) и ремонте ее стен[458]. Здесь хашар организован путем бегара, т. е. обязательной мобилизацией населения на принудительные работы.

Эти же термины встречаются при обозначении различного рода натуральных повинностей сельского населения и в хивинских ярлыках XIX — начала XX в.[459] Но некоторое различие между терминами хашар и бегар все-таки есть. Так, как нам кажется, бегар означал обязательную натуральную повинность податного населения, согласно которой каждый податной человек обязан определенные дни в году работать на государство. В Бухаре, например, в XIX — XX вв. таких бегарных дней было 12 в году. Хашар же не был определен конкретными днями. В хашар люди мобилизовались или в масштабе государства, или же в квартальном и общинном масштабе. Хашар мог быть организован и в пользу отдельных лиц[460].

Натуральная повинность, носившая характер принудительной работы в пользу государства, существовала в Бухаре и в XIX в. Повинность эта в изданных нами «Письмах эмира Хайдара»[461] носит название «мардикар». Население было обязано выставить мардикаров (рабочих-поденщиков) для ремонта и очистки оросительных каналов, исправления дорог, мостов, крепостных стен. Массовая мобилизация сельского населения на принудительные работы носила также название «марди вилайет» (или в просторечии «марди вило», букв. «население области»)[462].

Русские исследователи 70-х годов XIX в. застали в долине Зарафшана те же порядки в области орошения, которые существовали здесь в средние века.

Весенние хашары проводились в марте-апреле. Говоря о хашаре в верховьях Зарафшана, А. П. Хорошхин пишет: «Рус-

---

[457] Переводы документов «Из архива шейхов Джуйбари», док. 120.

[458] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 39.

[459] Там же.

[460] М. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 49.

[461] М. Абдураимов. Некоторые предварительные соображения о письмах эмира Хайдара, Известия АН УзССР, серия общ. наук, № 6, 1959, стр. 29; Он же. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара. Опыт краткого исследования источника, Ташкент, 1861, стр. 36.

[462] Письма эмира Хайдара, письма № 119, 120, 466, 899; Этнографические записи автора за 1958 г. О «мардикаре» см. также «Известия Среднеазиатского отделения русского географического общества», т. XVIII, Ташкент, 1915, стр. 15. Термин «мардикар» как вид натуральной повинности встречается и в ранних источниках. См.: Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, № 80, л. 111а, 112а.

ло Акдарьи находится ниже русла Карадарьи, поэтому в апреле или мае все, кто нуждается в воде Карадарьи, снаряжают на общественный сбор (хашар. — *М. А.*) к высотам Чопан-ата экспедицию, иногда бывает до 4000 рабочих (мардикаров.— *М. А.*). Эти рабочие понижают исток Карадарьи из Зарафшана, и затем по системе арыков Карадарьи земледельцы в течение года бывают обеспечены водой. Важнейшие арыки этой местности питаются Карадарьей: шесть арыков хлебороднейшего из участков Афарикентского (тумана. — *М. А.*) и шесть арыков бекства Каттакурганского»[623]. О хашаре на плотине Зарафшана, где он у самой подошвы Чопаната искусственно разделяется на Акдарью и Карадарью, писал и В. В. Радлов: «Два раза в каждом году, весной и осенью, приходится поправлять (плотину Зарафшана. — *М. А.*). Насколько значительны эти работы доказывается тем, что для поправки плотины, состоящей из насыпи галек, ежегодно два раза необходимо 5000 рабочих, из которых 2000 поставляются Каттакурганским и Пейшембинским бекствами, а 3000 человек — Зияддинским. Это неравное распределение рабочих происходит оттого, что в случае недостатка воды в реке Карадарье более всего терпит западное Зияддинское бекство: поэтому для этого края важнее всего, чтобы раздел рек находился в хорошем состоянии»[464].

Содержание головы каналов в исправности, ремонт и очистка арыков на Зарафшане обусловлены характером течения реки, в крайней степени непостоянным. Исправность оросительной системы долины Зарафшана находится в полной зависимости от количества труда и средств, затраченных ежегодно населением на поддержание нормальной работы арыков-каналов. Малейший недосмотр за головами арыков, особенно в период полноводия реки, мог привести к разрушению системы орошения и явиться причиной бедствий для земледельческого населения.

Зарафшан ежегодно испытывает три периодических разлива: первый от половины марта до половины апреля, второй, самый сильный разлив, начинается в последних числах апреля и продолжается до середины июня от таяния вечных снегов, когда обычный уровень воды в реке поднимается до 5—6 *м*, и третий разлив — в сентябре.

Русский исследователь Г. Арандаренко, изучавший водоснабжение из каналов Янги-арыка и Казан-арыка на Зараф-

---

[463] А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 158.

[464] В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина, стр. 12.

шане (в Самаркандском оазисе), писал, что на ремонте головы указанных арыков работало 460 рабочих в течение 16—20 дней. По установленным издавна правилам, каждый собственник одного коша земли (48—50 танабов) обязан выставить одного рабочего с кетменем. Вышеуказанные 460 рабочих ремонтировали плотину длиной в 240 аршин. Для плотины заготовляли хворост, кустарник (шах), рисовую солому (пахал) и галечники. Они же производили чистку русел арыков[465]. Чистка арыков продолжалась зимой. Еще Мейендорфф сообщал, что «работа (хашар) по очистке каналов, по поднятию или понижению полей... занимает земледельцев в течение всей зимы, с декабря по март. Каналы очищаются под наблюдением мираба, назначаемого, как в Египте, правительством»[466].

В сельском хозяйстве Бухары на очистке каналов нередко использовался рабский труд[467].

Братья Пазухины сообщали, что в Бухаре «поля поливали напускною водой, для чего употребляли пленных[468]. Такую же картину мы наблюдали и в Хорезме, где были русские, калмыки и другие иноземные пленные, которых «весною выгоняли на работу для чищения кругом города Хивы каналу»[469].

Земледельческое население в принудительном порядке привлекалось для периодической очистки каналов и кяризов не только больших размеров, но и обычных, в том числе арыков отдельных поместий светских и духовных феодалов. В биографии Ходжи Ахрара мы находим сообщение автора «Рашахат», что, прибыв в Карши, он остановился у одного из управляющих хозяйством Ходжи Ахрара в районе Карши, который сообщил ему следующее: «В моем ведении находятся поля, расположенные по оросительным каналам (джуйбар) в районе Карши, что составляет только часть из 1300 участков святого ишана». Я спросил: «Сколько плужных участков возделываемой земли расположено на этой оросительной системе?» — [Управляющий] сказал: «Ежегодно на ремонт оросительных каналов выходит по одному человеку от каждого плужного

---

[465] Г. Арандаренко. Заметка об ирригации в нагорных туменах Зарафшанского тумена, «Туркестанские ведомости», 1876, № 51.

[466] Г. Мейендорфф. Путешествие в Бухару в 1820 г., стр. 142 (неопубликованный русский перевод).

[467] Там же, стр. 141.

[468] Сборник князя Хилкова, СПб., 1879, стр. 457.

[469] Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным, Известия РГО, вып. 2, 1850, стр. 536.

участка и таким образом собирается [в данном районе] три тысячи человек»[470].

На ремонт канала джуйбарских шейхов в Хасанабаде (в районе Бухары) выходило 1000 человек. Автор «Матлаб атталибин» сообщает, что содержание в исправности плотины Хасанабада ложилось чрезвычайно тяжелым бременем на окрестное крестьянское население[471].

Все организационные работы по хашару и бегару входили в функции амлякдаров, аминов и арык-аксакалов. Права и обязанности амина и аксакала одни и те же, поэтому в селениях их называли «амин-аксакалами»; помощниками их были мирабы и пайкары (рассыльные)[472]. Главный мираб — мираб-и руд, который распоряжался всей оросительной системой на Зарафшане, находился при государственном диване. Обязанность его настолько ответственна, что она была возложена в период Аштарханидов на самого аталыка, первое лицо после хана, до учреждения должности кулли-кошбеги (великий кошбеги) в период царствования Убайдулла-хана. На каждом оросительном арыке были мирабы, в обязанность которых входило распределение воды между земледельцами и организация мелких ремонтов[473].

Обязанности водных чиновников в период правления Аштарханидов и Мангытов довольно ясно указаны в «Переписках, образцах писем и грамотах» Аштарханидов и Мангытов[474]. В этом документе привлекает внимание указ о назначении некоего Мухаммад Ла'л Бакаула кулли-амлякдаром и саркаром дивана. В ней предписывается всем правителям (областей), знати и благородным просвещенным выдающимся ученым, сельским старостам и особенно податному населению, издольщикам и арбабам, нижним водным чиновникам беспрекословно выполнять веления, которые исходят от имени дивани-саркар и кулли-амлякдара, относительно хозяйственных дел[475].

---

[470] Рашахат-и 'айни-л-хайат, Ташкентская литография, стр. 228 (персидский текст); П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 11; И. П. Петрушевский. Из истории орошения и техники сельского хозяйства в Иране в XIII—XV вв. Ученые записки ЛГУ, вып. 4, 1954, стр. 170 и сл. Под плужным участком подразумевается выражение «зоудж аз авамиль», соответствующее терминам «кош» и «джуфт-и гав» — земельный участок в размере 48—50 танабов.

[471] Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, № 80, л. 111б.

[472] М. Абдураимов. Некоторые предварительные соображения о письмах эмира Хайдара, Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1959, № 6, стр. 29.

[473] Этнографические записи автора за 1958 г.

[474] Ркп. ИВ АН УзССР, № 289, л. 172а—190а.

[475] Там же, л. 170а. В «Матлаб ат-талибин» под термином «саркар» подразумевается центральное управление джуйбарских шейхов, ркп. ИВ АН УзССР, № 80, л. 80л.

Арбабы иногда назначались указом центральной власти. В «Переписках» имеется сообщение о назначении Халик-бия арбабом вилайета Балх с указанием, что он должен управлять 18 каналами области. Характерно предупреждение, сделанное ему, чтобы он не нарушал правил, издавна установленных в деле водопользования[476].

В отдельных письмах о назначении арбабов отмечаются широкие их права, включая и сбор податей. Так, о назначении арбаба Бухары говорится, что Мулла Абиду пожаловали должность арбаба арыка Фаравиз и каналов Харкан-руд, Ками Абу Муслим, Хайрабад и Тараб. Ему, помимо организации орошения и распределения вод по полям подданных и земледельцев, предписывается наблюдение за правильностью сборов податей чиновниками — сборщиками податей[477].

Иногда в практике орошения Бухары мы наблюдаем объединение должностей арбаба и амина в одном лице. Так, в указе о назначении арбаба и амин-и оби (амина воды) известного канала (плотины) Хитфара или Гудфара (позднейшего водораздела Хархура)[478] говорится, что, согласно повелению владыки страны, для упорядочения (оросительных) дел страны и разрешения (спорных) вопросов (орошения) между ра'ийатами целесообразно избрать в каждом вилайете из людей, защищающих интересы государства, одного арбаба и его помощника[479]. Согласно указу, арбабом и амин-и оби Хитфара был назначен некий Мухаммад Абид[480].

Перед установлением власти русских в долине Зарафшана местное правление описано русским исследователем так. «Всякое бекство разделено на мелкие округа, во главе которых стоят аксакалы. Главным из них считается тот аксакал, который управляет городом, где живет бек. Он носит титул амина. На аксакале лежит обязанность исполнять в своем округе прика-

---

[476] Ркп. ИВ АН УзССР, № 289, л. 181а.

[477] Там же, л. 181б—182а.

[478] Вернее канал этот назывался Гав-Хитфар. У Истахри он назван Неджжар-Хитфар (или Бухар-Хитфар). Канал орошал волость этого имени и доходил до сел. Хармейтан, или Хурмитан. В настоящее время трудно указать на местоположение этого селения. По словам Наршахи, Гав-Хитфар не был искусственным каналом; вода сама проложила себе здесь ложе. В настоящее время канал этот известен более под именем Хархур, менее под названием Хитфар или Вабкентдарья (названный так по селению, ныне районному центру Вабкент). В. Ханьков тоже писал о Хитфаре как о естественном ложе реки. См.: В. В. Бартольд. Соч., т. 1, стр. 165, 186.

[479] Амины, арбабы, аксакалы и их помощники либо назначались центральным или местным правительством, или же избирались по обычному праву (адат). Этнографические записи автора за 1958 г.

[480] РКП. ИВ АН УзССР, № 289, л. 183а—б.

зания бека, но его главное занятие — сбор податей. Во главе всякого селения стоит тоже аксакал. Таковые же аксакалы назначаются на все базары и на водопроводы (арыки. —*М. А.*). Все эти чиновники должны содержать себя за счет местных средств. Определенного порядка службы и управления здесь не существует, всякий чиновник должен действовать по обычаям и по своему усмотрению, чтобы исполнять приказания бека»[481].

Амины (арык-аксакалы) были во всех амлякдарствах и на больших оросительных каналах. В каждом кишлаке или же на каждом отдельном магистральном оросительном канале у него были помощники, которых называли мирабами. Мирабы занимались распределением воды между отдельными хозяйствами. Кроме того, при арык-аксакалах были пейкары (рассыльные), которые поддерживали связь между амин-аксакалами и мирабами[842].

Каждый мираб ежедневно утром и вечером обязан был показывать амин-аксакалу число приведенных на хашар людей. Если хашар производился на больших плотинах и каналах с привлечением всего мужского населения[483] вилайета (марди вилайет, марди вило), то соответственно амин-аксакалы обязаны были показывать число людей, приведенных на хашар, амлякдару или представителям центральной власти или власти вилайета. Такой порядок в Бухаре назывался сан кўрсатиш (букв. показать число)[484]. При этом иногда аксакалы поступали нечестно: показывали одних и тех же людей по нескольку раз, или же за подкуп выставляли подставных лиц, наживаясь на этом, потому что некоторые земледельцы вместо рабочего выплачивали деньги. Непривлеченные люди платили штраф, так называемый «баки пули» («недоимки»). Иногда, правда, средства, собранные таким образом, шли на приобретение стройматериалов для ремонта плотин[485].

Люди, по тем или иным причинам уклонившиеся от участия в хашаре, облагались особым сбором, который также назывался «баки пули»[486]. Применение этого термина по отношению к

---

[481] В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина, стр. 89.

[482] Этнографические записи автора за 1958 г.; Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, стр. 81—82.

[483] Исходя из размеров площади орошаемой земли.

[486] Этнографические записи автора за 1958 г.

[485] Там же.

[486] А. Х. Хамраев. К вопросу о земельно-водных отношениях в Бухарском ханстве в XIX в., Ташкент, изд. САГУ, 1948, стр. 29; М. Абдураимов. Некоторые предварительные сообщения о письмах эмира Хайдара, стр. 29.

людям показывает, что в Средней Азии существовала отработочная рента — эта грубая форма феодальной эксплуатации.

На хашар и бегар, наряду с людьми, привлекались и вьючные животные — лошади, ослы, верблюды, волы, а также повозки для доставки стройматериалов на плотины и арыки. Каждому участнику хашара амин-аксакалы и мирабы устанавливали нормы работы по ремонту и очистке арыка. Норма одного человека колебалась между 1—3 хадами (хада — жердь, длина которой была 3—4 сажени).

Мирабов население избирало из своей среды, обычно пожизненно, переизбирались они лишь в редких случаях. Мирабы получали от землевладельцев за свою работу плату натурой или деньгами. В некоторых же общинах мирабы служили ради почета или за право полива своего посева вне очереди[487].

Вопросы распределения воды рассматривались в литературе[488]. Путем этнографического обследования нам удалось уточнить некоторые детали. Сразу надо оговориться, что распределение воды во времени происходило в позднейший период. Определение количества воды по весу (батман, полбатмана, чарьяк, фунт, мискаль — золотник) носит условный характер. На практике самое большое количество воды называлось батманом, а самое меньшее количество — мискалем. Как первый, так и последний зависели еще от количества воды в арыке и площади орошаемой земли[489].

Право на долю воды имели только те, кто принимал участие в выполнении всех натуральных повинностей.

Для определения уровня воды в реках и каналах у местного населения не существовало особых измерений. Жители долины Зарафшана состояние воды различали трояко: высокая вода, средняя и малая.

В высокую воду, или в половодье, необязательно было в точности соблюдать очередь и порядок полива. В половодье не только Бухарские туманы орошались обильно, но воды вполне хватало и на туманы Каракуля.

---

[487] Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области, вып. I (текст), стр. 186; Этнографические записи автора за 1958 г.

[488] Л. Н. Соболев. Зеравшанский округ, стр. 217; Н. Ф. Петровский Туземная единица объема воды и способы деления ее; Справочная книжка Самаркандской области, вып. V, Самарканд, 1897, стр. 198—205; Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II., стр. 83—84; Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области, вып. I (текст), стр. 184—185.

[489] Этнографические записи автора за 1958 г.

При средней воде при соблюдении вышеописанных порядков ее тоже хватало для орошения.

При малой воде не только не соблюдалась очередность, но часто сильные захватывали воду слабых.

Некогда в Зарафшане было гораздо больше воды, чем в настоящее время. Еще исследователи XIX в. установили, что около озера Искендеркуль на высоте 340 футов над уровнем реки видна была совершенно определенная линия прежнего ее уровня, обозначенная густой кустарниковой растительностью[490].

А. Леман во время своего путешествия в 1841—1842 гг. к верховьям Зарафшана нашел, что за Пенджикентом тянется длинный ряд скал, высотой в несколько футов над уровнем реки. Скалы эти состоят из гальки, связанной цементом. Округленная форма их, по мнению А. Лемана, свидетельствует о том, что они были подвержены действию воды.

Н. Ханыков в своем сочинении «Описание Бухарского ханства» подтверждает мнение А. Лемана о существовании более высокого уровня воды Зарафшана[491]. Это предположение подтверждается и новейшими исследованиями географов[492].

Порядок распределения воды в период раннего средневековья, записанный арабскими географами, сохранился вплоть до XX в. В этом мы убедились, обследовав большое количество оросительных арыков в Бухарском оазисе и записав сообщения старых мирабов, аминов и арык-аксакалов.

Описание распределения воды из малых каналов Мерва дал Истахри: «Устроены для каждого квартала и улицы из этой реки (Мургаб. — *М. А.*) малые каналы, на которых деревянные доски[493], а в них сквозные отверстия, которыми люди уравниваются при получении их доли воды. И когда вода увеличивается, берет каждый пользующийся свою долю из избытка и также точно, когда вода убавляется (получает менее). И управляет этою водою отдельный начальник, и он имеет больше значения, чем собиратель налогов[494]. И сказали мне, что кормится на этой реке более 10 000 человек, — у каждого из них при этой воде должность»[495].

Практика деления воды переходила из поколения в поколение и даже оставалась неизменной в первые годы коллекти-

---

[490] Л. Н. Соболев. Зеравшанский округ, стр. 218—225; 266—267.

[491] Известия РГО, т. IX, 1873, стр. 238—239.

[492] М. Кариев. Физическая география Средней Азии, Ташкент, 1959, стр. 75—88, 179—181.

[493] В парижском извлечении добавлено: «Эти доски устроены в селении Бухт-аб, на расстоянии половины фарсаха от города», МИТТ, т. I, стр. 173, прим. 6.

[494] В. В. Бартольд. Орошение, стр. 53, прим. 6.

[495] МИТТ, т. I, стр. 173—174.

визации. Нам удалось во время наших этнографических исследований увидеть и описать устройство старинного вида водораздела.

В Бухаре и Самарканде устройство распределения воды называют кунда (букв. бревно). Поперек арыка, на дно его, кладется одно или несколько бревен, скрепленных между собой, и от них вверх по арыку, во всю ширину его, на дне устраивается из соломы, травы и земли ровная площадка, иначе говоря, делается запруда. Эта площадка носит название ёл (букв. грива). Вода, встречая на своем пути устроенную таким способом запруду, умеряет свое течение и идет спокойно и равномерно по всей ширине арыка; бревно же, уложенное поперек арыка горизонтально, позволяет воде сливаться ровным слоем. Длина бревна бывает 5—6 *м*, на этом бревне делается такое количество зарубок и выемок, сколько маленьких отводных арыков, по которым должна распределяться вода магистрального арыка. Зарубки на бревне называются кертик (по-узбекски) и дахана[496] (по-таджикски). Водослив бывает почти всегда полный. Начало водораздела называется панджа (букв. пятерня). В русской исторической литературе о Средней Азии такой способ распределения воды называется кобурным[497]. На берегу к концам устроенного таким образом порога врубается несколько бревен, прикрепленных перпендикулярно, которые образуют две стены, идущие около берега вниз по арыку, чтобы падающая с порога вода не размывала берега. Высота этих стенок выше горизонта воды над порогом. Стенки идут вдоль арыка, а в концах их начинается дамба отвода воды по полям. Дамбы обычно сложены из дерна, соломы и камня.

При делении воды через кунда количество ее в канале или в арыке в расчет не принимается, и вода распределяется пропорционально площадям орошаемых земель[498].

На маленьких арыках, выведенных от магистральных, для отвода воды на поля из досок сооружается так называемый «даргат».Обе стороны арыка внутри обшиваются досками. Затем несколько досок сбивают вместе в виде маленькой дверцы.

---

[496] Начало арыков и каналов также носит название дахана. Иначе голова арыков называется иллак, или бола об, или же тугон баши (по-узбекски). За исправностью головы арыков следил специальный человек, которого называли даханабандом или варкбандом. Это была трудная и высокооплачиваемая обязанность. В конце XIX — начале XX в. даханабанд получал ежегодно до 100 тенег, на которые можно было купить 4 быка или 2—3 лошади. См.: Этнографические записи автора за 1958 г.

[497] Н. П. Петровский. Туземная единица объема воды и способы деления ее; Справочная книжка Самаркандской области, вып. V, стр. 203 и сл.

[498] Этнографические записи автора за 1958—1959 гг.

И через эти дверцы регулируют воду на полях. Если арык (или канал) проходит выше поля, тогда, чтобы сохранить берега арыка от разрушения, воду от него проводят на поля по гончарным трубам, которые в Бухаре и Самарканде называются гулва, в Фергане, Ташкенте — кувур[499].

Берега каналов и арыков укрепляются дерном, а также землей. Этот способ называется раш رَش

Для определения времени полива применялись глиняные кувшины (куза су)[500]. Наполненный водою кувшин с маленьким отверстием в конусообразном дне, куда вставляли тонкую камышовую тростинку, вешали в общественных местах (у квартальной мечети или там, где находится мираб и т. д.), а по свидетельствам некоторых источников, прямо в поле. По истечении воды из кувшина через тростинку кончается одна очередь. Иными словами кувшин выполнял функцию песочных часов[501].

Кувшин для определения времени полива применялся в истории орошения Средней Азии и в древности. В археологических коллекциях Института истории и археологии хранятся два таких кувшина, извлеченные археологами из слоя VII в. в Ферганской и Сурхандарьинской областях.

Один из авторитетных авторов второй половины XIX — начала XX в. Мирза Салимбек по поводу очередности водопользования писал следующее:

«В Нуратинском вилайете земля не имеет цены; оценивают ее воду, беря [за единицу измерения] землю, поглощающую воду в течение одного саат, [эту землю] называют один карра. Когда подходит чья-нибудь очередь, арбаб того [места] устанавливает на землю того [человека] один кувшин, наполненный водой. В [отверстие] дна кувшина он помещает узкую тростинку. Пока [вся] вода кувшина вытекает через ту тростинку, проходит один саат. Когда отсчитан один карра воды, право [на воду] того [человека] оканчивается»[502].

Принципы практического водопользования по адату зафиксированы в трудах русских исследователей на рубеже

---

[499] Там же; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, стр. 169—171; О. Д. Чехович. Некоторые среднеазиатские аграрные термины, журн. «Народы Азии и Африки», 1964, № 2, стр. 112.

[500] Н. П. Петровский. Туземная единица объема воды и способы деления ее, стр. 204.

[501] Этнографические записи автора за 1958—1959 гг.

[502] Тасрих-и Салими, ркп. ИВ АН УзССР, № 2016, л. 112а, русский перевод этой цитаты см.: А. Б. Вильданова. Бухарские ирригационные и канцелярские термины, журн. «Народы Азии и Африки», № 5, 1964, стр. 103.

XIX—XX вв.[503] Более подробные сведения мы занесли в наши «Этнографические записи».

Принцип водопользования состоит в том, чтобы во избежание излишней фильтрации, испарения и вообще непроизводительного расходования воды, вода ирригационного канала, орошающего земли определенного кишлака, не разделялась на мельчайшие канавки по числу землепашцев, которые могли бы пользоваться ею беспрерывно, а распределялась бы целиком, не дробясь, между всеми по очереди. Этим достигается сохранение большого количества воды для надобностей земледелия и садоводства, причем каждый таким образом получает всю воду, протекающую по арыку, на известное время для своих надобностей.

Самый порядок водопользования следующий. По адату, количество воды, причитающееся каждому члену общества, находится в строгой зависимости от количества воды в магистральном арыке и общего числа членов общества.

Пользование водой в продолжение суток называется су или бир су (вода или одна вода); в продолжение 12 час. (или полусуток) — ним су или ярим су; в продолжение 6 час.— йокча или чайрак, чорак; в продолжение 3 час. — ним йокча; в продолжение 1—½ час. — чакса; в продолжение трех четвертей часа — ним чакса и т. д. Деление продолжается даже до минуты (дакика)[504].

Иными словами, все количество воды делится на число хозяйств земледельцев кишлака и на количество танабов земли. Затем доли воды, а следовательно, и танабы земли всех землевладельцев слагаются вместе с таким расчетом, чтобы число долей воды равнялось целым суткам, на какое время и пускается вода в распоряжение земледельцев кишлака.

При таком строгом распределении воды в более выгодном положении находились владельцы больших земельных площадей. У кого больше земель, тот давал больше мардикаров на хашар по очистке и ремонту каналов и брал воду в бóльшем количестве.

Например, в кишлаке Ходжа Гулямте, в Шапуркамском тумане, орошаемой земли было 750 танабов. Делился кишлак на 12 даха (кварталов) и каждый даха давал по 9 мардикаров на хашар, т. е. 108 мардикаров. Иными словами, приблизительно от каждых танабов земли на хашар выходил один че-

[503] Петровский Н. П. Туземная единица объема воды и способы деления ее, Справочная книжка Самаркандской области, вып. V, стр. 203—204; Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, стр. 82—84.

[504] Этнографические записи автора за 1958—1959 гг.

ловек. Поэтому деление воды проводилось теоретически по дакикам (минутам) и мискалям (золотникам). В результате малоземельные крестьяне были фактически лишены оросительной воды.

В селе Улфатбеги, расположенном в верховьях каналов Шапуркам и Султанабад, от каждого коша земли (45—50 танабов) на хашар выходил один человек.

Малоземельные крестьяне, помимо очереди, установленной в кишлаке, устанавливали особую очередь между собой. По этой очереди каждый раз, когда кишлак получал воду, кто-нибудь из малоземельных получал воду за счет других, а в следующий раз — другой и т. д., или же малоземельный крестьянин уступал своему многоземельному соседу несколько очередей и, таким образом, накапливал воду хотя бы для одного полива за сезон.

Но такие трудности в орошении чаще всего имели место в собственно Бухарских туманах и Каракуле. Малоземельные крестьяне вынуждены были бросать свои земли и наниматься в ятими, т. е. в издольщики. Их дети (подростки и юноши) составляли контингент карали[505].

Характерно, что крестьяне, отказываясь от своих клочков земли, продавали не землю, а свою долю воды[506], так как оросительная вода представляла бо́льшую ценность.

Обычно в пользовании водою кишлак разбивался на даха (кварталы). Для каждого даха устанавливалась суточная очередь, которая обозначалась термином «пайкал»[507].

Под пайкалом в отдельных районах Бухарского ханства подразумевали площадь земли определенного размера. Например, в «Маджма'ал-аркам» говорится, что «в некоторых областях, где принято [считать участок земли] по числу пайкалов, нужно записывать [при пожаловании земель] пайкалы»[508]. Разумеется, размеры пайкалов были различными в разных районах.

Этимология слова «пайкал» дана в небольшой, но интересной статье А. Б. Вильдановой и О. Д. Чехович. Авторы правильно

---

[505] Этнографические записи автора за 1958 г. См.: М. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 48. Карали — батраки, главным образом из числа юношей и подростков, которых нанимали на целый год или с ранней весны до зимы за определенное количество зерна, реже — других продуктов.

[506] Этнографические записи автора за 1958 г.

[507] Абу-Абдаллах ал-Хорезми. Мафатих ал-улум, МИТТ, т. I, стр. 218; В. В. Бартольд. Орошение стр. 17.

[508] Ма'джма ал-аркам, ркп. ИВ АН УзССР, № 2463, л. 16а.

определили, что пайкал состоит из двух слов: пай (тюрк.) — часть, участок и кал (тадж.) — канава, ров[509].

Д. Н. Логофет под пайкалом определял суточную очередь водопользования[510]; утверждения капитана Михайлова близки к определениям Д. Н. Логофета. По словам Михайлова, пайкал — это суточное течение воды в арыке и орошаемый ею участок земли[511]. Так, вышеназванный кишлак Ходжа Гулямте делился на 12 даха. Каждый даха получал за сутки всю воду арыка, следовательно, каждый квартал получал воду на тринадцатый день. Иначе говоря, кишлак имел 12 су. Эта вода распределялась по орошаемым участкам — пайкалам.

Бывали арыки на 10, 15, 20 и 30 су. Когда кишлак имел 30 су, каждый даха и, следовательно, каждый землевладелец получал воду на тридцать первый день. Этот установленный порядок никто, в том числе государственные чиновники, не имели права нарушать[512].

Каждый даха разделялся на дневную и ночную очереди. Распределение же воды между пайкалами должно было производиться днем по тени, а ночью по звездам.

Пайкалы в отдельных районах (Хорезм, Каракалпакия, Ташкент) назывались чек или чак (группа, даха). Там, где вода была в достатке, при ее распределении не велось строгого учета времени. Сутки разбивались на сроки: от восхода солнца до полудня, от полудня до заката и, наконец, от заката до восхода солнца. Такие сроки назывались мезгиль (букв. пора, время)[513].

Таким образом, под пайкалом подразумевается поливной участок, чек, очередность в поливе. По А. А. Семенову, пайкал — это группа наделов, связанных общим пользованием

---

[509] А. Б. Вильданова, О. Д. Чехович. Об общинном водо-землепользовании, обозначаемом термином пайкал, журн. «Народы Азии и Африки», 1965, № 1, стр. 110—112.

[510] Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, стр. 84.

[511] Материалы по земле- и водопользованию в Закаспийской области, Ашхабад, 1903, стр. 63.

[512] Письма эмира Хайдара, письмо № 618; М. Абдураимов. Некоторые предварительные соображения о письмах эмира Хайдара, Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1959, № 6, стр. 27—28.

[513] Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области, вып. I (текст), стр. 184; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, ч. 2, СПб., 1911, стр. 2112.

оросительной водой[514]. В отдельных работах отмечался общинный характер пайкального земле- и водопользования[515].

Следует отметить, что на посевы, расположенные дальше других, скажем, в конце отводных арыков (пайнаб), выделялось несколько больше воды с учетом ее испарения и фильтрации.

Место, куда стекал излишек воды, называлось пушбанд[516].

Низовья оросительных арыков (например, Пешку, Какиштаван, Джандар, низовья Каракуля) и степная полоса страдали от недостатка оросительной воды. Поэтому в Бухаре с давних пор практиковался преследуемый законом захват воды без очереди при помощи силы.

Исключительное значение имела борьба с движущимися песками, с заносами оросительных арыков, полей и садов в Бухарском оазисе. Следы занесенных песками полей, заброшенных арыков и целиком селений можно наблюдать во многих районах, в том числе в хорошо орошаемом Шапуркамском районе[517].

В известных нам бухарских источниках мы не обнаружили данных, свидетельствующих о борьбе против наступления песков. В устных народных преданиях говорится об уничтожении леса и кустарников (особенно саксаула) вблизи земледельческих полос и оголении почвы. Земледельческое население для того, чтобы остановить движение песков, рыло дренажные канавы[518].

Все земледельческие оазисы Средней Азии, в том числе и Бухарский, были обнесены стенами, которые называют Кампирак или Кампирдувал. Прямым назначением этих стен была защита населения земледельческих районов[519] от набегов кочевников, но в то же время они служили надежной защитой от движения песков[520].

Население смотрело на движение песков, как на величайшее бедствие. В «Известиях Русского географического общества» о времени бухарского эмира Музаффара сообщается сле-

---

[514] А. А. Семенов. Этнографическое обозрение, т. 57, 1903, № 2, стр. 119.

[515] В. В. Полозов. Узбекское общинное землепользование в Ширабадской долине и Каршинской степи УзССР, журн. «Народное хозяйство Средней Азии», 1925, № 7, стр. 69 и сл.

[516] Этнографические записи автора за 1958 г.

[517] Там же.

[518] Там же.

[519] Наршахи. История Бухары, стр. 45—47.

[520] М. Е. Массон. Новые данные о древней истории Мерва, ВДИ, М., 1951, № 4, стр. 93; Х. Мухаммедов. Из истории древних оборонительных стен вокруг оазисов Узбекистана, автореферат кандидатской диссертации, Ташкент, 1961, стр. 10.

дующее: «Есть одно обстоятельство, которое сильно озабочивает всех. Каждый год сыпучие пески среднеазиатских пустынь все более и более подвигаются вперед и начинают овладевать деревнями, окружающими Бухару. Страшная участь ожидает жителей в случае совершенного засорения речек и каналов, составляющих главное условие жизни во всех среднеазиатских оазисах»[521]. Бухарские старики и мирабы сообщают, что тяжелая натуральная повинность — хашар, организуемая в год 2—3 раза, нередко была связана с движением песков к оазисам[522].

Трудно переоценить значение искусственного орошения для Средней Азии. Главное богатство этой страны заключается в орошенных долинах, без которых была бы невозможна та высокая культура, которая оставила неизгладимый след в мировой истории. Вековой опыт в области земледелия и орошения передавался из поколения в поколение.

Оросительная вода в Средней Азии — главный экономический двигатель, основной стимул в накоплении материального богатства. В актовых документах о купле-продаже земли мы не знаем ни одного случая продажи неорошенной земли, зато много фактов купли-продажи оросительной воды[523].

Значение искусственного орошения засвидетельствовано в важнейших источниках периода царствования династии Аштарханидов. Большинство государственных деятелей, помимо своих непосредственных обязанностей, отвечало за исправность того или иного канала, следило за орошением определенных туманов. Например, аталык отвечал за состояние орошения водою Зарафшана от Самарканда до Каракуля, а диванбеги надзирал за водопользованием в Каракуле[524].

Источники XVIII в. свидетельствуют о том, что распределение страны на административные районы (туманы) было связано с орошением[525].

В связи с трудностями орошения возник ряд обычаев и суеверий.

Половодье в Зарафшане зависит от выпадения снега в горах. Нурата — единственная гора, видимая из Бухары. В Бухаре существовал обычай давать вознаграждение тому, кто первым приходил осенью с сообщением, что Нуратинские горы на-

---

[521] Известия РГО, т. II, СПб., 1866, стр. 65.
[522] Этнографические записи автора за 1958 г.
[523] Этнографические записи автора за 1958—1959 гг.
[524] А. А. Семенов. Бухарский трактат..., стр. 144—147, 150.
[525] Маджма‘ ал-аркам, ркп. ИВ АН УзССР, № 2463, л. 6б—7а.

чинают покрываться снегом. Этот обычай, просуществовавший вплоть до XX в., был записан Г. Мейендорффом[526].

Кто же весною первым приносил известие, что в горах начал таять снег и идет так называемый нарзоб[527], получал сарупа (халат).

Бытовал обычай жертвоприношения при проложении нового арыка (новбур, джуй-и нов)[528].

У народов Средней Азии существовало поверье, по которому во время засухи можно было вызвать дождь и тем самым увеличить воду в реках. С этой целью в почитаемых местах особый человек читал заклинание. Оно называлось яда, а заклинатель — ядачи[529].

Кроме того, чтобы вызвать дождь: 1) ловили полевую черепаху и бросали ее в проточную воду; 2) прочитав отдельные главы из Корана, призывали дух (арвах) Адама; 3) из пшеничного солода готовили пищу (сумалак), а зеленые всходы пшеницы бросали в проточную воду; 4) на деревянную лопату (хирман-курак) и на деревянную вилу (пандж-шаха) земледельцы надевали одежды, с этим чучелом несколько человек ходило по домам. Чучело это называли су хотин (водяная баба), так как в каждом доме обливали его тремя ведрами воды. Обливали его также и на улицах. Кроме того, чучелу приносили зерно. За счет приношений покупали животное, затем выходили в поле и там совершали жертвоприношение. Наконец, повесив где-нибудь чучело, продолжали его обливать. Убирали его лишь после того, как пойдет дождь.

Еще в древности существовало предание, что тюрки Мавераннахра и Шаша (Ташкента) обладали какими-то камнями, при помощи которых искусственно вызывали дождь, снег или град[530].

Но в Средней Азии наряду с орошаемыми землями большое значение имеют и неорошаемые земли: пастбища, луга для заготовки сена и леса, которые используются для топлива и стройматериалов. Как мы отметили выше, в горных и предгорных районах засевались зерновые культуры, использующие

---

[526] Г. Мейендорфф. Путешествие, перевод Е. К. Бетгера (в рукописи), стр. 106.

[527] Этнографические записи автора за 1958 г. Правильнее назр — обвода от таяния снега в горах. Шла она весною, в конце марта — начале апреля, во время весеннего праздника гул-и сурх (красного цветка). По воззрениям бухарцев, она была приношением в честь памяти Накшбенди — дервишского шейха Беха ад-дина, жившего и умершего в XIV в. Бухарцы с приходом нарзоб приносили жертву на могиле шейха.

[528] Этнографические записи автора за 1958 г.

[529] Там же.

[530] Ибн ал-Факих. Китаб ахбар ал-будан, МИИТ, 1, стр. 153—155.

атмосферную влагу. Во многих районах Средней Азии неорошаемые земли являлись общинным владением[531].

Агротехника. Земледельческая культура народов Средней Азии, имеющая длительную историю, несомненно, обладала своеобразными агротехническими приемами.

Тысячелетний опыт земледельцев (дахокин, ахл-и фалахат) и ученых в этой области (ахли ахкам) обобщался в виде наставлений по земледелию. Известен составленный на бывшей территории государства Тимуридов в Хорасане труд под названием «Иршад аз-зира‘ атфи ильм ал-хараса» («Наставление к посевам в области науки о земледелии»)[532]. Всестороннее исследование этого источника дано в капитальном труде И. П. Петрушевского[533].

Содержание рукописи «Китаб дар ма‘рифат-и ба‘зи умур ки ахл-и фалахатрадар кар амад» («Книга о познании некоторых дел, пригодных для земледельцев»), данное в исследовании Таки Бахрами по истории земледелия в Иране, почти полностью совпадает с содержанием (по главам) использованной нами ташкентской рукописи — «Фан-и кашф ва зира‘ат». Возможно, она является одним из неполных списков[534] «Китаб дар ма‘рифат-и ба‘зи умур ки ахл-и фалахатрадар кар амад». Старейшая рукопись этого труда, по словам Таки Бахрами, была закончена в 1007/1599 г.[535], на 80 с лишним лет позже «Иршад аз-зира‘ат». «Иршад аз-зира‘ат» посвящен различным видам земледелия в Хорасане. Целый раздел (роузе) отведен описанию почв Хератского района и способов их обработки[536].

По свидетельству новейших исследований в области физической географии, почва юго-западных районов Узбекистана имеет большое сходство с почвой Ирана, в частности с почвой современного Хорасана.

В «Иршад аз-зира‘ат» дано описание 9 видов почв. Мы же приводим лишь данные о почвах, широко распространенных не только в Иране, но и в сопредельных странах. Из таковых в

---

[531] М. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 50.

[532] М. Абдураимов. Два среднеазиатских сочинения по истории агротехники, стр. 103 и сл. Автором сочинений называли ошибочно некоего Ниязи. Еще раньше полный список «Иршад аз-зира‘ат» был использован И. П. Петрушевским. См.: И. П. Петрушевский. Из истории орошения и техники сельского хозяйства в Иране в XIII—XV вв., стр. 175 и сл.

[533] И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 26—27.

[534] Конец труда отсутствует. См. ркп. ИВ АН УзССР, № 565/II.

[535] Tagi Bahrami. Tarikhi Kishawarzi-yi Iran, Tihran, 1330/1951, стр. 167, цит. по И. П. Петрушевскому. Земледелие, стр. 27.

[536] Иршад аз-зира‘ат, ркп. ИВ АН УзССР, № 565, л. 21а (раздел I); И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 137.

трактате упомянуто два вида песчаных почв (ригбум): 1) почва с преобладанием песка (риг) над землей (хак, т. е. над пахотным слоем); такая почва нуждается в двукратной вспашке, требует много воды (т. е. обильного орошения), урожай на ней (махсуль) быстро поспевает, но бывает низким; 2) почва с преобладанием земли над песком, вспашка на ней производится три раза, так как почва эта хорошо сохраняет влагу, то она не требует много воды; урожай поспевает быстро и бывает очень высоким. Далее говорится о желтоземе (зард хак), это, без сомнения, лессовая почва, требует она четыре вспашки, воды поглощает мало, но нуждается в обильном удобрении (анбар), урожай — самый высокий, и, по мнению крестьян (дахакин), на такой земле всякие культуры всходят хорошо. «Упомянутая почва лучше других почв, а прибыль от нее несчетна». Краснозем (сурх хак), согласно трактату, требует вспашки три раза. Если бывает дождь, то урожай высок; если же земля орошается искусственно, то урожай низок. Каменистая или галечная почва (сангджаль) требует вспашки два раза, воды и удобрения нужно много, урожай злаков низкий, но плодовые деревья и виноградники на такой земле дают хороший урожай. В качестве удобрения для виноградников на такой почве трактат рекомендует комья земли (из старых дувалов)[537].

Переписка вышеупомянутых двух сочинений в Бухаре и распространение их в Средней Азии свидетельствует о том, что здесь руководствовались отдельными положениями этих трактатов.

Вместе с тем, в Средней Азии на протяжении веков были выработаны свои правила ведения земледелия, которые передавались из поколения в поколение.

Сохранение в течение веков одних и тех же агротехнических правил объясняется отсталостью орудий производства. К. Маркс указывает, что разложение старого способа производства и замена его новым зависит от исторической ступени развития, на которой находится данное общество, что сколько-нибудь существенное изменение производственных отношений зависит от господствующего способа производства[538].

Сложившиеся в Бухаре в XVI — первой половине XIX в. социально-экономические отношения, в частности отсталые формы феодальных отношений и система торговых отношений, были подчинены интересам местных феодалов и не содержали в себе того прогрессивного начала, в первую очередь в сфере

---

[537] Иршад аз-зира'ат, л. 21а и сл.

[538] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II, М.—Л., 1949, стр. 611.

производства, без которого, как указывает К. Маркс, невозможен переход на более высокую ступень исторического развития[539]. Мы имеем в виду издольную форму эксплуатации, господство кочевой знати, пережитки патриархального и рабовладельческого укладов.

Благодаря разнообразию климатических условий, растительного мира, рельефа и горных пород, а также различным гидрологическим условиям в Средней Азии образовались крайне разнообразные почвы. В земледелии каждая почва требовала к себе особого подхода в возделывании. Некоторые подробности по данному вопросу освещены русскими исследователями, а также выяснены из сообщений старых дехкан[540].

М. И. Бродовский справедливо заметил, что «характер земледельческой промышленности в разных местностях Туркестанского края разнообразен. Полевое хозяйство различно не только в районах, резко разграниченных местными условиями (Сырдарьинская обл., Семиреченская обл., Зарафшанский округ); у кочевого и оседлого населения этих областей в одной и той же местности оно неоднородно: крупные земледельцы держатся одной системы хозяйства, мелкие — другой.

Земледелие кочевого населения,— пишет тот же автор,— стоит на низкой ступени развития, но и оно не везде однородно: одни кочевники возделывают небольшие клочки земли по берегам рек под посев нескольких шапок проса на семью; другие обрабатывают большое количество земли и проводят на свои пашни воду или прямо канавами из рек, или устраи-

[539] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940, стр. 18.

[540] См.: G. Meyendorff, гл. IV—V; Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 120—149; М. И. Бродовский. Заметки о земледелии в Самаркандском районе, сб. «Русский Туркестан», вып. 2, 1872; Он же. Технические производства в Туркестанском крае, СПб., 1875, стр. 60—70, 79—81; А. Д. Гребенкин. Таджики, узбеки, сб. «Русский Туркестан», вып. 2, 1872 г., стр. 18—105, 233—260; Л. Н. Соболев. Зеравшанский округ, глава третья; Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане (1874—1889), СПб., 1889, стр. 303—334; Он же. Заметка об ирригации в нагорных туменах Зарафшанского тумена, «Туркестанские ведомости», 1876, № 51; А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 156—162 (см. там же таблицу); Н. Ф. Петровский. Шелководство и шелкомотание в Средней Азии, стр. 43 и сл., Справочная книжка Самаркандской области, вып. I, 1893; И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 1—5; М. Вирский. Река Зарафшан и ирригационное дело в бассейне ее. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 181—183; Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, стр. 75—106; Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделении Сырдарьинской области, вып. I (текст), стр. 175—219; Этнографические записи автора за 1958 г.

вают орошение при помощи чигирей — водоподъемных колес первобытного устройства. Оседлое население края держится трехпольной системы, но не везде одинаковой»[541].

Среднеазиатские землепашцы разделяют землю на две категории: орошаемую (повсеместно называется оби-хайати, тугай); и неорошаемую (повсеместно называется ляльми, кыр, буз, бахари)[542]. Иными словами, земли первой категории орошаются искусственным путем, а прочие—атмосферной влагой.

В зависимости от того, чем засевается земля, она делится на дашт и хайати[543].

Дашт — поливная земля, находящаяся вне усадебной оседлости. На ней засевают главным образом зерновые культуры (озимая пшеница, ячмень, яровая пшеница и вторые посевы зерновых — маш, чечевица, лобия и др.)[544]. Хайати же — огородно-бахчевая земля. Хайати в Самаркандском и Бухарском оазисах огораживается земляным валом, а в Ташкентском оазисе — земляным валом и колючим кустарником (кура или курья)[545]. Хайати находились вне усадебной оседлости, но непременно обнесены были земляным валом или колючим кустарником. Виноградники и сады тоже бывают хайати[546].

Мы выше говорили о различных категориях земли. Следует добавить, что в Средней Азии существует эмпирическое понятие о сильной почве — кара-тупрак (чернозем) и менее сильной — сарыг-тупрак (желтозем). Эти понятия связаны с бóльшим или мéньшим истощением земли.

В системе ведения сельского хозяйства Средней Азии господствовала трехпольная система. Все посевные площади в горных районах (кроме орошаемых) делили на три части (уч дала — букв. трехполье), две из которых засевали разными озимыми и яровыми зерновыми, а третья оставалась на пар — шудйяр (шудгар). В горных районах, где хлебные злаки засевались без искусственного орошения, эта земля до поднятия

---

[541] М. И. Бродовский. Заметки о земледелии в Самаркандском районе, стр. 233.

[542] Там же, стр. 235; Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 147; Л. Н. Соболев. Зеравшанский округ, стр. 261.

[543] См.: Письма эмира Хайдара, письмо № 66б.

[544] М. И. Бродовский. Заметки о земледелии в Самаркандском районе, стр. 235; Этнографические записи автора за 1958 г.

[545] М. И. Бродовский. Заметки о земледелии в Самаркандском районе, стр. 235; Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области, вып. 1 (текст), стр. 173—174; А. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр.47; Этнографические записи автора за 1958 г.

[546] Этнографические записи автора за 1958 г.

пара (шудгар) служила пастбищем[547]. Шудйяру во всех районах Средней Азии придавали исключительное значение.

Травосеяние, хотя и не входило в Средней Азии в общий севооборот, в конце XVIII — начале XIX в.[548] было очень развито. Посев люцерны считался одной из важных мер улучшения почвы.

Познакомимся с системой севооборота в Самаркандском оазисе[549]. Здесь крестьяне, обрабатывавшие менее 5 танабов земли, назывались паскакарами[550], а более крупные земледельцы — дехканами. Паскакары обрабатывали свои поля более интенсивно, устанавливая следующую систему севооборота (пятипольную): 1) пар (шудгар); 2) озимь (кузги, трама-йи) и по уборке ее вторые посевы: маш, просо, морковь, иногда кунджут, мак, чечевица; 3) второй год озимые без вторых посевов; 4) первый год яровые хлеба и 5) второй год яровые посевы.

Дехкане, обрабатывающие большие земельные площади, держатся трехпольного севооборота: пар, озимь и после нее в том же году вторые посевы.

В Миянкале, Шахрисабзе и Карши бóльшую часть ярового поля занимали под посевы риса и джугары (сорго). Кроме этих двух главных культур, на яровом поле возделывали хлопчатник и лен, а небольшую часть его занимали бахчевые — дыни, арбузы, тыква, лук и морковь. Непосредственно в Бухарском оазисе рис, а в отдельных районах лен не засевали из-за недостатка воды. Рис, бóльшая часть хлопка, лен поступали в Бухару из Миянкаля, Шахрисабза и Карши. Иногда часть ярового поля в Бухаре засевали люцерной и тогда она выходила из общего севооборота, так как была занята под люцерну в течение нескольких лет. Поэтому под посевы люцерны приспосабливали находящиеся на окраине поля земли, часть которых отделяли от остальных посевов земляным валом и называли хайатом.

---

[547] М. Абдураимов. Пережитки сельской общины, стр. 50; М. И. Бродовский. Заметки о земледелии в Самаркандском районе, стр. 236.

[548] М. Абдураимов. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 23, 29.

[549] М. И. Бродовский. Заметки о земледелии в Самаркандском районе, стр. 236—237.

[550] В северо-восточных районах Ташкента паскакары относились к категории кошчиев, которым крупные землевладельцы разрешают засевать несколько танабов своей земли пшеницей или ячменем под атмосферную влагу. На орошаемых землях этот порядок не существовал. Этнографические записи автора за 1956 г.

По снятии яровых посевов поле остается в чистом пару и нередко случается, что часть его засевается машем[551].

В Бухаре вторые посевы производятся в течение второй половины июня — первой половины июля (в саратане), после уборки озимых и яровых хлебов. Состав вторых посевов тот же самый, что и в Миянкале, Карши и Шахрисабзе. В Бухаре вторые посевы стараются произвести в течение саратана с тем, чтобы успеть оросить их так называемым гармобом (букв. теплой водой). Посевы маша, проса, мака орошаются один раз гармобом[552].

Орошение гармобом производится с 17 числа саратана до его конца. Поэтому очень важно успеть вторые посевы произвести в первой половине саратана с тем, чтобы полить гармобом. Это очень важный агротехнический прием. Во-первых, в июне, когда в горах тает снег, вода приносит много естественного удобрения, что способствует повышению урожайности и, во-вторых, теплота воды ускоряет созревание посевов.

Старые бухарские крестьяне говорили, что посев, произведенный в последний день саратана до захода солнца созревает, а посев, произведенный в тот же день после захода солнца, не дозреет. По рассказам старых крестьян (эти предания проверены на опыте многих поколений), посевы, произведенные в асаде[553], не дозревают. Эти предания вошли в содержание следующей пословицы: «Асад—на расад» (букв. «Асад не успеет»), т. е. все, что сеется в асаде, не поспеет[554].

В асаде допускаются посевы моркови, лука (урожай засеянного в асаде или позже лука снимается на следующий год) и редьки.

Важным осенним посевом является в Бухаре аляф-и гав (зеленая масса джугары, идущая на корм животных). Посев аляф-и гав допускается и в асаде. Иногда аляф-и гав не сеют, а возделывают следующим образом. После снятия ранней джугары поле из-под нее обильно орошают, и из ее корня появляются новые зеленые ростки, которые растут, как аляф-и гав; ростки эти называются бачки[555].

---

[551] Подробнее см.: Meyendorff, гл. IV—V; М. И. Бродовский. Заметки о земледелии, стр. 236—238; Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 139—149; Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской обл.; вып. I (текст), стр. 217—219; А. Д. Гребенкин. Узбеки, сб. «Русский Туркестан», вып. 2, стр. 69—71, 99, 105.

[552] М. И. Бродовский. Заметки о земледелии, стр. 241.

[553] Асад — зодиакальный знак льва, соответствующий месяцу июлю.

[554] Этнографические записи автора за 1958 г.

[555] Там же.

Перечень основных посевов долины Зарафшана, время посева, поливов, жатвы и уборки приведены в исследованиях А. П. Хорошхина[556].

В сумбуле (сунбуле)[557] начинают подготовку почвы под озимую пшеницу и ячмень. Ее сначала поливают и пашут уже смоченную землю. Посев производится с начала месяца мизан[558] до начала месяца кавс[559], до выпадения первого снега. Озимая пшеница за весь период произрастания орошается три раза: 1) когда начинает колоситься, 2) во время цветения и 3) во время налива зерен. Озимый ячмень орошается аналогичным образом[560]. Озимые посевы производятся и при атмосферной влаге.

Озимые хлебные посевы известны в Бухаре под терминами «кузги» (букв. «осенний посев»), «тирама-йи»[561] и «каклама». В агротехническом отношении посев каклама (букв. сушить и вялить) отличается от озимых посевов вообще тем, что он бывает в местностях с недостаточным количеством атмосферной влаги. Существуют два вида каклама: 1) на малоорошенных землях после посева производят несколько раз боронование с тем, чтобы влага в почве сохранилась дольше. По этому поводу и по другим вопросам агротехники, наряду с данными первоисточников, мы приводим наши этнографические записи. Орошение производится один раз (во время налива зерен), редко два раза (во время цветения и налива зерен); 2) в районах, так называемых пайноб (в низовьях арыков), куда вода почти не доходила. В Бухаре такими районами считаются многие селения Ромитана, Пешку, Джандара, Пайкента (Саййад) и Каракуля. Для посева каклама в этих районах пашня повторяется от 15 до 20 раз и боронование производится до 10 раз. После посева несколько раз проводят борону обратной стороной (чапирост, агдарма мала). Этим способом крошатся комья земли, и поверхность земли становится гладкой. Если оросительной воды имеется в достатке, производят один полив во время налива зерен, а вообще такой вид каклама не орошается. Влага в почве сохраняется надолго[562].

---

[556] А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 162—163.

[557] Сумбул (сунбул) соответствует периоду 22 августа — 21 сентября.

[558] Соответствует периоду 22 сентября — 21 октября.

[559] Соответствует периоду 22 ноября — 21 декабря.

[560] М. И. Бродовский. Заметки о земледелии, стр. 240.

[561] Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе, Записки РГО, IV, стр. 261; Этнографические записи автора за 1958 г.

[562] Этнографические записи автора за 1958 г.

Небезынтересен следующий обычай. Осенью и зимой допускается потрава (паймал) озимых. Ранней весною[563] в квартальных мечетях изготовляется халим[564] за счет общественного сбора и после угощения во всеуслышание объявляется, что все обязаны привязать рогатый скот и вьючных животных и впредь не допускать скот к посевам озимых. Никто не имел права нарушить установленный порядок. По-видимому, этот обычай является пережитком территориальной сельской общины[565].

В Бухаре, кроме орошаемых земель, производятся посевы в так называемых адаках (в руслах рек и старых арыков). Богатые естественными удобрениями, илом, эти земли вообще дают богатый урожай. Но случается, что весенние и летние разливы смывают посевы. На этот счет в Бухаре существует пословица: «Адақда — ерим бор дема, сахрада — қўйим» («Не говори, что у тебя есть посевы в адаке, не считай, что у тебя в степи есть [отары] овец».— Иными словами, «их может уничтожить волк»)[566].

Землепашцы Бухарского оазиса большое внимание уделяли размывке и осушению солончаковых и болотистых земель. Для размывки солончака и осушения болот выкапывали дренажные канавы (в районе Ромитана, Пешку, Қаракуля эти канавы функционируют до наших дней). Каждая пахота на солончаке производится до десяти и более раз после обильного орошения[567]. Удаление солончака требует от земледельцев упорного тяжелого труда. Иногда на такие поля на арбах привозят ил, взятый из арыков. Г. Мейендорфф сообщает, что «некоторые земли [в Бухаре] до такой степени пропитаны солью, что почва там покрыта беловатой коркой и превращается в бесплодную, если ее смешать с землею лучшего качества. Таковы трудности, воздвигаемые перед земледелием природою, которые могут быть преодолены лишь упорным трудом искусного населения [Бухары]. Эта работа по очистке каналов, по поднятию или понижению полей, по удобрению земель путем их перемешивания, занимает земледельцев в течение всей зимы, с декабря по март»[568].

---

[563] В конце месяца хут (февраль) и начале месяца хамаль (март).

[564] Халим — каша, приготовленная особым образом из очищенных в ступе зерен и говяжьего мяса.

[565] Этнографические записи автора за 1958 г.

[566] Там же.

[567] М. Абдураимов. Два среднеазиатских сочинения по истории агротехники, стр. 104; Этнографические записи автора за 1958 г.; Ср.: Иршад аз-зира'ат, ркп. ИВ АН УзССР, № 565, л. 22а—23а.

[568] Г. Мейендорфф. Путешествие из Оренбурга в Бухару в 1820 г., русский перевод Е. К. Бетгера (рукопись), стр. 142.

Бухарские крестьяне для очищения почвы от солончака засевали джугару (сорго). Это было очень важное агротехническое мероприятие, так как сорго лучше всего очищало почвы от солончака[569].

В агротехнике большое значение придавалось плодосмене и подбору семян[570], соблюдению правил их рассевания. Севооборот и выведение хороших сортов семян среднеазиатские земледельцы считают одним из важных агротехнических мероприятий в повышении урожайности[571], а удобрения (нур) — источником изобилия в земледелии[572].

В трактате о земледелии «Фан ва кишт» названы более двадцати различных видов удобрений: «помет голубей (саргин-и кабутар); помет лошади (саргин-и асп); помет рогатого скота (саргин-и гау); помет осла (саргин-и дарозгуш); верблюжий помет (саргин-и уштур); пометы мелкого рогатого скота — баранов и коз (саргин-и гусфанд и саргин-и буз»)[573] и др. При этом помет мелкого рогатого скота рекомендовался в качестве лучшего удобрения.

В Бухаре удобрения расходовали очень рационально. Осенью завозили сухую землю и песок в помещения, где содержался скот, и расстилали, чтобы земля или песок мокли до весны. Помет же рогатого скота ежедневно убирали в особую яму, а летом его сушили на топливо. Весной намоченные землю и песок развозили на ослах и арбах по полям[574].

Г. Мейендорфф писал, что «землю унаваживают, но ввиду того, что у земледельцев очень мало скота из-за отсутствия лугов и дороговизны сена, вывоз навоза на поля производится редко. Его подбирают с такой тщательностью в силу того, что многие бухарцы употребляют навоз в качестве топлива вместо дров. Навоз разбрасывают на полях только после появления всходов и поливки поля, чтобы вода нисколько не отнимала у него полезного действия»[575].

---

[569] Этнографические записи автора за 1958 г.

[570] Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области, вып. I (текст), стр. 217—218; М. И. Бродовский. Заметки о земледелии, стр. 238.

[571] М. Абдураимов. Два среднеазиатских сочинения по истории агротехники, стр. 105—106.

[572] Этнографические записи автора за 1958 г.

[573] Фан ва кишт, л. 21а—б и сл.

[574] Этнографические записи автора за 1958 г.

[575] Г. Мейендорфф. Путешествие, гл. IV, стр. 142, перевод Е. К. Бетгера (рукопись).

Из посевов, по словам бухарских земледельцев, более всего истощают поля джугара, хотя она и очищает почву от солончака, пшеница, дыни, арбузы; поэтому поля, засеянные этими растениями, тщательно удобрялись.

В Средней Азии посевные поля удобряются, кроме навоза, землею холмов и старых дувалов. Этот древний способ удобрения практикуется по сей день[576].

М. И. Бродовский, описывая порядок и способ возделывания земли под озимые хлеба, пишет, что земля, оставшаяся после яровых посевов в пару, вспахивается под посев озимых пшеницы и ячменя от 5 до 10 раз; при каждой вспашке меняется направление борозды, т. е. борозды каждой последующей вспашки идут крест-накрест бороздам предшествовавшей. При этом каждый танаб парового поля удобряется 40—50 арбами навоза. Но озимые посевы не все удобряют навозом. Те, у которых недостаточно навоза, удобряют землею (турпок) с холмов. Навоз сохраняется в больших кучах, где он преет в продолжение зимы, и ко времени вывозки его в поле превращается в порошок. После удобрения землю перепахивают еще несколько раз, и затем производят посев[577].

Лучшим удобрением для виноградных лоз являются комья глины старого дувала или просто засушенная арычная глина (лойка, кок лойка). Летом выгребают из арыков ил, подвергают его сушке на солнце и осенью закапывают под корни виноградника[578].

Земледельцы считают, что при глубокой вспашке, хорошем удобрении и правильном поливе можно получить высокий урожай на любой земле. В Бухаре придают исключительное значение поливам, производимым в следующие сроки: от месяца савур (апреля) до первой недели месяца джаузе (мая). В этот период посевы получают так называемый нарзоб. Этот полив способствует сохранению влаги в почве.

Для более длительного сохранения влаги в почве принимаются меры еще зимой. В период, когда замерзает вода, разбивают лед и развозят его по полям. Г. Мейендорфф говорит, что когда он был зимою в 1820 г. в Бухаре, бухарцы спешили разбить и сложить в большие кучи лед, который засыпали землей для сохранности, чтобы потом отвозить в поле[579].

---

[576] Этнографические записи автора за 1958 г.

[577] М. И. Бродовский. Заметки о земледелии, стр. 239.

[578] Этнографические записи автора за 1958 г.; М. Абдураимов. Два среднеазиатских сочинения по истории агротехники стр. 104.

[579] Г. Мейендорфф. Путешествие, стр. 108.

За наразобом следует лойка об (илистая вода). Ею орошают в месяце джаузе. Это очень полезная вода; она приносит богатое удобрение — ил. Она подбирается, по словам старых крестьян, до последней капли.

Следующий важный полив происходит в месяце саратан (июнь). Полив этот носит название гармоб (теплая вода). Он ускоряет созревание посевов.

После гармоба идут вторые посевы. Их поливают уже хунук-обом (холодной водой). Полив этот производится в месяцах асаде и сумбуле (июль — август).

Осенний полив озимых почв, подготовленных к весеннему севу, считается исключительно полезным. Крестьяне сравнивают орошенную осенью землю со скотом, оставленным на откорм (бурдаки). Этот полив называется кавс аб или кавс суви, так как он производится в месяце каве (ноябрь). Кто не мог пользоваться этим поливом, зимой возил на арбах лед для поля, или носил его из близлежащих арыков на носилках[580].

Вышеизложенные приемы агротехники в условиях Средней Азии требовали высокого мастерства, искусства от крестьян. На самом деле, среднеазиатские крестьяне-земледельцы одной из древнейших земледельческих стран отличались изумительным трудолюбием и высоким искусством в области агротехники. Это искусство приводило в восторг европейских путешественников. Например, Г. Мейендорфф писал, что «в возделывании земли бухарцы обнаружили величайшее понимание и активность. Пространства, едва охватываемые взором, содержатся с поразительной заботливостью, не видно и квадратного шага земли, оставшейся без обработки»[581].

Вышеприведенные исторические факты свидетельствуют о довольно высокой культуре агротехнических приемов, о развитии производительных сил в сельском хозяйстве, в частности в земледелии и ирригации, и о значительном экономическом сдвиге за период свыше трех столетий в Бухарском ханстве, стране с феодальным общественным строем. Не приходится говорить о том, что производственные отношения в сельском хозяйстве и уровень развития производительных сил откладывают отпечаток на всю материальную и духовную жизнь общества.

Аграрные отношения занимали ведущее место в социально-экономической истории Средней Азии. При исследовании их

---

[580] Этнографические записи автора за 1958 г.

[581] Г. Мейендорфф. Путешествие, стр. 159.

мы обратили особое внимание на специфические черты, отмеченные нами в феодальном развитии Бухарского ханства (позднего периода). К ним относится феодальная раздробленность (удельная система), роль разных групп класса феодалов (феодальная узбекская племенная знать, духовная знать, гражданская бюрократия) в политической жизни страны, эволюция центрального государственного аппарата.

Рост феодальной раздробленности и междоусобные войны, ведущие к разрушению ирригационной сети, сокращению обработанной земельной площади и усилению феодальной эксплуатации крестьянства, а также оторванность страны от крупных мировых торговых центров были главными причинами отсталости и экономического упадка феодального общества Средней Азии XVII — первой половины XVIII в.

В этот период особенно резко проявилась отрицательная историческая роль одной из группировок класса феодалов, занимавшей ведущее место в политической жизни страны,— кочевой аристократии. Эта аристократия, возглавляя узбекские кочевые и полукочевые племена с их военно-племенной структурой, была носительницей центробежных стремлений, противилась политическому объединению страны и постоянно развязывала феодальные междоусобные войны. Эти же кочевые аристократы были феодальными эксплуататорами и оседлых крестьян-земледельцев в своих уделах, а во время междоусобных войн грабили и разоряли крестьян других уделов. Все это способствовало в отдельные периоды деградации сельского хозяйства и общему экономическому упадку.

Со второй половины XVIII в., когда при Мангытах (государи этой династии в своей политической деятельности опирались в основном на гражданскую бюрократию и духовенство) усилился процесс политического собирания узбекских земель и когда мангытские государи добились некоторой централизации государственного аппарата, создались условия относительного подъема в области экономики, сельского хозяйства и ирригации.

Во втором томе настоящей работы будут рассмотрены вопросы категории феодального землевладения, земле-водопользования и те принципиальные изменения, которые произошли в природе феодального хозяйства в исследуемый период. Здесь же будет освещена эволюция отдельных феодальных институтов (сойюргал, танха, дарбаст и др.).

Широко использованный и введенный нами в научный обиход материал первоисточников относительно категорий феодальной ренты, податной системы и их терминология в аштарханидском и мангытском государствах также будет изло-

жен в следующем томе. В нем мы охарактеризуем правовые взгляды на харадж, 'ушр и право государя распоряжаться поземельной податью (включая право пожалованья государем сумм ренты в условное пожизненное и потомственное владение духовенству и служилым людям).

Господство издольной системы и наличие патриархального рабовладельческого уклада также будут освещены в этом томе. В тесной связи с вышеизложенными проблемами будут рассмотрены факты из первоисточников, подтверждающие существование потомственной феодальной зависимости крестьян и их прикрепление к земле. Сюда же входит рассмотрение вопросов класса и классовой борьбы крестьян, антифеодальные народные восстания, причины и ход их.

БИБЛИОГРАФИЯ

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Британское владычество в Индии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX, М., Госполитиздат, 1933.

Маркс К. Капитал, т. I—III, М., Госполитиздат, 1949—1950.

Маркс К. К критике политической экономии, М., Госполитиздат, 1949.

Марк К. Письмо к Энгельсу от 2 июня 1853 г., К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, М., Госполитиздат, 1959.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., Госполитиздат, 1940.

Маркс К. Хронологические выписки, 1, Архив Маркса и Энгельса, т. V, М., Госполитиздат, 1938.

Маркс К. и Ф. Энгельс Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV, М., Госполитиздат, 1933.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, II, М., Госполитиздат, 1937.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, М., Госполитиздат, 1930.

Энгельс Ф. Письмо к Марксу от 6 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, М., Госполитиздат, 1929.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, М., Госполитиздат, 1937.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России, Сочинения, т. 3, изд. 4-е, Госполитиздат, 1946.

Ленин В. И. О государстве, Сочинения, т. 29, изд. 4-е, Госполитиздат, 1952.

Библиографические указатели

Бартольд В. В. Указатель цитированных рукописей и книг, в кн.« Туркестан в эпоху монгольского нашествия», ч. II. СПб., 1900.

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-е, Л., 1925.

Бетгер Е. К. Роспись статьям и заметкам по археологии и истории Средней Азии, помещенным в газете «Туркестанские ведомости» за время ее существования (28 апреля 1870 — 15 декабря 1917), Сб. В. В. Бартольду, Ташкент, 1927.

Библиографический указатель литературы по Каракалпакии, АН СССР, Совет по изучению производительных сил, серия каракалпакская, вып. 8, М.—Л., 1935.

Библиография Таджикистана, Ташкент, 1925.

Буров Н. А. и Гаррицкий А. А. Краткий библиографический указатель литературы по Туркестану, ТуркЭКОСО, Ташкент, 1924.
Вознесенская Е. А. и Пиотровский Б. Б. Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и среднеазиатских республик, Л., Изд-во АН СССР, 1927.
Городецкий В. Д. и Городецкая М. Н. Библиография Туркестана, т. I, Ташкент, 1913.
Дмитровский Н. В. Библиографический указатель сочинений о Средней Азии, напечатанных в России на русском языке с 1692 по 1870 г. Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. III, СПб., 1874.
Зеленин Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России, 1700—1910 (жилище, одежда, музыка, искусство, хозяйственный быт), ЭРГО по отделу этнографии, т. 40, вып. 1, СПб., 1913.
Масальский В. Указатель главнейших источников и пособий по Туркестанскому краю, в кн. «Туркестанский край», под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. XIX, СПб., 1913.
Межов В. И. Библиография Азии. Указатель книг и статей на русском языке и на иностранных языках, касающихся отношений России с азиатскими государствами, т. I—III, СПб., 1891—1894.
Межов В. И. Систематический и азбучный указатели сочинений и статей на русском и иностранных языках к «Туркестанскому сборнику», т. 1—3, СПб., 1878—1888.
Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения, вып. I, М.—Л., 1955.
Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии, вып. 5, Библиографические сочинения, М., 1961.
Милованов В. Н. За двадцать лет. Указатели, хронологический и предметный, к «Протоколам заседаний и сообщений членов Туркестанского Кружка Любителей Археологии», с 11/XII 1895 г. до 11/XII 1915 г.
Пономарев А. И. Библиографические материалы на русском языке о каракалпаках, в кн. «Материалы по истории Каракалпакии», Труды ИВ АН СССР, т. VII, Л., 1935.
Семенов А. А. Указатель персидской литературы (XV—XX вв.) по истории узбеков в Средней Азии. Труды библиографической комиссии при СНК Туркреспублики, Ташкент, 1926.
Семенов А. А. Описание персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной библиотеки САГУ, Труды САГУ, серия II, вып. 4, Ташкент, 1935.
Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. I—VII, под ред. А. А. Семенова, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1952—1965.
Тагирджанов А. Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ, т. I, история, биография, география, изд. ЛГУ, 1962.
Указатель главнейших источников и пособий по Азиатской России, в кн. «Азиатская Россия», т. 3, СПб., 1914.

Источники

Абдаллах ибн Мухаммед ибн Али Насруллахи Балхи. Зубдат ал-асар, ркп. ИВ АН УзССР, № 608; См. Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан, ЗВО, т. XV, 1904.

Абд ал-Керим Бухари. — Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand) Depuis les années du régne dr Nadir chah (1153) jusqu'en 1233 de l'Hegire (1740—1818), pae Abdoul Kerim Boukhary. Publiée, traduite et annotee par Ch. Schefer, t. I. Texte persan [Boulaq, 1290 (1873—74), литогр.]: t. II, Traduction francaise, Paris, 1876.

Абд ар-Раззак Самарканди. Матла' ас-садайн ва маждама' ал-бахрейн, т. 1—2, изд. Мухаммед Шафи', Лахор, 1368/1949.

Абд ар-Раззак Самарканди. Матла' ас-са'дайн ркп. по СВР АН УзССР, т. I.

Абд ар-Рахман Тали'. Тарих Абулфайз-хан, ркп. ИВ АН УзССР, № 11.

Абд ар-Рахман Тали'. История Абулфайз-хана, перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели проф. А. А. Семенова, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959.

Абд ар-Рахман Тамкин Бухари. Ал-матла' ал-фахире ва ал-матлаб аз-захире, ркп. ИВ АН УзССР, № 8245, 8248.

Абу-Абдаллах б. Юсуф ал-Хорезми. Мафатих ал-'улум, изд. Van Vloten Liber Mafatih al olum ... auctore Abu Adballah Mohammed al-Khowarezmi, Lugduni — Batavorum, 1895; МИТТ, т. I, М.—Л., 1939.

Абу-л-Аббас Мухаммед Талиб ибн ходжи Тадж ад-дин. Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, № 80.

Абулгази. Родословная тюрок, изд. Демезона. — Histoire des Mogols et des Tatares. Publiee, traduite et annotee par le baron Desmaisons, t. 1—2, t. I — texte; t. 2, traduction St.-Petersbourg, 1871—1874.

Абулгази Бахадур-хан. Родословное древо тюрков, соч. Абулгази, хивинского хана, перевод и предисловие Г. С. Саблукова, послесловие и примечания Н. Ф. Катанова, Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXI, 1905; т. XXII, 1906, Казань.

Абулгази. Родословная туркмен, изд. Кононова.— А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази-хана хивинского, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.

Абу Тахир-ходжа. Самария, описание древностей и мусульманских святынь Самарканда, перевод В. Л. Вяткина, СКСО, вып. VI, 1899.

Абу Тарих-ходжа, изд. Веселовского.— Самария. Сочинение Абу-Тахир-ходжи, таджикский текст, приготовленный к печати Н. И. Веселовским, СПб., 1904.

Абу Тахир-ходжа, изд. Нафиси-Афшара سریه تألیف ابو طاهر ولد قاضی ابو سعید سمرقندی با دو مقدمه از سعید نفیسی لیران افشار، تهران، ۱۳۳۱ (1952).

Абу Юсуф Я'куб. Китаб ал-харадж, Булак 1302 г. х. (1884—1885 г. н. э.).

Абу Юсуф Я'куб. Китаб ал-харадж, ркп. ИВ АН УзССР, № 38.

Агехи — Мунис. Фирдаус ал-икбал, ркп. ИВ АН УзССР, № 5364/I.

Агехи Мухаммед-Риза-мираб. Джами ал-вака'ат-и султани, ркп. ИВ АН УзССР, № 9786.

Агехи Мухаммед-Риза-мираб. Гульшен-и Давлет, ркп. ИВ АН СССР, В, 1891, ркп. ИВ АН УзССР, № 7572.

Агехи Мухаммед-Риза-мираб. Зубдат ат-таварих, ркп. ИВ АН УзССР, № 5364/III.

Агехи Мухаммед-Риза-мираб. Рияз ад-давле, ркп. ИВ АН УзССР, № 5364/II.

А'лами шейх Азизан. Ламахат мин нафахат ал-куде, Литография, Ташкент, 1328 г. х.
Алишер Навои. Вякфийе, Баку, 1926.
Амин ибн Ахмед Рази. Хафт иклим, ркп. ИВ АН УзССР, № 617.
Аноним Искендера. см. Натанзи Муин ад-дин.
Ахмед ибн Мухаммед. Рисале-йи Мулла-заде, см. Му'ин ал-фукара.
Ахмед Махдуми Дониш. Рисоле-йи Мухтасари аз таърихи Салтанати хонадони мангития. Ба са'ъи ва ихтимом ва тасхехи Абдулгани Мирзоев, Нашриёти давлатий Точикистон, 1960.
Бабур Захир ад-дин. Бабур-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 13, 1329.
Бабур Захир ад-дин. Бабур-наме, Записки Бабура, перевод М. Салье, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958.
Бабур Захир ад-дин. Бабур-наме, записки султана Бабера, изд. в подлинном тексте Н. И. Ильминского, Казань, 1857.
Бабур Захир ад-дин. Бабур-наме, Записки Бабура, перевод М. Салье, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958.
Бабур-наме, изд. Бевериджа.—The Babur-nama being the autobiography of the Emperor Babur... Written in chagatay turkish... edited with a prefiace and indexes by Annete S. Beveridge, GMS v. I, London, 1905.
Бабур-наме. — Захир ад-дин Мухаммед. Бобурнама, Ташкент, Изд-во АН УзССР, на узб. яз.
Бадр ад-дин ал-Кашмири ибн Абд ас-Салам ал-Хусейн ибн Сейид Ибрахим. Равзат ар-ризван ва хадикат ал-гилман, ркп. ИВ АН УзССР, № 2094.
Баженов Л. В. Древние авторы о Средней Азии, Ташкент, 1940.
Basiner, Th. F. Naturwissenchaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa, St.-Petersburg, 1848.
Баз-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 468/V, 472, 473/I, 1654, 2511/I, 2511/V, 2511/VI, 2511/VII.
Баяни. Шаджара-йи Хорезм-шахи, ркп. ИВ АН УзССР, № 9596.
Бейхаки, изд. Морлея. — The Tarikh-i-Baihaki. containing the life of Masaud, son of Sultan Mahmud of Chaznin, ed. By W. N. Morlay, Calcutta, 1861—1862/Bibl. Indica, v. 32.
Бейхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда, 1030—1041, Вступительная статья, перевод и примечания А. К. Арендса, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962.
Белазури. Китаб футух ал-булдан, Liber Expugnationnis Regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jaja ibn Djabir al — Beladjori edit. De Geeje, Lugduni Batavorum, 1863—1866.
Беляев И. А. Материалы для изучения среднеазиатской палеографии по юридическим актам XVII—XVIII вв., Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XI, Ташкент, 1909.
Бенаи. Футухат-и хани, ркп. ИВ АН УзССР, № 14/I.
Бенаи. Шейбани-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 344, 1632, 5385.
Беневени Ф. Реляции из Бухары, в кн.: А. Попов. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом, ЗРГО, т. IX, 1853.
Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
Бланкеннагель. Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 гг. с примечаниями В. В. Григорьева, Вестник РГО, т. XXII, 1858.

Богословский 2-й. Записка о долине Зеравшана и горах ее окружающих, Горный журнал, 1842, кн. X, ч. 2.
Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию, Персию, предпринятом по предписанию Высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-индской компанейской службы Александром Борнсом, ч. I—III, изд. П. В. Голубкова, М., 1848—1849.
Бродовский М. И. Технические производства в Туркестанском крае, Приложение к промысловому альбому Туркестанского генерал-губернатора К. П.. фон Кауфмана 1-го, СПб., 1875.
Бурнашев Т. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1796 г., Сибирский вестник, издаваемый гр. Спасским, СПб., 1818, ч. 2—3.
Бурхан ад-дин Маргинани. Хидайя, ркп. ИВ АН УзССР, № 2393.
Бурхан ад-дин-хан кушкеки. Рахнамае-йи Каттаган ва Бадахшан: Литография, Кабул, 1302 г. х. (1884—1885 г. н. э.).
Бурхан ад-дин-хан кушкеки. Рахнаме-йи Каттаган ва Бадахшан, русский перевод А. А. Семенова, Ташкент, 1926.
Бутаков А. И. Эпизод из современной истории Средней Азии, «Отечественные записки», 1865, ноябрь.
Бутенев. О минеральных богатствах Бухары, металлургии, монетном деле и т. п., «Горный журнал», 1842, кн. XI.
Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, СВ, V, М.—Л., 1948 см. А. А. Семенов.
Быков. Очерк долины Зеравшана. Расспросы капитана 3-го Западно-Сибирского линейного батальона Быкова, Ташкент, 1880.
Вакф-наме мавзолея Сейф ад-дина Бахарзи, в кн.: Чехович О. Д. Бухарские документы XIV века. Ташкент. Изд-во «Наука» УзССР, 1965.
Вакф-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 18.
Вакф-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 1183 и 1196.
Вакфные записки Шейбани-хана, см. Фитрат. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии, ЗИВ, II/2, Л., 1933.
Васифи Зайн ад-дин Махмуд. Бадаи 'ал-вакаи', Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II, М., ИВЛ, 1961.
Васифи Зайн ад-дин Махмуд. Бадаий 'ал-вакаи, ркп. ИВ АН УзССР, № 3444.
Вассаф. Абдаллах ибн Фазлаллах. Китаб-и таджзийат ал-амсар ва тазджийат ал-асар, Бомбейское литогр. изд., 1269 г. х.. (1852/53 г. н. э.: персид. текст).
Гардизи. Китаб зайн ал-ахбар. Kitab Zainu'l-Akhbar. Composed by Abu Sa'id... Gardizi about 440 A. H. Ed. by Muhammad Nazim, London, 1928 (E. G. Brow ne Memorial series, I).
Гардизи.— Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью (1893—1894 гг.), СПб., 1897 (Текст и перевод главы о тюрках).
Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Составил генер. штаба капитан Гиршфельд. Переработано начальником Аму-дарьинского отдела генерал-майором Галкиным, ч. II, Ташкент, 1903.
Гладышев. — Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Мура-

виным. Издана с приобщением современной карты Миллерова пути от Орска до Зюнгарских владений и обратно Я. В. Хаыковым, СПб., 1851; То же. Географические известия, 1850, кн. 2.
Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства, ЗРГО, кн. V, 1851.
Дело поземельно-податного отделения при Самаркандском областном правлении от 1870 г., ЦИА УзССР, д. № 24.
Дело поземельно-податного отдела Ферганского областного правления от 1870 г., ЦИА УзССР, д. № 161.
Джами' ат-таварих, см. Рашид ад-дин.
Дженкинсон. Известия англичан о России XVI в.: перевод с английского, с предисловием С. М. Середонина. Чтения в имперском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1884, кн. 1. Путешествие Дженкинсона в Хиву и Бухару. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг., в кн. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.». Перевод с английского Ю. В. Готье, Л., 1937.
Диван-и Машраб [Рахим Баба-йи Наманган], ркп. ИВ АН УзССР, № 3674, 3691.
Документы к истории аграрных отношений, вып. 1, Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв., подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович, под ред. А. К. Арендса, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954.
Дорн Б. Выдержки из мусульманских писателей касательно истории и географии южных берегов Каспийского моря, СПб., 1858.
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
Ефремов Ф. Странствования Российского унтер-офицера Ф. Ефремова, СПб., 1786; Девятилетнее странствование унтер-офицера Ф. Ефремова по Средней Азии, под. ред. Э. Мурзаева, М., Географгиз, 1950.
Зид тарих-и Муким-хани, ркп. ИВ АН УзССР, №2663/III.
Ибадулла ибн ходжа Арифи Бухари. Рисала-йи Хабибийе, ркп. ИВ АН УзССР: № 4976/III.
Ибн ал-факих. — Kitab al-Boldan, M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum 1885; МИТТ, t. 1.
Ибн Баттута. Voyages d ibn Batouttah... par C. Defremery et ie Dr. B. R. Sanguintti, vol. I—IV, Paris, 1854—1859.
Ибн Хаукаль. Китаб ал-месалик ва-л-мемалик. Viae et Regna, BGA, t. II Lugduni-Batavorum, 1873, изд. 2-е; Opus Geographicum auctore ibn Haukal, 1938.
Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. Переводы документов «Из архива шейхов Джуйбари», М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954.
Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии в XVI в., М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938.
Известия об издании подлинника истории монголов и татар Абулгази Богадир-хана, «Азиатский Вестник», кн. 4, СПб., 1825.
Имам кули-наме. Сочинение Сухайла (псевдоним), ркп. ИВ АН УзССР, № 89.
Инша, ркп. ИНА АН СССР, С 816.
Иршад аз-зира'ат, талиф-и фазиль Хереви дар сал-и 921, изд. персидского текста 'Абд ал-Гаффара Надж ад-дауле, Тегеран, 1323 г. х. (1905 г. н. э.).
Иршад аз-зира'ат: ркп. ИВ АН УзССР, № 565/III.

Искендер Мунши.— Искендер Мунши. Тарих-и аламара-йи 'Аббаси, изд. перс. текста, Тегеран, 1314 г. х. (1896/97 г. н. э.), ркп. ИВ АН УзССР, № 614.
Истахри. Китаб ал-месалик ва-л-мемалик. Kitab mesalik wa memalik auctore Abou Ishak al Farisi al — Istakhri Ed. M. J. de Golge, BGA, I, Lugd. Batavorum, 1870, изд. 2-е, 1927.
Кабус-наме, литограф. изд. перс. текста Риза-Кули-хана Хидайата, Тегеран, 1285 г. х. (1868 г. н. э.).
Кабус-наме, русский перевод и введение Е. Э. Бертельса, М., 1853.
Казийские документы XVI в., Текст, перевод, указатель юридических терминов и примечания Р. Р. Фитрата и Б. С. Сергеева, Ташкент, 1937.
Кары-Рахматулла-и Бухари. Тухфат ал-ахбаб, Ташкент, 1332 г. х. (1913/14 г. н. э.).
Кауфман К. П. Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства 7 ноября 1867 г.—25 марта 1881 г., СПб., 1885.
Кашифи Фахр ад-дин 'Али ибн Хусейн-и Ва' из. Рашахат-и 'айни-л-хайат, литограф. изд. перс. текста, Ташкент, 1329 г. х. (1911 г. н. э.).
Китаб-и 'ильм-и фалахат у зира'-ат-ир-ранийан, литограф. изд. перс. текста Наджм ад-доуле 'Абд ал-Гаффара, Тегеран, 1322 г. х. (1904 г. н. э.).
Китаб-и мулла-заде см. Му'инал-фукара.
Клавихо, изд. И. И. Срезневского.— Рюи Гонзалес де Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под ред. Срезневского, СПб., 1881.
Книга, глаголемая Большой чертеж.— Спасский Г. Книга, глаголемая Большой чертеж, изд. общества истории и древностей России, М., 1946; Макшеев А. Географические сведения книги Большого чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае, Изв. РГО, т. VI, 1880.
Кошелев А. см. Миллер К., Кошелев А.
Кутадгу билик, изд. Радлова. — Das Kudatku Bilik des gusuf Chass-Hadschibaus Bälasagun, von W. Radloff, St.-Pbg., 1891
Кутадгу билик, факс. — Kutadgu bilig Tipkibasim I. Viyana nushasi, Istanbul, 1942; II Fergana nushasi, Istanbul, 1942; III Misir nushasi, Istanbul, 1943.
Куталгу билик, изд. Арата. — R. R. Arat, Kutadgu bilig, I, Metin, Istanbul 1947; II Tercime, Ankara, 1959.
Маджма' ал-аркам, ркп. ИВ АН УзССР, № 2463.
Маджмуа-йи мактубат Сейид эмир Хайдар Бахадур-хан бе Хаким-бий инак, ркп. ИВ АН УзССР, № 2120/II.
Маджмуа-йи мурасалат, ркп. ИВ АН УзССР, № 2178.
Макатиб эмир Сейид Хайдар Бахадур-хан, ркп. ИВ АН УзССР, № 1961/II.
Макдиси. Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акаим. Descriptio Imperii Moslemici. Auctore Schamsoddin Abu Abdollah Mohammed ibn Ahmed ibn Abu Bekr al-Banna al-Bosshari al-Mokaddasi. Ed. de Goeje, BGA III, Lugd. Batavorum, 1872, изд. 2-е 1906.
Мактубат амир Хайдар, ркп. ИВ АН УзССР. № 292/I.
Мактубат, мунша'ат, маншурат, ркп. ИВ АН УзССР, № 289.
Манакиб-и Са'дия, ркп. ИВ АН УзССР, № 407.
Манакиб-и Ходжа Убайдуллах Ахрар, ркп. ИВ АН УзССР, № 70, 1883/IV.

Манакиб-и ходжаган Джуйбари, ркп. ИВ АН УзССР, № 2323.
Мас'уд б. Осман ал-Кухистани. Тарих-и Абу-л-хайр хан, ркп. ИВ АН УзССР, № 9989.
Материалы для изучения среднеазиатской палеографии по юридическим актам XVII—XVIII ст. См. протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XI, [1909].
Материалы для статистики Туркестанского края, вып. II, СПб., 1873.
Материалы по истории Ура-Тюбе: Сборник актов XVII—XIX вв., М., 1963.
Материалы по истории каракалпаков, Труды ИВ АН СССР, т. VII, М.—Л., 1935.
Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, Изд-во АН ТаджССР, 1954.
[Материалы по истории узбекского народа]. Фотокопии ярлыков шейбанидских и аштарханидских государей из рукописного фонда Вост. отделения библиотеки Казанского университета, инв. № 4626.
Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, Труды Историко-археологического института и ИВ АН СССР, т. 1, вып. 3, Л., 1932.
Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1, М.—Л., 1939; т.II 1938.
Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской обл., вып. 1 (текст), Ташкент, 1915.
Материалы по районированию Средней Азии, кн. 1, ч. 1, Бухара—Ташкент, 1926.
Махмуд ибн Вели. Бахр ал-асрар, ркп. ИВ АН УзССР, № 1375, 1385, 2372, 2418. См.: В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, ЗВО, XV, 1904.
Махмуд ибн ал-Хусейн ал-Кашгари. Диван лугат ат-тюрк, т. 1—3, Стамбульское издание, 1332—1335 г. х. (1913—1917 г. н. э.). Туркий сўзлар девони (Девону луготит турк), т. I—II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960—1961.
Мейендорфф Г. Путешествие из Оренбурга в Бухару в 1820 г., русский перевод, «Северный Архив», № 2, 1822, 1826, ч. 23, 24, 25; журн. «Мануфактура и торговля», 1832, № 6.
Мейендорфф Г. Путешествие в Бухару в 1820 г., неопубликованный русский перевод Е. К. Бетгера в рукописи, 1954: Библиотека УзССР им. Алишера Навои.
Meyendorff G. Voyage d'Orenbourg Bokhara seit en 1820, a travers, les steppes qui s'etendent a L'Est de la mer d'Aral et an de la de L'ancien jaxartes Revuege par M. le chevalier Amedce Joubert, Paris, 1826.
Миллер К., Кошелев А.—Я. В. Ханыков. О карте Миллерова маршрута от Орска до Зюнгарских владений и обратно, Географические Известия, издаваемые РГО, СПб., 1850.
Мирза 'Абдал 'Азим Сами. Тарих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей), издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой, М., ИВЛ, 1962.
Мирза 'Абдал 'Азим Сами. Тухфа-и шахи, ркп. ИВ АН УзССР, № 2091.
Мирза 'Абдал 'Азим Сами. Тухфа-и шахи, ркп. ИВ АН УзССР, № 1458/II.
Мирза Мехди-хан. Тарих-и Надири (или Тарих-и джахан-гуша-и-Надири), Табризское литограф. изд., 1266 г. х. (1849/50 г. н. э.).
Мирза Салим-бек ибн Мухаммед-Рахим. Тарих-Салими, ркп. ИВ АН УзССР, № 2016.

Мирза Шемс Бухари. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым, Казань, 1861.
Мир Мухаммед Амини Бухари. Убайдулла-наме по СВР АН УзССР.
Мир Мухаммед Амини Бухари. Убайдулла-наме, перевод с таджикского с примечаниями А. А. Семенова, Ташкент, 1957.
Мир Мухаммед Сиддик иби Сейид эмир Музаффар. Байан ахвал салатин-и узбекийе, ркп. ИВ АН УзССР, № 2663/III.
Мирташа Хусейн. Хадикат ал-акалим, Лакнау, 1879.
Мирхонд. Раузат ас-сафа, литограф. изд. перс. текста, Лакнау, 1300 г. х. (1883 г. н. э.).
Михман-наме-йи Бухара см. Фазлаллах иби Рузбехан.
Мубарак-намеджат, ркп. ИВ АН УзССР, № 407.
Му'ин ал-Фукара. Китаб-и Мулла-заде, ркп. ИВ АН УзССР, № 1530.
Му'ин ал-Фукара. Китаб-и Мулла-заде, изд. Гольчина Маани.
تاریخ ملازاده در ذکر مزارات بخارا تالیف احمد بن محمود المدعو بمعین الفقراء در نیمه اول قرن نهم، با مقدمه و تصحیح و تراجمی اعلام باهتمام احمد گلچین معانی، تهران، ۱۳۳۹ [-1960]
Мулла Ибадулла и Мулла Мухаммед Шариф. Тарих-и Эмир Хайдар, ркп. ИВ АН УзССР, № 1836.
Мулла Шади. Фатх-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 5369.
Мунтахаб ат-таварих, ркп. ИВ АН УзССР, № 592 см. Ходжи Мухаммед Хаким-хан иби Сейид Ма'сум-хан.
Муравин. см. Гладышев.
Мухаммед Амин иби Мухаммед Заман-и Бухари Суфияни (Керак-яракчи). Мухит ат-таварих, ркп. ИВ АН УзССР, № 835.
Мухаммед Амин иби Мулла Нур-Мухаммед. Мазхар ал-ахвал, ркп. ИВ АН УзССР, № 1936.
Мухаммед Беди' иби Мухаммед Шариф-и Самарканди (Малиха). Музаккр ал-асхаб, ркп. ИВ АН УзССР, № 2727/III, 4270.
Мухаммед Вефа-йи Керминеги. Тухфат ал-хани (Тарих-и Рахим-хани), ркп. ИВ АН УзССР, № 16.
Мухаммед Гияс ад-дин. Гияс ал-лугат, литограф. изд., Каунпар, 1899.
Мухаммед иби ал-Мунаввар Мейхени. Асар ат-тавхид фи макамат шейх Абу-Са'ид, русский перевод С. Л. Волина, МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, См.: В. А. Жуковский. Тайны единения с богом в подвигах старца Абу-Са'ида, СПб., 1899.
Мухаммед-Казим. Тарих-и 'аламарай-и Надири, ркп. ИНА АН СССР, д. 430, т. II—III.
Мухаммед-Казим. Наме-йи 'аламара-йи Надири, т. I—II. Издание текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление О. Д. Щегловой, М., Изд-во «Наука», 1960, т. 1; 1965, т. II.
Мухаммед-Казим. Поход Надир-шаха в Индию (Извлечение из Тарих-и аламара-йи Надири), перевод, предисловие, примечания П. И. Петрова, М., 1961.

Мухаммед Салих. Шейбани-наме. Под наблюдением и с предисловием А. Н. Самойловича, издал П. М. Мелиоранский, СПб., 1908.
Мухаммед Салих ибн Кари-ходжа. Тарих-и джадида-йи Ташканд, ркп. ИВ АН УзССР, № 11072.
Мухаммед Хасан-хан. Тарих-и мунтазам-и Насири, в 3-х томах, Литография, Тегеран, 1298—1300 г. х. (1880—1882 г. н. э.).
Мухаммед Хусейн Махмуд Раис. Анджуман бадан, ркп. ИВ АН УзССР, № 7774.
Мухаммед Шариф ибн Мухаммед Наки. Тадж ат-таварих, ркп. ИВ АН УзССР, № 2092.
Мухаммед Юсуф Мунши. Тарих-и Муким-хани, ркп. по СВР УзССР; ркп. Фунд. библ. ТашГУ им. В. И. Ленина, № 09/61.
Мухаммед Юсуф Мунши. Мукимханская история, перевод с таджикского, примечания и указатели проф. А. А. Семенова, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956.
Мухаммед Я'куб. Рисале, ркп. ИНА АН СССР, С. 1934.
Мухаммед Я'куб ибн эмир Данийал-бий Бухари. Гульшан ал-мулук, ркп. ИВ АН УзССР, С. 1141; № 1507/III, 9273.
Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса, переводчика, посланного в Кокан в 1813—1814 гг., СПб., 1821.
Наказ Борису Андреевичу и Семену Ивановичу Пазухиным на посольство в Бухару, Балх и Юргенч для выкупа русских пленных с приложением к наказу статейного списка о совершении Пазухиным посольства в 1669—1673 гг. под ред. Труворова, Русская историческая библиотека, т. 15, СПб., 1894.
Насафи ас-Самарканди. Кандия Малая, русский перевод В. Л. Вяткина, СКСО, вып. VII, 1902; вып. VIII, 1906.
Насир ад-дин-тюра. Тухфат аз-заирин, Бухарская литография, 1328 г. х. (1910 г. н. э.).
Натанзи Му'ин ад-дин. Сочинение по всеобщей истории, ркп. ИНА АН СССР, С. 381.
Некоторые сведения о Бухарии, полученные из достоверных источников, «Отечественные записки», ч. VI, кн. XIII—XIV, издано П. Свиньиным, СПб., 1821.
Наршахи Абу-Бекр Мухаммед. Тарих-и Бухара, Бухарская литография, 1904.
Наршахи Абу-Бекр Мухаммед. История Бухары, перевод с персидского Н. С. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897.
Наршахи, изд. Шефера.—Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs a la Transoxiane. Texte persan, publie par ch. Schéfer, Paris, 1892 (PEZOV, IIIe sér, vol XIII).
ан-Несеви. Сират ас-султан Джалал-ад-дин Менкуберти, русский перевод С. Л. Волина, МИТТ, т. 1, М.—Л., 1939.
Низам ад-дин Шами. Histoire des Conquetes de Tamerlan intitulée Zafarnama par Nizamuddin Sami, ed. par Felix Tauer. Tomel. Texte persan du Zafarnama, Praha, 1937.
Низам ал-мульк Сийасат-наме. изд. перс. текста Абд ар-рахима Хальхали, Тегеран, 1310 г. х. солн. (1931 г. н. э.).
Низам ал-мульк. Сийасет-намэ, перевод, введение в изучение памятника и примечания проф. Б. Н. Заходера, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.
Новейшие географические сведения из Туркестанского края, Известия РГО, т. IV, СПб., 1870.

Новая коллекция по истории Узбекистана, составитель О. Д. Чехович, в кн. «Исторические записки». т. 36, М., 1951.
Образцы таджикских официальных документов, Собрал и словарем снабдил А. Семенов, Изд. Туркестанского Восточного Института (учебная серия), Ташкент, 1923.
Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии, ЗРГО, 1849, кн. III.
Огуз, Аланкоа ва Шейбани-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 4347.
Олеарий Адам. Подробное описание посольства в Московию и Персию, перевод с немецкого П. Барсова, М., 1870.
Пальмов И. Н. и Пономарев А. И. Печатные и рукописные исторические известия о каракалпаках на русском языке, в кн. «Материалы по истории каракалпаков», Труды ИВ АН СССР, т. VII, М.—Л., 1935.
Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, изд. под ред. Н. И. Веселовского, т. III, СПб., 1898.
Пантусов Н. Фергана по «Запискам Султана Бабура», ЗРГО по отделению этнографии, т. VI, СПб., 1884.
Плано Карпини Иоанн. История монголов. Введение, перевод и примечания А. И. Малинина, СПб., 1911.
Поло Марко.— И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло, перевод со старофранцузского текста под ред. В. В. Бартольда, СПб., 1911; Книга Марко Поло, Перевод со старофранцузского текста И. П. Минаева. Редакционная и вступительная статья И. П. Магидовича, М., 1955.
Поспелов и Бурнашев. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. с примечаниями Я. Ханыкова, Вестник РГО, кн. 1, ч. 1, отд. VI, 1851.
Поспелов и Бурнашев. Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 г., Сибирский вестник, издаваемый гр. Спасским, 1818, ч. 4.
Потанин Н. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830), с предисловием П. Савельева, Вестник РГО, т. 6, ч. 18, 1856.
Радлов В. В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука, ЗВО, III, СПб., 1889.
Рашид ад-дин Фазлаллах.—Сборник летописей, т. 1, ч. 1—2, перевод с перс. А. А. Хетагурова и И. О. Смирновой, М.—Л., 1952; т. III, перевод с перс. А. К. Арендса под ред. А. А. Ромаскевича, М.—Л., 1946.
Рашид ад-дин Фазлаллах. Джами' ат-таварих, т. 1, ч. 1, Критический текст А. А. Ромаскевича, А. А. Хетагурова, А. А. Ализаде, М., Изд-во «Наука», 1965.
Рубрук Вильгельм. Путешествие в Восточные страны в лето 1253 г., перевод и примечания А. И. Малинина, СПб., 1911.
Руйхат. Коллекция Бухарского музея, № 860/848.
Руссов С. Путешествие из Оренбурга в Хиву самаркандского купца Рукавина в 1753 г. с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен доныне, Журнал Министерства внутренних дел кн. 12, СПб., 1839.
Савад аризе-йики, аз вадже -и кам аби-йи вилайет-и Каракуль..., ркп. ИВ АН УзССР, № 2260/VII.
Самандар-Ходжа Термези. Дастур ал-мулук, ркп. ИВ АН УзССР, № 1437, 4468, 5792.
Сборник документов XV—XVI вв., ркп. ИНА АН СССР, А 210.
Сборник князя Хилкова, СПб., 1879.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941.
Сейид Мухаммед Тахир ибн Абу-л-Касим. Аджайб ат-табакат, СВР АН УзССР, № 686—689; ркп. ИВ АН УзССР, 411/I.
Сиасет-наме см. Низам ал-мульк.
Служебные письма (бухарского эмира) Музафара к казию Мухаммеддину, ркп. ИВ АН УзССР, № 407.
Собрание копий документов на право владения землей, представленных туземным населением по случаю составления проекта (положения) об управлении Туркестанским краем 1886 г., ркп. ИВ АН УзССР, № 1644/I.
Сукачева Н. Очерк шелководства в Самаркандской обл., СКСО, вып. III, Самарканд, 1895.
Султан Мухаммед ибн Дервиш Мухаммед ал-Муфти ал-Балхи. Маджла' ал- гараиб, ркп. ИВ АН УзССР, № 29/II, 1262.
Табари Мухаммед ибн Джарир. Annales quos scrisit Abu Diafar... at-Tabari... ed M. J. de Goeje, Ser. I—III, Lugdunum-Batavorum 1879—1901; МИТТ, т. 1, русский перевод В. И. Беляева и Е. А. Разумовской, М.—Л., 1939.
Таварих-и гузиде — Нусрат-наме, ркп. ИВ АН СССР, В 745.
Тазкират ал-мулук. Tadhkirat al-muluk a manual of Safavid administration, Persan text in facsimile, translated and explained by V. Minorsky, London, 1943, GMS, New series, XVI.
Тарих-и Абу-л-хайр хани см. Мас'уди Кухистани.
Тарих Салими, ркп. ИВ АН УзССР, № 2016, см. Мирза Салимбек...
Тарих-и ракими (Тарих-и Сейид Раким), ркп. ИВ АН УзССР, № 7711.
Тархан-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 2731.
Тарханная грамота Абу-л-Мансур Абдаллаха бахадур султана (XVII в.). Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XI, Ташкент, 1907.
Турды (Фараги). Диван Турды, ркп. ИВ АН УзССР, № 1962/I.
Турды. Избранные произведения, перевод, Х. И. Якубова, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1951.
Указ Имамкули-хана от 1031 г. х. Из фонда Бухарского музея, № 9726/12.
Фазиль Хереви. см. Иршад аз-зира'ат.
Фазлаллах ибн Рузбехан. Михман-наме-йи Бухара, ркп. ИВ АН УзССР, № 1414, № 5885.
Фазлаллах ибн Рузбехан. Сулук ал-мулук, ркп. ИВ АН УзССР, № 3639.
Фан кашф ва зир'ат, ркп. ИВ АН УзССР, № 561/I, 565/II , литограф. издание, Каган, 1334 (1906 г. н. э.).
Фатх-наме см. Мулла Шади.
Федотов И. М., Веселовский Н. И. Посольство в Хиву Ивана Матвеевича Федотова и его статейный список пребывания в Хиве, 1669—1670, «Туркестанские ведомости», 1880, № 20.
Хамраев А. Х. Несколько образцов наследственного вакфа, Бюллетень САГУ, вып. 25, Ташкент, 1947.
Ханыков Н. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.
Хафиз-и Абру. Географ. соч., ркп. ИВ АН УзССР (без заглавия), № 5361. См. В. В. Бартольд. Хафиз-и Абру и его сочинение «Ал-Музаффария», сборник статей учеников проф. В. Р. Розена, СПб., 1897.

Хафиз-и Абру. Историч. соч., ркп. ИВ АН УзССР, № 4078.
Хафиз- и Таныш (Тыныш) Бухари. Абдулла-наме, ркп. ИВ АН УзССР, № 2207; ркп. ИНА АН СССР, д. 88.
Хидая. Комментарии мусульманского права, т. 1, перев. с английского под ред. Н. И. Гродекова, Ташкент, 1893.
Хондемир. Хабиб ас-сийар, т. III, литограф. издание персидского текста, Бомбей, 1273 г. х. (1857 г. н. э.).
Хондемир. Хабиб ас-сийар, тегеранск. изд., т. I—III, 1333/1954.
Хохлов И. Д.—Н. И. Веселовский. Иван Данилович Хохлов (русский посланник в Персию и Бухару в XVII в.), ЖМНП, 1891, № 1.
Хрисанф Митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 г., издал с введением и объяснениями В. В. Григорьев, Чтения в Обществе истории и древностей Российских, кн. 1, М., 1861.
Хронологическое обозрение политических сношений России с Бухариею. Дипломатические приложения, в кн. «Сборник кн. Хилкова», СПб., 1879.
Худайберди ибн Кушмухаммед Хорезми. Диль гараиб, ркп. ИВ АН УзССР, №3335.
Хусейн Али. Украшение летописей [«Зиб-и тарихха»], перевод с персидского, введение и примечания Г. А. Волошиной, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965.
Шараф ад-дин Али Иезди. The Zafarnamah by Maulānā Sharafuddin' Ali of jazd. Ed. by Mawlawi M. ILahdád. 2 vols. Calcutta, 1885—1888. (Bibliotheca Indica).
Шарден. Voyages du Chevalier Chardin en perse, vol. I—X, Ed. Lanles, Paris, 1811.
Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, перевод, примечания и приложения И. Березина, Казань, 1849.
Die Scheibaniade. — Ein Özbegishes Heldengedicht in 76 Gesangen. Von prinz Mohammed Salih aus Charezm Text. Übersetzung und Noten von H. Vambery Wien-Budapest, 1885.
ЭверсманЭ. Письмо доктора Эверсмана, находившегося при Российской миссии в Бухарии, полученное 1 марта 1821 г. в С. Петербурге, Северный архив, 1822.
Eversmann E. Reise von Orenburg nach Buchara. Nebst einem Wortverzeichniss aus der Afghanistanen Sprache begleitet von einem Naturhistorischen Anhange und einer vorrede von Lichtenslen, Berlin, 1822.
Ярлык Абдаллах Султана от 100 г. х. (1595 г. н. э.), ркп. Восточного отделения фундаментальной библиотеки Казанского университета, инв. № 4626 (фотокопия).
Ярлык Абд ал-Азиз-хана (Аштарханида) от 1080 г. х. (1669/70 г. н. э.), ркп. Восточного отделения фундаментальной библиотеки Казанского университета, инв. № 4626 (фотокопия).
Ярлык Абдаллах-хана от 982 г. х. (1574/75 г. н. э.), см. П. П. Иванов. Хозяйство Джуйбарских шейхов, стр. 35.
Ярлык Барак-хана (Науруз-Ахмед-хана) от 949 г. х. (1542/43 г. н. э.), ркп. Вост. отд. фунд. библ. Казанского университета, инв., № 4626 (фотокопия).
Ярлык Джахангир Мухаммед-султана от 1067 г. х. (1657 г. н. э.), ркп. Вост. отд. фунд. библ. Казанского университета, инв № 4626 (фотокопия).
Ярлык Имамкули-хана от 1030 г. х. (1621 г. н. э.), ркп. Вост. отд. фунд. библ. Казанского университета инв. № 4626 (фотокопия).

Ярлык Имамкули-хана от 1042 г. х. (1632/33 г. н. э.),ркп. Вост. отд. фунд. библ. Казанского университета, инв. № 4626 (фотокопия).
Ярлык Имамкули-хана см. А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Ташкент, 1929, стр. 29.
Ярлык Исфандийар-султана от 992 г. х. (1584 г. н. э.), ркп. Вост. отд. фунд. библ. Казанского университета, инв. № 4626 (фотокопия).
Ярлык Ишмухаммед Бахадур-хана от 1029 г. х. (1620 г. н. э.), ркп. Вост. отд. фунд. библ. Казанского университета, инв. № 4626 (фотокопия).
Ярлык Келди Мухаммед Бахадур-хана от 1009 г. х. (1601 н. э.), ркп. Вост. отд. фунд. библ. Казанского университета, инв. № 4626 (фотокопия).
Ярлык Мухаммед Инак-султана от 1057 г. х. (1647 г. н. э.), ркп. Вост. отд. фунд. библ. Казанского университета, инв. № 4626 (фотокопия).
Ярлык Мухаммеда Тахир-султана от 986 г. х. (1578/79 г. н. э.), ркп. Вост. отд. фунд. библ. Казанского университета, инв. № 4626 (фотокопия).
Ярлык Мухаммед Хашим-султана от 983 г. х. (1575/76 г. н. э.), ркп. Вост. отд. фунд. библ. Казанского университета, инв. № 4626 (фотокопия).
Ярлык Мухаммед-Хашим-султана от 986 г. х. (1578/79 г. н. э.) ркп. Вост. отд. фунд. библ. Казанского университета, инв. № 4626 (фотокопия).
Ярлык Худа бенде Бахадур-султана от 1046 г. х. (1636/37 г. н. э.), ркп. Вост. отд. фунд. библ. Казанского университета, инв. № 4626 (фотокопия).
Ярлык Эль-Мухаммед-Бахадур-хана от 1025 г. х. (1616 г. н. э.), ркп. Вост. отд. фунд. библ. Казанского университета, инв. № 4626 (фотокопия).

Исследования и справочные издания

Абдураимов М. А. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара. Опыт краткого исследования источника, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961.
Абдураимов М. А. К истории народных движений в Бухарском ханстве в XVI—XVIII вв. Краткий обзор нарративных источников, Известия АН УзССР, 1956, № 4.
Абдураимов М. А. Позднейшие упоминания о сойюргале, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 2.
Абдураимов М. А. Два среднеазиатских сочинения по истории агротехники, Известия АН УзССР, 1956, № 6.
Абдураимов М. А. К изучению истории социально-экономической жизни государства Тимуридов, Сб., Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960.
Абдураимов М. А. Некоторые предварительные соображения о письмах эмира Хайдара, Известия АН УзССР, СОН, 1959, № 6.
Абдураимов М. А. «Тарих-и Абулфайз-хан» Абдуррахмана Даулата как источник о политическом и экономическом упадке Бухарского ханства в первой половине XVIII в., Известия АН УзССР, СОН, 1957, № 3.
Абдураимов М. А. «Тарих-и Абулфайз-хан» Абдуррахмана Даулата и реляции Флорио Беневени как источники по истории Бу-

харского ханства в первой половине XVIII в., Известия АН УзССР, СОН, 1958, № 6.
Абдураимов М. А. Пережитки сельской общины в узбекском кишлаке Хумсан, Советская этнография, 1959, № 4.
Абдураимов М. А. Становление и развитие феодализма в Узбекистане, Сокровищница истории Узбекистана, Путеводитель по залам музея истории УзССР, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961.
Абдураимов М. А. Географические сведения в трудах среднеазиатских ученых, XVI — начало XIX вв. (Краткий обзор).
Абдураимов М. А. К вопросу о феодальном институте дарбаст (дарубаст) в Узбекистане в XVI—XVII вв., «Общественные науки в Узбекистане», 1963, № 4.
Абдураимов М. А. Первый русский купеческий караван в Ташкент, 1738—1739 гг., Известия АН УзССР, СОН, 1955, № 6.
Авдиев В. И. История древнего Востока, М., 1948.
Адамоли Ю. Разведение шелковичных червей в Средней Азии, «Туркестанские ведомости», 1871, № 36.
Азимджанова С. Из истории Ферганы второй половины XV в., Ташкент, 1957.
Айни С. Та'рих-и амиран-и мангитийа-и Бухара, Ташкент, 1923.
Али-заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., Баку, 1956.
Аминов Г. Краткие исторические сведения о прежних отношениях Бухары к Шахрисябзу, «Туркестанские ведомости», 1908, № 112.
Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии, Ташкент, 1959.
Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане, СПб., 1889.
Арандаренко Г. А. Заметка об ирригации в нагорных туменах Зеравшанского тумена, «Туркестанские ведомости», 1876, № 55.
Арендс А. К. Таджикско-персидский глоссарий Хафиза обехи, Труды ИВ АН УзССР, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954.
Арендс А. К. см. Абулфазл Бейхаки, История Мас'уда.
Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, «Живая старина», СПб., 1896, вып. 1.
Арунова М. Р. и Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Афшара, М., 1958.
Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков, М., Изд-во «Наука», 1965.
Ахмедов Б. А. К изучению политической истории Киргизии XV века, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 5.
Ахмедов Б. А. Неизвестная версия «Шейбани-наме» Бенаи, «Общественные науки в Узбекистане», 1965, № 2.
Бакланов Н. Б. Герих, геометр. орнамент Средней Азии и методы его построения, «Советская археология», IX, 1947, Примечания А. А. Семенова.
Баранов Х. К. Арабско-русский словарь, под редакцией и с предисловием И. Ю. Крачковского, вып. 2, М.—Л., 1941.
Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903.
Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.
Бартольд В. В. К вопросу о погребальных обрядах у турков и монголов, ЗВО, т. XXV, вып. 1—4, Пг., 1921.
Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, журн. «Сельское хозяйство и лесоводство», СПб., 1914.
Бартольд В. В. О феодализме в Иране, «Новый Восток», 1931, № 28.
Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья, Памятная книжка Семире-

ченской области, Статистич. Комитет, II, Верный, 1898; изд. 2-е, Фрунзе, 1943.
Бартольд В. В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче, Анийская серия, № 5, СПб., 1911.
Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, тексты, СПб., 1898; ч. II, Исследование, СПб., 1900; Соч., т. I, М., ИВЛ, 1963.
Бартольд В. В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в., Соч., т. II, ч. 2, М., Изд-во «Наука», 1964; То же, ЗРГО по отделению этнографии, т. 34, Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина, СПб., 1909.
Бартольд В. В. Об одном историческом вопросе, «Среднеазиатский вестник», Ташкент, 1896, ноябрь.
Бартольд В. В. Приложение к протоколу X заседания Отделения истексты, СПб., 1898; ч. II, Исследование, СПб., 1900; Соч., т. I, торических наук и филологии Российской Академии наук, 7 сентября 1919 г., Изв. Академии наук по отделению общ. наук, ч. II, Пг., 1919.
Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа, сб. «Туркмения», т. I, Л., 1928; Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 1.
Бартольд В. В. Таджики (Исторический очерк), Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925; Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 1.
Бартольд В. В. Киргизы (Исторический очерк), Фрунзе, 1927; 1943 (второе изд.); Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 1.
Бартольд В. В. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских, «Хлопковое дело», 1924, № 11; Бартольд В. В. Соч. т. II, ч. 1.
Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан, ЗВО, XV, 1904.
Бартольд В. В. Абдулла б. Искендер; Искендер-хан; Шейбаниды, Соч., т. II, ч. 2.
Бартольд В. В. Работы по исторической географии, Соч., т. III, М., Изд-во «Наука», 1965.
Басов Д. Пайкалы Ширабадской долины, журн. «За реконструкцию сельского хозяйства», Самарканд, 1929, № 11.
Батраков В. С. О воспроизводстве годовых отношений у кочевых народов Средней Азии в эпоху феодализма, Ташкент, 1949, № 3.
Behrmager W. Memorre sur os institutions de police chez les Arabes les persans et les Turks, JA, 1861.
Беленицкий А. М. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху (образование института сойюргал), «Историк-марксист», 1941, № 4.
Беляев И. А. Материалы для изучения среднеазиатской палеографии по юридическим актам XVII—XVIII вв., Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XI, Ташкент, 1907.
Беляев В. И. Арабские источники по истории туркмен IX—XIII вв., МИТТ, т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1939.
Берг Л. Аральское море. Опыт физико-географической монографии, СПб., 1908.
Березин И. Н. Очерки внутреннего устройства улуса Джучиева, ТВОРАО, ч. 8, СПб., 1864.
Бертельс Е. Э. Навои. Опыт творческой биографии, М.—Л., 1948.
Бертельс Е. Э. Очерк истории персидской литературы, Л., 1928.
Бродовский М. И. Заметки о земледелии в Самаркандском районе, Сб., «Русский Туркестан», вып. 2, М., 1872; «Военный сборник», 1874, № 9.

Бетгер Е. К. Самарский купец Данило Рукавкин и его караван в Хиву в 1753 г., Известия АН ТуркмССР, Ашхабад, 1952, № 6.
Болдырев А. Н. Мемуары Зайн-ад-дина Васифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI вв., ТОВЭ, т. II, Л., 1940.
Болдырев А. Н. Очерки из жизни гератского общества, ТОВЭ, т. IV, М., 1947.
Болдырев А. Н. Тезкире-йи Хасан Нисари как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии XV—XVI вв., ТОВЭ, т. IV, Л., 1940.
Boorhan-i Qati'. A Diction ry of Persian Language Ketab-e Boorhan-e Qati' talif-e Mohammed-Hoseyn, Calcutta, 1233—1818.
Boorhan-i Qati' A Diktionary of Persian Langu=ge - Ketab-e Qati' talif-e Mohammed-Hoseyn, Calcutta, 1233/1818-; Лакнау, 1888.
Browne E. G. Persian Literature under Tatar dominion, Cambridge, 1920. A Literary history of Persia, vol. III, Cambridge, 1924; Cambridge, 1953.
Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, СПб., 1869.
Букинич Д. Д. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства, журн. «Хлопковое дело», 1924, № 3—4.
Бурнашев Т. см. Источники (разд. III).
Бурхануддин-хан Кушкеки. см. Источники (раз. III).
Бутаков А. Эпизод из современной истории Средней Азии, «Отечественные записки», 1865, ноябрь.
Быков. Очерк долины Зеравшана. Расспросы капитана 3-го Западно-Сибирского линейного батальона Быкова, Ташкент, 1880.
Вавилов Н. И. и Букинич Д. Д. Земледельческий Афганистан, Л., 1929.
Вавилов Н. И. Земледельческий Афганистан, Избранные труды, т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.
Вамбери А. Очерки Средней Азии, Дополнение к путешествию в Среднюю Азию, М., 1868.
Вамбери А. Путешествие по Средней Азии, СПб., 1865.
Вамбери Г. История Бохары или Трансоксании с древних времен до настоящего. По восточным обнародованным и необнародованным рукописным источникам, Перевод А. И. Павловского, т. I—II, СПб., 1873.
Васильев А. Н. Согдийский замок на горе Муг, «Согдийский сборник», Л., 1934.
Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, ТВОРАО, ч. 1—3, СПб., 1863—1866.
Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времен кончины Абуль Хайр-хана (1748—1765 гг.), т. 1—2, Уфа, 1853—1855.
Вельяминов-Зернов В. В. Монеты бухарские и хивинские, ТВОРАО, ч. IV, СПб., 1859.
Веселовский Н. И. Дахбид, ЗВО, III, СПб., 1889.
Веселовский Н. И. Иван Данилович Хохлов (Русский посланник в Персию и Бухару в XVII в.), ЖМНП, СПб., 1891, № 1.
Веселовский Н. И. Посольство в Хиву Ивана Матвеевича Федотова и его статейный список пребывания в Хиве (1669—1670). «Туркестанские ведомости», 1882, № 20.
Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, СПб., 1877.

Веселовский Н. И. Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов, 1830—1904, Некролог, ЖМНП, СПб., 1904, № 4.
Вильданова А. Б. Бухарские ирригационные и канцелярские термины, журн. «Народы Азии и Африки», М., 1964, № 5.
Вильданова А. Б., Чехович О. Д. Об общинном водо-землепользовании, обозначаемом термином найкал, журн. «Народы Азии и Африки», 1965, № 1.
Вирский М. Хлопководство и хлопковая промышленность в Самаркандской области, СКСО, вып. V, 1897.
Вирский М. Река Зеравшан и ирригационное дело в бассейне ее, СКСО, вып. VII, Самарканд, 1902.
Владимирцев Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., Изд-во АН СССР, 1934.
Волин С. Л. К истории среднеазиатских арабов. Труды 2-й сессии арабистов, Труды ИВ АН СССР, вып. XXXVI, М.—Л., 1941.
Worms. Recherches sur la constitution de la propriete territoriale dans bas pays musulmans par Worms, Paris, 1846.
Вороновский Д. Г. Гульшан ал-мулук Мухамеда Якуба Бухари, канд. дисс., Ташкент, 1947.
Вяткин В. Л. Из области истории, «Туркестанские ведомости», 1899, № 32.
Вяткин В. Л. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 г. х. (1800—1803 гг.), Известия Среднеазиатского отделения РГО, т. XVIII, 1928.
Вяткин В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета, СКСО, вып. VII, Самарканд, 1902.
Вяткин В. Л. О вакуфах Самаркандской области, Отдельный оттиск из СКСО, вып. X, Самарканд, 1912.
Вяткин В. Л. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 г., ИРКОМ, № 8, СПб., 1908.
Вяткин В. Л. Самария. См. Абу Тахира Ходжи в разделе III (Источники).
Вяткин В. Л. Самаркандский вилайет, перевод из «Рисоля», составленного узбеком из рода кырк Мухаммедом Салихом, сыном Мухаммеда Кучлика, СКСО, вып. V, Самарканд, 1897.
Вяткин В. Л. Самаркандские легенды, СКСО за 1897 г., вып. V, Самарканд, 1897.
Вяткин В. Л. Шейхи Джуйбари, Сборник «Икд ал-джуман», В. В. Бартольду, Ташкент, 1927.
Вяткин В. Л. Ферганский мистик Дивана-и Машраб, Сборник Турк. ин-та, Ташкент, 1923.
Вяткин — Перечень восточных рукописей В. Л. Вяткина в Государственной публичной библиотеке УзССР, Труды Государственной публичной библиотеки УзССР, т. I, Ташкент, 1935.
Вяткин В. Л. Батыр срым, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947.
Гаврилов М. Ф. Рисоля сартовских ремесленников. Исследования преданий мусульманских цехов, Ташкент, 1912.
Гаффаров Г. Н. Персидско-русский словарь, т. II, М., 1927.
Гафурова Р. Л. «Китаб-и Мулла-задэ» как исторический источник, автореферат канд. дисс., Л., 1961.
Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении, т. I, изд. 2-е, исправленное и дополненное, М., Госполитиздат, 1952.
Гиргас В. Словарь к арабской хрестоматии и корану, Казань, 1881.
Гияс ад-дин М. Гийас ал-лугат, Лакнау, 1242 г. х. (1829 г. н. э.).

Гордлевский В. А. Из жизни цехов в Турции. К истории Ахи, «Записки коллегии востоковедов», т. II, вып. 2, Л., 1927.
Гребенкин А. Д. Узбеки, «Туркестанские ведомости», 1871, № 52.
Гребенкин А. Д. Узбеки и таджики, Сб. «Русский Туркестан», вып. 2, М., 1872.
Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, т. 1, Л., 1939.
Григорьев В. В. О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре, Записки Мирзы-Шемса Бухари, Казань, 1861.
Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, Ташкент, 1889.
Громов М. и Баранов В. Чигирь как водоподъемная машина и как привод, Ташкент, 1931.
Гулямов Я. Г. Археологические работы в западной части Узбекистана, Труды Института истории и археологии, вып. 8, 1956.
Гулямов Я. Г. К возникновению ирригации в Хорезме в свете данных археологии, Сб. «Научная сессия АН УзССР», Ташкент, 1945.
Гулямов Я. Г. К изучению древнейших водных сооружений в Узбекистане, Известия АН УзССР, 1955, № 2.
Гулямов Я. Г. Из истории ирригационной практики народов Средней Азии, Сб. «Первая Всесоюзная конференция востоковедов в Ташкенте в 1957 г.», Ташкент, 1959.
Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957.
Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии, XVII—XVIII вв. (золотые и серебряные монеты Джанидов), Душанбе, Изд-во АН ТаджССР, 1964.
Давидович Е. А. [Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVIII вв., М.—Л., 1954.], Советская этнография, № 3, 1955.
Джалилова Р. П. Записки Бухарского гостя (Михман-наме-йи Бухара) Фазлаллаха б. Рузбехана Исфахани, автореферат канд. дис., Ташкент, Изд-во «Наука», 1965.
Джалилова Р. П. К тегеранскому изданию «Записок бухарского гостя», журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1964, № 10.
Джалилова Р. П. К истории аграрных отношений в государстве Шейбани-хана в начале XVI в., журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1963, № 9.
Дорн Б. Выдержки из мусульманских писателей касательно истории и географии южных берегов Каспийского моря, СПб., 1858.
Дьяконов М. М. Перспективы археологического изучения Таджикистана, Труды ТаджФАН СССР, т. XXIX, 1951.
Elphinstone A. U. An accont of the Kingdom of Caboul, vol. II, London, 1819.
Епифанова Л. М. см. Мирза 'Абдал 'Азим Сами (разд. III, Источники).
Жувонмардиев А. XVI—XIX асрларда Фарғонада ер-сув масалаларига доир, Тошкент, УзССР, «Фан нашриёти», 1965.
Жуковский В. А. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва, СПб., 1884.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей, II., М., 1915.
Заходер Б. Н. История Восточного средневековья. Курс лекций, М., изд. МГУ, 1944.
Заходер Б. Н. Хорасан и образование государства Сельджукидов, ВИ, 1945, № 5—6.

Зимин Л. А. Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью, Протоколы ТКЛА, год XX, Ташкент, 1915.
Зияев Х. З. Урта Осиё ва Сибирь (XVI—XIX асрлар), Ташкент, Изд-во АН, 1962.
Ибрагимов С. К. «Михман-наме-и Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв., ТИИАЭК, т .VIII, Алма-Ата, 1960.
Иванов М.И. Древний арык от Сыр-Дарьи до Бухары, «Туркестанские ведомости», 1873, № 13.
Иванов П. П. Восстания китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг., Труды ИВ АН СССР, т. XXVIII, М.—Л., 1939.
Иванов П. П. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, Известия АН СССР, отделение общественных наук, № 8, 1935.
Иванов П. П. Очерк истории кара-калпаков, Материалы по истории кара-калпаков, М.—Л., 1935.
Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство, ЗИВ АН СССР, вып. VII, Л., 1932.
Иванов П. П. Хивинские хроники XIX в. Мунис а — Агехи как источник по истории туркмен, МИТТ, II, 1938.
Иванов П. П. Удельные земли Сейид Мухаммед-хана Хивинского (1856—1865 гг.), Записки ИВ АН СССР, VI, 1937.
Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954.
Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.), М., 1958.
Идаров С. Поземельное право и податная система по магометанскому законодательству, «Туркестанские ведомости», 1872, № 40—41.
Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв., Ташкент, 1960.
Иностранцев К. А. Из истории старинных тканей, ЗВО, т. XIII, СПб., 1901.
Иностранцев В. А. Торжественный выезд фатимидских халифов, ЗВО, т. XVII, СПб., 1906.
История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. (коллективный труд), под редакцией В. В. Струве, И. А. Орбели, И. П. Петрушевского, М., изд. МГУ, 1958.
История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней, под редакцией И. О. Омарова и А. М. Панкратовой, изд. 2-е, исправленное и дополненное, т. I, Алма-Ата, 1949.
История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1950.
История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1947.
История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955; кн. 2, 1956.
История Туркменской ССР с древнейших времен до Великой Октябрьской революции, т. I, Изд-во ТуркмССР, Ашхабад.
Каль Е. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки, Ташкент, 1889.
Карамзин Н. М. История государства Российского, т. VI, СПб., 1842.
Кариев М. Урта Осиё табий географияси, Ташкент, 1959.
Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана, Изд-во АН ТаджССР, 1954.
Кисляков Н. А. Из истории горного Таджикистана, Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР, 1953, № 4.

Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX—начала XX в., М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962.
Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, Труды Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР, т. X, этнографическая серия, 2, М.—Л., 1936.
Ковалевский М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия, его разложение, ч. 1, М., 1879.
Костенко А. Ф. Туркестанский край, Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа, т. III, СПб., 1880.
Краузе И. Заметки о медицинских и некоторых промышленных растениях Средней Азии, Русский Туркестан, вып. II, М., 1882.
Крачковский И. Ю. Торговая инспекция на востоке халифата и в арабской Испании, Библиография Востока, 1933, вып. 2—4 (рецензия).
Крачковский И. Ю. Арабские географы и путешественники, Известия РГО, 1937, № 5.
Крачковская В. А. Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья IX—XII вв., Эпиграфика Востока, X, М.,—Л., 1955.
Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского, СПб., 1887.
Кун А. Л. Бухарские порядки. Заметки о порядке взимания поземельных податей, «Туркестанские ведомости», 1873, № 32.
Кун А. Л. Вакуфи, «Туркестанские ведомости», 1872, № 21.
Кун А. Л. Очерки Шахрисабзского бекства, ЗРГО по отд. этнографии, т. VI, СПб., 1880.
Кун В. Н. Черты военной организации средневековых народов Средней Азии, Ученые Записки ТГПИ им. Низами, Серия общ. наук, вып. I, Ташкент, 1947.
Кушакевич А. А. Очерки Ходжентского уезда, «Туркестанские ведомости», 1872, № 13.
Laki Muhammad Hasan. Dr. Sanai'yi Iran ba'd Islam tarjume-y farsi-yi Muhammad 'Ali, Khalkhali Tihran, 1324/1954.
Lambour E. De mamiel de Genealogie et de chronologie pour t. l'histoire de l'islam, Hanover, 1927.
Латынин Б. А. Вопросы ирригации древней Ферганы, КСИИМК, вып. 64, 1955.
Латынин Б. А. К вопросу об истории ирригации, в сб. «Из истории докапиталистических формаций», Л., 1935.
Латынин Б. А. Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии, «Советская археология», 1959, № 3.
Латынин Б. А. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане (Гидроэлектропроект), Отчет о работах, ИТАИМК, вып. 110, Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., М.—Л., 1935.
Lemann's A. Reise nach Buchara und Samarkand in ben Jahren 1841 und 1842..., St.-Ptb., 1852.
Lockhart L. Nadir Shan, a critical study based mainly on contemporary sourches, London, 1938.
Lokkegaard Fr. Islamic taxation in the classic period, Copenhagen, 1950.
Лэн-Пуль Мусульманские династии, перевод В. В. Бартольда, СПб., 1899.
Логофет Д. И. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. I—II, СПб., 1911.
Лугат Чагата-йи ва тюрки Османи, Константинополь, 1928.

Лыкошин Н. С. Меры сыпучих тел в Ташкенте; См. Наливкин В. и Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886.
Лыкошин Н. С. Дивана-и Машраб. Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае, Самарканд, б. г. [1910].
Макшеев А. И. Географические сведения книги Большого чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае, ЗРГО, т. VI, СПб., 1880.
Malcolm S. Y. The History of Persia, vol. II, London, 1835.
Маллицкий Н. Г. Разгром Ташкента Имамкули-ханом бухарским в 1613 г. Протоколы и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии, год V, Ташкент, 1900.
Мальцев А. М. Хлопководство в СССР и за границей СоюзНИХИ, Ташкент, 1937.
Масальская В. И. Хлопковое дело в Средней Азии (Туркестан, Закаспийская обл., Бухара и Хива) и его будущее, СПб., 1892.
Массон М. Е. Регистан и его медресе, вып. III, Средазкомстарис, Ташкент, 1926.
Массон М. Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ), КСИИМК, VIII, 1940.
Массон М. Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ), т, II, Труды АН УзССР, История и археология, сер. I, Ташкент, 1945.
Массон М. Е. Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряда, Сб. «Белек» в честь С. Е. Малова, Фрунзе, 1946.
Массон М. Е. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала, КСИИМК, IV, 1940.
Массон М. Е. Новые данные о древней истории Мерва, ВДИ, № 4, М., 1951.
Массон М. Е. Экспедиция археологического надзора на строительстве БФК, КСИИМК, т. V, 1940.
Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета, СКСО, вып. VII, Самарканд, 1902.
Материалы по истории туркмен и Туркмении, Труды ИВ АН СССР, Источники по истории СССР, т. I, VII—XV вв., М.—Л., 1939.; т. II, XV—XIX вв., М.—Л., 1938.
Материалы по земле-водопользованию в Закаспийской области, Ашхабад, 1903.
Миён Бузрук. Ўзбек тарихига онд тўрт мухим китоб, журн. «Маориф ва ўқитувчи», 1927, № 9—10.
Миклухо-Маклай Н. Д. К истории политических взаимоотношений Ирана со Средней Азией в XVI веке, Краткие сообщения ИВ АН СССР, № 4, М., 1952.
Миклухо-Маклай Н. Д. Географические сочинения XIII в. на персидском языке, УЗ ИВ АН т. IX, М.—Л., 1954.
Миклухо-Маклай Н. Д. Рукопись труда Искендера Мунши «Тарих-и 'аламара-йи», Бюллетень АН УзССР, 1947, № 1.
Миклухо-Маклай Н. Д. О первом томе труда Мухаммеда-Казима, СВ, т. V, М.—Л., 1948.
Миклухо-Маклай Н. Д. Рукопись «'Аламара-йи Надири», УЗ ИВ АН, т. VI, М.—Л., 1953.
Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей ИНА, вып. 2, Биографические сочинения, М., ИВЛ, 1961.

Minorsky V. A. Soyurghal of Qasim bin Jahangir Ag Qoyunlu. Bull. of the school of oriental studies, v. IX, part 4, 1939.
Minorsky V. Tadhirat al-muluk Persan text in facsimile translated anb explained by V. Minorsky, London, 1943.
Мирзаев К. М. Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954.
Молчанов А. А. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои, Сб. «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940.
Morley W. N. Containing the life Masaud son of Sultan Mahmud of Chazwini ed by W. N. Morley. Bibliotheca Indica, Calcutta, 1861—1862.
Монтеверде Н. А. и Гаммерманс А. Ф. Туркестанская коллекция лекарственных продуктов Музея Главного Ботанического сада Л., 1927.
Мукминова Р. Г. Народные движения в Узбекистане в 1499—1501 г., Ташкент, 1950, № 1.
Мукминова Р. Г. О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в., Труды ИВ АН УзССР, вып. 3, Ташкент, 1954.
Мукминова Р. Г. К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в., Известия АН УзССР, 1954, № 1.
Муниров К. Мунис, Огахи ва Баёнинг тарихии асарлари, Ташкент, 1960.
Мухаммеджанов А. Р., Негматов Т. Бухоро ва Хеванинг Россия билан муносабатлари тарихига доир ба'зи манбалар, Ташкент, 1957.
Мухаммедов Х. Из истории древних оборонительных стен вокруг оазисов Узбекистана, автореферат канд. дисс., Ташкент, 1961.
Мухсинова К. З. К истории выступления бухарских крестьян против налогового гнета в конце XIX в., Проблемы востоковедения, 1959, № 1.
Мюллер Б. В. Персидско-русский словарь, М., 1950.
Набиев Р. Н. Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра в XV в. Заметки о Ходже Ахраре, Сб. «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948.
Набиев Р. Н. Из истории феодального землевладения в Фергане в XVI—XVII вв., Известия АН УзССР, СОН, 1960, № 3.
Набиев Р. Н. Новые документальные материалы к изучению феодального института «сюргал» в Фергане XVI—XVII вв., Известия АН УзССР, СОН, 1959, № 3.
Наливкин В. П. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после завоевания, ежегодник «Ферганская область», т. 3, «Новый Маргелан», 1904.
Наливкин В. и Наливкина М. Словарь общеупотребительных слов русско-сартовских и сартовско-русских слов с приложением короткой грамматики по наречиям Наманганского уезда, Составили В. Наливкин и М. Наливкина, разъяснения Н. С. Лыкошина, Казань, 1884.
Наливкин В. и Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886.
Некоторые сведения о Бухарии (Получены из достоверных источников), Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньиным, СПб., 1821, № 12.
Нигматов Т. см. Мухаммеджанов А. Р., Негматов Т.
Новейшие географические сведения из Туркестанского края, Известия РГО, т. IV, СПб., 1870.

Огородников П. Страна солнца, СПб., 1881.
Островский С. Ф. Ирригационная система Индии, СПб., 1907.
Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы, вып. 1—3, Ташкент, 1890—1897.
Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. в 2 частях, М., Изд-во АН СССР, 1953.
Ошанин В. Отчет по изучению шелководства, журн. «Сельское хозяйство», 1879, апрельская книжка.
Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, Издано под ред. Н. И. Веселовского, т. III, СПб., 1898.
Пекарский П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, Изд. отделения русск. яз. и словесности Имперской Академии наук, СПб., 1867.
Петровский Н. Ф. Туземная единица объема воды и способы деления ее, СКСО, вып. V, Самарканд, 1897.
Петровский Н. Ф. О шелководстве в Средней Азии, Туркестанские ведомости», 1872, № 47, 48.
Петровский Н. Ф. Моя поездка в Бухару, «Вестник Европы», 1873, март.
Петровский Н. Ф. Шелководство и шелкомотание в Средней Азии, Отчет Министерству финансов агента в Туркестанском генерал-губернаторстве, СПб., 1874, Приложение, Туземное сказание о шелковичном черве.
Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960.
Петрушевский И. П. Из истории орошения и техники сельского хозяйства в Иране в XIII—XIV вв., Ученые записки ЛГУ., № 179, История и филология стран Востока, Л., 1954.
Петрушевский И. П. К вопросу об иммунитете в Азербайджане, Исторический сборник, т. IV, Л., 1935.
Петрушевский И. П. К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества, ВИ, 1947, № 4.
Петрушевский И. П. К истории института сойургал, СВ, т. VI, М.—Л., 1949.
Петрушевский И. П. О формах феодальной зависимости крестьян в Иране в XIII—XIV вв., СВ, 1955, № 5.
Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв., Л., Изд-во ЛГУ, 1949.
Петрушевский И. П. Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье (К проблеме рабовладельческого уклада в феодальных обществах Передней и Средней Азии), XXV Международный конгресс востоковедов, Доклады делегаций СССР, М., 1960.
Петрушевский И. П. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории восточного Закавказья, Известия АН СССР, СОН, 1937, № 4.
Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.
Пещерева Е. М. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи, Ташкент, 1927.
Полозов В. В. Узбекское общинное землепользование в Ширабадской долине и Каршинской степи УзССР, журн. «Народное хозяйство Средней Азии», 1925, № 7.

Poliak A. N. Classification of lands in the Islamic law. American Journal of semitic languages and literatures, 1940.
Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом, ЗРГО, т. IX, СПб., 1853.
Поспелов Ф. Освобождение рабов Катта-Курганского отдела, СКСО, вып. X, Самарканд, 1912.
Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. Материалы научной конференции, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, 1955.
Раджабов З. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв., Таджгосиздат, 1957.
Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV, СПб., 1893—1911.
Радлов В. В. Средняя Зеравшанская долина, ЗРГО по отделению этнографии, т. VI, СПб., 1880.
Радлов В. В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга, ЗВОРАО, т. III., СПб., 1889.
Решетов В. К вопросу о термине «курама» и «кураминцах», Бюллетень АН УзССР, № 5, 1945.
Ромаскевич А. А. Иранские источники по истории туркмен XVI—XIX вв., МИИТ, т. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938.
Ростиславов М. Н. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае, Труды третьего международного съезда ориенталистов, т. 1, СПб., 1876.
Рубинштейн Ф. И. Несколько хивинских актов, ИАН УзССР, 1951, № 2.
Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750 гг.), под редакцией и с примечаниями П. М. Гутьяра, Оренбург, 1896.
Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, ч. 1—2, СПб., 1762.
Сабирджан ибн мулла Мухаммед Мустауфий. Бухара мадрасалари, журн. «Шура», 1914, № 3.
Салахетдинова М. А. Сведения о киргизах в «Абдулла-наме», Хафиз-и Таныша, Известия АН КиргССР, серия общественных наук, т. II., вып. 3, 1960.
Салахетдинова М. А. Сообщения о киргизах в «Хидайат-наме» Мирхаль ад-дина, Известия АН КиргССР, серия общественных наук, т. III, вып. 2, 1961.
Сальє М. А. Малоизвестный источник по истории Узбекистана «Мехманаме-йи Бухара», Труды ИВ АН УзССР, вып. III, Ташкент, 1954.
Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, СВ, т. V, М.—Л., 1948.
Семенов А. А. Надпись на могильной плите бухарского эмира Шах-Мурада Ма'сума 1200—1215 г. х. (1785—1800 г. н. э.), Эпиграфика Востока, т. VII, М.—Л., 1953.
Семенов А. А. Некоторые данные по экономике империи султана Хусейн-мирзы (1469—1506), Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. IV, 1953.
Семенов А. А. Образцы таджикских официальных документов. Собрал и словарем снабдил А. А. Семенов, Изд. Туркестанского восточного института, учебная серия, Ташкент, 1923.

Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Труды САГУ, серия II, вып. 1, Ташкент, 1929.
Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, Душанбе, 1954.
Семенов А. А. Описание персидских, арабских и турецких рукописей Экспериментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета, Ташкент, 1953.
Семенов А. А. К вопросу кто был автором «Тарих-и Ракими», Сб. В. В. Бартольду, Ташкент, 1927.
Семенов А. А. Указатель персидской литературы по истории узбеков в Средней Азии, Ташкент, 1926.
Семенов А. А. Каталог рукописей исторического отдела Бухарской центральной библиотеки, Ташкент, 1925.
Семенов А. А. Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, т.XII Душанбе, 1954.
Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, Рабочая хроника ИВ АН СССР, II, Ташкент, 1944; То же, см. МИТУ, вып. 1, Труды АН ТаджССР, т. XII, 1953.
Семенов А. А. К истории бухарских мангытов, Бюллетень САГУ, № 6, 1924.
Семенов А. А. О среднеазиатском (бухарском) термине «агалык», Доклады АН ТаджССР, вып. III, 1952.
Семенов А. А. Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. I, Труды АН ТаджССР, т. XII, 1953.
Семенов А. А. Среднеазиатский трактат по музыке Дервиш Али (XVII в.), Ташкент, 1946.
Семенов А. А. Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов, Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, ТИИАЭТ, т. XII, Душанбе, 1954.
Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана, т. II, Исторический вестник, 1902, апрельская книжка.
Семенов А. А. Этнографические очерки Зеравшана. Города Каратегин и Дарваза, Этнографическое обозрение, т. 5, М., 1903.
Синха Н. К. и Банерджи А. Ч. История Индии, перевод с английского, М., Изд-во ИЛ, 1954.
Ситняковский Н. Ф. Заметки о бухарской части долины Зеравшана, Известия Туркестанского отдела РГО, Ташкент, т. I, вып. II, 1900.
Ситняковский Н. Ф. Сообщение на заседании ТКЛА, 11 декабря 1896 г.
Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа, ЗРГО по отделению статистики, т. IV, СПб., 1874.
Соболев Л. Н. О постепенном движении песков к г. Бухаре, Известия РГО, т. IX, вып. VIII, СПб., 1873.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. 5, СПб, б. г.
Спасский Г. Новейшее описание Великой Бухарии, Азиатский вестник, СПб., 1825, кн. 5.
Спришевский В. И. Некоторые находки из Мугхона в собрании Музея истории АН УзССР, Труды Музея истории АН УзССР, вып. III, Ташкент, 1956.

Строева Л. В. Сербедары Самарканда, УзЛГУ, № 98, Серия востоковедческих наук, вып. 1, 1949.
Струве В. В. История древнего Востока. М.—Л., 1941.
Сукачева Н. Очерки шелководства в Самаркандской области, СКСО, вып. III, Самарканд, 1895.
Supplement a l'histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols etc... par M. Senkowsky, SPb., 1824.
Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства (Историко-этнографические очерки), Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958.
Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962.
Tagi Bahrami. Tarikhi Kishawarzi-yi Iran, Tihran 1330 г. х. солн./1951
Тереножкин А. И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 4.
Тереножкин А. И. Холм Ак-тепе близ Ташкента, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948.
Teufel F. Quellenstudien zur neuen Geschichte Chahate Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Geselschaft, 2—3 Heft, 1884.
Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948.
Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948
Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., ИВЛ, 1962.
Толыбеков С. Е. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов, «Вопросы истории», 1955, № 1.
Толыбеков С. Е. Кочевое скотоводство и оседлое земледелие как различные сферы материального производства, «Вестник АН Казахской ССР», 1955, № 6.
Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв., Алма-Ата, 1959.
Торнау Н. Изложение начал мусульманского законоведения, СПб., 1850.
Троицкая А. Л. Заповедник «Курук» кокандского хана Худаяра, Сборник Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, вып. III., Л., 1955.
Труды Института истории и археологии, т. IV, Ташкент, 1951.
Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. I, М.—Л., 1950.
Тынышпаев М. Г. Ак-табан шубрынды (Великие бедствия и великие победы казахов), Ташкент, 1927.
Умняков И. И. «Абдулла-наме» Хафиз-и Таныша и его исследователи, Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР т. V, Л., 1930.
Умняков И. И. К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары, Сборник Туркестанского восточного института, Ташкент, 1923.
Уринбаев А. Абдураззок Самаркандийнинг Хиндистон сафарномаси, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960.
Федченко Б. А. Растительность Туркестана, Пг., 1915.
Фитрат Р. Р. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии, Записки ИВ АН СССР, Л., Изд-во АН СССР, 1933.
Haim S. New Persian — english diktionary, Tehran, 1936.
Hammer-Purgstall J. Geschichte der Goldenen Horde im Kiptschak, 1840.
Хамраев А. Х. К вопросу о земельно-водных отношениях в Бухарском ханстве в XIX в., Труды САГУ, новая серия, вып. IX, Ташкент, 1948.

Hanway Jonas. An historical accont of the british trade over the Caspian Sea, London, 1753.
Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями, ЗРГО, кн. V, СПб., 1851.
Hartmann. Mesreb der Weise Narr und romme Kotzer, Der Islam, Orient, B. 1.
Hinz W. Lebensmittelpreise in mittelalterliche vorderen Orient. Die Welt des Orient, Göttingen, 1954.
Howerth, Henry H. History of the mongols, vol. I—III, London, 1876-1888, vol. IV Supplement, London, 1927.
Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876.
Цинзерлинг В. В. Орошение на Аму-Дарье, М., 1927.
Чехович О. Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве (разд. III, Источники)
Чехович О. Д. Из документа XIV в. об окрестностях Самарканда и их орошении, Доклады АН УзССР, 1948, № 6.
Чехович О. Д. Вакуфный документ времени Тимура из коллекции Самаркандского Музея, Эпиграфика Востока, № 4, Л., 1951.
Чехович О. Д. Новая коллекция документов из Бухары, Исторические записки АН СССР, т. 36, М., 1951.
Чехович О. Д. К вопросу о периодизации истории Узбекистана XVI—XVIII вв., Известия АН УзССР, 1954, № 5.
Чехович О. Д. Бухарские поземельные акты XVI—XIX вв., Проблемы источниковедения, т. IV, М., 1955.
Чехович О. Д. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII—XIX вв., Вопросы истории, 1956, № 3.
Чехович О. Д. Узбекистан в первой половине XVIII в., Очерки истории СССР, 2-я четверть XVIII в., М., 1956.
Чехович О. Д. Узбекистан во II половине XVIII в., Очерки истории СССР, 2-я половина XVIII в., М., 1956.
Чехович О. Д. Бухарская летопись XVIII в. «Убайдулло-намэ», Проблемы источниковедения, т. VIII, М., 1959.
Чехович О. Д. К истории крестьян Бухары XIV в., Известия АН УзССР, 1959, № 1.
Чехович О. Д. Новый источник по истории Бухары XIV в., Проблемы востоковедения, № 5, М., 1959.
Чехович О. Д. Аграрный документ 1706 г., Сборник в память М. С. Андреева, Сталинабад, 1960.
Чехович О. Д. Изучение среднеазиатских актов в Академии наук Узбекистана, ИЗ АН УзССР, 1950, № 3.
Чехович О. Д. К вопросу о периодизации истории Узбекистана, ИЗ АН СССР, т. 3, 1951.
Чехович О. Д. К истории Узбекистана XVIII в., Труды ИВ АН УзССР, вып. III, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954.
Чехович О. Д. Крестьянские обязательства 1914 г. на основании мнимой грамоты Исмаила Самани, ИЗ, т. 33, М., 1950.
Чехович О. Д. Новая коллекция документов по истории Узбекистана, ИВ АН СССР, т. 3, 1951.
Чехович О. Д. Об актовых материалах по истории Бухары, ИЗ, т. 16, М., 1945.
Чехович О. Д. О размере хараджа в Бухаре в XIX в., «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 3.

Чехович О. Д. Собрание восточных актов в АН Узбекистана, ИЗ, т. 26, М., 1948.
Чехович О. Д. Некоторые среднеазиатские аграрные термины, журн. «Народы Азии и Африки», 1964, № 2.
Чехович О. Д. Терминологические заметки, журн. «Народы Азии и Африки», 1964, № 6.
Шишкин В. А. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса, Ташкент, 1940.
Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование, Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, кн. XI, Ташкент, 1904.
Шкапский О. А. Аму-Дарьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Аму-Дарье, Ташкент, 1900.
Schuler E. Turkestan. London, 1876.
Энциклопедический словарь Брюкгауза—Эфрона, т. XXXVII.
Йулдашев М. И. Хива хонлигида феодал ер эгалиги ва давлат тузилиши, Ташкент, 1959.
Юферев В. Хозяйство сартов Ферганской области, Ташкент, 1911.
Якубовский А. Ю. Восстание Табари в 1238 г., Труды ИВ АН СССР, т. XVII, 1936.
Якубовский А. Ю. Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства, Сб. «Фердовси», АН СССР и Государственный Эрмитаж, Л., 1934.
Якубовский А. Ю. Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии, СВ, V, М.—Л., 1948.
Якубовский А. Ю. Проблема социальной истории Востока в трудах академика В. В. Бартольда, Вестник ЛГУ, № 2, 1947.
Якубовский А. Ю. Разделы в истории народов Узбекистана, т. 1, 1950; т. 1, кн. 1, 1955.
Якубовский А. Ю. Тимур, Вопросы истории, 1946, № 8—9.
Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1, М.—Л., 1937.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

I. Научные учреждения

БМ — Бухарский краеведческий музей.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ИВ АН — Институт востоковедения.
ИНА АН СССР — Институт народов Азии.
ЛО ИНА — Ленинградское отделение Института народов Азии Академии наук СССР.
МИТУ — Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии.
ТИИАЭТ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР.
Узкомстарис — Узбекский Комитет по охране и реставрации памятников материальной культуры.
ЦГИА УзССР — Центральный государственный исторический архив УзССР.

II. Публикации, научные журналы и другие издания

ВДИ — Вестник древней истории.
Вестник РГО — Вестник Русского географического общества.
ВИ — Вопросы истории.
ГИ — Географические известия.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского Археологического общества.
ЗИВ АН СССР — Записки Института востоковедения Академии наук СССР.
ЗРГО — Записки Русского географического общества.
ИЗ — Исторические записки.
ИРГО — Известия Русского географического общества.
ИТОРГО — Известия Туркестанского отдела Русского географического общества.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении.
МИУТТ — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.
СВ — Советское востоковедение.
СВР АН УзССР — Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР.

СКСО — Справочная книжка Самаркандской области.
СЭ — Советская этнография.
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества.
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
УЗ ИВ АН СССР — Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum.
GMA — S. J. Gibb memorial Series.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ[1]

Аббас 54, 66, 110
Аббас I 61, 65, 66, 112
Аббас II 41
Абд ал-Азиз 73, 84, 123
Абд ал-Азиз-бахадир-хан 204
Абд ал-Азиз-хан 118—120, 122, 203—205
Абд ал-Амин 59, 65, 66
Абдал-Ахад 81
Абдал-бай-бий 68
Абдал-Васи-бий 63
Абд ал-Керим 170, 171
Абд ал-Керим-бий найман 122
Абд ал-Керим-Бухари 193
Абд ал-Керим-эшик-ага-баш бахри 169, 170
Абдал-Кудус султан 267
Абдал Мумин 54, 56, 59, 60, 61
Абдал-Мумин-хан 16, 54, 56, 60—64
Абдалфайз-султан 77, 78, 117, 118
Абд ар-Рахим-ходжа 156
Абд ар-Рахман Даулет Тали' 19, 77, 169—173
Абд ар-Рахман Джами 36
Абд ар-Рахман Тали' 70
Абд ар-Рахман Тамкин Бухари 30, 71, 72, 198
Абд ал-Самад-бий 56
Абдл-ходжа 67, 68
Абдулазиз-хан Аштарханид 20
Абдал-Азиз-султан 117
Абдал-Вахид 218
Абдаллах 16, 55, 57—59
Абдаллах ибн Мухаммед ибн Али Насруллахи 14
Абдаллах кушбеги 81, 161—162
Абдулла-султан 94
Абдулла-хан 14, 16, 17, 35, 49, 54—61, 63, 68, 87, 94, 95, 195, 215, 217, 219, 239, 264—165, 268, 283, 291
Абдаллах Ходжа 81
Абдаллах ходжа калмык 143
Абу-л-Аббас Мухаммед Талиб ибн Ходжа Тадж ад-дин 50, 90, 274, 294
Абу-Бекр Са'д 218
Абулгазы 115
Абулгази Бахадур-хан 26
Абулгазы сын Ядгара 115
Абу-л-Мансур сын Субханкули 124
Абулфайз 72, 165
Абулфайз-султан 157, 158
Абулфайз-хан 26, 77—79, 166—168, 170—173, 175—180, 182, 184, 188
Абу Тахир Ходжа 29, 30, 202, 208, 209, 226, 230
Абу Юсуф Якуб 44
Авез-токсаба 169
Авренг зеб 119—120, 131
Агехи 26, 233
Адил-аталык 151
Адил-бий минг 154
Адил-шах 179
Адина-кули-бий 175
Азраил 154
Александр Македонский 262
Али ибн Хусейн-и Ва'из, Кашифи 34, 293
Алимбек 23

[1] Указатели составлены младшими научными сотрудниками А. Джалиловым, У. Мирисмаиловой, И. Усмановым, Т. Файзиевым, Л. Юлдашевой и лаборанткой Ф. Рахманбаевой.

Али-хан 179
Аллаберди 140
Аллаберди бий 139, 140
Аллаберди бий парваначи 138
Аллаяр аталык 154
Аллаяр-инак 288
Амин ибн Ахмед Рази 28, 198
Аминов А. М. 6
Анушахан 122, 130
Ануши 20, 21
Арабшах 200
Арандаренко Г. А. 52, 103, 293
Аренде А. К. 6
Ариман 78
Арслан-хан 257, 291
Асадулла Султан 137
Астанакул 71
Астанакул-бий 80
Астанакул-бий-кулли кошбеги 80
Аталык Махмудбий 125
Ахмед Али-аталык 266
Ахмед ибн Махмуд 27
Аюб (Иов) 242
Баба Караулбеги 103
Баба-хан 175
Бабур 14, 199, 211, 212, 220, 221
Бабур-мирза 196, 220
Бадис Кунград 125
Бадр ад-дин Кашмири 87, 219, 237, 265—267
Бадр ад-дин ал-Кашмири ибн Абд ас-Салам ал Хусейни ибн Сейид Ибрахим 35, 36, 55, 57
Баёни 273
Баки 65
Баки-бий 117
Баки-Мухаммед-султан 62—65
Баки Мухаммед хан 60,63, 65—68, 108
Баки-султан 66
Балту 163
Барак-хан 57
Барат-султан 182
Бартольд В. В. 5, 14, 16, 18, 27, 41, 46, 48, 53, 59, 234, 259, 73, 74
Бахрам-султан 118
Бахтияр-султан 13
Баят-кара токсаба 125, 126
Бек Мухаммед 62—64, 66—68
Бек Мухаммед-бий 140, 142
Бек Мухаммед дадха 128, 138, 139, 141
Бек оглы бахрин 160
Беленицкий А. М. 51
Бенаи 10, 11, 264, 291
Беневени Ф. 38, 169, 171—172
Березин И. Н. 11
Бертельс Е. Э. 41
Бехбуди-хан 180
Биби Падиша 163, 165
Бланкеннагель 39, 222
Богословский 39
Болдырев А. Н. 36
Борис А. 39
Бродовский П. М. 52, 232, 249
Бродский М. И. 317
Бури-бий 151
Бурнашев Т. 39
Бурхан ад-дина Марги нани 43
Бутаков А. А. 40
Бутенов 39
Вамбери Г. 39, 52, 53
Васифи 36, 37, 199, 281
Вели-Мухаммед 61, 62, 65, 68, 96
Вели-Мухаммед-султан 62, 65
Вели-Мухаммед-хан 60, 63, 66, 67, 92, 95, 96, 108—112
Велихан Мирза, сын... эмира Ак-Са'йд-бий 218
Вельяминов-Зернов В. В. 15, 18, 45, 52
Вильданова А. В. 303
Вороновский Д. Г. 6, 24
Вяткин В. Л. 16, 29, 41, 43, 48, 181, 184, 262, 269
Гаврилов М. 33
Гайбулла-бий 175
Гафурова Р. 27
Герздорф А. Ф. 277
Гладышев 38
Гогг 238
Гребенкин А. Д. 52
Григорьев В. А. 261, 262
Григорьев Н. 39
Гулямов Я. Г. 6, 45, 49, 50, 52, 259, 260, 261, 271, 276, 281
Давлет 79
Давлет кошбеги 79, 183, 185
Данийал 184
Данийал-бий 23, 79
Данийлал-бий, сын Худаяр-бия 181—186
Дервиш Мухаммед-тархан 211, 212
Джанибек 59, 60
Джанибек-султан 60, 62
Джаушан-калмык 77, 78, 80, 165, 166
Джа'фара Бармаки 80
Дженкинсон 37, 94
Джучи 16
Дивана-йи Машраб 93
Дилавар-ходжа 137
Дин-Мухаммед 60—63

Дин Мухаммед султан 59—60, 62
Дин Мухаммед-хан 60, 62—63
Дуст Мухаммед 218
Дьяконов М. М. 259
Епифанова Л. 26
Ефремов Ф. 39, 185, 244
Забардаст-хан 131
Зимин Л. А. 15—17
Зияев Х. З. 40, 51
Зухра-хан 60
Ибадулла 25, 59
Ибадулла ибн ходжа Арифи Бухари 31, 44
Ибрахим 79
Ибрахим аталык 160
Ибрахим Мирахур 161
Ибрахим Мирахур, кенегес 161
Ибрагим-хан 67, 92
Ибрахим-бий кенегес 169, 170, 173
Ибрахим-бий сын Рустам аталыка 170
Иван Грозный 37
Иванов П. П. 7, 16, 34, 41, 48, 49, 59, 192, 213, 231, 233, 234, 248
Идаров С. 52
Ильбарс 175
Ильминский Н. И. 14
Имамкули-султан 62, 109, 110
Имамкули-хан 15, 42, 95, 106, 111—116, 177, 267
Искандер 60, 112
Искандер бек Туркмен Мунши 16, 18, 54, 56, 59, 61, 63, 64, 65, 111, 112, 114, 115, 264
Искандер-султан 57, 113
Искандер-хан 35, 60, 94
Ислам Кудратов 281
Исмаил Самани 265
Исмаил Сефевид 14
Истахри 237, 284, 299
Исфандияр-хан 115
Ишим 114, 115, 112
Ишим-султан 61
Кабул-бий 103, 142
Каилан-эшик-ага-баши 169
Кара Бахадур Сейид-ата-й 156
Карл Миллер 221
Касим 61
Касим Мухаммед Султан 121
Касим-султан 61, 118, 120
Кати Яр-мухаммед 60
Кауфман 277
Кельди Мухаммедхан 37
Кашм 126
Коровин Е. П. 235
Кошелев А. 38, 221
Кудратов И. 221, 281
Кун А. Л. 52, 201, 202, 214, 232, 249
Куринши-хан 184
Кутлук сарай 160
Кутлук султан 118
Кутлук-Тимур-хан 59
Латынина Б. А. 52, 261
Лачин-калмык 140
Леман А. 39, 299
Логофет А. П. 52, 304
Мавлана Якуб чархи 144
Мальцев А. М. 234
Маркс К. 259, 260, 309, 310
Самальский В. И. 52
Массон М. Е. 6, 45, 52, 259, 260, 261, 263
Маулан Дуст Мухаммед, сын Маулана Ходжи 218
Махдум-и А'зам 95, 110
Махмуд-бий аталык 77, 126, 128, 131, 133—135, 149—153, 161, 162, 165
Махмуд ибн Вели 16—18
Ма'сум 288
Ма'сум-аталык 78, 156, 160—162
Ма'сум аталык сарай 159, 166
Ма'сум-бий Ходжадиванбеги 146
Ма'сум парваначи 138, 140
Ма'сум ходжа 148
Мейендорфф Г. 18, 39, 52, 247, 276, 307, 315—318
Миклухо-Маклай Н. Д. 6, 23
Миллер К. 38
Минорский В. Ф. 21, 73
Мир Абдал Керим Бухари 24, 174, 176, 193, 244
Мир Абд-ал Куддус ибн аль-Хусейн Кермани 248
Миргиязов 250
Мирза Абдал Азим Сами 26, 80, 168, 174, 179
Мирза Беди диван 30
Мирза-бек 114
Мирза Салимбек 301
Мирза Улугбек 265
Мирек Али 218
Мирек-шах Мунши 40
Мир-и Тимур 221
Мир Мухаммед Амини, Бухари 19, 70, 76—78, 81, 102, 136—138, 141—146, 149, 150, 153, 154, 156, 160, 161, 163
Мир Мухаммед Сиддик ибн Сейид эмир Музаффар 26
Миртаза Хусейн 28
Мирхонд 199
Мирярбек 126
Михаил Федорович 107

Музаффар 288, 305
Муким Мухаммед-хан 134—136, 143, 146—148, 150
Мукминова Р. Г. 51
Мулла Абд ар-Рахман 154
Мулла Абид 296
Мулла Захид Мунши 40
Мулла Мирза Бадр ад-дин 80
Мулла Мир Мухаммед Мунши 155
Мулла Фархад 19
Мулла Шади 13
Мулла Шарафад-дин А'лам 19
Мумин-бек 138
Мунис 26, 273
Муравин 38
Мухаммед Амин ибн Мулла Нур Мухаммед 21
Мухаммед Амин ибн Мухаммед Заман-и Бухари Суфияни 20
Мухаммед Амин керак-яракчи 132
Мухаммед Амин-ходжа накиб 182
Мухаммед Баки-бий 54
Мухаммед Беди'ибн Мухаммед Гариф-и Самарканди (Малиха) 21, 20, 129
Мухаммед-Вефа-йи Кермингани 23, 170, 173, 174, 176, 178
Мухаммед ибн Вели 72, 85, 97, 98
Мухаммед ибн Дервиш Мухаммед ал-Муфти ал-Балхи 27
Мухаммед ибн Сулейман 291
Мухаммед-Ибрахим-султан 65—67
Мухаммед-казим 22, 23
Мухаммед Ласл Бакаул 295
Мухаммед-Рахим-бий 85, 139, 144, 176, 179—182, 186, 189, 273
Мухаммед Рахим-бий дурман 151
Мухаммед Рахим-бий юз аталык 138, 140, 142, 144, 145, 148, 151, 155
Мухаммед Рахим-парваначи 161
Мухаммед Рахим-хан 23, 288
Мухаммед Салим-султан 65
Мухаммед Са'ид-ходжа 162
Мухаммед Салих 11, 148, 203, 206
Мухаммед Тахир Вахид 40
Мухаммед Тимур-султан 12
Мухаммед Хусейн Махмуд Ранс 27
Мухаммед Шариф ибн Мухаммед Наки 25
Мухаммед Юсуф Мунши 19, 55, 56, 59, 62, 63, 65, 70, 95, 99, 109, 110—112, 116, 119—121, 124—128, 130, 132—134
Мухаммед Яр эшик ага-баши дурмен 146, 157
Мухаммед Я'куб Бухари 190
Мухаммед Якуб ибн эмир Даниял-бий аталыка 24
Набиев Р. Н. 6, 51
Надир Дуван-беги 114
Надир Мухаммед 107, 111, 112, 115—118
Надир Мухаммед-хан 16, 17, 24, 28, 62, 73, 109, 110, 119, 120, 134, 199
Надиршах 22, 26, 39, 85, 169, 174, 176—180
Назаров Ф. 39, 221, 244
Назар «тентек» 145
Назар туркмен 155
Нарбута-бий 183, 184
Наршахи 235—236, 242, 270, 275, 286, 291
Насрулла 25, 42, 43, 97, 231, 245, 288
Насруллахи 14
Науруз Ахмед-хан 57
Нахли 15 (см. Хафиз-и Таныш)
Негри А. Ф. 18
Не'матулла-бий найман 146, 154, 156, 159, 161—162
Низам ад-дин Фазилходжа 113
Низами 36
Никольский 43
Ниязкули-бек 23
Нияз эшик-акабаши 131
Окладников А. П. 45
Остроумов Н. П. 29
Паенде бий аталык 267, 268
Пазухин 38, 73, 83, 122, 123, 193, 294
Пайанде аталык 183
Петр I 169
Петровский Н. Ф. 245, 246, 250
Петрушевский И. П. 5, 23, 32, 33, 50, 226, 308
Пещерова Е. М. 32
Раджабов З. Ш. 6
Раджаб-хан 169—174
Радлов В. В. 45, 46, 209, 228, 268, 293
Рахматулла ибн Абдар-Рахман 32, 206
Рахим-бий 176, 178—181
Ризакули-хан 174, 175
Рожновский С. Ю. 235
Ростиславов П. М. 52
Рукавкин Д. 39, 240
Рычков 238
Салах 79
Салехитдинова М. А. 6
Салих ходжа 134, 135
Самандар ходжа Термези 21, 122, 126, 128

Са'да 90
Са'ди Ширази 36
Сеид-Раким 269
Сейид Ахмед Ходжа 42, 233, 257
Сейид Бурханад-дин Клыч 106
Сейид Мухаммед 233
Сейид Мухаммед Тахир ибн Абу-л-Касим 28, 199
Сейид Низамад-дин 181, 185
Семенов А. А. 6, 8, 9, 19, 27, 30, 41, 44, 48, 51, 69, 70, 74, 87—89, 91, 100, 104, 187, 234, 304
Сенковский И. И. 18, 52
Сергеев Б. С. 41
Сиддик Мухаммед 124, 127—130, 132
Сирашевский В. И. 234
Соболев Л. Н. 42, 52, 206, 207, 231, 241
Соломон 77
Старый Яр-Мухаммед 60
Субханкули-хан 20, 21, 25, 40, 44, 57, 93, 118, 119, 121, 124, 126—128, 130—132, 134—138
Султан Ахмед Мирза 203, 212
Султан Мурад-бахши 119
Султан Мухаммед ибн Дервиш Мухаммед ал-Муфта ал-Балхи 199
Султан-ходжа 158
Сухарева О. Х. 27
Суюнчук-ходжа-хан 12, 37, 217
Таки Бахрами 33, 208
Тангри-Кули-бий аталык 212
Тевеккель-султан 55, 61, 63—64
Тереножкин А. И. 52, 234, 259, 261—262
Тилим султан 59
Тимур 196, 211, 212, 214, 237, 205, 290
Толстов С. П. 45, 52, 234, 259—261, 271
Томпсон 238
Троицкая А. Л. 6, 43
Туга Тимур 16
Тугма парваначи 128
Туракули 76, 78, 81, 163, 174
Турды 21, 167
Турсун Мухаммед-султан 65, 114, 115
Убайдуллахан 13, 19, 37, 76—78, 81, 82, 136—138, 140—160, 162, 164—166, 168, 217, 295
Убайдулла Ходжа Ахрар 34, 94, 158, 203, 284, 294
Узи Тимур-бий диванбеги мангыт 153
Узи Тимур-бий катаган 126, 142, 148, 149
Улугбек 212
Ульянов 277
Умняков И. И. 6, 15, 17
Урус-хан 59
Фазлаллах ибн Рузбехан 12, 13, 198
Фазил-бий юз 182
Фазил-тюра 182, 184
Фазыл диванбеги 128
Фархад-бий 43, 149, 150, 154, 161, 168, 169
Федор Иванович 239
Федотов И. М. 38, 243
Фирдоуси 36
Фитрат Ф. Ф. 41, 42
Хабубулла 31
Хаджадж 109
Хант-бий дадха 146, 147
Хайдар эмир 18, 25, 42, 43, 188—190, 212, 231—233, 256, 257, 288, 289
Хаким-бий аталык 40, 42, 43, 170, 175—178
Халик-бай 296
Халифа Хасан 288, 289, 290
Хамза-султан 13
Хамраев А. Х. 52
Ханыков Н. В. 39, 97, 202, 222, 223, 227, 229, 237, 238, 247, 248, 250, 299
Харун ар Рашид 44, 80
Хасан-хан 180
Хатам Хантов 281
Хафиз-и Таныш (Тыныш) 14—18, 57, 197, 218, 263
Хисроу Пехлеви 36
Ходжа Абд ар-Расул Ахрари 158,159
Ходжа Балтуи Саран 216, 217
Ходжа Гулям 304
Ходжа-Зумрат 290
Ходжа Ислам Джуйбари 35, 37, 58, 59, 94, 95, 96, 218, 239, 248, 265, 267
Ходжа Касым 265
Ходжа Кеш Надыр мираб туркмен 124, 125
Ходжамули бий 126, 161
Ходжакули бий катаган 161
Ходжа Муса Ашари 270
Ходжа Мухаммед Амин ранс 137
Ходжа Мухаммед Бара 21
Ходжа Мухаммед Хакимхан, сын Сейид Ма'сумхана 184
Ходжа Тадж ад-дин 274
Ходжа Са'д 35, 87, 90, 95, 199, 215, 239, 243, 254, 265—267, 285, 292
Ходжи-бий 60
Ходша Хашими 95, 96, 110, 111
Хондамир 199

Хорошхин А. П. 52, 292, 314
Хосрой-султан 118
Хохлов И. 38, 113—116
Хошхал-бий катаган 142, 151, 154, 155
Хрисанф Неопатрасский 168
Худайберди ибн Кушмухаммед Хорезми 28, 200, 283
Худаяр парваначи мангыт 142, 145, 148, 153, 157, 158, 181
Хулагу-хан 266
Хушике-бий аталык 131, 132
Чехович О. Д. 8, 19, 41, 50, 159, 303
Чингиз-хан 25, 57, 71
Чупан-ата 212
Шадман 146
Шамсийя-бану ханум 124
Шамурад 288
Шафи' 162, 163
Шах-бек Кукельдаш 109, 110
Шах Джахан 119
Шахкули-бек 85
Шах Мурад 79, 185—188, 244, 245, 288
Шах Селим 116
Шейбанихан 10—14, 36, 42, 192, 193, 198, 215, 264
Шереф ад-дин Али Йезди 212
Шир Али Кунграт 145, 146, 148, 149
Шишкин В. А. 45, 51, 259, 260, 261
Эверсман Е. 18
Энгельс Ф. 258, 259, 260
Юлдашев М. Ю. 6
Ядгар-баркут 182
Ядгар ходжа 160
Якуб Чархи 144
Якубовский А. Ю. 45, 46, 48, 259
Ялангтуш-бий аталык 40, 212
Яр Мухаммед аталык 60, 125, 154
Яр-Мухаммед-хан 60
Яхья Ходжа 160

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аббас (арык) 213, 268
Абиверд 60, 62, 63, 111
Адак 43
Адине-мечеть 152
Азизабад 273
Айша (селение) 173
Ак-дарья 72, 205, 264, 267, 29, 293
Ак Котель 139
Ак Сарай 151
Аксу 205
Актаг 285
Акташ 284
Али Абадский туман 204
Амир Абад 85, 279
Амударья 37, 38, 49, 59, 106, 107, 109, 111, 119, 120, 125, 127, 135, 146, 147, 151—153, 162, 172, 174—176, 186, 193, 201, 224, 225, 237, 246, 265, 271, 272, 281, 291
Ангар 29
Андак (селение) 213
Андижан 61, 107, 127, 139
Андижанский округ 246
Андхуд 81, 107, 118, 120, 155, 180
Анхарский район 269
Анхарский туман 200, 204, 211, 268, 269
Аравия 123
Арал 233
Аральское море 38
Аральская область 233
Арка 193
Асия-йи-ригак 153
Астраханская губерния 238
Астрахань 8, 59, 60, 236, 238, 243
Аулиеата 250
Афаринкент (туман), 29, 200, 205, 267, 293
Афганистан 24, 181, 246, 263
Афрасиаб 262
Афшина 265
Ахсикет 267
Ахсы 61, 221
Ахчабская плотина 264
Ашк 224
Аштархан 44, 51, 57
Баба-Дуги 173
Багаджат 285
Багдад 242
Баг-и баланд 212, 213
Баг-и-бихшт 211
Баг-и джахан-наме 211
Баг-и дилькуша 211, 212
Баг-и-заган 211
Баг-и-мейдан 212, 213
Баг-и-Чинар 211—213
Баг-и-шамал 245
Баг-и-шималь 211
Бадахшан 57, 106, 107, 110, 119, 123, 125, 127, 128, 131, 132, 267
Бадахшанская земля 107
Байсун 182, 198
Бала-и Мургаб 131
Балх 9, 16, 17, 27, 28, 35, 54, 57—59, 63, 65—68, 73, 81, 90, 92, 106—121, 123, 125, 127—137, 143, 144, 146—155, 161, 162, 169, 174, 175, 180, 193, 198, 199, 216, 219, 254, 256, 267, 296
Балхская обл. 105
Баргини фарах 273
Бахши-тепа 212
Бейкенд (см. Пейкенд)
Белый Орда Уриса 59
Бенгалия 258
Беха ад-дин (селение) 97

Большая Казахская орда 114
Бухара 8, 9, 11, 13, 17, 18, 20—27, 30, 31, 33—39, 42, 44, 46, 49, 51, 52, 55, 57—61, 63—66, 69, 70, 72, 74, 75, 79, 80, 84, 85, 88—91, 94—97, 100—102, 106—111, 113—118, 120—123, 125, 127, 128, 130, 131, 133, 135, 143—158, 160, 162, 166, 169, 171—184, 186, 189, 192, 193, 196, 198, 202, 206, 207, 214, 215, 219, 221—225, 227—229, 232, 235—244, 246, 247, 251, 254, 257, 280, 281, 284—287, 292, 294—297, 299, 300, 301, 303, 305—306, 309, 312—317
Бухарский оазис 9, 49, 61, 214, 261, 270, 311, 312
Бухарское ханство 7—9, 18, 20, 22, 24, 27, 30, 31, 38, 39, 48, 53, 63, 65, 68—70, 73—75, 81, 83, 85—88, 90, 103, 112, 115, 120, 123, 126, 131, 165, 166, 169, 188, 191, 194, 195, 196, 198—201, 206, 208, 210, 218, 220, 269, 303, 318, 319.
Вабкент 172, 207, 220
Вабкент-дарья 275
Ваганзи 207
Варахша 287
Варданзе 127, 206, 236
Вахш 219, 269
Вахш Хисар 266
Ведар 235
Верхний Согд 262
Восток 44, 49, 136, 210, 246, 256, 259, 291
Восточный Туркестан 263
Вятская губерния 238
Гавр (река) 261
Гази-Абад 193
Гала-асиё 256
Гаухан 43
Герат 36, 60, 62, 267
Гиждуван 126, 128, 171, 173, 198
Горка 269
Гудфари (см. Хитфар)
Гузар 58, 225, 241
Гургендж 275
Гури 118, 161, 162
Гурлен 245
Гусар (арык) 289
Гусар (Кяриз) 289
Дабусия 65, 235
Дарга 268
Даргам 204, 269
Даргамская плотина 186
Даргамская степь 268
Даргати-Давлети-Темур 268
Дарья (река) 123
Дарья-и Сафид 269
Дашт-и варвар 290
Дашт-и гусар 288
Дашт 311
Девкент 173
Дербенд 198
Дерегез 111
Дерф 146, 149
Дех- и ноу 266
Дехмун 280
Дешт- и Кипчак 11, 56, 96, 122, 174
Джандар 207, 220, 273, 305, 314
Джарг 286
Джейхун (Амударья) 127
Джети-жар 246
Джизак 268
Джузган 106, 125, 126
Джуйбар 96, 219, 254
Джуй-и арзиз 262
Джуй-и Маити 207
Джуи-и нов 307
Дунги 212
Дуоба 207, 273
Душанбе 26
Европа 37, 52
Египет 260, 281, 294
Елгиз оёк йул 283
Заг-арык 266
Закавказье 50
Зияаддинское бекство 293
Зарафшан 11, 21, 24, 28, 30, 31, 46, 70—72, 173, 186, 191, 193, 196, 197, 199, 201, 204, 205, 207, 209, 224, 225, 246, 260, 264, 269—275, 277, 278, 280, 281, 285—290, 292, 293, 295, 296, 298, 299, 306, 314
Зарафшанская долина 182, 191, 196, 202, 207—209, 212, 227, 232, 233, 237, 241, 244, 245, 268, 277, 285, 288, 292
Зарафшанский округ 241, 310
Зарафшан (река) 261, 265, 269, 270, 275, 278
Зандани 236
Запад 211, 213, 235, 237
Зармитан 273
Или 155
Индия 27, 68, 107, 120, 258, 260, 281
Индостан 236, 260
Ирак 236

Иран 12, 22, 32, 33, 50, 51, 56, 65, 73, 83, 85, 88, 92, 110, 111, 119, 120, 174, 186, 198, 245, 254, 255, 260, 263, 284, 308
Искандер 58, 266, 270
Искандеркуль (озеро) 270, 299
Искиджкет (Сикиджикет) 237, 286
Исфахан 153
Йемен 360
Кабуд 29, 208
Кабутар-хана 268
Каган 33, 206
Казань 14, 40, 51, 236
Казан арык 268, 293
Казанская губерния 238
Казахские степи 174
Казахстан 13, 235
Казачья орда 114
Кайкус (арык) 217
Какиштаван 305
Калта 280
Камангарат 213
Камар-кишлак 289
Кам-и-Абу-Муслими 207, 279, 296
Ками-чарх 207
Кампирак 153, 305
Кампирдувал 305
Канги-и Гиле 12, 13, 212
Кал'а-йи Дабусия 72
Карадарья 72, 264, 293
Каракалпак 122, 155
Каракуль 20, 31, 121, 122, 128, 157, 196, 207, 225, 260, 270, 273, 280, 298, 303, 305, 306, 314, 315
Каракульский вилайет 220
Каракульские ворота 131
Каракуль-дарья 274
Каракуль (озеро) 270
Каракульский туман 241
Карали 251
Караскан 43
Карасу 270
Каратаг 285
Каратау 112
Каратегин 288
Карачунас 268
Карачуры (кишлак) 212
Карши 43, 58, 65, 90, 110, 126, 128, 143, 148—151, 154, 160—162, 174—177, 181, 184, 196, 198, 199, 215, 219, 225, 241, 256, 267, 294, 312, 313
Каршинская степь 118, 246
Касан 268
Касатараш 284
Касеи (селение) 126, 128
Каспийское море 59, 245
Катаган 106
Катта-Курган 209, 225, 246, 269, 293
Каттакурганское бекство 293
Кафир-кала 262
Кафирниган (река) 200, 269
Кашгар 35, 56, 96, 246
Кашкадарья 28, 186, 199, 201, 202, 241, 267, 269
Кашкадарьинский (район) 225, 233
Квартал Чакыр-Ходжа Парса 124
Келиф 127, 151
Келифская переправа 162
Керки 176, 181, 189, 198
Кермен 236
Кермине 31, 81, 127, 128, 169, 170, 171, 173, 181, 182, 196, 207, 225, 257, 264, 269, 278, 279
Кеш 80, 141, 142
Киргиз-кайсацкие степи 107
Китаб 241
Китай 96, 261, 287
Кичик таг 139
Кишлок-и Калон 207
Коканд 24, 43, 79, 189, 244, 246
Константинополь 24
Копет-Даг 270
Кош-Курган 267
Крепость Нуртай 260
Кубайдийан 93, 200, 219
Кул-и калан 280
Куляб 106, 118, 151
Кумушкент 207
Кунгирад 233, 273
Кундуз 63, 106, 107, 118, 123, 125, 126, 135, 151, 152
Куня-Ургенч 271
Кутарма (арык) 212
Кухак 178, 197, 264, 269, 270
Кухак (река) 210, 291
Кухендиз 284
Кухистан 126
Кух-и худ-дин 210
Куча-йи Малик 268
Кушан 261, 263
Кушка 264
Кушка 131, 264
Куштут (река) 285, 288, 289
Кызылкум 271
Кызыл-рабат 43
Ленинград 6, 48
Лондон 16, 39
Маверды 96
Мавераннахр 9, 11, 12, 17, 18, 21, 23, 32, 35—37, 51, 54, 56, 57, 61—

64, 66, 67, 73, 86, 87, 96, 110, 111, 114, 120, 122, 123, 126, 135, 141, 143, 146, 153, 169, 175, 191, 192—194, 199, 219—221, 267, 307
Магиандарья 284, 285, 286
Магиано-Кштутский 288
Мадрас 258
Мазар Ходжа Беха ад-дин 63
Мангышлак 59
Мараханд 262
Марки 112
Масчо 270
Махандарья 271, 280
Маханкуль 286
Медина 60
Медреса Абдулла-хан 110
Мейдан 214
Меймене 107, 118, 125
Мекка 20, 60, 124, 167, 180
Мерв 12, 14, 20, 22, 35, 60, 85, 96, 107, 111, 132, 208, 219, 237, 244, 265, 284, 285, 299
Мервская плотина 22
Мервский оазис 245
Мешхед 179, 180, 202
Минданасу (река) 289
Мирабад 132
Мирза-арык 205
Миср 197, 268
Миянкаль 21, 24, 58, 61—65, 71, 72, 127, 149, 169, 173—175, 181, 182, 189, 191, 197, 198, 202, 208, 225, 235, 312, 313
Москва 37, 107, 237, 239
Мудан (селение) 249
Муминабад 162
Мургаб 23, 201, 208, 271, 285, 299
Наккашан (селение) 212
Наманганский округ 246
Наср-абад 268
Нахр-и рабат-и Ходжа 204
Несеф (Карши) 21, 142, 143, 147, 148, 161, 174, 184, 198
Нимсугуд 29, 200, 267
Ниса 60, 96
Нишапур 111, 180
Нурата 182, 209, 285, 301, 306
Нуратинская плотина 264
Нуратинские горы 283, 306
Нуратинский сай 284
Нуратинский хребет 263, 264, 271
Об-и махшат 204
Оби-рахмат 290
Оренбург 15, 238
Пай-Минар 254
Париж 24
Пейкенд 273, 286, 287, 291
Пейшембенское бекство 293
Пенджшешбе 72
Персия 237, 238, 260
Петербург 18, 39, 238
Пешку 207
Пирмас 207, 274
Поволжье 235
Приаралье 38
Пул-и Джандар 280
Пул-и Михтер Касим 280
Пули-Саляр 62, 63
Пул-и Чахар-Минар 280
Пяндж 186, 200
Пянджикент 246, 284, 289, 290, 299
Ромитан 207, 220, 260, 265, 287, 314, 315
Россия 24, 37, 75, 183, 185, 201, 223, 232, 235, 236, 238—240, 246
Руд-и Шахр-и Бухара 215, 265
Русь 60
Сабанджук 265
Сабран 267, 281
Сагарджский туман 201, 203—206
Саджен 207
Сайат 273, 314
Сайрам 106, 139, 155
Самара 240
Самарканд 11, 16, 20, 21, 28—31, 36, 37, 39, 42, 48, 55, 64, 65, 67, 70, 72, 80, 102, 112, 126, 127, 129, 138, 140, 142, 144—146, 148, 149, 151, 155—160, 169, 170—175, 180—182, 186, 193, 197—201, 204, 208, 212, 213, 218, 209—211, 220, 221, 226, 227, 230, 234, 235, 242, 245, 246, 249, 262, 264, 268, 269, 273, 278, 286, 290, 291, 300, 301, 306, 312
Самаркандский оазис 201, 203, 270, 294, 311
Самаркандское ханство 169
Самиджен 84, 274, 280, 286
Санзар 263
Сари-Куль 107, 119, 151
Саррафан (сел.) 254
Сарыкамыш (оз.) 271
«Свинцовый проток» 262
Север 209, 210, 212, 213, 235, 237, 246, 256
Северная Индия 263
Северный Афганистан 56, 128
Семиреченская область 310
«Сердце Согда» 262

Сибирь 235
Сиоб 204, 269
Сиях 269
Советский Союз 5
Согд 262
Среднеазиатские ханства 19
Средневековый Восток 9
Средний Восток 50
Средняя Азия 5, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 23, 25—28, 29, 32—34, 36—38, 41, 44—53, 73, 75, 85, 89, 92—94, 98, 191—194, 198, 199, 201, 211, 214, 220—222, 226—229, 231, 233—235, 237—240, 257—261, 263, 269, 271, 275, 281, 285, 287, 298, 300, 305—308, 311, 312, 317—319
Сугуд 196, 199
Сугуд-и-калян 29, 201, 205, 208, 210
Суджин 289
Султанабад 23, 207, 274, 303
Сумитан 85, 254
Сундж 265
Сурхандарьинская область 301
Сурхандарья 28, 201, 202, 241, 260, 263, 269
Сырдарьинская область 310
Сырдарья 38, 191, 246, 261, 271
Таджикистан 28
ТаджССР 6
Талас 106, 112
Тали-Барзу 262
Талипач 216
Тараб 280, 296
Ташкент 6, 8, 12, 16, 36—38, 40, 49, 51, 55, 61, 64, 80, 93, 111—116, 120, 128, 139, 155, 156, 184, 210, 212, 214, 221, 233, 238, 246, 251, 256, 258, 261, 266, 278, 281, 301, 307, 314
Ташкентская земля 107
Ташкентская обл. 282
Ташкентский оазис 199, 201, 112, 114, 199, 201, 234, 311
Ташрабат 279
Тегеран 33
Тежен 271
Тенг-джерим 149
Термез 68, 80, 90, 106, 125, 127, 145—149, 153, 162, 169, 241, 263
Терс-акар 273
Тешик-кала 234
Тур 96
Туран 173
Туркестан 12, 46, 55, 56, 106, 111, 115, 120, 127, 139, 155, 178, 181, 234, 237, 249, 267, 270, 277, 290, 314
Туркестанская земля 107
Туркестанский оазис 114
Туркмения 132, 251
ТуркмССР 6
Турфам 96
Турция 24
Туя-тартар 205, 268
Тянь-Шань 214, 270, 282
Узбекистан 28, 48, 49, 51, 231, 233, 235, 263, 270, 307
Узбой 271
Узген 106
Узлушкент 279
УзССР 6
Узулушкент 170
Узун-сакал 62, 63
Узун-шах 152
Уйбадам 290
Улугтаг 139
Улфатбеги 303
Уратепа 182, 189, 246
Ургенч 193, 275
Ургут 139, 140, 204, 213
Урта (кишлак) 212, 289
Уткан 144
Фальгар 289
Фарахши 287
Фархадская ГЭС 246
Файзабад 106, 267
Феравиз 280, 296
Фергана 9, 28, 40, 43, 49, 51, 61, 93, 106, 199, 214, 221, 233, 234, 261, 272, 281, 301
Ферганская долина 244, 261, 272, 278
Хабушан 179
Хазарасп 223, 243
Хайрабад 280, 296
Халадж 189
Ханабад 164, 215, 230, 274
Хан-банди 283
Ханка 243
Харакан (Харканд, Харканруд) 86 274, 296
Харамкам 273, 286, 287
Хархур (см. Хитфар)
Хасанабад 274, 295
Хатырчи 72, 225
Хератский район 308
Хива 18, 22, 24, 37, 52, 193, 236, 238, 273, 294
Хивинское ханство 86, 121, 123, 126, 189, 223
Хиндуван (селение) 212
Хиндукуш 107

Хисар 13, 67, 80, 106, 128, 143, 144, 145, 148, 189, 213, 224, 246, 266
Хитфар 207, 275, 296
Хиябан 154
Ходжа (рабат) 201
Ходжа Гулямте (кишлак) 302
Ходжент 117, 118, 128, 139, 140, 182, 224, 246
Хорасан 12, 18, 32, 35, 36, 50, 51, 54, 56, 58—61, 63, 64, 106, 111, 131, 132, 225, 237, 267, 308
Хорезм 12, 18, 28, 39, 49, 96, 115, 130, 131, 175, 193, 233, 234, 238, 243, 251, 260, 261, 271, 272, 275—277, 181, 294
Хорезмский оазис 49
Хотан 96, 246
Хузар 127, 151, 181, 196
Хумсан 256, 282, 283
Хутталяы 200
Чаганийман 13
Чакар 156
Чангибасу 273
Чарджов (Чарджуй) 42, 107, 172, 176, 177, 181, 246, 256, 265
Чимкурган 289
Чирагчи 143, 225, 241
Чичекту 151
Чопан-Ата 269, 290, 293
Чубин (медресе) 290
Чуманай 273
Чуст (р-н) 234
Шавдар 29, 200, 201, 203, 212
Шавдарские горы 213
Шам 197
Шамархан (Самарканд) 114
Шапуркам 32, 206, 207, 236, 260, 279, 302, 303, 305
Шарг (Джарг, Чарг) (селение) 236, 286
Шахабад 193
Шахрисабз 9, 56, 128, 144, 148—151, 154, 161, 169, 170, 181—183, 189, 197, 198, 202, 208, 225, 241, 246, 312, 313
Шахруд 86, 273, 279, 280
Шаш 288, 307
Шершер (квартал) 162
Шинган 290
Шибирган 56, 106, 107, 125, 151
Ширабад 146, 149
Шираз 29, 201, 204
Шурнов 289
Юг 210—212, 245, 246
Ягнобские горы 270
Яккабаг 241
Янги-Арык 193, 293
Яркенд 96
Яр-Яйлак 29, 196, 201
Ярмиш 193
Яссы-Тепа 204

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Адак 189
Аджи 189
Аймак 63
Алчин 125, 161
Англичанин 258
Араб 74, 82, 101, 123, 124, 156, 206, 259, 293
Аштарханидское (Астраханское) царство 60
Барлас 289
Баят 111
Венгер 52
Гунаш 189
Дурмен 85, 128, 142
Етти-уруг 175
Инди 116
Индус 154
Казах 12, 54, 55 61—64, 108, 111—115, 117, 122, 128, 135, 139, 155, 156, 174, 191
Калмык 61, 77, 78, 108, 111, 112, 152, 155, 156, 158, 163—165
Карайи 63
Каракалпак 108, 112, 128, 135, 139
Карлук 153
Катаган 125, 126, 128, 131, 148, 151—153
Кенегес 56, 153, 160, 169, 170, 173, 183, 189
Кзыл-оёк 189
Кипчак 174
Киргиз 48, 107, 128, 155
Китай-кипчак 24, 127, 149, 150
Кочевые узбеки 13
Кунграт 145—148, 156, 161, 162
Курама 151
Кызылбаши 111, 131, 132, 175, 176, 179, 180
Кырк 161
Мангыт 70, 79, 80, 96, 102, 166, 174—176, 181, 188, 193, 291, 295, 319
Минг 138, 151, 153
Моголы 119, 120
Монголь 61, 195, 237, 260
Найман 85, 146, 156, 159, 161, 162
Русский 52, 69, 73, 75, 78, 107, 164, 193, 201, 212, 221, 222, 227, 232, 235, 239, 240, 243, 245, 249
Сарай 142, 146, 156, 216, 217
Таджик 43, 48, 161, 193, 210, 269
Туркмен 48, 124, 155, 189, 267
Туяклы 289
Тюрко-монголы 36, 192, 194
Узбек 10—13, 21, 39, 43, 46, 47, 54, 56, 57, 59, 71, 73, 76, 85, 93, 104—106, 108, 109, 111, 113, 117, 124, 125, 129, 137, 140—142, 148, 149, 151, 153, 156, 159—161, 166—168, 171, 172, 174, 175, 180, 188, 191—194, 202, 205, 210, 213, 219, 239, 269, 288, 289, 300, 319
Узбекские кочевые племена 142, 148, 151, 154, 157
Фуладчи (пуладчи) (племя) 109
Чагатай 192, 194
Чингизид 62
Юз 128, 129, 139, 140, 142, 144, 145, 182
Ябу (племя) 128, 146

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абе-сухте 268
Агдарма мала 314
Адак 315
Адрас 245
Аксакал 103, 207, 295, 297—299
А'лам 88, 89, 92, 97, 98
Алафа 257
Алуфэ 39
Аляф-и гав 313
Амалдар 97
Амбар 253, 254
Амиль 103
Амилан-и хараджи 252
Амин 103, 207, 295, 297, 298
Амин и аби 296
Амляк 45, 190, 248
Амлякдар 72, 103, 295
Арафа 164
Арбаб 100, 296
Арбаб-и даруни-шахр 100
Арвах 307
Аркан и даулет 136
Арк 80, 81, 96, 156, 157, 184, 189, 246, 264
Арык 29, 35, 38, 153, 295, 297, 299
Асад-на расад 313
Асбаб 248
Асп 316
Аталык 29, 31, 70—73, 77—79, 107, 142, 144, 146, 148, 154, 161, 162, 165, 166, 170, 173—179, 182, 212, 213, 257, 266—268
Аубош 136
Аул 156
Ахли ахкам 308
Ахли калам 98
Аштарханиды 8, 10, 16, 18—20, 24—26, 28, 38, 40, 47, 55, 59, 62—71, 73, 74, 76, 77, 81—83, 86, 90, 92, 93, 95, 101—103, 105—108, 113, 119, 121, 123, 124, 130, 132, 134—136, 139, 163, 165, 166, 169, 174, 181, 183, 184, 190, 197, 199, 100, 202, 203, 213, 240, 245, 260, 267, 268, 281, 191, 295, 306, 318
Баг 214
Базар 67, 91
Бакаул-калан 84
Баки пули 297
Бахши 84
Бачки 313
Бегар 290—292, 295, 298
Бегар-и калса 291
Бек 167, 282, 298, 297
Беха ад-дин Накшбенди 97
Бий 12, 177—179, 267, 268
Бобо 100
Бўз 278
Бурдаки 318
Вазорат-панох 70, 81
Ваки'а 35
Вакф 24, 29, 42, 43, 88, 90, 212, 284
Везир 70, 81
Вилайет 13, 27—30, 35, 40, 43, 58, 80, 89, 103, 104, 106, 113, 142, 150, 160, 196, 198—202, 219, 235, 249, 254, 301
Губсар 151
(Гузар) 96
Гулва 301
Гульдаста 276
Гусфанд 216
Дадха 74, 85, 86, 138, 140, 142, 154, 156, 160—162
Дакика 302, 303

Дамба 274
Дан 220
Данг 219
Дарбаст 9, 11, 35, 43, 95, 319
Даргат 300
Даргах 74
Дастан 25
Даха 302, 303, 304
Дахана 300
Дахбаши 100, 101, 182
Дафтар 72
Даш 74
Дервиш 33, 57, 58, 93, 94, 96, 98, 110, 158, 159, 160, 180, 185, 211, 212
Дехкан 285, 312
Джайнамаз 242
Джариб 100
Джарги 177
Джауз 317
Джуй 263
Джу'л 101
Джуфт-и гав 255, 267
Диван 13, 71—75, 203
Диванбеги 71—73, 88, 142, 154
Диванбеги-баши 111
Диванбеги-йи-канон 72
Диван и арабхана 101
Диван мухтасиб 311
Дивани саркар 83
Диван-мустафий саркар 83
Есаул 85, 142
Ергучак 229
Закат 81, 82, 304
Захкаш 100
Загара 229
Иджма 92
Ижара-йи асиёги 257
Ийд 164
Икта' 151
Инак 43, 76, 77, 81, 82, 138, 143, 165
Иноятнаме 42, 99, 106
Иршад 96, 230
Ишан 33, 58, 91—96, 110, 188, 203, 266, 267
Йабисат 36, 267
Йокча 302
Ка'алка 97
Кабуд бари 233, 234, 257
Кабутар 316
Кавс 318
Казаим 284
Кази 80, 89, 90, 93, 197, 208
Кази-йи ал куззат 113
Кази-ий аскер 88, 97, 98
Каклама 314
Кал'а 292
Каландар 180
Кара-буйрак 272
Караул 84, 88
Караулбеги 103
Кокандское государство 244
Кол 278
Кора-экимлар 233
«Кош» (куш) 75, 294
Кошбеги 42, 43, 71, 75—82, 93, 162, 163, 165, 166, 181
Кошбеги-йи калон 75
Кошбеги-йи-кулл-и 76, 143
«Кошбеги-ий нойон» 80
Кошчи 250, 253
Кулл-и амлякдар 103
Кулл-и кошбеги 76, 80, 82, 295
Кутвал 84, 119, 216
Кувур 301
Куза су 301
Кузги 312, 314
Куй 315
Кукель 74
Кукельдаш 74, 75
Кунда 300
«Кура» 283
Курбан 143
Курбанд 274
Курчи 85
Курук 283
Курултай 143, 250
Куруныш 73
Кяриз 208, 284, 265
Лавваф 243
Ляльми 285
Маваджиб 89
Маджхул ал-мульк 200
Мазар 27, 43, 63, 144
Максура 183
Ман 203, 254, 274
Марди вилайет (Марди вило) 292
Мардикар 266, 292, 293, 302
Ма'сум 186, 187
Махсуль 309
Махрам 67
Медреса 88, 92, 110
Мемлеке 32
Мехтер 72, 82, 83, 163
Миёне 290
Минха 35
Мираб 97, 103, 167, 273, 295, 297—299, 301, 306
Мираб-и руд 295
Мирза 96
Мирахур 86, 161
Мир-и асади 90
Мир-хазари 74

Миршаб 100, 101
Миршикар 75
Мискаль 249, 298, 303
Мошкавок 229
Мубарак наме 42
Мудан 249
Мулла 93, 71, 198
Мульк 13, 29, 45, 182
Мульк-и падишахи 45
Мульк-и султани 45
Мульк-и харадж и 32
Мульк-и хурр-и халис 32
Мульк-и ушри 32
Мульковая земля 13
Муншн 49, 99, 100
Муршид 95
Муршид-и падишах 158
Мусульманин 13, 67, 71, 74, 82, 86, 89, 92, 93, 202
Мустафий 83
Муфтий 20, 89, 90, 93, 102
Мухаррам 231
Мухаррир 101, 102
Мухисабат 90
Мухрдар 138
Мухтасиб 75, 91, 92, 93, 97
Мушриф 98
Мюриды 68, 94, 96, 159
Накиб 97, 156, 188
Наиввои-хане 257
Нарзоб 307
Нахр 263
Нау 285
Ним йокча 302
Ним сув 302
Ним чакса 302
Новбур 307
Нукер 257
Нушбанд 305
Об-джуваз 257
Оби-хаййати тугай 311
Омач 248—250
Опартау 286
Пайгир 103
Пайкал 303—305
Пайхан 103, 295
Пайнаб 305
Панж-шаха 307
Пансад-баши 182
Парваначи 74, 140, 142, 161
Парваначи-утарчи 161, 168
Пахал 294
Пир 156, 158
Райият 31, 177
Раис 21, 88, 90—93, 98
Рангризи 243
Ривоят 89
Ригбум 309
Рудхана 261
Рук'а 35
Рундук 73
Рустак 201
Руян 250
Сабан 248
Сабан-туй 248
Сабзе-бари 233
Савур 317
Садр 42, 90
Сай 261
Сакия 281
Салу Чехарек 118
Сан курсатиш 297
Саратан 318
Саркар 83
Сарпарда 178
Сарупа 307
Сарык-тупрак 311
Сафар 148
Сафид-бари 234
Сахиб-и шурте 900
Сахифе 35
Сахра 315
Сейид 77, 90, 91, 96, 97, 156, 159
Сипаи 97
Сойюргал 8, 9, 11, 12, 14, 32, 43, 51, 319
Су 302, 304
Судур 90
Сумалак 307
Сумбула 314
Суннит 12, 13, 36, 86, 120
Сурх хак 309
Суфий 33, 76, 159, 185
Суфийский 93
Су хотин 307
Танаб 72, 208, 215, 219, 220, 241, 242, 248, 259, 267, 268, 278, 289, 294, 317
Танабане 257
Танха 8, 32, 89, 257, 319
Тарнау 285
Тархан 11
Тиркиш (петля) 250
Токсаба 74, 85, 86, 170
Тончи баши 84
Топчи-баши-йи калон 83
Трама-йи 312, 314
Туг 86
Туман 29—32, 70, 71, 84—86, 103, 196, 200, 201, 203—208, 212, 267, 279, 280, 293, 303, 306
Угур 257

Удайчи 85
Удел 14
Ук 257
Улус 8, 12, 85, 105, 118, 126, 141, 149, 151
Уляма 92, 93
Умара 158
Урак-и калон 97
Уста 258
'Ушр 83, 203, 220
Фавак 226
Файзи 42, 90, 91
Факих 44
Фарсанг (фарсах) 72, 90, 203—205, 287
Фасл 35
Фетва 44, 89
Фикхи 71
Хада 298
Хазар 71, 278, 280
Хаким 102, 104, 182, 184, 197
Халат 76
Халим 268, 315
Халта 273
Хаммал 185
Харбийан 83
Харадж 13, 72, 98, 320
Хан-банди 264
Хани 56
Хасса 73
Хатиме 16, 21
Хауз 264, 272
Хахиш-наме 99
Хашар 266, 290—295, 298, 302, 306
Хирман-курак 307
Чавак 274
Чайрак (Чарьяк) 298, 302
Чакса 302
Чарх 281
Чарсу 142
Чаш галвир 252
Чикир 281
Ша'бан 56
Шагирд-нише 82, 147
Шатир-пари 102
Шейх 33—36, 41—43, 57, 58, 64, 67, 68, 75, 87, 90, 94—96, 104, 110, 111, 159, 160, 193, 208, 219, 263, 265—267, 285, 295
Шейх-ал-ислам 61, 87, 93, 97, 98, 160
Шигаул 85
Шиизм 66, 92
Шиит 12, 36
Шудгар (Шудияр) 311, 312
Эллик-баши 104
Эшик акасы 85
Эшик-ака-баши 84, 85
Юзбаши 182
Юрта 8, 105, 145, 151
Ярлык 74, 76, 80, 99, 106, 107

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5
Введение 7
Нарративные исторические сочинения, географические труды и трактаты 10
Агиографические и биографические сочинения . . 33
Документальные источники 40
Пособия 52
Глава I. Образование государства Аштарханидов и некоторые специфические особенности этого феодального государства . . 54
Кочевая знать как ведущая группа класса феодалов . —
Удельная система и ее последствия 104
Усиление феодальных междоусобиц 136
Падение государства Аштарханидов. Воцарение Мангытов 166
Глава II. Состояние сельского хозяйства и сельскохозяйственной техники 191
Сельскохозяйственные культуры и их размещение . . —
Садоводство. Бахчеводство. Овощеводство . . . 211
Цветы и ароматические растения. Лекарственные растения. 229
Посевы ак и кок 231
Хлопководство 234
Шелководство 242
Орудия сельскохозяйственного труда, ирригация и агротехника 247
Орошение 259
Агротехника 308
Библиография 321
Список сокращений 350

Отв. ред. — канд. ист. наук А. Х. Хамраев . . .

М. А. Абдураимов

ОЧЕРКИ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ В XVI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Редакторы *З. А. Мильман, И. Шапиро*
Художник *П. Н. Хапилин*
Технический редактор *В. Бубнова*
Корректор *А. Д. Рапопорт*

Р01260. Сдано в набор 12/V-66 г. Подписано к печати 22/VII-66 г. Формат 60×90$^{1}/_{16}$ 11,63. бум. л.— 23,25. печ. л. Уч.-изд. л. 24,5. Изд. № 1810. Тираж 650. Цена 2 р. 6 к.

Типография Издательства „Фан" УзССР. г. Ташкент, ул. Л. Б. Шастри, 21. Заказ 184.
Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН"
УЗБЕКСКОЙ ССР**

В 1966 ГОДУ ВЫХОДЯТ В СВЕТ:

Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А. **Первобытная культура низовьев Зарафшана.** (Труды Махандарьинского отряда Узбекистанской археологической экспедиции Академии наук Узбекской ССР). Кн. 1. На русском языке. 25 изд. л. 1000 экз.

В работе на основе большого фактического материала подробно освещаются результаты исследования древней гидрологии, развития первобытной культуры, возникновения орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов исторических факультетов вузов и широкий круг читателей, интересующихся историей Узбекистана.

Азимджанова С. А. **Индийский диван Бабура.** На русском языке. 5 изд. л. 1000 экз.

Единственный список Индийского дивана Бабура хранится в библиотеке Рампурского навваба в Индии. Список XVI в. Диван миниатюрного объема, роскошно оформлен, с золотыми унванами. Индийский диван Бабура недостаточно изучен; издание его фотофаксимиле в 1910 г. английским ученым Д. Россом является в настоящее время библиографической редкостью. Исследование Индийского дивана поможет всестороннему изучению биографии Бабура, особенно в последние годы жизни его в Индии.

Юлдашев М. Ю. **К истории крестьян Хивы XIX в.** На русском языке. 12 изд. л. 1000 экз.

В работе раскрывается картина классовой дифференциации крестьянства в Хивинском ханстве, впервые точно устанавливаются размеры землепользования каждой социальной прослойки, показывается положение издольщиков. Книга написана на основе подлинных документальных